

Редакционная коллегия

Агапов В.С. – д-р психол. наук, проф.
Азоев Г.Л. – д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. – д-р психол. наук, проф.
Базылевич Т.Ф. – д-р психол. наук, проф.
Баишмаков В.И. – д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Галазова С.С. – д-р экон. наук, проф.
Грошев И.В. – д-р экон. наук,
д-р психол. наук, проф.
Ефимова М.Р. – д-р экон. наук, проф.
Ионцева М.В. – д-р психол. наук, проф.
Кибакин М.В. – д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. – д-р экон. наук, проф.,
чл.-корр. РАН
Князев В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Красовский Ю.Д. – д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. – д-р психол. наук, проф.
Крыштановская О.В. – д-р социол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. – д-р экон. наук, проф.
Лаптев Л.Г. – д-р психол. наук, проф.
Милёхин А.В. – д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. – д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. – д-р социол. наук, проф.
Пацула А.В. – д-р социол. наук, проф.
Разов П.В. – д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. – д-р экон. наук, проф.
Смирнова Т.В. – д-р социол. наук, проф.
Соболевская О.В. – д-р мед. наук, проф.
Тихонова Е.В. – д-р социол. наук, проф.
Филиппов А.В. – д-р психол. наук, проф.
Фомин П.А. – д-р экон. наук, проф.
Черепов В.М. – д-р мед. наук, проф.
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. – д-р экон. наук, канд. юр. наук,
канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки), 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки), 08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика (экономические науки), 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики (экономические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки), 22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки), 22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки), 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 22.00.05 – Политическая социология (социологические науки), 22.00.06 – Социология культуры (социологические науки), 22.00.08 – Социология управления (социологические науки).

Editorial board

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Azoev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Bazylevich T.F. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Bashmakov V.I. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Galazova S.S. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.),
Dr. Sci. (Psy.), prof.
Efimova M.R. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Kibakin M.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Kleiner G.B. – Dr. Sci. (Econ.), prof.,
corresponding member of RAS
Knyazev V.N. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Krasovskii Yu.D. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Kryshstanovskaya O.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Laptev L.G. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Milyohin A.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Patsula A.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Razov P.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Raichenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Smirnova T.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Sobolevskaya O.V. – Doctor Sci. (Med.), prof.
Tikhonova E.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Filippov A.V. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Fomin P.A. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Cherepov V.M. – Doctor Sci. (Med.), prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.),
Cand. Sci. (Hist.), prof.

The journal is included in the list of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications, in which should be published basic scientific results of dissertations on competition of a scientific degree of candidate of sciences and on competition of a scientific degree of doctor of sciences in the field: 08.00.01 – Economic theory (economic sciences), 08.00.05 – Economics and management of the national economy (by branches and fields of activity) (economic sciences), 08.00.10 – Finance, money circulation and credit (economic sciences), 08.00.12 – Accounting, statistics (economic sciences), 08.00.13 – Mathematical and instrumental methods of economics (economic sciences), 08.00.14 – World Economy (Economics), 19.00.01 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 19.00.05 – Social psychology (psychological sciences), 22.00.01 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 22.00.03 – Economic sociology and demography (sociological sciences), 22.00.04 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 22.00.05 – Political sociology (sociological sciences), 22.00.06 – Sociology of culture (sociological sciences), 22.00.08 – Sociology of management (sociological sciences).

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования

Главный редактор

И.В. Грошев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редакторы

Е.В. Таланцева

Ю.С. Никитина

Редактор перевода

А.В. Меньшиков

**Выпускающий редактор
и компьютерная верстка**

Е.А. Гусева

Технический редактор

Д.С. Тарасова

Дизайн обложки

Л.Н. Алексеева

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

Подписной индекс 42517 в интернет-версии
«Объединенного каталога «Пресса России»
на сайтах www.pressa-rf.ru и www.akc.ru.

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.
Подп. в печ. 12.11.2021 г.
Формат 60×90/8
Объем 24,25 печ. л.
Бумага офисная
Печать цифровая
Тираж 1000 экз.
(первый завод 100 экз.)
Заказ № 1014

Издательство: Издательский дом ГУУ
(Государственный университет управления)

Издается в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли
обязательную процедуру рецензирования

Адрес редакции:
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99,
главный учебный корпус, кабинеты 346 и 345А.
Тел.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
Сайт: <http://www.vestnik.guu.ru>

Articles are available under a Creative Commons «Attribution» International 4.0 public license, according to which, unlimited distribution and reproduction of these articles is possible in any medium, specified the author's name and references to the original article publication in this journal in accordance with the rules of scientific citation

Editor-in-Chief

I.V. Groshev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editors

E.V. Talantseva

Yu.S. Nikitina

Translation editor

A.V. Menshikov

**Executive editor
and desktop publishing**

E.A. Guseva

Technical editor

D.S. Tarasova

Cover design

L.N. Alekseeva

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI № FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI № FS 77-76215 from 12.07.2019

Subscription index 42517 in the online version
"Of the United catalog" Press of Russia "
on the websites www.pressa-rf.ru and www.akc.ru.

LR № 020715 from 02.02.1998
Signed to print 12.11.2021
Format 60×90/8
Size 24,25 printed sheets
Offset paper
Digital printing
Circulation 1000 copies
(the first factory 100 copies)
Print order № 1014

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a mandatory review procedure

Editor's office:
109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99, State University
of Management, the main academic building, office 346 and 345A.
Tel.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
<http://www.vestnik.guu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

Азарова А.О., Буйлова М.К. Совершенствование подходов к развитию системы управления персоналом в России на основе международного опыта	5
Косинова М.И., Гасилина А.А. Организационно-экономические аспекты цифровизации архивов Госфильмофонда Российской Федерации	16
Титова Н.В., Титов С.А. Исследование современных представлений о предпринимательском проекте	23
Филимонов Д.А. Модернизация политической элиты российского государства в контексте петровских преобразований	32
Яхшиян О.Ю. Петр Великий и «модернизация» крепостничества в России	39

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

Беликова С.С., Беликов А.В. Цифровизация государственных и муниципальных услуг на примере реализации проекта федеральной государственной информационной системы «Единый регистр населения»	46
Воронцова Ю.В. Транскультурная трансформация в кинематографе	55
Спицын В.В., Спицына Л.Ю., Грибанова Е.Б. Моделирование влияния возраста на техническую эффективность в разрезе отраслей и временных периодов	59

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Кабанов С.С. Проблема выбора приоритетных направлений цифрового развития региона и пути ее решения	69
Коплик Д.В. Совершенствование коммерческой работы компании (на примере транспортной компании Logfort)	78
Рыжкова М.В., Спицын В.В., Скрыльникова Н.А. Развитие сектора ИТ в России: драйверы и методы стимулирования	83
Симагутина М.С. Современное состояние и перспективы развития БАМа	94
Фролова Е.А. Формирование конкурентных преимуществ туристических агентств перед онлайн-сервисами в современных условиях	99
Шарипов Ф.Ф. Современное состояние и перспективы атомной энергетики КНР	104

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Астафьева О.Е. Устойчивое развитие промышленных предприятий на основе новой формы организации экономической деятельности	109
Ахмед К.С.А., Мусаелян А.К., Краснолахтич М.В. Современные детерминанты трансформации национальной системы бухгалтерского учета в Ираке	114
Вертакова Ю.В., Лю Яи Стратегический подход к снижению межрегиональной экономической дифференциации: опыт Китая	122
Махалина О.М., Махалин В.Н. Вызовы и риски в процессе восстановления экономики России после пандемии	133

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Глухов К.В., Шипилова М.В. Использование инструментов фондового рынка как способ поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в период экономических кризисов	139
Степанова М.Н. Место и роль страхования в формировании «зеленой» экономики	147
Эскиев М.А. Финтех и краудфандинг как инструменты финансирования воспроизводственного процесса в сельскохозяйственной деятельности	155

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

A. O. Azarova, M.K. Buylova Improving approaches to the development of personnel management in Russia based on international experience	5
M.I. Kosinova, A.A. Gasilina Organisational and economic aspects of the archives digitalisation of the State Film Fund of the Russian Federation	16
N.V. Titova, S.A. Titov An exploration of current concepts and meanings of the entrepreneurial project	23
D.A. Filimonov Modernisation of the Russian state's political elite in the context of Peter the Great's transformations	32
O.Yu. Yakhshiyev Peter the Great and the "modernisation" of serfdom in Russia	39

STRATEGIES AND INNOVATIONS

S.S. Belikova, A.V. Belikov Digitalisation of state and municipal services, using the federal state information system "Unified Population Register" as an example	46
Yu.V. Vorontsova Transcultural transformation in cinema	55
V.V. Spitsin, L.Yu. Spitsina, E.B. Gribanova Modeling the influence of age on the technical efficiency by sector and time periods	59

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

S.S. Kabanov The problem of selecting digital development priorities for the region and ways of its solution	69
D.V. Koplik Improving a company's commercial operations (on the example of the Logfort transport company)	78
M.V. Ryzhkova, V.V. Spitsin, N.A. Skrylnikova Development of the IT sector in Russia: drivers and stimulation methods	83
M.S. Simagutina Current status and BAM's development prospects	94
E.A. Frolova Shaping the competitive advantages of travel agencies over online services in today's environment	99
F.F. Sharipov The current state and prospects of the nuclear power industry of China	104

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

Astafyeva O.E. Sustainable development of industrial enterprises in the basis of a new form of economic activity organisation	109
A.K.S.Ahmed, A.K. Musaelyan, M.V. Krasnoplakhtich Current determinants of the national accounting system transformation in Iraq	114
Yu.V. Vertakova, Yai Liu A strategic approach to reducing inter-regional economic differentiation: China's experience	122
O.M. Makhalina, V.N. Makhalin Challenges and risks in the process of Russia's post-pandemic economic recovery	133

FINANCES AND BANKING

K.V. Gluhov, M.V. Shipilova Use of stock market instruments as a way to support small and medium-sized businesses during economic crises	139
M.N. Stepanova The place and role of insurance in shaping a "green" economy	147
Eskiev M.A. Fintech and crowdfunding as tools for financing the reproduction process in agricultural activities	155

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

Дементьева И.Н.

Общественные настроения населения в условиях новой
социальной реальности: муниципальный срез.....161

Юрасов И.А., Танина М.А., Юдина В.А.

Особенности исторической памяти студентов российских
мегаполисов.....170

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

Курачинская В.П., Куликова О.А.

Виктимблейминг среди студенческой молодежи.....178

Шутова Е.П., Великанова А.С.

Теория профессионального самоопределения старшеклассников
в отечественной психологии.....187

CONTENTS

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

I.N. Dementieva

Public sentiment of the population in the new social reality:
a municipal cross-section161

I.A. Yurasov, M.A. Tanina, V.A. Yudina

Features of the historical memory of students of Russian megacities170

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

V.P. Kurachinskaya, O.A. Kulikova

Victim blaming among young students.....178

E.P. Shutova, A.S. Velikanova

Professional self-determination theory of senior pupils
in Russian psychology187

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 331 JEL J01

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-5-15

Азарова Алёна Олеговна
магистр, ФГОБУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве
Российской Федерации»
(Финуниверситет), г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-4453-1877
e-mail: azarovaao@yandex.ru

Буйлова Мария Кирилловна
магистр, ФГОБУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве
Российской Федерации» (Финунивер-
ситет), г. Москва, Российская
Федерация
ORCID: 0000-0001-8498-5465
e-mail: mariatet@me.com

Alena O. Azarova
Master of Degree, Financial University,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4453-1877
e-mail: azarovaao@yandex.ru

Maria K. Buylova
Master of Degree, Financial University,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8498-5465
e-mail: mariatet@me.com

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОДХОДОВ К РАЗВИТИЮ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В РОССИИ НА ОСНОВЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции в сфере управления персоналом, которые успешно внедряются в зарубежных странах и России в последние несколько лет. Изучены подходы к управлению персоналом в период пандемии коронавируса 2020–2021 гг. На основании анализа статистических данных было выделено и подробно рассмотрено девять наиболее успешных трендов в сфере HR-управления, описаны их ключевые факторы, выполнено сравнение их применения в России и во всем мире, отмечены препятствия для массового внедрения.

Ключевые слова: управление персоналом, современные тенденции, внедрение, международный опыт, Россия, тенденции в управлении персоналом, социально ответственный бизнес, сопричастность, компенсационные стратегии, управление знаниями, планирование персонала, развитие сотрудников

Для цитирования: Азарова А.О., Буйлова М.К. Совершенствование подходов к развитию системы управления персоналом в России на основе международного опыта // Вестник университета. № 10. С. 5–15.

IMPROVING APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF PERSONNEL MANAGEMENT IN RUSSIA BASED ON INTERNATIONAL EXPERIENCE

Abstract. The article examines HR trends that have been successfully implemented in foreign countries and Russia in the last few years. Approaches to HR management during the pandemic coronavirus 2020–2021 have been reviewed. Based on an analysis of statistical data, nine most successful trends in HR management have been identified and examined in detail, their key factors were described, a comparison of their application in Russia and worldwide was made, and barriers to mass implementation have been noted.

Keywords: HR management, modern trends, adoption, international experience, Russia, HR trends, socially responsible business, ownership, compensation strategies, knowledge management, staff planning, employee development

For citation: Azarova A.O., Buylova M.K. (2021) Improving approaches to the development of personnel management in Russia based on international experience. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 5–10. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-5-15

Введение

С каждым годом роль HR-службы претерпевает изменения. Это происходит из-за смены приоритетов бизнеса, введения новых технологий и направлений исследования. Каждой компании важно идти в одном темпе с изменениями рынка, чтобы оставаться на высоких позициях. Западные организации являются своего рода наставниками для остальных и с каждым десятилетием наращивают потенциал в области управления персоналом, модернизируют то, что уже есть и создают новые направления. Следовательно, стоит рассмотреть, как западные компании развиваются в HR-сфере, и как российские организации адаптируют или меняют тренды своего развития.

© Азарова А.О., Буйлова М.К., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Azarova A.O., Buylova M.K., 2021.

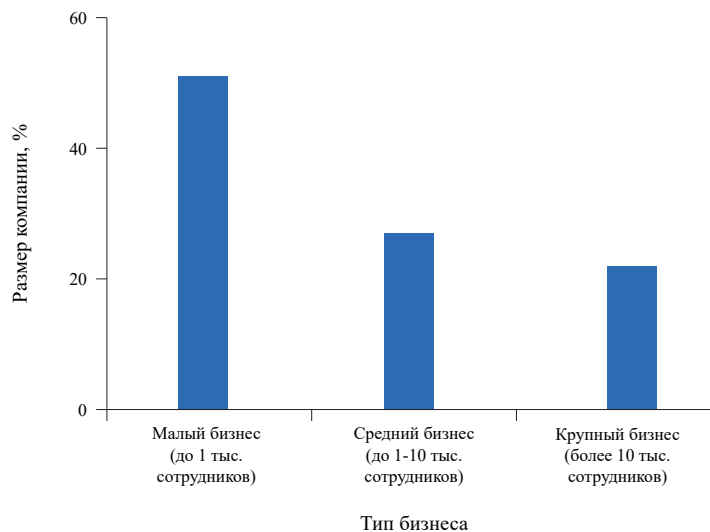
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

В статье выполнен обзор основных тенденций в сфере управления персоналом на основе литературных источников и анализа статистических данных.

Результаты исследования

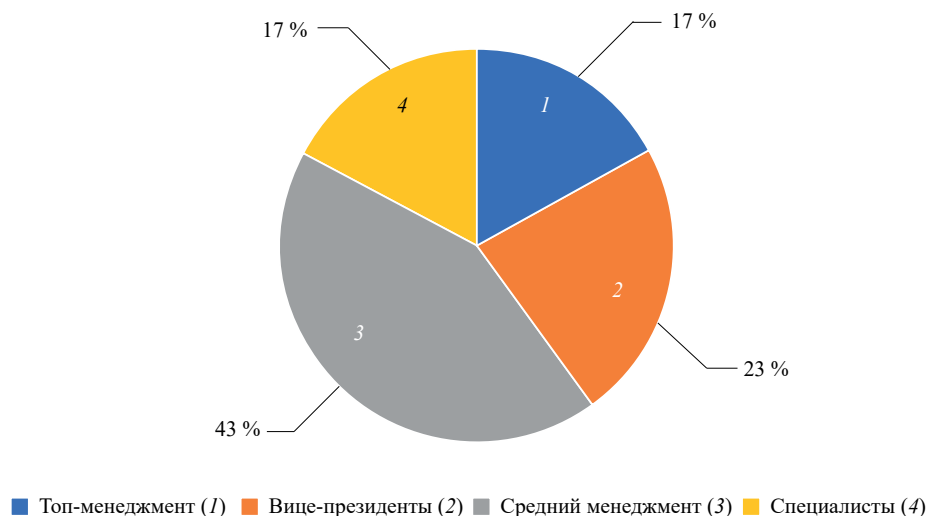
В 2020 г. «Делойт» (Deloitte) провела исследование тенденций в сфере управления персоналом. Для анализа были задействованы более 9 тыс. наиболее успешных сотрудников из этой области; 119 стран всего мира участвовали в исследовании, из России в опросе приняли участие более 90 компаний, преимущественно принадлежащие к поколению миллениалов [5]. Размеры компаний, принимавших в исследовании, представлены на рисунке 1.

Источник: [5]

Рис. 1. Размеры организаций, участвовавших в опросах

Процентное содержание респондентов – сотрудников из HR-служб значительно уменьшилось, по сравнению с 2019 г., их заменили другие подразделения и специалисты по информационным технологиям, что подтверждает новое течение: стена, разделяющая специалистов по управлению персоналом, информационным технологиям и бизнесу медленно, но верно рушится [1]. Уровень участия должности самой обширной категории респондентов – специалистов – сократился в 2,5 раза, что может говорить о выходе вопросов по управлению персоналом на стратегический уровень (рис. 2).

Источник: [5]

Рис. 2. Уровень должностей респондентов в компании

В исследовании Deloitte говорится, что российские респонденты демонстрируют отличный от других стран взгляд на приоритеты в тенденциях управления персоналом, тем не менее, между Россией и остальным миром есть точка соприкосновения в вопросе сопричастности. Разница в причастности к различным тенденциям среди специалистов России и других стран, выраженная в занимаемом трендом у респондентов из разных стран месте в баллах от 1 до 10, показана в таблице 1.

Таблица 1

Рейтинг тенденций в управлении персоналом в России и других странах, баллы

Тенденции	Приоритет		Разница в приоритетах
	Россия	другие страны	
Компенсационные стратегии	1	9	-8
Сопричастность	2	2	0
Планирование персонала	3	7	-4
Well-being как часть работы	4	1	3
Управление знаниями	5	4	1
Эволюция роли HR	6	5	1
Больше, чем переподготовка	7	6	1
Этика и будущее работы	8	3	5
Суперкоманды	9	10	-1
Работники вне поколений	10	8	2

Источник [5]

Статистика многочисленных международных опросов показывает, что лишь 55 % организаций заявляют о готовности к изменениям в этой области несмотря на то, что 79 % опрошенных из сферы HR в мире могут назвать развитие тенденции сопричастности залогом успеха в компании на долгосрочную перспективу, 53 % владельцев компаний сообщают, что больше 50 % их сотрудников нуждаются в приобретении новых навыков и умений в течение 3 лет. До 90 % владельцев компаний заявляют, что масштабные изменения принципиально важны для их бизнеса в течение ближайших 10 лет [7].

В настоящем исследовании особое внимание уделяется девяти основным тенденциям в сфере управления персоналом, перечисленным в таблице 1.

Сопричастность

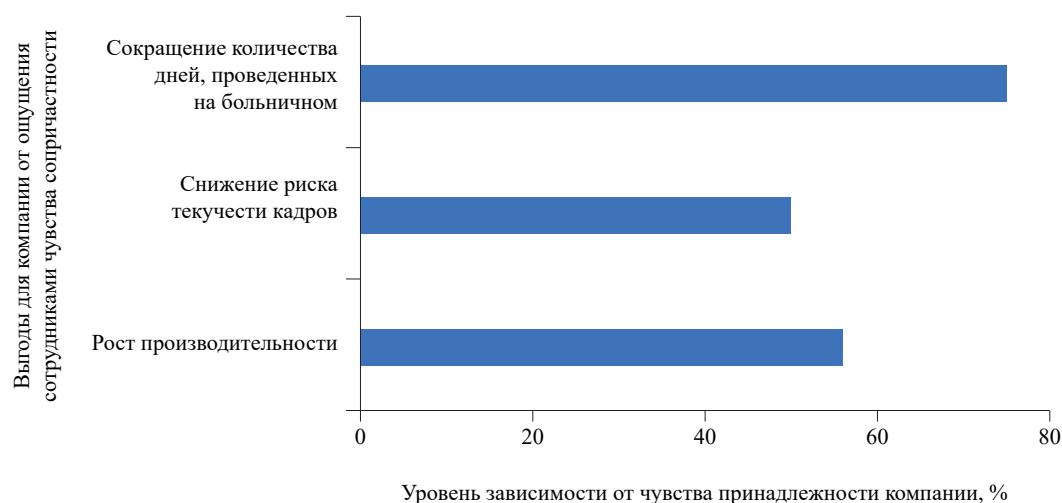
Как отмечает Deloitte, сегодня мы можем видеть, что вместе с началом процветания социально ответственного бизнеса проявилось отсутствие доверия людей из бизнеса к различным органам власти и общественным институтам. В поисках взаимопонимания сотрудники все больше и больше взаимодействуют с работодателем, бизнесом, а также со своим коллективом.

Учитывая мнение участников исследования со всего мира, мы можем утверждать, что основными факторами сопричастности служат:

- единство миссии, целей и ценностей бизнеса и сотрудников (отметило 28 % респондентов);
- присутствие определенной среды и активное общение между коллегами внутри компании (отметило 20 % респондентов) [5].

Чем выше число альтернативных способов работы, к примеру фриланс, тем больше работников не считают себя единым целым с местом работы, с похожими коллективными ценностями и стремлениями. Как следствие, этот факт затрудняет взаимодействие между наемными сотрудниками и сотрудниками, которые числятся в штате.

В своем исследовании 2019 г. международная компания BetterUp установила, что повышение и развитие чувства сопричастности в организации снижает текучесть кадров и сокращает дни, проведенные работниками на больничном. Люди стремятся быть в строю и поддерживать связь друг с другом, тем самым повышается их работоспособность и желание работать на благо общим целям [5; 6]. Эти тенденции отражены на рисунке 3.

Источник: [5]

Рис. 3. Факторы, связанные с сопричастностью/принадлежностью к компании

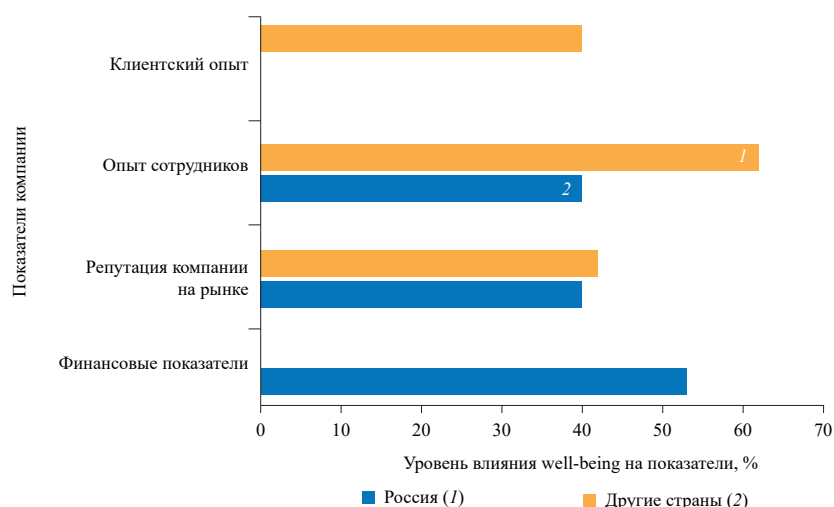
По мнению респондентов из России, способность организации формировать чувство сопричастности в коллективе определяют:

- лидеры компании (26 %);
- взаимодействие между коллегами (25 %);
- цели компании (22 %) [9].

В опросе «COVID HR-pulse», проведенном в 2020 г. Дж. Берсином и компаниями MIT Sloan Management Review и CultureX, говорится о пересмотре приоритетов в области управления и взаимодействия с персоналом более чем 70 % компаний. Сейчас на первый план выступает атмосфера защищенности, единение сотрудников внутри организации, и всего этого можно достичь с помощью эффективной организации дистанционной работы с непрерывным взаимодействием сотрудников друг с другом, а также поддержки сотрудников 24/7 морально и физически, если это требуется [9].

Well-being как часть работы

В современном мире тренд well-being (благополучие) стремительно развивается из-за уверенности в том, что данная программа заботы о сотрудниках компании содействует росту производительности и других бизнес-показателей. Компании всего мира, в том числе и Россия, которые применяют у себя эту программу, отмечают стремительное воздействие well-being на свои финансовые и репутационные показатели, опыт сотрудников и клиентов [7] (рис. 4).

Источник: [5]

Рис. 4. Влияние well-being на компании

Как показывает практика многих российских компаний, отсутствие наглядного и существенного финансового результата является основной преградой для внедрения well-being программы, так как быстрорастущие финансовые показатели – ключевой фактор успеха предприятия.

Ответственность за успешное внедрение well-being программ компании в России и других странах возлагают на категории работников, представленные на рисунке 5.

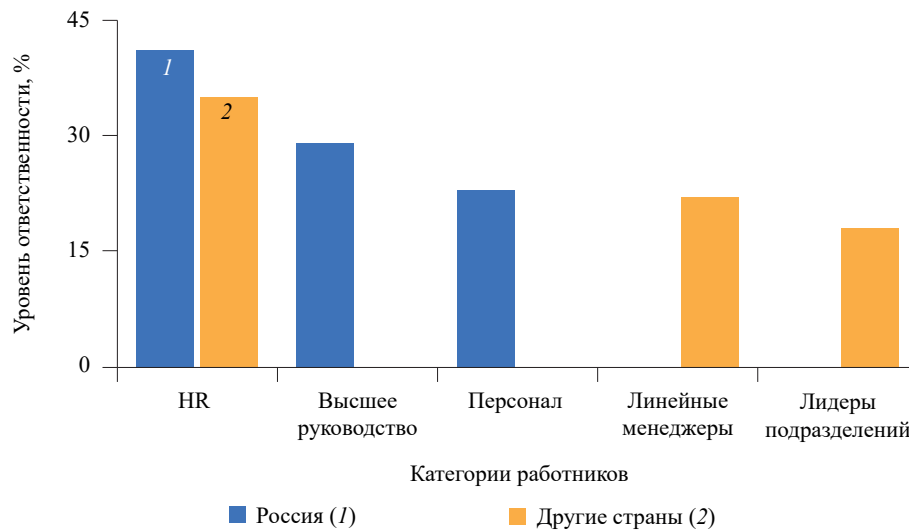

Рис. 5. Ответственность за реализацию well-being стратегии

Около 50 % участников исследования в России говорят об отсутствии целевого поведения у лидеров, что препятствует внедрению корпоративных well-being стратегий в организациях. Этот показатель на 30 % выше, чем у респондентов из зарубежных стран [7].

Компании живут в новой реальности, где коронавирус и кризис, связанный с ним, создают новое направление для развития well-being программы, а именно – поддержание эмоционального и психического здоровья сотрудников.

Поскольку мы проводим практически половину своей жизни на работе, стрессы на рабочем месте могут послужить главным фактором для появления различных заболеваний. Вследствие этого Всемирная организация здравоохранения классифицировала профессиональное выгорание как особый диагноз и состояние, «результатом которого стал хронический неуправляемый стресс на рабочем месте» [3].

Одними из первых компаний, интегрировавших well-being стратегию и показавших результаты на этом поприще, стало представительство компании Microsoft в Японии. Руководство компании провело следующий эксперимент: рабочую неделю сократили до четырех дней, сохранив прежнюю заработную плату. Кроме того, Microsoft Japan изменила привычный распорядок работы: вместо электронной почты для общения между собой сотрудников попросили использовать мессенджеры и ограничить до 30 мин. продолжительность рабочих собраний, а также количество участников на них до 5 человек.

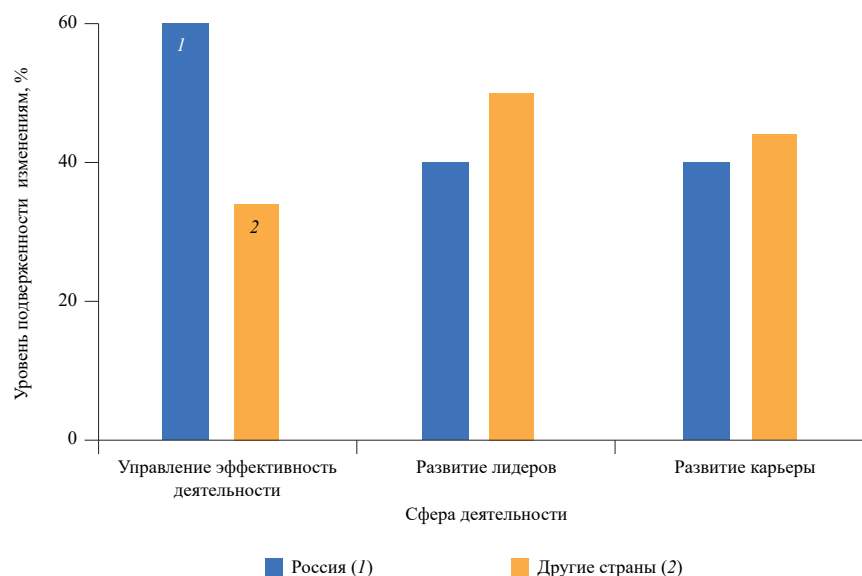
Работники вне поколений

Как показала статистика, специфику поколений не учитывают в странах по всему миру, при разработке корпоративных программ этот тренд не берут во внимание 60 % организаций в России и 47 % организаций в других странах. Первостепенными значениями в различии между поколениями 70 % компаний из России отмечают:

- темпы изучения современных профессиональных ролей;
- баланс между работой и личной жизнью (англ. work-life balance).

Организации в зарубежных странах отмечают различия в ожиданиях гарантий стабильности от работодателя (41 %) и видение work-life balance (54 %). Сейчас среди параметров сегментации персонала в России доминирует опыт работы и иная организационная демография (стаж, должность и пр.), однако в течение следующих 3–5 лет ключевым параметром сегментации, по мнению российских (70 %) и зарубежных респондентов (43 %), станет психотип сотрудника на работе [4].

С учетом перечисленных выше факторов, на рисунке 6 показаны наиболее уязвимые направления, которые непременно подвергнутся трансформациям при сегментации персонала.

Источник: [5]

Рис. 6. Сферы, подверженные изменениям

Сегодня компании имеют достаточное техническое оснащение для проведения аналитики и проектирования разных вариантов управления персоналом, основанных на углубленном изучении человеческого фактора, карьерных возможностей и демографии в том или ином регионе. Эти факторы и формируют тенденцию под названием «вне поколений», что дает возможность компаниям совместить выгоду как для сотрудников, так и для бизнеса.

Суперкоманды

Сейчас командная работа в компании имеет ключевое значение для достижения целей организации, а интеграция искусственного интеллекта в команды делает все рабочие процессы намного эффективнее.

В восприятии искусственного интеллекта в России и других странах есть отличия: в России 80 % респондентов считают, что внедрение искусственного интеллекта влияет на качество работы, в других странах отмечают повышение точности аналитических данных как несомненное преимущество. В России уже более чем 10 лет успешно используют искусственный интеллект (58 %) и роботизацию (48 %) для облегчения рабочей деятельности сотрудников [9].

Чат-бот компании ПАО «МТС», созданный на базе собственной разработки искусственного интеллекта компании, в настоящее время обслуживает более 85 % абонентов, которые обращаются к оператору.

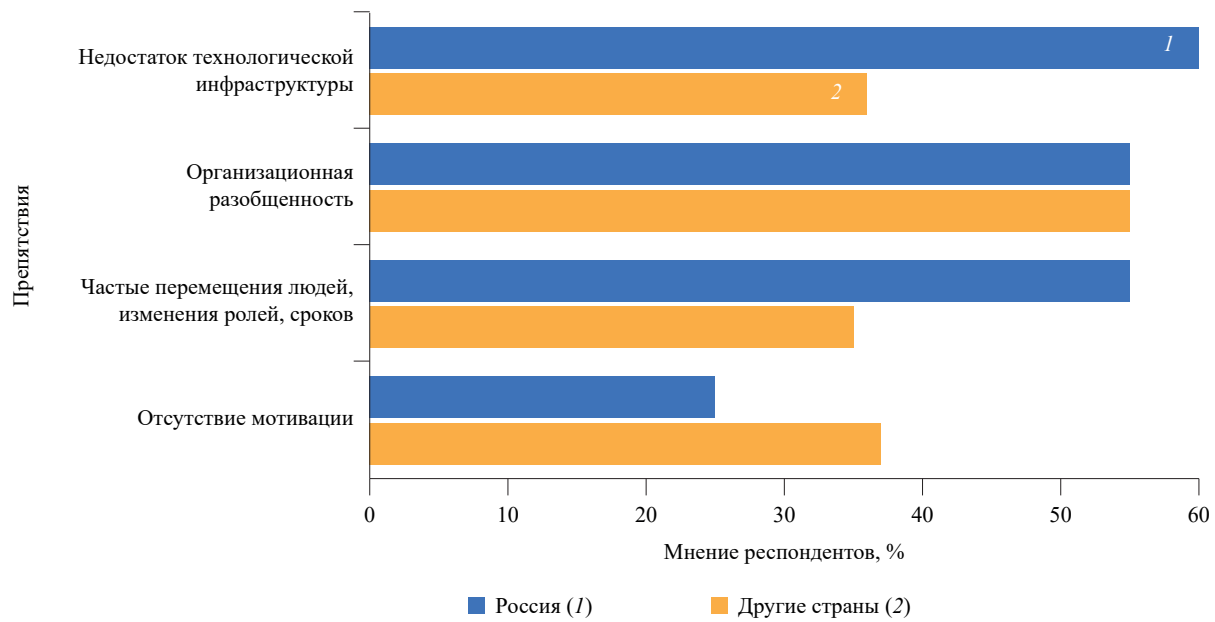
Управление знаниями

Тренд по управлению знаниями в последнее время набирает обороты. Компании задумываются о том, чтобы не только транслировать информацию, но и обмениваться ей. Чем эффективнее мы используем знания, тем быстрее происходит развитие. Популярным становится создание порталов знаний для сотрудников, клиентов, для компании в целом. В России и за рубежом 36 % компаний считают, что часть управления знаниями – это создание продуктов, услуг, ценностей [5].

Чаще всего препятствием к приходу эффективного управления знаниями служит организационная разобщенность и недостаток технологической инфраструктуры (рис. 7).

Компании начинают задумываться о необходимости внедрения менеджмента по управлению знаниями из-за риска потери знаний, когда происходит текучесть кадров, карьерные перемещения, выходы на пенсию – это самые популярные темы (В России – 65 %, в мире – 52 %). Далее следуют трудности поиска и применения любого вида знаний и желание внедрения инноваций [6].

Самым прогрессивным примером является компания Philips и ее технология новой платформы по управлению знаниями, с помощью которой упростился процесс получения информации сотрудниками (более 80 000 человек) на 17 мировых рынках. В программе можно находить статьи, технические документы, рекомендации экспертов, методологические материалы – все зависит от потребности сотрудников в типе информации.

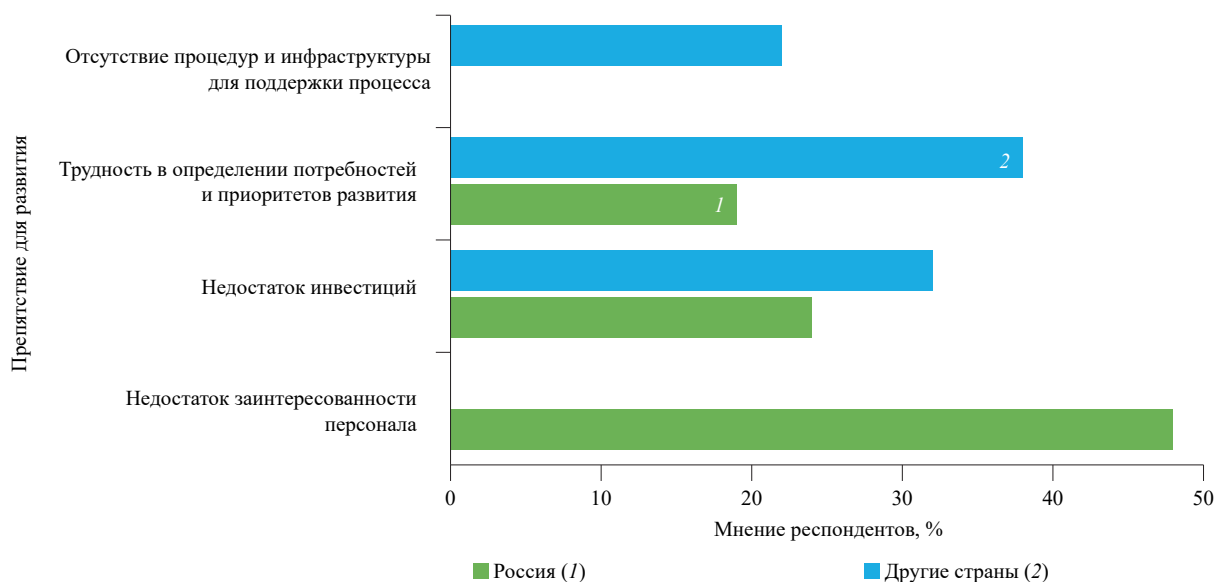
Источник: [5]

Рис. 7. Препятствия для эффективного управления знаниями

Больше, чем переподготовка

Меньше трети компаний могут быть уверены в том, что знания, умения, навыки сотрудников будут востребованы более трех лет. Более 70 % компаний в связи с этим планируют обучать своих сотрудников, в некоторых компаниях процесс идет непрерывно. В том числе остро стоит вопрос переподготовки сотрудников, особенно среди работающих в компании более 10 лет сотрудников, которые перестают получать новые знания и консервативно относятся к внедрению инноваций. В России больше половины компаний планируют направить сотрудников на переподготовку, в других странах это 35 % компаний.

С точки зрения стратегий развития сотрудников, наиболее важными элементами являются развитие врожденных умений. К ним относят: общение, эмпатию, творчество, постоянное профессиональное саморазвитие, переподготовку в смежных областях, освоение новых навыков в новых областях [6]. Ведущими препятствиями для совершенствования сотрудников в России являются недостаточная заинтересованность персонала, трудность в определении приоритетов развития в других странах (рис. 8).

Источник: [5]

Рис. 8. Препятствия для развития сотрудников в России и других странах

Большее половины российских компаний считают, что лучше всего нанимать сотрудников, которые хотят учиться и развиваться, тем самым они способствуют быстрому развитию бизнеса и формируют качественный кадровый резерв. Более того, сами сотрудники должны быть заинтересованы в развитии, поэтому вся ответственность за совершенствование навыков лежит на них.

Пандемия не только ускорила все процессы, но и сформировала новые пути решения имевшихся проблем. Например, теперь профессиональная переподготовка происходит за счет компании, то есть бесплатно, потому что компании стали выделять для этого значительное количество средств. В России существуют программы по срочному обмену персоналом: Staff Exchange, «VДеле». Они позволяют сотрудникам присоединиться к другой компании и получить новые навыки.

Еще один интересный проект выдвинула компания Amazon – повышение квалификации более 100 000 своих сотрудников к 2025 г. Было проспонсировано обучение востребованным профессиям в медицине, инженерном деле, дизайне и пр. [5].

Компенсационные стратегии

В России 70 % компаний и в мире 50 % компаний предполагают, что компенсационные стратегии включают изменения характера работы или рабочих мест. Кроме того, важно насколько соответствует уровень компенсаций рынку и каков общий объем компенсационного пакета [9]. Мнение самих работников безусловно отличается от мнения руководителей по поводу вариации компенсационных стратегий. Сотрудники считают, что величина пакета не должна соответствовать их усилиям, а руководители видят взаимосвязь компенсаций и развития сотрудников.

Компенсационные стратегии состоят из структуры базовой заработной платы, системы вознаграждений, управления системой компенсации. Многие компании считают, что частота изменения этих стратегий является значимым фактором наравне с их рыночной стоимостью [7].

В последнее время работодатели стали чаще прислушиваться к работникам, в том числе и в части компенсационных стратегий. По прогнозам аналитиков, многим пришлось изменить заработные платы и пакеты компенсаций. Заметные изменения произошли из-за смены востребованности является определенных профессиях, таких как программисты. Чтобы удержать таких сотрудников компаниям пришлось пересматривать заработные платы, ключевые показатели эффективности и условия труда.

Важными условиями выравнивания компенсационных стратегий являются:

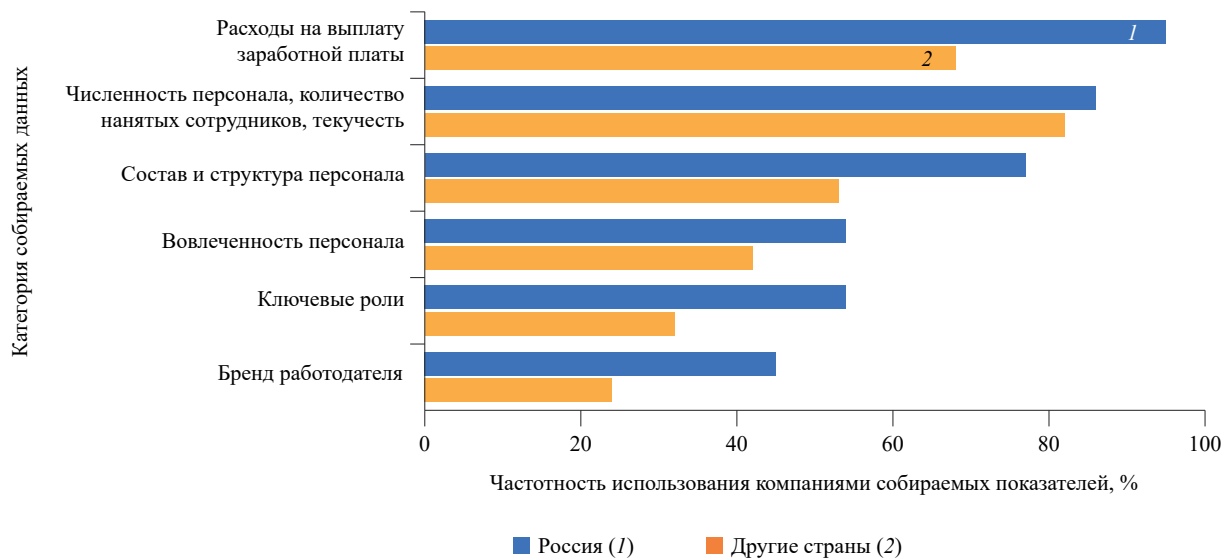
- премии за индивидуальный вклад;
- учет потребностей и мнений сотрудников;
- вознаграждение за различность задач и инициативность;
- справедливый и открытый подход к компенсациям;
- стимулирование инновационного поведения;
- поощрение обучения и развития.

К компаниям, которые применяют подходы, ориентированные на человека, относится IKEA. В частности, представительство компании в Японии выдвинуло предложение улучшить правовой статус работников частичной занятости, выровнять уровень компенсаций. После таких изменений компания смогла снизить текучесть персонала и приобрела статус лучшего работодателя в стране.

Планирование персонала

Около 70 % компаний в России постоянно обновляют данные о показателях трудовых ресурсов: текучесть кадров, найм, лидерство, инклюзивная среда, обучение и всего лишь 1/7 из них проводит совершенствование постоянно [5]. На рисунке 9 отражены категории данных, которые наиболее часто аккумулируются компаниями. Менее четверти компаний в России считают свои организации эффективными в прогнозировании тенденций и изменений, которые влияют на персонал. Что касается внешних изменений, то таких компаний уже треть. Все это также влияет на развитие HR-аналитики, как актуального инструмента для сбора данных и визуализации по персоналу, на основании которых бизнес может расти и принимать важные решения [4].

Для того, чтобы лучше понимать состояние персонала в организации в будущем, в России делают акцент на способность отвечать новым потребностям бизнеса. В зарубежных компаниях ключевым является наличие альтернативных источников трудовых ресурсов. Другими важными факторами являются готовность руководителей к управлению искусственным интеллектом, влияние его на трудовые ресурсы и содержание работы.

Источник: [5]

Рис. 9. Лидирующие категории собираемых данных компаниями в России и в других странах

Препятствовать может только отсутствие систем для обработки данных и трансформации, сложность поиска данных, высокая стоимость инструментов сбора данных [6]. К примеру, в компании Lufthansa при планировании была разработана система готовности персонала, включающая HR-данные по сотрудникам: изменение ролей и должностей, целевых навыков, планирование увольнения. Кроме того, указывается, какие должности могут быть замещены автоматизацией из-за изменения процессов, а какие могут перейти в удаленный формат и стать более гибридными.

Этика и будущее работы

Еще одной тенденцией в управлении человеческими ресурсами является этика. Около 80 % компаний сообщают о следующих проблемах:

1) использование искусственного интеллекта для контроля над сотрудниками и их рабочей деятельностью будет эффективно для бизнеса, однако 93 % российских компаний не готово управлять искусственным интеллектом и данными по контролю над сотрудниками;

2) справедливость вознаграждения.

Большее половины компаний в России не могут быть уверенными в управлении этическими проблемами на фоне разницы в оплате труда или справедливости выплат. Часть из них возлагает ответственность на государство при возникновении проблем справедливости оплаты труда;

3) конфиденциальность данных сотрудников.

Около 30 % компаний считают, что не должны следить за сохранностью данных, так как за это должно отвечать государство. Многие этические проблемы безусловно возникают на фоне их распространения, поэтому компании должны быть заинтересованы в их сохранности, чтобы сохранить стабильность этических норм и не увеличить текучесть персонала [5; 9].

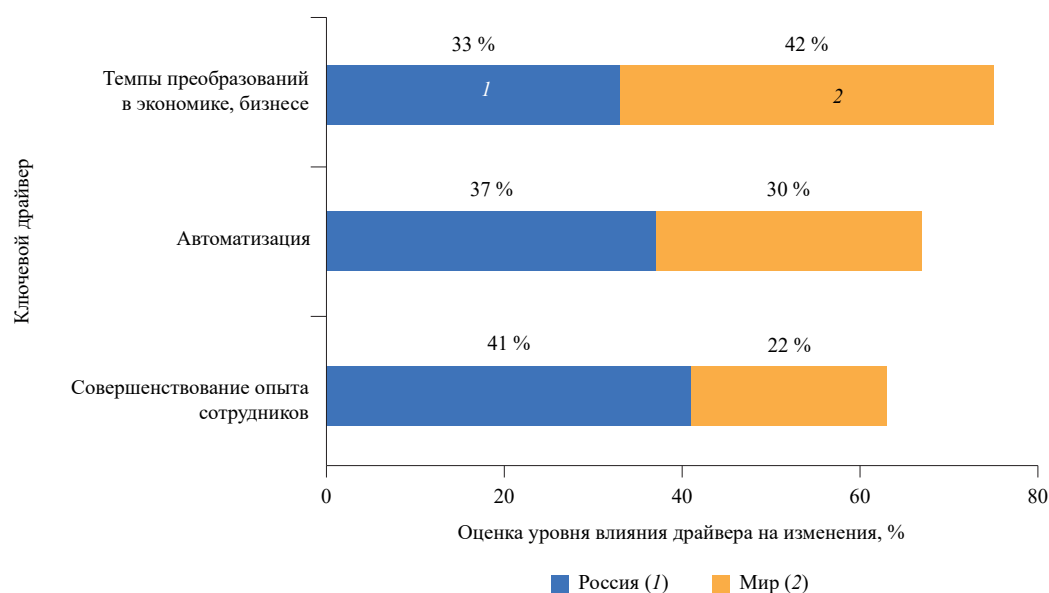
Вместе с возникновением проблем, связанных с этическими нормами, существуют и сложности реализации стратегий при работе в удаленном формате. Многие компании начали применять программы, нацеленные на контроль за персоналом при работе. Если организация не может позволить себе такие технологии, то переход с офисного на удаленный режим может быть неэффективным для бизнеса. Параллельно с этим процессом стоит уделить внимание разработке правил и стандартов удаленного режима работы в соответствии с текущим законодательством.

Таким образом, в течение ближайших 2-х лет роль HR-службы значительно изменится как по мнению российских компаний, так и зарубежных.

В первую очередь, стоит отметить незавершившуюся пандемию, которая до сих пор вносит коррективы в режимы работы сотрудников. HR постепенно расширяет сферу своего влияния и долю взаимодействия

в принятии основных стратегических решений в компании. Следовательно, меняются не только процессы, но и сама суть работы специалистов.

Драйверами таких изменений выступают преобразования в экономике и бизнесе, усиленная и ускоренная автоматизация, совершенствование опыта сотрудников (рис. 10).

Источник: [5]

Рис. 10. Драйверы изменений роли HR

Тем не менее, HR-служба будет развиваться как самостоятельное подразделение, так и в роли эффективного помощника бизнеса, что отмечают в России и в других странах [2].

Заключение

Таким образом, в течение ближайших двух лет роль HR-служб значительно изменится как по мнению российских компаний, так и зарубежных. Незавершившаяся пандемия, до сих пор вносит коррективы в режимы работы сотрудников. HR постепенно расширяет сферу своего влияния и долю взаимодействия в принятии основных стратегических решений в компаниях.

Библиографический список

1. Азарова, А. О., Буйлова, М. К. Оценка эффективности управления человеческими ресурсами организации в современных условиях // Сборник научных статей «Актуальные проблемы социальной и экономической психологии: методология, теория, практика» / Под ред. Е. В. Камневой и М. М. Симоновой. – Т. 9, Вып. 7. – М.: СВИБТ, 2021. – С. 157–171.
2. Батлер, И. HR-маркетинг. Как сделать вашу компанию мечтой всех кандидатов. – СПб: Альпина Паблишер, 2021. – 112 с.
3. Кибанов, А. Я., Дуракова, И. Б. Управление персоналом в России: новые функции и новое в функциях: монография. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 242 с.
4. Осовицкая, Н. А. HR. Рекрутмент. Обучение. Маркетинг. Аналитика. – СПб.: Питер, 2020. – 496 с.
5. Международные тенденции в сфере управления персоналом 2020 // Deloitte Insights [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/human-capital/russian/hc-trends-2020-Russia.pdf> (дата обращения: 29.08.2021).
6. HR тренды 2021 // Assessment Systems [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.asystems.as/10-hr-trendov-2021/> (дата обращения: 29.08.2021).
7. Current and Future Trends in Human Resources in Europe // Great Place to Work. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.greatplacetowork.dk/images/about/Current_and_Future_Trends_in_Human_Resources_in_Europe.pdf (дата обращения: 29.08.2021).

8. ICD-11 for Mortality and Morbidity Statistics // QD85 Burnout [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en#/http://id.who.int/icd/entity/129180281> (дата обращения: 29.08.2021).
9. The social enterprise in a world disrupted // Deloitte Insights [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/lu/Documents/human-capital/lu-hc-trends-2021.pdf> (дата обращения: 29.08.2021).

References

1. Azarova A. O., Builova M. K. Assessment of the effectiveness of human resource management in an organization in modern conditions, *Collection of scientific articles "Current issues of social and economic psychology: methodology, theory, practice"*, edited by E. V. Kamneva and M. M. Simonova, vol. 9, issue 7, Moscow, SVIVT, 2021, pp. 157–171. (In Russian).
2. Batler I. *HR-marketing. How to make your company the dream of all candidates*, St. Petersburg, Alpina Publisher, 2021, 112 p. (In Russian).
3. Kibanov A. Ya., Durakova I. B. *Personnel management in Russia: new functions and new in functions: monograph*, Moscow, INFRA-M, 2020, 242 p. (In Russian).
4. Osovitskaya N. A. *HR. Recruitment. Education. Marketing. Analytics*, St. Petersburg, Piter, 2020, 496 p. (In Russian).
5. International Trends in HR Management 2020, *Deloitte Insights*. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/human-capital/russian/hc-trends-2020-Russia.pdf> (accessed 29.08.2021).
6. HR-Trends 2021, *Assessment Systems*. Available at: <https://ru.asystems.as/10-hr-trendov-2021/> (accessed 29.08.2021).
7. Current and Future Trends in Human Resources in Europe, *Great Place to Work*. Available at: https://www.greatplacetowork.dk/images/about/Current_and_Future_Trends_in_Human_Resources_in_Europe.pdf (accessed 29.08.2021).
8. ICD-11 for Mortality and Morbidity Statistics, *QD85 Burnout*. Available at: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en#/http://id.who.int/icd/entity/129180281> (accessed 29.08.2021).
9. The Social Enterprise in a World Disrupted, *Deloitte Insights*. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/lu/Documents/human-capital/lu-hc-trends-2021.pdf> (accessed 29.08.2021).

УДК 791.43/.45

JEL Z11

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-16-22

Косинова Марина Ивановна

канд. филос. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-3517-3484

e-mail: kosimarina@yandex.ru

Гасилина Анастасия Андреевна

студент, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

e-mail: miss.gasilina@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ АРХИВОВ ГОСФИЛЬМОФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Объектом исследования является Госфильмофонд России, предметом – проект глобальной оцифровки киноархивов Госфильмофонда, стартовавший в конце 2018 г. и реализуемый в настоящее время. Цель исследования – анализ проекта оцифровки Госфильмофонда и выявление возможных проблем, которые могут возникнуть в ходе его реализации. Задачи исследования: анализ проблемы кадрового дефицита, анализ социокультурной и экономической эффективности проекта. В исследовании применялись: метод историко-генетического анализа, дескриптивный анализ литературы и материалов средств массовой информации, качественный контент-анализ документов, докладов и других материалов, сравнительный анализ, вторичный анализ опросов общественного мнения и статистических данных. Разработанный проект образовательного портала может быть практически реализован на базе Госфильмофонда.

Ключевые слова: Госфильмофонд, цифровизация, оцифровка, киноархив, кинематограф, фильм, фильмовые материалы, риски, экономическая эффективность, социокультурная эффективность

Для цитирования: Косинова М.И., Гасилина А.А. Организационно-экономические аспекты цифровизации архивов Госфильмофонда Российской Федерации // Вестник университета. 2021. № 10. С. 16–22.

Marina I. Kosinova

Cand. Sci. (Philos.), State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3517-3484

e-mail: kosimarina@yandex.ru

Anastasia A. Gasilina

Student, State University of Management, Moscow, Russia

e-mail: miss.gasilina@mail.ru

ORGANISATIONAL AND ECONOMIC ASPECTS OF THE ARCHIVES DIGITALISATION OF THE STATE FILM FUND OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The object of the study is the State Film Fund of the Russian Federation; the subject is the project for the global digitisation of the State Film Fund's film archives, launched at the end of 2018 and currently underway. The aim of the study is to analyse the State Film Fund's digitisation project and to identify possible problems that may arise during its implementation. Research objectives are staff shortages problem analysis and the project's socio-cultural and economic efficiency analysis. The study used the following methods: historical and genetic analysis, descriptive analysis of literature and media materials, qualitative content analysis of documents, reports and other materials, comparative analysis, secondary analysis of public opinion surveys and statistical data. The developed project of an educational portal can be practically implemented on the basis of the State Film Fund.

Keywords: State Film Fund, digitalisation, digitisation, film archive, cinema, film, film materials, risks, economic efficiency, socio-cultural efficiency

For citation: Kosinova M.I., Gasilina A.A. (2021) Organisational and economic aspects of the archives digitalisation of the State Film Fund of the Russian Federation. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 16–22. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-16-22

Введение

С 2008 г. Государственный фонд кинофильмов Российской Федерации (далее – Госфильмофонд РФ) начал постепенно переходить на цифровые носители. Создание цифрового архива дало возможность, во-первых, предоставлять разного рода материалы в электронном виде; во-вторых, сокращать время при поиске документов; в-третьих, выгружать оцифрованные материалы непосредственно на официальный сайт Госфильмофонда РФ. Пополнение цифрового архива ведется на протяжении нескольких последних лет. За эти годы система электронного архива была несколько раз модернизирована. Сейчас она удовлетворяет практически всем требованиям к организации хранения бумажных материалов в фонде. С электронным архивом

© Косинова М.И., Гасилина А.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Kosinova M.I., Gasilina A.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

работают практически все отделы и подразделения Госфильмофонда, занимающиеся хранением и движением киноматериалов [3]. Сейчас электронный архив документов является одним из главных модулей единой информационной системы Госфильмофонда. Анализ деятельности Госфильмофонда в условиях цифровизации был ранее проведен авторами в статье [1].

С 2018 г. в рамках национального проекта «Культура» началась реализация долгосрочного проекта цифровизации архивов Госфильмофонда [6]. Результатом данной программы должна стать полная оцифровка всех его фондов. В конце 2019 г. Госфильмофонд закупил и ввел в эксплуатацию профессиональное оборудование для оцифровки киноархивов. Для цифрового архива предусмотрено резервное «облачное» хранение. Во-первых, это обеспечивает сохранность материала. Во-вторых, такой тип хранения помогает защитить материал от незаконного копирования [2].

Ключевым преимуществом цифрового носителя является отсутствие необходимости предварительной подготовки носителя, как в случае с киноплёнкой. Кроме того, цифровой архив дает возможность провести процесс автоматизации всех производственных процессов. При перемещении пленки из лабораторий она подвергается перепадам температуры и воздействию влажности, которые могут привести к химическим реакциям и впоследствии разрушить пленочный материал. Поэтому для частых ознакомительных просмотров оптимальным вариантом является использование цифрового носителя, в то время как для обработки фонда и проведения научных работ используется только пленочный материал [5].

Методология

Организационный аспект – комплекс задач и методов, направленных на повышение качества управления всеми процессами деятельности организации. Экономический аспект – комплекс задач и методов их решения, направленных на обеспечение безубыточного и прибыльного производства, формирование оптимальной цены продукции и продвижение ее на рынок.

От организационных аспектов работы Госфильмофонда РФ зависит качество и своевременность выполнения поставленных задач в рамках проекта цифровизации архивов. Важным в данном случае является выстраивание соответствующей проекту структуры управления персоналом. Это в дальнейшем будет способствовать четкому пониманию сотрудниками миссии, целей и потребностей организации, а также поможет четко следовать установленным срокам реализации проекта. Так, при Госфильмофонде появится консультационный комитет для разработки реестров преимущественно значимых кинолент для оцифровки. Внешний коллегиальный орган, экспертный совет с целью создания реестров особо значимых и ценных для сохранения и оцифровки лент, будет создан в ближайшее время. Кроме этого, ведется наем кадров в рамках проектной деятельности [4].

Рассматривая экономические аспекты этого проекта, важно отметить, что цифровизация архивов Госфильмофонда в рамках национального проекта «Культура» является социально значимым событием, а не коммерческим. Проект не рассчитан на извлечение прибыли. Бюджет затрат включает статьи расходов, источником которых является государство. Дополнительные расходы (оплата труда, затраты на отопление и электроэнергию, административные расходы и пр.) не входят в бюджет затрат, так как они оплачиваются непосредственно Госфильмофондом и являются постоянными, не зависящими от рассматриваемого проекта.

Таблица 1

Бюджет затрат на цифровизацию архивов Госфильмофонда РФ

Статьи расходов	Сумма, млрд руб.	Статья доходов	Сумма, млн руб. в год
Бюджет материальных затрат и закупок (оборудование):			
– оборудование для цифровизации	1,5	Доход от работы оцифрованного архива	150
– оборудование для хранения архивов	2,2		
Бюджет капитальных вложений: (строительство здания со специальными системами охлаждения и теплоснабжения)	1,4		
Итого	5,1		150

Составлено авторами по материалам исследования

Итак, проект требует больших затрат, хотя и не имеет большого количества статей расходов. Основные затраты включают в себя закупку специального профессионального оборудования (как для оцифровки, так и для хранения), а также строительство здания, которое отвечает всем необходимым параметрам безопасности, и в котором будет храниться пленка, прошедшая процесс оцифровки.

Несмотря на то, что сам проект оцифровки архивов не направлен на получение прибыли по итогу его реализации, Госфильмофонд может разработать собственный проект, в рамках которого будут использоваться оцифрованные материалы и кинофильмы, и он будет являться коммерческим. Это образовательный онлайн-портал на базе оцифрованных материалов Госфильмофонда. Этот портал будет предоставлять информацию в формате онлайн-курсов, после прохождения которых будет выдаваться специальный сертификат от Госфильмофонда. Курсы могут быть разработаны Госфильмофондом совместно со Всероссийским государственным институтом кинематографии имени С. А. Герасимова (ВГИК). Программы курсов будут служить по большей части дополнительным образованием к уже имеющимся знаниям, полученным в государственных образовательных учреждениях, либо станут источником информации для общего образовательного развития.

На первом этапе оптимальным будет создать от 3 до 5 программ курсов разных направлений, так как необходимо будет получить обратную связь от первого потока учеников курсов. Обратная связь необходима по нескольким причинам. Она позволит получить информацию о качестве предоставленной информации, об удобстве формата, в котором курс транслируется ученикам, о соотношении цены/качества каждого из курсов, о впечатлении о курсах в целом. Полученная информация позволит скорректировать, если это необходимо, структуру курсов, стоимость, количество и качество обучающей информации. Ученики смогут изучать курсы по индивидуальному графику, не будучи привязанными к каким-либо конкретным датам. Это позволит совмещать изучение выбранной программы с работой или учебой.

Первым базовым курсом может стать программа «История кинематографии», в которую будет входить 2 модуля – история отечественного кино и история зарубежного кино. Слушатель сможет сам выбрать, какое направление ему ближе либо выбрать оба модуля. В зависимости от выбранных модулей, длительность курса может варьироваться от 1 до 2 месяцев, а стоимость от 2 000 до 3 700 руб. История становления и развития как отечественного, так и зарубежного кинематографа будет представлена слушателям курсов на примерах работ известных режиссеров. Курсы будут сопровождаться уникальными материалами, которые хранятся в Госфильмофонде и теперь могут быть представлены в электронном формате. История становления кинематографа в обоих модулях будет разбита на временные блоки.

Блок, посвященный отечественному кино, будет состоять из 16 лекций длительностью по 90 мин. («Дореволюционный период», «1920-е гг.», «1930-е гг.», «1940-е гг.», «1950-е гг.», «1960-е гг.», «1970-е гг.», «1980-е гг.» и «1990-е гг.»). Каждый блок будет разбит на 2 онлайн-лекции для более легкого восприятия. Блок, посвященный зарубежному кино, будет состоять из 14 лекций длительностью до 2 часов («Изобретение кинематографа, первые шаги», «Ярмарочное кино», «Становление американского кино», «Творчество Ч. Чаплина», «Французский авангард», «Немецкий экспрессионизм», «Американский кинематограф 1930-х годов», «Французское кино и его поэтический реализм», «Итальянский неореализм», «Новая волна французского кинематографа», «Творчество Ф. Феллини, М. Антониони и Л. Висконти», «Творчество И. Бергмана и А. Куртиса», «Массовый кинематограф конца XX века», «Творчество Д. Линча, С. Кубрика и С. Спилберга»).

Вторым курсом может стать «Художественный анализ фильма, или как смотреть кино правильно?». Этот курс, на наш взгляд, оптимально выпустить вначале, так как в дальнейшем он может послужить базой для изучения других представленных программ, позволяя не просто смотреть мировые шедевры кинематографии, а проводить анализ увиденного на экране. В рамках этого курса слушатели научатся смотреть кино глазами режиссера, сценариста, оператора и др., и понимать, что именно хотели донести авторы фильма. Информация будет представлена блоками, в которых будут разобраны приемы монтажа, цветокоррекции, сценарные обороты, творческие и технические аспекты создания кинофильма. Курс подойдет как простым любителям кино, так и людям из аудиовизуальной отрасли или абитуриентам, готовящимся поступать в киноузы. Выпуск этого курса возможен в двух модулях: «базовом» и «продвинутом». Первый подойдет любителям кино, которые хотят научиться анализировать картины. В рамках этого модуля будут разобраны основные приемы и аспекты создания фильмов. Длительность базового курса составит 3 недели (10 лекций по 90 мин.) и будет стоить 2 700 руб. «Продвинутый» модуль подойдет всем, кто хочет научиться «читать» кино от А до Я.

В рамках данного модуля будут разобраны основные творческие и технические приемы создания фильма. Курсы также будут подкреплены оцифрованными материалами, которые хранятся в Госфильмофонде. Курс будет длиться 1,5 месяца (20 лекций по 90 мин.) и будет стоить 4 500 руб.

Третьим может стать курс «Учимся снимать кино с нуля». Этот курс будет разбит на несколько блоков: сценарное мастерство (литературный и режиссерский сценарии), основы продюсирования, режиссерское мастерство, операторское мастерство, основы авторского права, постпродакшн, дистрибуция. Программа курса будет рассчитана на 1,5 месяца (по одной неделе на каждый блок), 12 лекций по 90 мин. (по 2 лекции по 90 мин. на один блок). Стоимость курса будет составлять 5 000 руб.

Информация в курсах будет предоставлена в формате онлайн-лекций на русском языке. Предполагается сопровождение лекций презентациями, созданными с помощью кроссплатформенного сервиса canva.com. В зависимости от программы курса, для изучения будут предоставлены оцифрованные копии фильмов в высоком качестве (4K), а также оцифрованные фильмовые материалы (монтажные листы, сценарии, фотографии с места съемок и т. д.) в виде структурированного цифрового сборника или учебника.

Важно отметить, что для запуска курсов не понадобится создание дополнительного сайта. Все курсы будут представлены на официальном сайте Госфильмофонда в отдельной вкладке. Для записи онлайн-лекций будут приглашаться профессора и преподаватели из различных институтов (преимущественно из ВГИКа).

Разберем основные этапы создания онлайн-курсов более подробно.

Первым этапом станет ревизия необходимой информации, которая будет сопровождать онлайн-лекции, в оцифрованном виде. Важно отследить качество этой информации и ее доступность для восприятия неподготовленных людей (наличие словаря или кратких пояснений профессиональной лексики).

Следующим этапом станет выбор платформы, на которой будут транслироваться курсы. Как было сказано, курсы будут представлены на официальном сайте Госфильмофонда. Но для более эффективного продвижения необходимо разместить их на 1–2-х профессиональных площадках (Emdesell, GetCourse, Smartllr).

Отдельным блоком работ по созданию курсов будет разработка уникального единого дизайна оформления. Будут выбраны основные цвета и единый стиль, к каждой программе будет разработан логотип в соответствии с темой. Дизайн будет просматриваться на протяжении изучения всей программы. Будут разработаны заставки к видео-лекциям и подобрано музыкальное сопровождение.

Следующий этап – подготовка учебного материала. Сюда входит запись онлайн-лекций с последующим монтажом, составление презентаций и справочников с фильмовыми материалами в соответствии с выбранным дизайном. После осмотра итоговых материалов в них будут вноситься корректировки, после чего информация будет готовиться к выгрузке на выбранные платформы.

Особое внимание необходимо уделить маркетинговым мероприятиям, с помощью которых можно донести информацию о курсах до потенциальных потребителей. Будут использованы как платные, так и бесплатные методы продвижения. Этот продукт рассчитан на узкий сегмент, ограниченную целевую аудиторию, поэтому использовать массовую рекламу нет смысла.

К бесплатным формам продвижения курсов относится их реклама на официальных страницах Госфильмофонда в социальных сетях. Это сервисы «ВКонтакте» (на сегодня аудитория составляет 3 028 человек), Instagram (на сегодня аудитория составляет 2 857 человек), а также канал «Госфильмофонд России» на платформе YouTube (на сегодня аудитория составляет 11 600 человек). К платным формам относится контекстная реклама через Яндекс.Директ и Google Ads. В дальнейшем возможна корректировка методов продвижения продукта, которая при необходимости будет проведена после получения статистических данных об эффективности изначально выбранных методов.

В рамках проекта могут возникнуть разного рода риски, которые могут помешать успешной реализации или привести к непредвиденным затратам. Рассмотрим их.

Таблица 2

Риски проекта создания образовательного портала

Классификация риска	Наименование риска	Приоритетность риска	Пути минимизации
Экономические риски	Отсутствие спроса/неустойчивый спрос	Высокий	Анализ курсов у конкурентов и выпуск уникального инфопродукта на основе этих данных

Классификация риска	Наименование риска	Приоритетность риска	Пути минимизации
Экономические риски	Появление альтернативного продукта у конкурентов	Высокий	Разработка стратегии позиционирования продукта, в которой будет отражена его уникальность
	Снижение уровня платежеспособности населения	Средний	Установление среднего уровня цен
	Снижение цен на аналогичную продукцию конкурентов	Высокий	Отражение уникальности курсов, которая оправдывает заявленную стоимость
Информационно-технологические риски	Закупка некачественного оборудования	Средний	Проведение контроля ключевых технических характеристик
	Поломка оборудования	Средний	Соблюдение условий эксплуатации оборудования; продление срока гарантийного обслуживания
	Несоответствие формата курсов требованиям площадок для их размещения	Средний	Предварительное изучение требований данных платформ и подготовка материала в соответствии с ними
	Плагиат выпущенных курсов	Высокий	Составление документации, подтверждающей авторские права
Производственные риски	Низкое качество курсов	Высокий	Предварительный просмотр всех материалов, которые будут входить в программы курсов и, при необходимости, их редактирование
	Подготовка не структурированных лекций	Средний	Предварительный анализ лекций, которые будут запрошены у приглашенных спикеров
	Некачественный иллюстративный материал	Средний	Использование цифровых материалов высокого разрешения и оформление их в актуальном в настоящее время стиле
	Наем непрофессиональных сотрудников	Высокий	При проведении собеседований требовать портфолио или кейсы
	Отклонение от сроков реализации проекта	Высокий	Разработка четкого плана работ (по неделям и месяцам)
Социальные риски	Невыполнение сотрудниками своих профессиональных обязанностей	Высокий	Введение системы штрафов; составление трудовых договоров с четким обозначением обязанностей, за несоблюдение которых предусмотрены санкции

Составлено автором по материалам исследования

Выделим 4 группы методов по управлению рисками: 1) методы уклонения от рисков; 2) методы локализации рисков; 3) методы диверсификации рисков; 4) методы компенсации рисков.

В рамках рассматриваемого проекта оптимальными будут методы уклонения от рискованных ситуаций. К ним можно отнести:

- отказ от найма непрофессиональных кадров или потенциальных работников, не подтвердивших свой опыт предоставлением портфолио;
- тщательная подготовка материала, на основе которого будут составляться курсы;
- составление необходимой документации, подтверждающей права на курсы (оформление, дизайн, информация);
- разработка качественных рекламных кампаний, которые помогут привлечь выбранный целевой сегмент потребителей.

При своевременном проведении мероприятий, которые будут направлены на минимизацию и уклонение от рискованных ситуаций, можно будет избежать непредвиденных затрат, а также реализовать проект в соответствии с заданными временными границами.

Чтобы оценить целесообразность создания цифрового образовательного портала на базе оцифрованных архивов Госфильмофонда РФ, необходимо составить смету затрат на создание и реализацию проекта, а также выполнить расчет экономической эффективности. Это позволит нам сделать вывод о том, возможно ли в рамках проекта добиться максимальной выгоды при имеющихся ресурсах.

Перед составлением сметы затрат, необходимых для реализации проекта, надо определить количество образовательного материала: лекции – 72; презентации – 72; спикеры – 11 человек; длительность лекций в сумме – 115 часов.

Таблица 3

Смета затрат проекта создания образовательного портала

Статья расходов	Кол-во, шт.	Цена, руб.	Итого, руб.
Цифровая камера для съемки видео-лекций + штатив (Panasonic Lumix DC-G100)	2	71 990	143 980
Микрофон петличка (Boya BY-M1Pro)	2	2 390	4 780
Услуги монтажера	1	1 300 (за час материала)	149 500
Разработка дизайна под ключ	1	20 000	20 000
Оплата платформ, на которых будут размещены курсы	2	152 000 (год) – Get Course 72 000 (год) – EmdeSell	224 000
Контекстная реклама	2	19 500 (в месяц)	234 000
Оплата труда приглашенных спикеров	11	2 000 (1 лекция)	144 000
Оплата труда разработчика презентаций к курсам	2	3 000 (1 презентация)	216 000
Оплата труда ИТ-специалиста	1	4 200 (в месяц)	4 200
Оплата труда интернет-маркетолога	1	25 000 (в месяц)	25 000
Оплата тарифа CANVA предприятие	1	2 000 (в месяц)	6 000
Итого	-	-	1 171 460

Составлено авторами по материалам исследования

Анализ результатов

По предварительным прогнозам, в первые месяцы после открытия продаж образовательных программ количество слушателей распределится следующим образом:

- курс «История кино»: 40 человек (15 из которых выберут полный курс, а 25 оставшихся отдадут предпочтение одному блоку по выбору). Исходя из количества слушателей, прибыль за этот курс составит 105 500 руб.;
- курс «Художественный анализ фильма, или как смотреть кино правильно?»: 70 человек (35 человек выберут «базовый» курс, оставшаяся половина «продвинутый»). Исходя из этого, прибыль составит 252 000 руб.;
- курс «Учимся снимать кино с нуля»: 60 человек, прибыль составит 270 000 руб.

Количество продаж просчитано с учетом задействованных рекламных кампаний и составляет минимальный объем, при котором достигается окупаемость данного проекта.

Итого, в первые 2–3 месяца прибыль от продаж курсов составит 627 500 руб. (до вычета налогов).

Выполним расчет потенциальной прибыли за первый год, учитывая продажи трех имеющихся курсов:

- 1 квартал – 627 500 руб.;
- 2 квартал – 721 625 руб. (увеличение прибыли на 15 % за счет рекомендаций и отзывов первого потока учеников, так называемое сарафанное радио);
- 3 квартал – 502 000 руб. (падение прибыли на 20 % от суммы прибыли за первый квартал);
- 4 квартал – 376 500 руб. (падение прибыли на 40 % от суммы прибыли за первый квартал).

Падение уровня прибыли обуславливается узко сегментированной целевой аудиторией, которая заинтересована в изучении данных курсов и, по прогнозам, пройдет обучение либо на первом потоке, либо непосредственно после получения отзывов и рекомендаций.

Итого потенциальная прибыль за год составит 2 227 625 руб. (до вычета налогов), чистая прибыль составит 1 782 100 руб.

Перейдем к расчету экономической эффективности проекта. Экономическая эффективность – величина, определяемая соотношением полученных результатов деятельности человека, производства продукции (товаров или услуг) и затрат труда и средств на производство. В рамках рассматриваемого проекта экономическая эффективность составит 1,52, валовая прибыль проекта составит 610 640 руб., коэффициент эффективности (рентабельности) проекта – 51,13 %.

Заключение

Полученные расчетные данные позволяют сделать вывод об эффективности проекта. Учитывая, что расчеты были выполнены при опоре только на 3 активных курса, дальнейшее расширение каталога образовательных программ позволит увеличить прибыль от их реализации, так как с наибольшей вероятностью новыми курсами воспользуются не только новые слушатели, но и проходившие обучение ранее.

Рассмотренный проект позволит Госфильмофонду использовать оцифрованные материалы не только в рамках своей деятельности, но и в образовательных целях. Это в дальнейшем может послужить базой для потенциальных сотрудников Госфильмофонда. Кроме этого, проект может способствовать популяризации киноискусства и повышению общего уровня культурной образованности населения.

Библиографический список

1. Косинова, М. И., Гасилина, А. А. Анализ деятельности Госфильмофонда Российской Федерации в условиях цифровизации // Вестник университета. – 2021. – № 9. – С. 53–59. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-9-53-59>
2. Малышев, В.С. Госфильмофонд России как материальная и гуманитарная основа отечественного киноведения: дис. ... доктор искусствоведения: 17.00.03. – Москва, 2004.
3. Малышев, В.С. Госфильмофонд: земляничная поляна. – М.: Пашков дом, 2005. 319 с.
4. Малышев, В.С. Социокультурные функции синематек и киноархивов // Вестник ВГИК. – 2012. – № 12–13. – С. 6–19. <https://doi.org/10.17816/VGIK42-36-19>
5. Малышев, В.С. Историко-культурные предпосылки создания фестиваля архивного кино «Белые столбы» // Вестник ВГИК. – 2012. – № 12–13. – С. 50–57. <https://doi.org/10.17816/VGIK42-350-57>
6. Спивак, Д. Л. Цифровизация в культурной стратегии ЮНЕСКО // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий». – 2020. – 205 с.

References

1. Kosinova M. I., Gasilina A. A. Analysis of the activities of the State Films Fund of Russian Federation in the context of digitalisation, *Vestnik universiteta*, 2021, no. 9, pp. 53–59. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-9-53-59>
2. Malyshev V.S. *The State Film Fund of Russia as the material and humanitarian basis of national film studies*, Dissertation of Doctor of Art History: 17.00.03, Moscow, 2004. (In Russian).
3. Malyshev V. S. *State Film Fund: strawberry glade*, Moscow, Pashkov dom, 2005, 319 p. (In Russian).
4. Malyshev V. S. Sociocultural functions of film libraries and archives, *Vestnik VGIK [Journal of film arts and film studies]*, 2012, no. 12–13. pp. 6–19. (In Russian). <https://doi.org/10.17816/VGIK42-36-19>
5. Malyshev V. S. Historic and cultural background of the “Belye Stolby” festival of archive films, *Vestnik VGIK [Journal of film arts and film studies]*, 2012, no. 12–13, pp. 50–57. (In Russian). <https://doi.org/10.17816/VGIK42-350-57>
6. Spivak D. L. Digitalisation in the UNESCO Cultural strategy, *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. “Digitalisation of culture and culture of digitalization. Contemporary issues of information technologies”*, 2020, 205 p. (In Russian).

Титова Наталья Викторовна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9676-7203

e-mail: titova5nv@mail.ru

Титов Сергей Анатольевич

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при
Правительстве Российской Федера-
ции» (Финуниверситет), г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-6857-579x

e-mail: satitov@fa.ru

**ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ ПРОЕКТЕ**

Аннотация. Произведен обзор научных исследований, изучающих связь предпринимательства и управления проектами на уровне взаимопроникновения понятий, принципов, методов, инструментов и практик. Далее приведено описание методологии исследования, которая отражает различные аспекты понимания термина «предпринимательский проект», и количественный анализ результатов тематического кодирования. Представлены результаты проведенного исследования. Сформулированы выводы, включающие интерпретацию полученных результатов и основные положения того, как в настоящее время понимается термин «предпринимательский проект» и какие тенденции в развитии теории и практики предпринимательства и проектного управления отражает сложившееся понимание.

Ключевые слова: управление проектами, предпринимательство, предпринимательский проект, инновации, неопределенность, контент-анализ, качественный анализ данных, количественный анализ данных, смешанные методы исследования

Для цитирования: Титова Н.В., Титов С.А. Исследование современных представлений о предпринимательском проекте // Вестник университета. 2021. № 10. С. 23–31.

**AN EXPLORATION OF CURRENT CONCEPTS AND
MEANINGS OF THE ENTREPRENEURIAL PROJECT**

Abstract. A review of academic research studying the relationship between entrepreneurship and project management at the level of interpenetration of concepts, principles, methods, tools and practices has been made. The following is a description of the research methodology, which reflects different aspects of understanding the term “entrepreneurial project” and a quantitative analysis of the results of thematic coding. The results of the study have been presented. Conclusions have been formulated that include an interpretation of the findings and the main points on how the term “entrepreneurial project” is currently understood and what trends in the development of the theory and practice of entrepreneurship and project management reflects the current understanding.

Keywords: project management, entrepreneurship, entrepreneurial project, innovations, uncertainty, content analysis, qualitative data analysis, quantitative data analysis, mixed research methods

For citation: Titova N.V., Titov S.A. (2021) An exploration of current concepts and meanings of the entrepreneurial project. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 23–31. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-23-31

Nataliya V. Titova

Cand. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9676-7203

e-mail: titova5nv@mail.ru

Sergei A. Titov

Cand. Sci. (Econ.), Financial
University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-6857-579x

e-mail: satitov@fa.ru

Введение

Управление проектами играет в современной экономике чрезвычайно важную роль. В рамках проектов, программ и портфелей осуществляется более половины всей хозяйственной деятельности. Проектное управление применяется не только в бизнесе сложившихся компаний, но и в предпринимательстве. Предпринимательство представляет собой динамический социальный процесс, в рамках которого индивиды в одиночку или коллективами выявляют возможности для инноваций и стремятся к их использованию путем трансформации идей в целевые практические действия. В данном определении можно отметить сходство некоторых характеристик предпринимательства с характеристиками проекта. Это и коллективный характер деятельности, и инновационность результатов, и трансформация идей в действия, и наличие целей.

Некоторые авторы отмечают не только практическую близость проектного управления и предпринимательства, но и то, что данные сферы начинают активно обмениваться методами, инструментами и практиками. А. Куура и Р. Ландин отмечают практическую близость предпринимательства и управление проектами [11].

© Титова Н.В., Титов С.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Titova N.V., Titov S.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Л. Фредериксон полагает, что управление проектами может способствовать повышению эффективности предпринимательства, особенно в контексте управления инновациями в компаниях [7]. С. Фонруж, С. Бредилет и С. Фуше считают, что активное взаимопроникновение терминов, методов и практик проектного управления и предпринимательства будет происходить в ближайшем будущем, но при этом обе сферы будут развиваться как самостоятельные дисциплины [6].

Взаимодействие предпринимательства и управления проектами привело к возникновению такого термина, как «предпринимательский проект» [14]. Его можно рассматривать как ключевой термин, находящийся на стыке двух дисциплин и воплощающий в себе их взаимодействие. При том что этот термин становится достаточно распространенным, его понимание на сегодняшний день очерчено в научной и профессиональной литературе достаточно нечетко. Выяснению понимания данного термина посвящена настоящая статья.

Обзор научных исследований и выявление тематических характеристик термина «предпринимательский проект»

Исследования взаимодействия предпринимательства и управления проектами можно условно разделить на два направления. Одно направление обращает внимание на использование концепций, методов и инструментов управления проектами для предпринимательства, реализации инновационных и креативных инициатив. Второе направление фокусируется на адаптации предпринимательских практик в управлении проектами. Естественно, есть авторы, которые стремятся представить обе перспективы (например, С. Фонруж, С. Бредилет и С. Фуше или А. Куура и Р. Ландин), но таких авторов не очень много [6; 11]. Исходя из выявленных направлений, ниже приводится обзор научных источников и выявление на его основе тем, в рамках которых используется термин «предпринимательский проект».

Управление проектами в предпринимательстве

Итак, первое направление обращает внимание на использование концепций, методов и инструментов управления проектами для предпринимательства. Предприниматели на различных стадиях осуществления своих инициатив ведут себя как руководители проектов и используют методы и средства, присущие проектному управлению: определение результатов, календарное планирование, бюджетирование, формирование команды и т. п. Дж. Кизнайт и др. указывают на то, что методы управления проектами часто используются в ходе разработки бизнес-планов стартапов и что предприниматели изучают рыночные возможности путем реализации проектов [9]. А. Куура и Р. Ландин полагают, что предпринимательская деятельность в целом очень похожа на проектную деятельность [11]. Предпринимательские инициативы ограничены по ресурсам и во времени, нацелены на конкретные результаты и имеют комплексную природу. Предприниматели могут адаптировать не только отдельные инструменты проектного управления, но и более полно использовать методологии проектного управления. Н. Мачеридис полагал, что предпринимательство может существенно повысить эффективность за счет активного использования методов и инструментов проектного управления [13].

Некоторые авторы полагают, что предпринимательство и управление проектами может срастаться еще глубже и проявляться как проектное предпринимательство. С. Ферриани, Дж. Каттани и Ч. Баден-Фуллер, изучая кинематографическую деятельность, пришли к выводу, что в этой сфере роли предпринимателя и руководителя проекта соединяются в одну роль проектного предпринимателя (англ. project-entrepreneur) [5]. Проектно-ориентированный взгляд на предпринимательство, предложенный М. Линдгреном и Дж. Пакендорфом, рассматривает предпринимательство как деятельностно и результативно ориентированные акты, направленные на достижение уникальных результатов. Они видят проектных предпринимателей как лидеров, владеющих методами проектного управления и использующих их для реализации своих инициатив, которые имеют характер проектов в силу их уникальной, комплексной, ограниченной по ресурсам и времени природе [12].

О. Белоусова, Б. Гейлли и О. Бассо изучали реализацию предпринимательских инициатив в рамках уже сложившихся компаний и обнаружили, что во внутрикорпоративном контексте предпринимательство организуется как предпринимательские проекты [3]. Л. Фредериксен и А. Дейвис полагают, что проекты становятся механизмами для реализации корпоративного предпринимательства [7]. А. Аскуин, Р. Кондор и К. Шмитт обратили внимание на активное распространение в начале 2000-х гг. понятия «проект» во франко-язычной литературе по предпринимательству [1]. Они считают, что понятие «предпринимательский проект» стало важным для понимания современного предпринимательства в силу распространения так называемого «серийного»

предпринимательства, в рамках которого предприниматели занимаются большим количеством как параллельно, так и последовательно реализуемых инициатив, в каждой из которых им важны результаты к определенному периоду времени.

Таким образом, представления о предпринимательском проекте, как проявлении интеграции проектного управления в предпринимательство, можно охарактеризовать следующими темами:

- использование отдельных инструментов управления проектами в рамках предпринимательской инициативы;
- адаптация методик и методологий проектного управления для управления предпринимательской деятельностью;
- структуризация или осмысление предпринимательских инициатив в виде проектов;
- синоним предпринимательской инициативы.

Предпринимательство в управлении проектами

Практическое и теоретическое взаимодействие предпринимательства и управления проектами происходит также в рамках встречного направления, а именно, направления, в котором предпринимательство интегрируется с проектным управлением.

Еще в 1998 г. П. Маттиссенс и К. Ванденбемпт обратили внимание, что эффективные руководители проектов занимаются развитием предпринимательских способностей среди участников их проектных команд [14]. М. Линдгрэн и Дж. Пакендорф также пришли к выводу, что руководители проектов и их команды все больше становятся инновативными, проактивными, способными генерировать новые решения [12]. Иными словами, они становятся предпринимательски ориентированными. Л. Фредериксен и А. Дейвис полагают, что повышение инновационной активности корпораций, часто сопровождающееся развитием корпоративного предпринимательства, приводит к тому, что процессы управления проектами в корпорациях становятся все более похожи на процессы управления предпринимательскими инициативами [7].

Высокая неопределенность содержания проектов может существенно сблизить их с предпринимательской деятельностью и тем самым подчеркнуть целесообразность освоения предпринимательских практик руководителями проектов. На это обращает внимание сразу несколько авторов, в первую очередь в рамках ситуационного подхода к управлению проектами, который полагает, что и понимание проекта, и содержание управления проектом зависят от характеристик проекта и его окружения.

Так, например, А. Джаафари предложил два измерения для типологии проектов: сложность проектов и сложность окружения [8]. Проекты с высокой сложностью по обоим измерениям были охарактеризованы данным автором как креативно-рефлексивные. Для управления такими проектами важно не просто следование методологии или использование проверенных инструментов, но и инициатива, самоорганизация, гибкость руководителей и сотрудников. Успешный руководитель таких проектов характеризуется открытостью к новому опыту, способностью быстро адаптироваться к изменениям, способностью менять ранее определенные методы и технологии, лидерскими способностями, вниманием к разнообразию точек зрения и подходов к управлению, способностью управлять изменениями. По сути, речь идет о целесообразности освоения руководителем проекта предпринимательских качеств.

Если А. Джаафари не упоминал термина «предпринимательство», то Т. Кук-Дейвис, Л. Кроуфорд и Т. Лехлер в своей типологии систем проектного управления это делают в явном виде [4]. Их типология выделяет два измерения: необходимость дифференциации результатов проектов и необходимость повышения эффективности процессов создания результатов. Квадрант с наивысшими показателями по обоим измерениям получил название предпринимательства. Проекты этого типа характеризуются высокой неопределенностью и сложностью.

А. Куура и Р. Ландин взяли за основу матрицу Дж. Тернера и Р. Кокрейна, которая анализирует типы проектов с точки зрения неопределенности по целям проектов и методам их реализации [11; 15]. По их мнению, проекты с высокой неопределенностью как по целям, так и по методам можно назвать предпринимательскими, так как они данными качествами очень напоминают предпринимательскую деятельность. Они также полагают, что для управления предпринимательскими проектами руководители проектов должны больше применять предпринимательские подходы и практики.

В качестве примеров предпринимательских проектов Т. Кук-Дейвис, Л. Кроуфорд и Т. Лехлер и А. Куура и Р. Ландин приводят проекты инновационных исследований и разработок, разработки и выпуска на рынок

инновационной продукции, новых информационных систем, проекты организационного развития, организационных инноваций, создания нового бизнеса или открытия новых бизнес-направлений [4; 11]. Это действительно в полном смысле предпринимательские инициативы, в которых во главу угла ставится не просто достижение результата в соответствии с требованиями, но создание ценности для бизнеса.

Таким образом, освоение проектным управлением предпринимательства приходит к возможности концептуального определения взаимосвязанных конструктов: предпринимательски-ориентированного руководителя проекта, предпринимательского управления проектами и предпринимательского проекта. При этом в понимании предпринимательского проекта можно выделить следующие темы:

- использование в управлении проектами отдельных практик, подходов и установок, свойственных предпринимателям;
- расширение представлений о проекте путем включения в рассмотрение предпринимательских задач по поиску возможностей;
- присутствие высокой неопределенности, свойственной предпринимательской деятельности, в содержании, целях проекта, методах его реализации, внешнем контексте;
- необходимость создания в рамках проекта бизнес-ценности, а не просто продукта, соответствующего ранее сформулированным требованиям.

Подводя итог обзору специализированной научной литературы, можно заключить, что термин «предпринимательский проект» понимается исследователями по-разному. Более того, не только определений, но и хотя бы упорядочения представлений о предпринимательском проекте нет ни в научной, ни в профессиональной литературе. Это обусловило актуальность настоящего исследования, его основной исследовательский вопрос и методологию исследования в целом.

Методология исследования

Проведенный анализ научных источников позволил выявить темы, в рамках которых происходит осмысление и использование термина «предпринимательский проект», и определить исследовательский вопрос: «Какие характеристики предпринимательского проекта распространены в профессиональном и научном русско- и англоязычном дискурсе и в какой мере?».

Методология исследования носила смешанный (качественно-количественный) характер [2]. Качественными методами выступили тематическое кодирование источников, содержащих термин «предпринимательский проект». Количественными методами явились статистическая выборка источников и количественное обобщение результатов кодирования источников [10].

Поиск и отбор источников

Для анализа использования термина «предпринимательский проект» отбирались источники, обнаруженные по запросам «предпринимательский проект» и «entrepreneurial project» в русскоязычном и англоязычных сегментах сети «Интернет» (далее – Интернет) с помощью поисковой системы Google в рамках общего поиска, в разделе «Книги», а также в сервисе Google Scholar. Кроме того, отбирались источники в системах индексирования научной литературы Scopus (для англоязычных источников) и elibrary.ru (для русскоязычных).

Все выявленные источники были пронумерованы внутри категорий поиска. Затем случайным образом было сформировано три выборки из всех категорий, так чтобы они покрывали не менее трети всех обнаруженных источников. Выявление источников произведено 3 сентября 2021 г. Анализ источников осуществлялся в период с 3 сентября по 19 сентября 2021 г. авторами статьи.

Анализ источников и тематическое кодирование

Выбранные источники анализировались на предмет того, в разрезе каких из выявленных выше тем использовался термин «предпринимательский проект». Для этого находилось упоминание термина и прочитывался абзац, в котором встречался термин. Если содержание абзаца не позволяло определить тематические аспекты использования термина, то прочитывался предшествующий и последующий абзац. В ходе прочтения, аналитик определял одну или несколько тем, которые соотносились с прочитанным текстом. Если в источнике термин встречался несколько раз, то процедура прочтения и тематического кодирования применялась ко всем фрагментам, содержащим исследуемый термин. Все источники прочитывались и кодировались двумя аналитиками (ими выступали авторы статьи) параллельно и независимо друг от друга.

Тематическое кодирование учитывалось, если оба аналитика приписывали тему одному документу. В случае если тема приписывалась только одним аналитиком, то код не присваивался. Тематическое кодирование и дальнейший количественный анализ производился в разрезе источников, а не отдельных их фрагментов. В результате анализа один источник получал один или несколько тематических кодов, либо не получал ни одного.

Система тематического кодирования была принята как иерархическая (табл. 1). Источник не может получить непосредственно тематический код «Управление проектами в предпринимательстве», не получив ни одного из субкодов. Если источник получал субкод «Методики управления проектами в предпринимательстве» (или иной из группы того же кода «Предпринимательство в управлении проектами»), то он автоматически получал код «Предпринимательство в управлении проектами». Система допускала множественное кодирование. Один источник мог получить несколько субкодов в любом сочетании, в том числе и из двух разных кодовых групп. Для тематического кодирования использовалась программа MAXQDA [10].

Таблица 1

**Система тематического кодирования и ее связь с выявленными темами
использования термина «предпринимательский проект»**

Тема проявления термина «предпринимательский проект»	Тематическое направление	Тематический код	Тематический субкод
Использование отдельных инструментов управления проектами в рамках предпринимательской инициативы	Управление проектами в предпринимательстве (УПвП)	Управление проектами в предпринимательстве (УПвП)	Инструменты управления проектами в предпринимательстве (ИнстрУПвП)
Адаптация методик и методологий проектного управления для управления предпринимательской деятельностью			Методики управления проектами в предпринимательстве (МетУПвП)
Структуризация или осмысление предпринимательских инициатив в виде проектов			Проекты как форма предпринимательства (УПкакП)
Синоним предпринимательской инициативы			Проекты равны предпринимательству (УП=П)
Использование в управлении проектами отдельных практик, подходов и установок, свойственных предпринимателям	Предпринимательство в управлении проектами (ПвУП)	Предпринимательство в управлении проектами (ПвУП)	Практики предпринимательства в управлении проектами (ППвУП)
Расширение представлений о проекте путем включения в рассмотрение предпринимательских задач по поиску возможностей и тестированию бизнес-идей			Анализ возможностей в управлении проектами (ПВозмУП)
Присутствие высокой неопределенности, свойственной предпринимательской деятельности, в содержании проекта, целях проекта, методах его реализации			Неопределенность проектов как предпринимательство (ПНеопрУП)
Необходимость создания в рамках проекта бизнес-ценности, а не просто продукта, соответствующего ранее сформулированным требованиям			Создание бизнес-ценности в проектах как предпринимательство (ПЦеннУП)

Составлено авторами по материалам исследования

Количественное обобщение результатов анализа

По результатам тематического кодирования были определены абсолютные значения количества источников, имеющих коды и субкоды из таблицы 1. Также были определены относительные показатели в виде процентов источников с соответствующими кодами и субкодами к общему количеству источников как вообще, так и в рамках отдельных тематических направлений. Количественное обобщение производилось как

отдельно для англоязычных и русскоязычных источников, так и двух групп вместе. Результаты обобщения визуализировались с помощью простых столбчатых диаграмм распределения по темам использования термина «предпринимательский проект».

Результаты исследования

Поиск и отбор источников

В англоязычном Интернете по запросу «entrepreneurial project» поисковая система Google находит 168 информационных статей, в которых в явном виде присутствует данное словосочетание. В разделе «Книги» системы Google обнаруживается 298 ссылок. В системе индексации научной литературы Google Scholar выявляется около 960 источников. По аналогичному словосочетанию в базе индексирования Scopus (поиск по названию, ключевым словам и аннотации, поиск ограничен областью знаний «Бизнес, менеджмент и учет») находится 145 статей. Таким образом, всего обнаружен 1 571 источник, использующий термин «entrepreneurial project» (табл. 2)

В русском Интернете поисковая система Google по запросу «предпринимательский проект» находит около 149 источников. В разделе книги выявляется 130 ссылок на источники. В системе Google Scholar обнаруживается около 515 статей. В системе индексации elibrary.ru находится 75 статей (поиск по названию, ключевым словам и аннотации). Итого в русскоязычном информационном поле обнаруживается 869 источников с использованием термина «предпринимательский проект» (табл. 2).

Таблица 2

Сводные сведения об обнаруженных источниках с использованием термина «предпринимательский проект» (в англоязычной версии «entrepreneurial project»)

Категория источников	Количество англоязычных источников				Количество русскоязычных источников			
	Обнаруженных, ед.	Анализируемых в рамках одной выборки, ед.	Всего проанализированных в рамках трех выборок		Обнаруженных, ед.	Анализируемых в рамках одной выборки, ед.	Всего проанализированных в рамках трех выборок	
			ед.	%			ед.	%
Источники, индексируемые в общей в системе Google	168	19	57	34	149	17	51	34
Источники, индексируемые в разделе «Книги» системы Google	298	33	99	33	130	15	45	35
Источники, индексируемые в системе Google Scholar	960	117	351	37	515	58	174	34
Источники, индексируемые в научных базах Scopus (для англоязычных) и elibrary.ru (для русскоязычных)	145	16	48	33	75	9	27	36
Всего	1571	185	555	35	869	99	297	34

Составлено авторами по материалам исследования

Тематическое кодирование и количественное обобщение

Рассмотрим результаты количественного анализа тематического кодирования источников. Полученные данные свидетельствуют, что в профессиональном и научном дискурсе доминирует представление о предпринимательском проекте как о проявлении применения методов управления проектами в предпринимательстве. 80 % всех источников с использованием термина «предпринимательский проект» можно отнести именно к этому направлению. Кроме того, небольшая часть источников (6 % в англоязычных, 8 % в русскоязычных и 7 % всего) может быть отнесена к обоим направлениям одновременно.

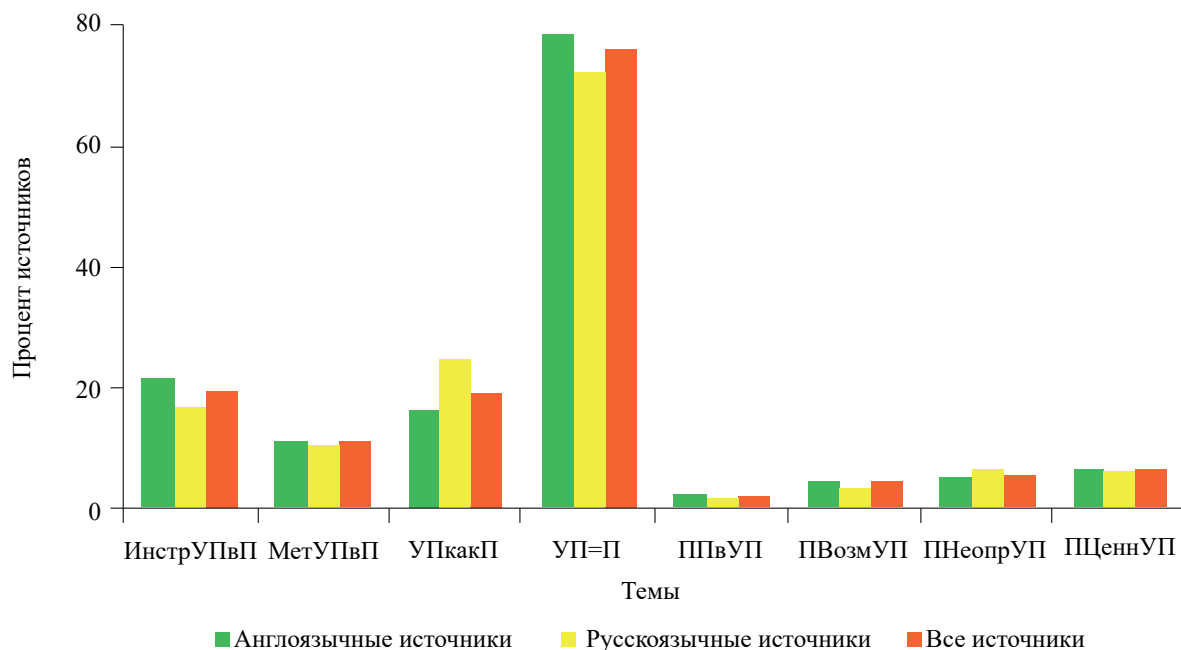
Внутри направления «Управление проектами в предпринимательстве» существенно преобладает тема «Проекты равны предпринимательству (УП=П)». Внутри направления данный код получили 91 % англоязычных и 82 % русскоязычных источников. В рамках обоих направлений данная тема обнаружена в 78 % англоязычных и 72 % русскоязычных источниках.

В англоязычных источниках следующим по значимости идет тема «Инструменты управления проектами в предпринимательстве (ИнстрУПвП)» (25 % внутри направления и 22 % по обоим направлениям), затем «Методики управления проектами в предпринимательстве (МетУПвП)» (19 % и 16 %), и затем «Проекты как форма предпринимательства (УПкакП)» (13 % и 11 %).

В русскоязычных источниках второй по значимости темой в направлении «Управление проектами в предпринимательстве (УПвП)» идет «Проекты как форма предпринимательства (УПкакП)» (28 % внутри направления и 25 % по обоим направлениям). После этого следует «Инструменты управления проектами в предпринимательстве (ИнстрУПвП)» (19 % и 17 %), и затем «Методики управления проектами в предпринимательстве (МетУПвП)» (12 % и 11 %).

Внутри направления «Предпринимательство в управлении проектами (ПвУП)» использование тем более равномерно и больше отличается в группах англоязычных и русскоязычных источников. В англоязычных источниках в этом направлении самым распространенным оказалась тема «Создание бизнес-ценности в проектах как предпринимательство (ПЩеннУП)» (41 % внутри направления и 7 % по обоим направлениям). А в русскоязычных источниках первой оказалась тема «Неопределенность проектов как предпринимательство (ПНеопрУП)» (45 % и 7 %). В англоязычных источниках второй оказалась тема «Неопределенность проектов как предпринимательство (ПНеопрУП)» (33 % и 5 %). Эти две темы можно отнести к наиболее распространенным в рамках направления «Предпринимательство в управлении проектами».

Общая картина распределения источников по темам показана на рисунке 1.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Распределение источников с термином «предпринимательский проект» по темам его использования

Рисунок 1 наглядно демонстрирует, что именно тема «Проекты равны предпринимательству (УП=П)» является доминирующей. Также видно заметное превосходство тематического направления «Управление проектами в предпринимательстве (УПвП)». Кроме того, распределение тем и тематических направлений в англоязычных и русскоязычных источниках отличается не сильно.

Выводы

Результаты исследования свидетельствуют, что профессиональное и научное сообщество по управлению проектами видит в качестве наиболее актуального направления использование проектного управления в предпринимательстве. Но при этом такое использование чаще всего сопровождается простым переносом понятия «проект» в сферу предпринимательства и обозначения им практически любой предпринимательской инициативы. Иными словами, имеет место, прежде всего, терминологическое взаимодействие этих двух областей. Содержательное их взаимообогащение пока еще заметно отстает. В целом, следует согласиться с авторами, исследовавшими взаимодействие предпринимательства и управления проектами, что эти две дисциплины пока еще слабо взаимодействуют, хотя ключевые характеристики деятельности в рамках этих двух областей во многом сходны, что и способствует распространению термина «предпринимательский проект».

Проникновение предпринимательских практик в сферу управления проектами обнаруживается в заметно меньшей степени, нежели в противоположном направлении. Проектное управление, как дисциплина и сфера деятельности, продолжает носить в первую очередь операционный, исполнительский характер. Это по преимуществу теория и практика достижения четко поставленных целей. Конечно, высокая неопределенность и динамизм контекста приводят к развитию гибких методик управления проектами. Но это развитие пока еще не приводит к заметной адаптации предпринимательских подходов. Можно предположить, что по мере повышения неопределенности и динамизма хозяйственной среды современных проектов понятие «предпринимательский проект» будет характеризоваться более содержательной интеграцией методов и подходов предпринимательства и управления проектами.

Библиографический список / References

1. Asquin, A., Condor, R., Schmitt, C. Studying entrepreneurial project: Opportunities and new avenues in the field of entrepreneurship research, *Paper presented at the 1st International Conference "Entrepreneurship, Innovation and SMEs"*, November 3–4, 2011, 14 p.
2. Bazeley, P. Mixed methods in management research: Implications for the field, *Electronic Journal of Business Research Methods*, 2015, vol. 13, no. 1, pp. 27–35.
3. Belousova, O., Gailly, B., Basso, O. A conceptual model of corporate entrepreneurial behavior, *CRECIS Working paper 09/16*, 2010, June. Available at: https://www.uclouvain.be/cps/ucl/doc/crecis/documents/2010-06_Belousova.pdf (accessed 07.06.2021).
4. Cooke-Davies, T. J., Crawford, L. H., Lechler, T. G. Project management systems: moving project management from an operational to a strategic discipline, *Project Management Journal*, 2009, vol. 40, no. 1, pp. 110–123.
5. Ferriani, S., Cattani, G., Baden-Fulle, Ch. The relational antecedents of project-entrepreneurship: Network centrality, team composition and project performance, *Research Policy*, 2009, vol. 38, no. 10, pp. 1545–1558. <https://doi.org/10.1016/J.RESPOL.2009.09.001>
6. Fonrouge, C., Bredillet, C., Fouché, C. Entrepreneurship and project management relationships: So far so good? Dialogic conversation and Luhmannian perspective, *International Journal of Managing Projects in Business*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 6–24. <https://doi.org/10.1108/IJMPB-01-2018-0013>
7. Frederiksen, L., Davies, A. Vanguards and ventures: Projects as vehicles for corporate entrepreneurship, *International Journal of Project Management*, 2008, vol. 26, no. 5, pp. 487–496. <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2008.05.006>
8. Jaafari, A. Project management in the age of complexity and change, *Project Management Journal*, 2003, vol. 34, no. 4, pp. 47–57.
9. Kiznyte, J., Welker, M., Dechange, A. Applying project management methods to the creation of a start-up business plan: the case of Blendee, *PM World Journal*, 2016, vol. 5, no. 5, pp. 1–24.
10. Kuckartz, U., Rädiker, S. Using MAXQDA for mixed methods research, *The Routledge Reviewer's Guide to Mixed Methods Analysis*, ed. by A. J. Onwuegbuzie, R. B. Johnson, 2021, 14 p.
11. Kuura, A., Lundin, R. A. Process perspectives on entrepreneurship and projects, *International Journal of Managing Projects in Business*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 25–47. <https://doi.org/10.1108/IJMPB-12-2017-0165>

12. Lindgren, M., Packendorff, J. A project-based view of entrepreneurship: towards action-orientation, seriality and collectivity, *New Movements in Entrepreneurship*, ed. by C. Steyaert, D. Hjorth, Cheltenham, Edward Elgar, 2003, pp. 86–102.
13. Macheridis, N. Agility in entrepreneurial projects. *Lund Institute of Economic Research Working Paper Series*, 2009, no. 3, pp. 73–82.
14. Matthyssens, P., Vandenbempt, K. Creating competitive advantage in industrial services, *Journal of Business and Industrial Marketing*, 1998, vol. 13, no. 4-5, pp. 339–355. <https://doi.org/10.1108/08858629810226654>
15. Turner, J. R., Cochrane, R. A. Goals-and-methods matrix: Coping with projects with ill defined goals and/or methods of achieving them, *International Journal of Project Management*, 1993, vol. 11, no. 2, pp. 93–102.

УДК 94(47) 046-047-048

JEL H83

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-32-38

**Филимонов Дмитрий
Александрович**

канд. соц. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-4041-5238

e-mail: fda70@yandex.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. Начало XVIII в. – эпоха преобразований Петра I, затронувших многие сферы жизнедеятельности российского общества, и, в частности, вызвавших перестройку высшей политической элиты. Реформы были, с одной стороны, обусловлены процессами конца XVII в., с другой – спецификой петровского абсолютизма и длительным периодом военных действий. В статье проанализированы особенности петровских реформ высшей политической элиты. Рассмотрены предпосылки реформ, проанализирована кадровая политика Петра I, ее подходы и принципы. Особое внимание уделено институциональным изменениям, при этом были рассмотрены механизмы, использованные Петром I при замене устаревших институтов новыми. Анализ качественного состава элиты позволил установить преемственность между петровской политической элитой и аристократией прежнего периода с изменением принципов взаимодействия. Послереформенное российское государство строится уже не на принципах «служилого государства», а на абсолютизме с рациональным подходом и принципом «годности».

Ключевые слова: политическая элита, аристократия, служилое государство, Россия в XVIII веке, Петр I, петровские реформы, кадровая политика Петра I, церковная политика Петра I

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42064.

Цитирование: Филимонов Д.А. Модернизация политической элиты российского государства в контексте петровских преобразований // Вестник университета. 2021. № 10. С. 32–38.

Dmitry A. Filimonov
Cand. Sci. (Soc.), State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4041-5238
e-mail: fda70@yandex.ru

MODERNISATION OF THE RUSSIAN STATE'S POLITICAL ELITE IN THE CONTEXT OF PETER THE GREAT'S TRANSFORMATIONS

Abstract. Early eighteenth century was the age of Peter the Great's transformations, which affected many spheres of life of Russian society, and, in particular, caused the restructuring of the highest political elite. The reforms were, on the one hand, conditioned by the processes of the late seventeenth century, on the other hand, by the specificity of Peter's absolutism and the long period of warfare. The article analyses the features of Peter's reforms of the higher political elite. The background to the reforms has been examined, and Peter the Great's personnel policy, approaches and principles have been analysed. Particular attention has been paid to institutional change, looking at the mechanisms used by Peter the Great in replacing obsolete institutions with new ones. An analysis of the qualitative composition of the elite made it possible to establish a continuity between the political elite of Peter the Great and the aristocracy of the earlier period, with a change in the principles of interaction. The post-reform Russian state is no longer built on the principles of the "servant state", but on absolutism with a rationalist approach and the principle of "suitability".

Keywords: political elite, aristocracy, servant state, Russia in the eighteenth century, Peter the Great, Peter the Great's reforms, personnel policy of Peter the Great, Church policy of Peter the Great

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-09-42064.

For citation: Filimonov D.A. Modernisation of the Russian state's political elite in the context of Peter the Great's transformations. *Vestnik universiteta*, 2021, no. 10, pp. 32–38. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-32-38

Введение

Преобразования, проведенные Петром I, затронули все сферы жизни российского общества. Перестройка общественных отношений требовала и модернизации механизмов управления на всех уровнях, начиная с политической элиты. Во многом будущие трансформации элиты были предопределены процессами конца XVII в., ознаменовавшимися как серьезными переменами в государственном управлении, так и острым противостоянием элитных групп. Масштабные институциональные изменения, проведенные Петром I, дали развитие наметившимся ранее тенденциям и сопровождалось острым противостоянием царя и приверженных его курсу политических элит со старой московской элитой. «Служилое государство» XVII в., бывшее переходной формой от Средневековья к Новому Времени и сыгравшее ключевую роль в выходе страны из кризиса начала XVII в., в процессе петровских реформ уступает место государству в полной степени соответствующем реалиям Нового Времени.

Материалы и методология

Эпоха петровских преобразований в целом и петровские преобразования высшей политической элиты в частности на протяжении длительного времени вызывают интерес исследователей. Среди отечественных исследователей, внесших наибольший вклад в разработку темы, прежде всего следует отметить работу А. Б. Каменского. Автору удалось провести комплексный анализ большого спектра работ, касающихся петровских преобразований [1]. Подробный анализ предпосылок, предопределивших и обусловивших петровские реформы в предыдущем XVII в. проведен в работах Г. В. Талиной [7]. Полное изложение биографии Петра I и хронологии его реформ изложено в работе Н. И. Павленко [3].

Предпосылки элитных трансформаций через изменение структуры государственной службы в конце XVII в. были проанализированы в работах Г. В. Талиной и А. С. Лаврова [2; 7]. Ряд исследователей уделил внимание непосредственно вопросам трансформации высшей политической элиты в процессе петровских преобразований. Прежде всего здесь следует отметить работу С. В. Черникова, где автор подробно анализирует состав и структуру высшей политической элиты эпохи Петра I [9]. Автором проведено серьезное исследование механизмов ее формирования. Представляет интерес работа Н. Н. Петрухинцева, посвященная анализу иностранного присутствия в российской высшей политической элите [5]. Не обошли вниманием вопросы формирования политической элиты и придворного общества при Петре I и иностранные исследователи. Особый интерес здесь представляет работа Р. Уортмана [8]. Кроме того, подробный анализ церковной политики провел П. А. Будин, который подробно проанализировал и обосновал механизм выбора Петром I модели проведения церковной политики и трансформации религиозной элиты [4].

Анализ приведенных работ позволяет утверждать, что имеется серьезный теоретический задел по исследованию как петровских преобразований в целом, так и трансформации высшей политической элиты в петровскую эпоху, в частности. Представляется важным уделить особое внимание трансформации внутриэлитных отношений в эту эпоху.

Результаты

Изменение характера политической элиты в процессе петровских реформ было подготовлено и отчасти предопределено политическими процессами предыдущей эпохи. Наиболее значимыми из них представляются формирование в XVII в. «служилого государства» вкупе с развитием абсолютизма; кардинальные изменения роли аристократии, сопровождавшиеся ликвидацией института местничества, столь значимого в предыдущую эпоху для регулирования внутриэлитных отношений, серьезные внутриэлитные противоречия конца XVII в. «Служилое государство» имело в качестве своей ключевой идеи службу Богу через службу царю, ценности царской службы и милости от царя. Служебное продвижение, получение чинов и назначений, включение в ближний царский круг рассматривалось как проявление этой царской милости, что к 1660-м гг. привело к приоритету лиц, получивших назначения от государя над теми, кто несмотря на высокое происхождение таких назначений не получил. Такое назначение – пожалование лично от царя могло частично компенсировать такие критерии, как происхождение и чин [7]. Формирующаяся абсолютистская модель власти, не отрицая роли аристократии в управлении государством, вместе с тем не признавала ее как

самостоятельную силу, что привело к пересмотру значимости происхождения, прав и привилегий аристократии, в пользу усиления принципов службы государству. В связи с этим царская власть пришла к выводу о необходимости ликвидации института местничества. Местнические отношения рассматривались не только как противоречия между служилыми людьми, но и как противоречие монаршим решениям. Возрастание роли службы в местнических отношениях, возникновение значительного числа «безместий» сокращало пространство местнических отношений вплоть до их отмены в 1682 г. Внутриэлитная борьба в конце XVII в. выразилась прежде всего через противостояние между Нарышкиными и Милославскими. Краткое правление Федора Алексеевича сменилось регентством Софьи Алексеевны над малолетними Иваном Алексеевичем и Петром Алексеевичем. Матери царей-соправителей происходили из конкурирующих фамилий, что и способствовало борьбе аристократов за политическое влияние, выдвинуло на первый план аристократов. Механизмом укрепления положения при дворе и влияния становится введение в Боярскую Думу и государев двор большего числа своих сторонников, что приводит к появлению в политической элите «излишнего контингента» [9, с. 369] Дума оказывается в роли инструмента борьбы, в то время как реальное управление страной сосредотачивается в руках относительно узкой группы людей. Кризис служилой структуры, усиленный политическими противоречиями, приводит к развалу как в армии, так и во всей иерархии служилых чинов [6].

С конца XVII в. Петр I начинает кадровые реформы. На начальном этапе его действия традиционны для системы власти: царь принимается за «перебор людишек». В этот перебор входят казни отдельных персон, конфискации, опалы на некоторых видных бояр, отстранение от ключевых должностей в управлении ряда руководителей с выдвижением на эти ключевые позиции надежных и верных ему людей, в том числе из «подлых», таких как Меншиков или Шафиров. Помимо смены ключевых политических фигур проводился и «перебор» среди бюрократии. После августа 1689 г. ряд дьяков из крупных центральных приказов, державших ранее в своих руках основные нити бюрократической работы, были перемещены в провинцию. По мнению А. С. Лаврова, эти перемещения были обусловлены стремлением избавиться от тех, кто служил прежнему правительству и необходимостью подкрепить авторитет новых руководителей – сторонников Нарышкиных назначениями опытных кадров, на которые должна приходиться основная тяжесть административной работы [2].

Продолжением кадровой политики Петра I становятся институциональные изменения. Последовательно разрушаются старые институты государева двора. При этом царь действует не посредством грозных указов, решительно упраздняющих те или органы или чины, а лишает их подпитки кадрами [2]. Принятие наиболее важных политических решений переносится в новые органы управления, численность же старых неуклонно уменьшается. Со временем Боярская дума, не получившая кадровой подпитки, становится собранием старцев с весьма ограниченными полномочиями. Разрушение прежнего государева двора было частью разрушения всей старой чиновничьей иерархии, причем в наибольшей степени эти разрушения коснулись именно верхних ступеней служилой лестницы. Проводимые изменения не были изначально запланированы Петром. Однако начавшаяся Северная война обнаружила серьезные проблемы в эффективности государственного управления, которые Петр не мог игнорировать. Ему не удалось решить стоящие задачи, действуя по сценарию своих предков, используя думных и служилых людей и, при необходимости формируя дополнительные приказы и перераспределяя функции старых. Государственная машина не справлялась с возрастающей нагрузкой военного времени, постоянно давала сбой. Институт Боярской думы находился к началу XVIII в. в серьезном кризисе. Несмотря на наметившуюся ее бюрократизацию, в составе Думы преобладала титулованная и старомосковская знать, родственники царя и царицы, фавориты. Другими словами, процесс трансформации из института, представляющего интересы знати в профессиональный бюрократический институт с отработанными технологиями принятия решений, шел слишком медленно. Боярская дума не стала высшим бюрократическим учреждением типа главного приказа, который мог бы взять на себя на постоянной основе функции координации деятельности всех приказов [2].

В условиях распада старой служилой системы и постоянно ведущихся военных действий усиливается роль армии в качестве социального лифта. Отмечается, что если в 1692 г. из 6 686 человек столичных служилых в воинских начальных людях числилось 581 человек, что составляло 8,7 % их состава, то к 1721 г. их доля возрастает до 1 005 человек, что составляло порядка трети от общего числа служилых [2, с. 491]. Трансформируется властная идеология: вводится светский рационалистический образ власти, базирующийся на принципе «общего блага». Отношения между монархом и элитой строятся на основе служения не персоне,

а интересам государства как высшей ценности. Согласно мнению Петра, принцип «годности» распространялся как на дворянство, так и на самого императора [8, с. 97]. Это принцип, оформившийся в процессе реформ в формулу «знатность по годности считать», был воплощен в Табели о рангах. В этом документе фиксируется полный разрыв с прежней иерархией и установление принципиально новой лестницы чинов.

Рассматривая процессы трансформации политической элиты, невозможно не отметить значимость в России того времени религиозной элиты. Религиозная составляющая присутствовала во многих государственных ритуалах, патриарх был одной из самых влиятельных фигур в российском обществе. Сам механизм легитимации власти носил религиозный характер. Провести масштабные социально-политические изменения без церковного участия или хотя бы благословения было невозможно. С учетом того, что церковь в процессах трансформации занимает, как правило, традиционную позицию, а не новаторскую, она становится тормозом на пути реформ. Это обусловило необходимость Петру I взять под контроль церковную верхушку и вписать этот институт в формирующуюся политическую систему, базирующуюся на принципах рациональности и абсолютизма. Петр искал новую модель государственно-церковного взаимодействия среди зарубежных моделей. Он интересовался положением англиканской церкви, идеями Лютера, и в особенности механизмами церковного управления в Швеции. По мнению царя, церковь не должна ни в коем случае иметь каких-либо претензий к власти. Эта установка отменяла заимствование каких-либо католических моделей. Именно шведская модель, согласно которой церковь должна целиком подчиняться светской власти, была взята Петром за образец в процессе проведения церковной реформы [4].

Петр I не позволил после смерти патриарха Адриана в 1700 г. избрать нового патриарха, учредив Монастырский приказ во главе с боярином И. А. Мусиным-Пушкиным, который мало считался с местоблюстителем патриаршего престола Стефаном Яворским и другими церковными иерархами. Продолжавшееся до 1721 г. неопределенное положение церкви завершилось упразднением патриаршества и почти 200-летним синодальным периодом в ее истории. Управление делами церкви было передано Духовной коллегии (Святейшему Синоду), что поставило церковь в подчиненное положение по отношению к государству. Была введена жесткая система ограничений для поступления в монахи, а посредством податной реформы 1718 г. была еще и резко ограничена численность духовенства, введенного в штаты. Однако помимо административных мер необходимо было их идейно обосновать и сформировать новые церковные кадры, способные в этих условиях руководить церковной жизнью. Решить эти задачи Петру удалось выдвижением на руководящие посты двух выходцев с Малороссии: Феодосия Яновского и Феофана Прокоповича. Оба они были хорошо образованы в контексте западных ценностей, что позволяло им наилучшим образом понимать политику, проводимую царем. Феодосий Яновский был деятельным администратором. Его усилиями в Санкт-Петербурге была основана Александро-Невская лавра, ставшая главным духовным центром новой столицы, что способствовало ее освящению (а значит и легитимации) в глазах общества. В новой лавре была организована Славянская школа, готовившая монахов для последующего назначения в епархии. Помимо этого, Феодосий стал первым вице-президентом Святейшего Синода, активно заботясь о делах церкви. Феофан Прокопович стал идеологом церковной реформы и создателем «Духовного регламента», зафиксировавшего приоритет светской власти над церковной. Согласно «Духовному регламенту» императоры приобретали главенствующую роль в церкви. «Духовный регламент» стал основным документом, определяющим государственно-церковные отношения на весь синодальный период. «Регламент» представляет собой церковный устав. В нем много внимания уделено вопросам церковной дисциплины, правилам ведения церковных книг и преподавательской деятельности священников. Церковь представлена как организация в ряду других организаций без подчеркивания ее мистической сущности как тела Христова. Реформа вызвала хоть и скрытое, но значительное недовольство в священнической среде. Купировать это недовольство Петру удалось оригинальным шагом: коллегия была преобразована в Синод, который не должен был подчиняться как другие коллегии Сенату, но был уравнен с ним в правах. Равноценность Синода и Сената порождала конфликты между этими органами по поводу принятия решений в различных областях социальной сферы, что потребовало создание специального органа для их сотрудничества. В этих условиях церковь боролась уже не за собственную самостоятельность от государственной власти, а за сохранение максимума влияния в общественной структуре.

Поскольку под высшей политической элитой мы понимаем круг лиц, непосредственно причастных к принятию важнейших политических решений, в государстве следует очертить этот круг применительно к данной

эпохе. По мнению Исабель де Мадарьяга аристократию в России XVII–XVIII вв. следует определять, как общественную группу, отмеченную «происхождением, наследственным или приобретенным состоянием, социальным и политическим статусом, и даже властью, впрочем весьма хрупкой, а также осознанием собственной принадлежности к элите, участвующей в управлении государством» [10, с. 273]. Эта группа представлена верхушкой гражданской, придворной и военной службы, имеющей возможность либо личного, либо институционального влияния на принимаемые политические решения. С. В. Черников, анализируя состав политических элит периода петровских реформ (1701–1725 гг.) выделяет пять категорий лиц. Первая – 22 человека членов «консилиев министров» (1707–1708 гг.); вторая – 33 сенатора из высших сенатских чинов (за период 1711–1725 гг.); третья – 40 человек президентов и вице-президентов коллегий (за период 1717–1725 гг.), а также руководители других центральных учреждений государства: Кабинета Петра I, Тайной, Медицинской, Главной дворцовой, Петербургской полицмейстерской канцелярий, Канцелярии от строений, Преображенского Монастырского, Ямского приказов; четвертая – 36 человек высшей губернской администрации (за период 1708–1725 гг.), включавшей в себя губернаторов, вице-губернаторов, а также лиц, реально управлявших губерниями; пятая – 98 человек генералитета, к которому отнесены военные и морские чины, упоминаемые в 1–5 классах Табели о рангах [9, с. 370–371].

Анализ качественного состава представленных выше категорий элит показывает несостоятельность двух мифов о Петре I, по сегодняшний день присутствующих в массовом сознании.

Первый миф провозглашает особую любовь Петра к иностранцам и его готовность жаловать их наиболее значимыми политическими постами в ущерб национальным русским кадрам. С. В. Черниковым в результате статистической обработки царской переписки 1701–1713 гг. было выявлено, что респондентами в 71 % случаев (132 человека) были русские и только оставшиеся 29 % (55 человек) иноземцами. Критерием разделения кадров на национальные и иноземные выступает религиозная принадлежность и время ее принятия. К русским (независимо от этнической принадлежности) относятся родившиеся на территории России и принявшие православие до начала царствования Петра I. К иноземцам отнесены люди родившиеся за пределами страны даже если в период царствования Петра они приняли православие. Гражданская администрация при Петре состояла преимущественно из русских (89 % или 85 % из 96 человек), однако принципиально иной была ситуация в генеральских чинах армии и флота, где соотношение русских с иноземцами было всего 55 % на 45 % [9, с. 372]. Такое соотношение обусловлено тем, что иностранцы как правило приглашались в Россию в качестве советников и специалистов. Зарубежный опыт в различных областях (технике, медицине, юриспруденции, военному делу) был необходим при проведении модернизации страны. Северная война, сопровождавшаяся милитаризацией экономики и системы управления страны, требовала соответствующие кадры специалистов. Для иностранца в русском государстве и ранее было проще всего сделать карьеру именно на военной службе, в период же военных действий эта возможность превращается в мощный канал вхождения в российскую элиту. Однако в действующей армии формирование военной элиты проходит в полевых условиях, вне двора и придворных церемониалов, позволяющих продемонстрировать место каждого в элитной структуре. Сами военные-иноземцы не идентифицировали себя как часть российской политической элиты, считая себя наемными военными специалистами. Они не были инкорпорированы в российское дворянство и не имели права владеть земельной собственностью ввиду наличия вероисповедных и социальных барьеров. Исключение составляли лишь ново завоеванные прибалтийские и отчасти украинские земли, однако и здесь не было им гарантий прочного и стабильного землевладения [5, с. 236]. Лишь немногим иноземцам удалось закрепиться в российской политической элите и оказывать влияние на внутрисполитическую жизнь страны.

Второй миф, закрепившийся в массовом сознании и поддерживавшийся как в царское, так и впоследствии в советское время, – это миф о «демократичности» Петра I. При этом приводится как пример приближение к царю неродовитого А. Д. Меншикова. Литература и кинематограф рисуют образ царя-труженика, вместе с простым народом занимающимся физической работой, благоволящего к простым людям более чем к родовитым. Вместе с тем Н. И. Павленко отмечал, что «внешний демократизм Петра никого не вводил в заблуждение относительно истинного характера его власти» [3, с. 245]. Сам царь не стремился стать народным царем, твердо зная, что в его государстве есть «благородное» сословие, призванное править и «подлое» сословие, призванное подчиняться.

Этот миф опровергает и упомянутое исследование С. В. Черникова. В исследовании была рассмотрена «русская» часть российской политической элиты и проанализировано ее происхождение. Для этого она была разделена на следующие четыре группы. Первая группа – фамилии, члены которых служили в высоких чинах (бояр и окольничих) до воцарения Романовых и сохранившие свой статус на протяжении XVII в. Сюда отнесены 15 фамилий, давших петровской политической элите 1701–1725 гг. 39 человек (порядка 30 %). К второй группе отнесены представители фамилий, которые достигли думных чинов со момента начала правления династии в 1613 г. до начала правления Петра в 1689 г. К этой группе отнесены 32 рода, делегировавших в петровскую элиту 42 человека (порядка 32 %). К третьей группе отнесены те фамилии, представители которых не входили в Боярскую думу, но были дворянами или занимали верхние позиции приказных служителей. Сюда отнесены 40 фамилий, из которых 45 представителей (порядка 34 %) оказались в составе петровской элиты. Вошедшие же в петровскую элиту недворяне составили четвертую самую малочисленную группу. В нее вошло всего 6 человек от разных фамилий (порядка 5 % состава петровской элиты). Это А. Д. Меншиков, П. П. Шафиров, А. В. Макаров, А. А. Курбатов, И. И. Исаев, Ф. М. Склеяев [9, С. 373–380]. Отсюда напрашивается вывод о том, что кадровая политика Петра I была ориентирована отнюдь не на усиление вертикальной мобильности и рекрутирование элиты снизу, а на традиционную элиту, сформировавшуюся в предыдущую эпоху. Небольшие же объемы вертикальной мобильности, проходящей благодаря личным качествам и заслугам, характерны практически для любой политической системы и способствуют сохранению эффективности управления политической элитой. Петру в процессе реформ мешала не столько старая аристократия как таковая, сколько устаревшие принципы ее комплектования и занятия ею политически значимых должностей. Проведенные в конце XVII в. реформы и, в частности, отмена местничества, а также нестабильное положение аристократии позволило Петру перевести свои отношения с ней в новый формат.

Заключение

Петровские реформы, серьезнейшим образом переменявшие российское общество начала XVIII в., нуждались в резком повышении эффективности управления государством, прежде всего центрального управления. Длительный период войны, которая иногда велась на два фронта требовал, с одной стороны, быстрой перестройки, адаптации управленческой системы к военным нуждам, с другой, давал царю возможность сосредоточить в своих руках большой объем полномочий, укрепить абсолютистское правление. Реформирование высшей политической элиты было преемственно изменениям, проведенным предшественниками, и базировалось на их результатах. Радикальность изменений касалась прежде всего институциональной сферы: старые институты были упразднены и заменены на новые, построенные на других принципах. Отношения же с аристократией сохраняли преемственность. В процессе петровских реформ аристократия не теряла своего элитного статуса. Менялся характер ее взаимоотношений с монархом: если ранее они строились на принципах «служилого государства» с рудиментарными институтами, пришедшими из предыдущих эпох, то теперь в полной мере устанавливался абсолютизм с рациональным подходом и принципом «годности».

Библиографический список

1. Каменский, А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. – 575 с.
2. Лавров, А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое о-во и борьба за власть в верхах Рус. государства в 1682–1689 гг. – М.: Археогр. центр, 1999. – 298 с.
3. Павленко, Н. И. Петр Первый. – М.: Проспект, 2016. – 352 с.
4. Будин, П. А. Петр Великий и церковь // Сборник статей «Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы»; Пер.с швед. д. истор. наук В. Возгрина. – М.: Текст, 1999. – 319 с.
5. Петрухинцев, Н. Н. Проблемы интернационализации российской политической элиты в начале XVIII века // Проблемы истории России. – Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени / Сб. науч. трудов. – Екатеринбург: НПМП «Волот», 2011. – 464 с.
6. Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: очерки истории / Отв. ред. А. П. Павлов. – СПб: Дмитрий Буланин, 2006. – 548 с.
7. Талина, Г. В. Всея Великия и Малыя и Бelyя России самодержавие. Очерки абсолютизирующийся монархии III четверти XVII века. – М.: Прометей, 2005. – 376 с.

8. Уортман, Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х т. – М: ОГИ, 2004. – Т. 1.: От Петра Великого до смерти Николая I. – 605 с.
9. Черников, С. В. Российская элита эпохи реформ Петра Великого: состав и социальная структура // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова / Санкт-Петербургский институт истории РАН. – СПб.: Наука, 2007, 603 с.
10. Madariaga, I., de. The Russian nobility in the seventeenth and eighteenth centuries // The European Nobility in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. – V. 2. Northern, Central and Eastern Europe. – New York, 1995, pp. 223–273.

References

1. Kamenskiy A. B. *From Peter I to Paul I: reforms in Russia of the XVIII century (the experience of holistic analysis)*, Moscow, Russian State University for the Humanities, 2001, 575 p. (In Russian).
2. Lavrov A. S. *The regency of tsarevna Sophia Alekseevna: State service and the struggle for power at the top of the Russian state in 1682–1689*, Moscow, Archaeography Center, 1999, 298 p. (In Russian).
3. Pavlenko N. I. *Peter the Great*, Moscow, Prospekt, 2016, 352 p. (In Russian).
4. Budin P. A. Peter the Great and the church, *Collection of articles "Tsar Peter and King Charles. Two Rulers and Their Peoples"*, Translated from Swedish by Doctor of Historical Sciences V. Vozgrin, Moscow, Tekst, 1999, 319 p. (In Russian).
5. Petrukhintsev N. N. Problems of internationalization of the Russian political elite at the beginning of the XVIII century, *Problems of the History of Russia. Issue 9: Russia and the West in the Transitional Era from the Middle Ages to the New Time, Collection of Scientific Papers*, Yekaterinburg, NPMP "Volot", 2011, 464 p. (In Russian).
6. *The ruling elite of the Russian state of the IX – beginning of the XVIII century: essays on history*, edited by A. P. Pavlov, St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2006, 548 p. (In Russian).
7. Talina G. V. *All Great and Small and White Russia autocracy. Essays on the absolutizing monarchy of the third quarter of the XVII century*, Moscow, Prometei, 2005, 376 p. (In Russian).
8. Wartman R. S. *Scenarios of power: Myths and ceremonies of the Russian monarchy*, In 2 vol., Moscow, OGI, 2004, vol. 1, From Peter the Great to the death of Nicholas I, 605 p. (In Russian).
9. Chernikov S. V. The Russian elite of the reform era of Peter the Great: composition and social structure, *The State and Society in Russia of the XV – early XX century: Collection of articles in memory of Nikolai Evgenievich Nosov*, Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Nauka, 2007, 603 p. (In Russian).
10. Madariaga I., de. The Russian nobility in the seventeenth and eighteenth centuries, *The European Nobility in the Seventeenth and Eighteenth Centuries*, vol. 2, Northern, Central and Eastern Europe, New York, 1995, pp. 223–273.

УДК: 323.113.01(=161.1)

JEL H83

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-39-45

Яхшиян Олег Юрьевич
канд. ист. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0097-5193
e-mail: yakhshiyan@mail.ru

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И «МОДЕРНИЗАЦИЯ» КРЕПОСТНИЧЕСТВА В РОССИИ

Аннотация. В статье рассмотрены преобразования Петра Великого в контексте эволюции крепостного права в России. Обоснован тезис о том, что в ходе петровских преобразований произошло так называемое «второе издание крепостничества», подмена его изначальных, вынужденных объективными условиями выживания и развития страны, сословно-правовых оснований. Подмена оснований крепостничества видится прежде всего в отказе государства от принципа обусловленности дворянских прав на поместье обязательной пожизненной службой в войске, а именно это вытекало из распространения на поместья владельческого формата вотчин. Анализ указа о единонаследии и его трактовок в историографии позволил сделать вывод о том, что освобождение дворянского землевладения от обременения обязательной службой создало правовую основу для последующей «вольности дворянства», стремительного расширения привилегий «благородного сословия» и, главным образом, владельческих прав на землю и крестьян. Податная реформа Петра привела к тому, что помещики стали усваивать взгляд на крестьян как на холопов, полностью от них зависимых, тем более в условиях возложенной государством на владельцев имения ответственности за уплату подушной подати и поставку рекрутов.

Ключевые слова: крепостное право крепостничество, крестьяне, поместье, холопы, вотчина, дворянство, служба государству, воинская служба, указ о единонаследии, податная реформа, подушная подать, недвижимое имущество, Петр I

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42064.

Цитирование: Яхшиян О.Ю. Петр Великий и «модернизация» крепостничества в России // Вестник университета. 2021. № 10. С. 39–45.

Oleg Yu. Yakhshiyan
Cand. Sci. (Hist.), State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0097-5193
e-mail: yakhshiyan@mail.ru

PETER THE GREAT AND THE “MODERNISATION” OF SERFDOM IN RUSSIA

Abstract. The article examines the transformations of Peter the Great in the context of the evolution of serfdom in Russia. The author substantiates the thesis that during the Peter's transformations, the so-called “second edition of serfdom” took place, replacing its original, forced by objective conditions of survival and development of the country, estate-legal grounds. The substitution of the serfdom's grounds is seen primarily in the rejection by the state of the conditionality principle of noble rights to the estate by compulsory lifelong service in the army, namely, this followed from the extension to estates of the patrimony's possessory format. The analysis of the decree on single inheritance and its interpretations in historiography allowed us to conclude that the liberation of noble land ownership from the encumbrance of compulsory service created a legal basis for the subsequent “freedom of the nobility”, the rapid expansion of the privileges of the “noble estate” and, mainly, the ownership rights to land and peasants. The tax reform of Peter led to the fact that landlords began to assimilate the view of peasants as serfs, completely dependent on them, especially in the conditions of the responsibility imposed by the state on the owner of the estate for the payment of poll taxes and the supply of recruits.

Keywords: serfdom, serfage, peasants, estate, serf, patrimony, nobility, service to the state, military service, decree on single inheritance, tax reform, poll tax, landed property, Peter the Great

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-09-42064.

For citation: Yakhshiyan O.Yu. Peter the Great and the “modernisation” of serfdom in Russia. *Vestnik universiteta*, 2021, no. 10, pp. 39–45. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-39-45

© Яхшиян О.Ю., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Yakhshiyan O.Yu., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

В свое время в рамках марксистской историографии дискутировалась концепция «второго издания крепостничества» в странах Центральной и Восточной Европы, включая и Россию. Концепция в определенном ключе объясняла очевидное ужесточение крепостного права в этих странах в период позднего феодализма. В основном объяснение сводилось к выявлению связи между развитием капитализма в странах Западной Европы, обусловившим долговременный рост спроса на зерно, и ужесточением крепостнических отношений в восточноевропейских странах, прежде всего проявившемся в увеличении барщины и господской запашки, поземельной, личной и судебно-административной зависимости крестьян от помещиков. Последнее обстоятельство очень характерно для стран «второго издания крепостничества» – зависимость крестьян от помещиков становится практически неотличима от рабовладения. Капиталистический прогресс Запада закономерно оборачивался консервацией феодальных отношений на востоке Европы. Традиционное помещичье хозяйство адаптировалось к товарно-денежным отношениям, стимулируемым долговременной европейской рыночной конъюнктурой, в результате усиления феодально-крепостной эксплуатации крестьянства. Можно спорить, в какой мере эта концепция применима к России петровской эпохи, но само ее название – «второе издание крепостничества» – удивительно точно характеризует содержание и последствия преобразований «революционера на троне». Есть все основания говорить о петровском переформлении крепостного права, подмене его базовых сословно-правовых оснований, о его своеобразной «модернизации». По своим долговременным последствиям для страны – преимущественно, если не однозначно, негативным – политика обновления крепостничества Петра едва ли не перевешивает все остальные его новации, вместе взятые. И объясняется она прежде всего резко возросшей в условиях Северной войны потребностью государства в гарантированном изъятии совокупного прибавочного продукта у непосредственных производителей, организованных в тяглые сословия крестьян и посадских людей. Петр I унаследовал проверенный временем работающий механизм такого изъятия – крепостное право – и «модернизировал» его, придал ему «второе дыхание». Импульсивная преобразовательная мысль царя никогда не выходила за рамки крепостной «матрицы» и двигалась всегда только в направлении эскалации крепостничества.

Базовое сословно-правовое основание крепостного права в его допетровской версии: поместные права дворян (помещиков) на землю и крестьян основывались на обязательности дворянской службы в войске. М. Ф. Владимирский-Буданов в своем «Обзоре истории русского права» отмечает: из понятий о поместном праве и его истории видно, что поместьями могут владеть только лица, служащие государству, и никто другой [1, с. 539]. Само поместье понималось не как вознаграждение за службу, а как ее условие, залог обеспечения служебной способности дворянина, форма условного землевладения. Крестьяне в рамках поместья оставались тяглыми людьми, обязанными платить подати и выполнять повинности в пользу государства. Только часть крестьянского тягла перераспределялась в пользу помещика под обеспечение его боеспособности. Право на поместную землю вообще и, в особенности – на ее крестьянскую (общинно-надельную) часть не понималось как собственность в ее феодально-частном, вотчинном формате. С крестьянской земли в поместье подати платились, а с барской пашни – нет. Исторически крестьяне попадали в крепостную зависимость к помещику в поместье вместе со «своими» общинно-надельными угодьями и деревенской оседлостью. Со «своими» – в данном случае означает характерное для феодализма неопределенное с точки зрения классических правомочий собственности представление крестьян об их праве пользования землей. И никаких оснований для «приватизации» помещиком изначально «их» земли (одновременно и Божьей, и государственной) крестьянское правосознание не усматривало. Крестьяне прикреплены к помещику вместе со «своей» землей ради обеспечения способности служилого человека – дворянина нести воинскую службу в государственном войске. В таком сословном раскладе суть «традиционного консенсуса» (удачное выражение А. Н. Медушевского, предложившего, правда, несколько более широкую его трактовку), легитимирующего крепостное право в его допетровской версии [4, с. 20]. Причем легитимирующего примерно одинаково в правосознании и царя, и дворянина, и крестьянина. Безусловно, практика поместного землевладения и крепостничества в целом была во многом суровой и очень часто несправедливой в отношении крестьянства, но само основание понималось и принималось. Соответствующее распределение обязанностей по отношению к государству между основными сословиями в целом воспринималось как реализация принципа социальной справедливости и приоритета государственного интереса в их конкретно-историческом традиционном-сословном варианте.

Постановка проблемы

К началу царствования Петра I в рамках сложившейся крепостной системы государство сумело обеспечить дворянам максимум владельческих прав в отношении прикрепленных к ним крестьян и поместной земли. Но это был максимум собственности при сохранении ее условного характера. Было сохранено главное – поместное право владения в своем пределе имело в качестве обязательного условия и ограничения собственнического интереса помещиков пожизненную службу в войске. Государственно-сословный консенсус нарушен не был, хотя власть и дворянство балансировали где-то на грани. Опять же ко времени воцарения и правления Петра созрели и в значительной степени произошли знаковые изменения в структуре и обеспечении вооруженных сил – формирование так называемых полков иноземного (нового) строя с ощутимым снижением удельного веса поместной конницы и медленный, но неуклонный перевод воинской службы дворян на денежное жалование. Обязательность поместного обеспечения дворян именно в целях обеспечения их способности нести воинскую службу становилась все менее очевидной. С одной стороны, это не могло не порождать мыслей о возможности ликвидации крепостничества в его существенной части – в части поместно-владельческих прав дворянства. С другой стороны, это не могло не генерировать вполне определенного корыстно-сословного интереса дворянства: хорошо бы, если обязательная пожизненная воинская служба будет сама по себе, а владение поместьем – само по себе, без прежней жесткой связи между ними. Хорошо бы, чтобы поместье утратило статус условного владения и приобрело статус вотчины – владения безусловного и наследственного. Реализация такого интереса означала разрыв «традиционного консенсуса» и подмену базового сословно-правового основания крепостного права, вела в перспективе к неминуемой его делегитимации в крестьянском правосознании.

Уже в петровское царствование этот интерес отчетливо проявился в деятельности Первой Уложенной комиссии 1700–1703 гг. Как отмечает А. Н. Медушевский, в центре внимания оказался вопрос о поместном землевладении с задачей включения в Новоуложенную книгу законодательных материалов 1649–1700 гг. Общий смысл этих узаконений сводился к тому, чтобы сделать прозрачными границы поместного и вотчинного права, облегчив переход условного соответствующие документы, и сама комиссия не подвела, быстро подготовив Новоуложенную книгу и даже проект указа о ее обнародовании [4, с. 25]. Суть подготовленного проекта: утрата поместными землями служилого статуса с выведением их из приоритетного владения и ведения государства и распространением на них наследственных прав. Проект, однако, подписан царем не был. Власть тогда не решилась утратить такой ресурс давления на дворян, как условный (служилый) характер их владельческих прав на земли и на крестьян. Но и противостоять упорному лоббированию дворянского сословного интереса также уже не имела возможности [4, с. 25–26]. По меткой характеристике А. Н. Медушевского, в период 1700–1714 гг. на площадке Поместного приказа развернулась скрытая борьба государственного интереса и дворянского стремления присвоить служилые земли [4, с. 26].

Обзор литературы

Государство впервые полностью проигнорировало служилое основание крепостных прав дворян на поместья в знаменитом указе Петра I «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» от 23 марта 1714 г. [8, с. 296–301]. Этот указ устанавливал новый порядок наследования недвижимости (земельной собственности) для служилых людей, горожан и однодворцев. Отец мог передать недвижимое имущество по выбору только одному из сыновей или дочери (если нет сына), при отсутствии детей – одному из своих родственников, но непременно той же фамилии. Как отмечает Н. И. Павленко, это едва ли не первый указ, обнародованию которого предшествовало изучение порядков наследования земельной собственности в ряде европейских стран [7, с. 278]. Возможно, именно это обстоятельство сыграло свою роль в том, что, работая над текстом указа, Петр принимает факт земельной собственности дворян как исходную безусловную данность. Кроме того, это первый указ, в тексте которого отразилось непосредственное участие самого царя в его разработке: Петр в это время уже мог отложить в сторону шпагу и взяться за перо, то есть сосредоточиться в большей степени на делах управления страной и законодательства.

В преамбуле царь заявляет, что усматривает государственный интерес в прекращении практики разделения имений между несколькими наследниками. Петра беспокоит перспектива измельчания землевладений.

В какой мере это опасение выглядит оправданным в отношении поместных земель? Согласно духу и букве прежнего законодательства помещик наследовал службу, а конкретное отцовское поместье ему могло быть передано во владение – с дроблением или без – только вместе со службой и с санкции Поместного приказа. Часть поместья могла передаваться вдове и малолетним детям «на прожиток». В отличие от вотчинных земель, сама возможность наследования поместья, опять-таки, с дроблением или без, подлежала непременно ведению Поместного приказа. Из этого следует, что в отношении фонда поместных земель, государство располагало всеми возможностями не допускать измеления поместий до уровня, исключающего возможность помещика нести воинскую службу. Вотчины, в отличие от поместий, наследовались, и со службой это землевладение не было увязано. Показательно, что В. Е. Якушкин отмечал, как постоянное явление в рамках поместной системы, следующую практику. Один из сыновей помещика, чаще всего младший, оставался дожидаться поместья и службы отца. И наследовал ему в связке и то, и другое. Остальные сыновья записывались в службу и верстались другими землями на поместном праве [8, с. 294]. Это обычное для допетровской России единонаследие практиковалось с санкции государства в отношении именно поместных земель. Любопытно, что обычное право русских крестьян также предусматривало наследование отцовского двора – по факту вместе с общинным наделом – младшим сыном наряду с обязанностью содержать престарелых родителей. Старшие сыновья, создав свою семью, выделялись из родительского двора, который предоставлял ему определенную долю в движимом имуществе по прошлому труду (дети с малолетства помогали в хозяйстве). С дворовым местом и усадебной оседлостью вновь образуемому двору (семейному хозяйству) помогала община, она же предоставляла надел. После выдела крестьянин больше никаких прав в отношении имущества родителей не имел – «отрезанный ломоть к ковриге не прильнет». Таким образом, дробление и измеление именно поместий к моменту законодательной инициативы Петра I не просматривается как кричащая государственная проблема. Тем более, что эта форма землевладения изначально и существенно уступала вотчине в количестве и земли, и крестьянских дворов.

Поместья, как и вотчины, указ отнес к недвижимому имуществу, унифицировав правовой режим названных форм феодального землевладения. Тем самым устранялось и правовое различие между поместными и вотчинными крестьянами, они получили общее наименование помещичьих [3, с. 35–36]. Вводя единонаследие – обязанность владельца недвижимости оставить ее только одному из своих наследников, Петр предполагал подтолкнуть остающихся без земли дворян «хлеба своего искать службою, учением, торгами и прочим» [8, с. 297]. В логике указа служба понималась как удел тех дворян, кто лишен землевладения, а традиционно землевладение понималось как право тех, кто служит. При этом и тот, кто наследовал имение, от обязательной пожизненной службы не освобождался. Такая логика сама по себе разводила службу и землевладение дворян. Устанавливая единый правовой формат для прежних вотчин и поместий, законодатель как-бы «забывал», во всяком случае умалчивал о традиционной обусловленности и обремененности поместной формы землевладения обязательной службой. Текст указа однозначно свидетельствует, что у Петра на данный момент напрочь отсутствует понимание связи между владельческими (поместными) правами дворян и их сословной обязанностью служить в войске. А это краеугольный камень допетровской системы крепостного права. Получается, что основное историческое значение указа о единонаследии определяется не тем, что в нем прописано, а тем, о чем законодатель умолчал. А. Н. Медушевский глубоко прав, когда утверждает: «Связь между владением и службой государству была впервые не обозначена законодательством, и это означало, что эта связь фактически уже не существует. Так это и было понято владельцами» [4, с. 30]. Независимо от субъективного понимания проблемы Петром – а он, похоже, был ситуативно сосредоточен именно на регулировании порядка наследования – этот сигнал не мог пройти мимо внимания поместного дворянства. Государство по-прежнему настаивает на обязательной пожизненной службе дворян, но уже не рассматривает ее в неразрывной связи с поместным землевладением. В логике прежнего закрепощения право на поместье возникало и сохранялось у дворян только в связи с их сословной обязанностью служить в войске. Теперь, после указа о единонаследии, служилое обоснование дворянской собственности предавалось забвению в результате взаимного молчаливого согласия государства и дворянства. Крестьянство в расчет не принималось, да и вряд ли оно вообще могло бы заметить и оценить тогда же подмену сословного основания крепостничества и владельческих прав помещиков не только в силу известной инерционности сознания, но и в силу видимого сохранения дворянской обязанности служить до известных узаконений

Петра III и Екатерины II. Но традиционный сословный консенсус в отношении крепостного права, который, надо признать, и ранее подтачивался, был разрушен именно петровским указом 23 марта 1714 г.

Результаты

Таким образом, в контексте истории российского крепостничества значение петровского указа о едином наследии видится в том, что поместья как некий условный комплекс прав на земли и крестьян были переданы в собственность помещиков [1, с. 242]. С этого времени дворянами усваивается собственническо-господское представление о своих правах на землю и крестьян в имении вне какой-либо связи со службой государству. А государством, и при Петре I, и при его преемниках, это представление будет только укрепляться и подтверждаться. Как справедливо отмечал К. П. Победоносцев, «... владелец населенного имения стал уже смотреть на него как на полную свою собственность, владеемую независимо от служебной повинности. Сообразно этому понятию должен был определиться и взгляд его на подвластных крестьян, как на людей, составляющих часть полной, неограниченной его собственности» [8, с. 303]. И К. П. Победоносцев абсолютно прав: указ 1714 г. дал старт резкому и долговременному ухудшению положения помещичьих крестьян, которое, с известными оговорками, конечно, стало почти неотличимо от рабского состояния.

В начале XVIII в., как и в конце предыдущего, продаже подлежали только вотчинные крестьяне, а на поместных крестьян нельзя было оформлять купчие, можно было только так называемые поступные, хотя фактически и в одном, и в другом случае имела место продажа. По данным Московской крепостной конторы, где регистрировались сделки на крестьян, к 1720-м гг. поступные на поместных крестьян исчезают, их место занимают купчие [3, с. 36]. В 1721 г. Петр дал Сенату распоряжение рассмотреть вопрос о запрете продажи крестьян без земли. Но до какого-либо законодательного оформления рассмотрение этого вопроса не было доведено, и розничная торговля крестьянами не только не была запрещена, но и получила еще большее распространение [3, с. 37].

В историографии обращается внимание на то, что дворяне упорно противодействовали практике едином наследия, пытаясь сохранить принцип равного раздела имущества между наследниками [6, с. 26]. В этом отношении дворянство было недовольно указом Петра. Но главное в указе, приватизация поместий, их более чем устраивало. Освобождение дворянского землевладения – пока еще не самих дворян – от обусловленности обязательной службой их более чем устраивало. Все последующее известное продворянское законодательство XVIII в. будет строиться на зыбком фундаменте игнорирования в указе 1714 г. факта взаимообусловленности помещичьего землевладения и дворянской службы. Императрица Анна Иоанновна именным указом от 17 марта 1731 г. отменит нормы указа 1714 г. в части регулирования едином наследия, но подтвердит именование поместий и вотчин недвижимым имением (на вотчинном праве). И разумеется, ни Сенат ей не напомнит, ни сама императрица «не вспомнит» об изначальной обусловленности поместных прав дворянской службой. Поэтому нельзя согласиться с иногда встречающейся в научной литературе оценкой указа 1714 г. как резкого ограничения прав дворян в земле- и душевладении [2, с. 130]. Совсем напротив, своим указом Петр резко усилил соответствующие права дворян, молчаливо отказавшись считать службу их основанием (условием) в части, касающейся поместий.

Следующим шагом в петровском «переиздании» крепостничества стала податная реформа 1718–1724 гг. – введение подушной подати вместо подворного обложения. Две особенности этой реформы означали качественное усиление личной зависимости крестьян от помещика. Во-первых, в подушный оклад были включены, наряду с прежними тяглецами – крестьянами, дворовые люди – холопы, находившиеся в полной личной зависимости от владельца и имевшие право выхода из холопского (рабского) состояния по завещанию господина. Внутри помещичьего имения стиралась сословно-правовая грань между крепостными крестьянами, выполнявшими повинности в пользу помещика и платившими государственные подати, и дворовыми людьми, как правило, не имевшими земельного надела и своего хозяйства, соответственно – не включенными в государственное тягло и работающими на господина в домашнем хозяйстве и на барской пашне. Как отмечает, в связи с этим, Б. Н. Миронов, в результате этого помещики в отношении крестьян стали пользоваться правами, принадлежавшими прежде господам в отношении к холопам, хотя в законе на этот счет не содержалось никаких указаний [5, с. 367]. По справедливому замечанию М. М. Богословского, подушная подать падала одинаково на крестьян и на холопов; она возвышала, следовательно, холопа до крестьянина и понижала крестьянина

до холопа, создавая единый класс крепостных людей, несвободных, но не теряющих связи с государством [9]. Во-вторых, ответственность за сбор подушной подати с крестьян возлагалась на помещиков. С этого времени помещичья свобода распоряжения крепостными – в пределах установленного ревизией количества душ – становится практически неограниченной, действительно, приближается к рабовладению. И каждый крестьянин – плательщик подати фиксировался ревизиями как потомственно (навечно) прикрепленный к владельцу имения. Вроде бы государственный, «публичный» статус ответственного за сбор подушной подати с ревизских душ на практике превращал помещичьих крестьян едва ли не в объект частной собственности помещика.

Заключение

Таким образом, указ о единонаследии и податная реформа Петра привели к своеобразной «модернизации» института крепостного права в России. Оно было «перезапущено» на новом сословно-правовом фундаменте: государство признало безусловное по отношению к обязательной дворянской службе право помещика владеть землями и крестьянами в имении. На этом основании в течение XVIII и XIX столетий и у дворян, и у государственной бюрократии формировалось, уточнялось и крепло представление о максимально приближенном к частной собственности помещичьем земле- и душевладении. В отношении к земле в имении, в большей степени, о чем прямо говорилось в законодательстве в отношении к крестьянам – в меньшей. Прямого истолкования помещичьих прав как собственности государство старалось избегать. Максимальная полнота помещичьей власти над крестьянами достигалась в формате нового видения обязательной дворянской службы: обязанности помещика обеспечивать сбор подушной подати в соответствии с количеством ревизских душ и поставку рекрутов.

Библиографический список

1. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 639 с.
2. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России / Под ред. Ананьич Б. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006. – 734 с.
3. История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. Институт российской истории, институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии Наук. – М.: Наука, 1993. – 664 с.
4. Медушевский, А. Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века; Институт российской истории РАН. – М.: Наука, 2005. – 639 с.
5. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х томах. Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 548 с.
6. Отечественная история: энциклопедия: В 5 т.: т. 2: Д-К / Редкол.: В. Л. Янин (гл. ред.) и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1996. – 656 с.
7. Павленко, Н. И. Петр Первый. 2-е изд., испр. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 384 с.
8. Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. – Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А. Г. Маньков. – М.: Юридическая литература, 1986. – 512 с.
9. Богословский М. М. Введение подушной подати и крепостное право // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/bogoslovskiy_m_m/bogoslovskiy_vvedenie_podushnoy_podati.html (дата обращения: 21.08.2021).

References

1. Vladimirkii-Budanov M. F. *An overview of the history of Russian law*, Rostov-on-Don, Feniks, 1995, 639 p. (In Russian).
2. *Power and reforms. From autocratic to Soviet Russia*, edited by Anan'ich B., Moscow, OLMA-PRESS Ekslibris, 2006, 734 p. (In Russian).
3. *History of the peasantry of Russia from ancient times till 1917*, vol. 3, Institute of Russian History, Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Nauka, 1993, 664 p. (In Russian).
4. Medushevskii A. N. *Agrarian reform projects in Russia: XVIII – the beginning of the XXI century*, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Nauka, 2005, 639 p. (In Russian).
5. Mironov B. N. *Social history of Russia in the Imperial period (XVIII – early XX century). The genesis of the individual, the democratic family, civil society and the rule of law*, In 2 vol., vol. 1, St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 1999, 548 p. (In Russian).

6. *Russian History: an Encyclopedia*: in 5 vol., vol. 2, D-K, Editorial Board: V. L. Yanin (editor-in-chief) et al., Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1996, 656 p. (In Russian).
7. Pavlenko N. I. *Peter the Great*, 2-nd edition, revised, Moscow, Molodaya gvardiya, 1976, 384 p. (In Russian).
8. *Russian legislation of the X – XX centuries*. In 9 vol., vol. 4. Legislation of the period of formation of absolutism, Resp. ed. A. G. Man'kov, Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1986, 512 p. (In Russian).
9. Bogoslovskii M. M. Introduction of poll tax and serfdom, *Literature and Life*. Available at: http://dugward.ru/library/bogoslovskiy_m_m/bogoslovskiy_vvedenie_podushnoy_podati.html (accessed 21.08.2021).

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

УДК 338.2

JEL M15

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-46-54

Беликова Светлана Сергеевна
канд. соц. наук, ГКОУ ВО «Российская
таможенная академия» (Ростовский
филиал), г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6321-6955
e-mail: belikova-ss@yandex.ru

Беликов Алексей Викторович
канд. техн. наук, ФКУ «Налог-Сервис»
ФНС России в Ростовской
области (филиал), г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2605-220X
e-mail: abeliks@yandex.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ФЕДЕРАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ «ЕДИНЫЙ РЕГИСТР НАСЕЛЕНИЯ»

Аннотация. В статье сформулированы предпосылки, побудившие государственные органы власти к реализации проекта федеральной государственной информационной системы «Единый регистр населения» с целью оперативного получения наиболее полной и достоверной информации о гражданах Российской Федерации. Представлены результаты обзора изменений для граждан и государственных структур от внедрения системы, содержащей сведения о населении. Выполнен анализ актуальности реализации указанного проекта, рассмотрены все «за» и «против». Создание единого регистра учета населения упростит межведомственное взаимодействие, будет содействовать оказанию электронных услуг и социальной помощи населению, способствовать повышению эффективности борьбы с правонарушениями, а также дальнейшему становлению информационного общества.

Ключевые слова: единый регистр населения, учет населения, цифровизация, государственные услуги, гармонизация, клиентоцентричность, эталон, информационная платформа

Цитирование: Беликова С.С., Беликов А.В. Цифровизация государственных и муниципальных услуг на примере реализации проекта федеральной государственной информационной системы «Единый регистр населения» // Вестник университета. 2021. № 10. С. 46–54.

Svetlana S. Belikova
Cand. Sci. (Soc.), Russian Customs
Academy (Rostov branch), Rostov-on-
Don, Russia
ORCID: 0000-0002-6321-6955
e-mail: belikova-ss@yandex.ru

Alexey V. Belikov
Cand. Sci. (Tech.), Federal Tax Service
of Russia (Rostov region Branch),
Rostov-on-Don, Russia
ORCID: 0000-0002-2605-220X
e-mail: abeliks@yandex.ru

DIGITALISATION OF STATE AND MUNICIPAL SERVICES, USING THE FEDERAL STATE INFORMATION SYSTEM “UNIFIED POPULATION REGISTER” AS AN EXAMPLE

Abstract. The article formulates the prerequisites that prompted state authorities to implement the project of the federal state information system “Unified Population Register” in order to promptly obtain the most complete and reliable information on the citizens of the Russian Federation. The results of an overview of changes for citizens and government agencies from the introduction of a population information system have been presented. The relevance of the project has been analysed and the pros and cons have been considered. The creation of a single population register will simplify interdepartmental cooperation, facilitate the provision of e-services and social assistance to the population, help to combat crime more effectively, and further develop the information society.

Keywords: unified population register, population counting, digitalisation, public services, harmonisation, customer centricity, benchmark, information platform

For citation: Belikova S.S., Belikov A.V. Digitalisation of state and municipal services, using the federal state information system “Unified Population Register” as an example, *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 46–54. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-46-54

© Беликова С.С., Беликов А.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Belikova S.S., Belikov A.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

В соответствии с положениями федерального закона от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации», основной целью создания Единого федерального информационного регистра является формирование системы учета сведений о населении Российской Федерации (далее – РФ), обеспечивающей их актуальность и достоверность [1]. В создаваемом регистре будут консолидироваться сведения о гражданах РФ, иностранных гражданах и лицах без гражданства, постоянно проживающих на территории России, а также о российских гражданах, являющихся резидентами других государств. В регистре будут накапливаться сведения: о фамилии, имени, отчестве, дате рождения и смерти, семейном положении, гражданстве, различных идентификаторах (номер паспорта, СНИЛС, ИНН, полис ОМС), регистрационном учете, постановке на воинский учет, сведения из государственной службы занятости, документах об образовании, а также будут формироваться обоюдные ссылки в записи о родителях и их детях. Помимо этих сведений в регистр будет включена информация о данных профиля гражданина на портале государственных услуг РФ.

С целью практической реализации положений указанного закона Федеральная налоговая служба (далее – ФНС) приказом от 12 августа 2020 г. № ЕД-7-6/573 «О создании федеральной государственной информационной системы ведения Единого федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении Российской Федерации» распорядилась создать государственную информационную систему ведения Единого федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении РФ (далее – ФГИС «ЕРН») на базе информационно-технологической инфраструктуры ФКУ «Налог-Сервис», являющегося подведомственной структурой ФНС России [2].

В концепте по созданию регистра четко отражены два основных направления: дальнейшая цифровая трансформация правовой системы государства и ее ориентированность, в первую очередь, на нужды граждан с целью обеспечения максимального упрощения процедуры получения государственных услуг при использовании конкретных сервисов и при взаимодействии с государственными службами, в целом – клиентоцентричность [11].

Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния – опорный источник сведений о населении РФ, на базе данных которого будет осуществляться реализация проекта ФГИС «ЕРН». Новый регистр станет единой точкой эталонных достоверных сведений о физических лицах, семьях и домохозяйствах. Несогласованность информации в различных существующих реестрах создает путаницу и противоречия в таких сведениях, а их гармонизация в каждом отдельном реестре требует необоснованных финансовых вложений.

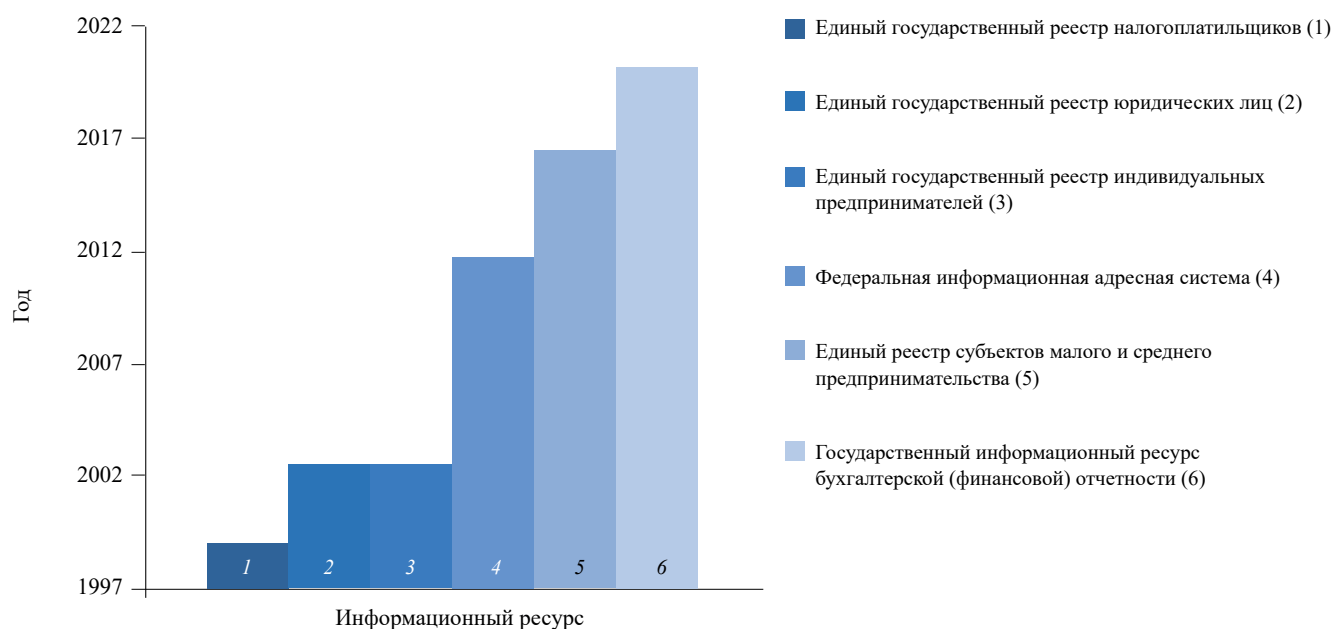
Предпосылки возникновения инициативы создания федеральной государственной информационной системы «Единый регистр населения»

Одной из причин формирования ФГИС «ЕРН» декларировалось использование регистра для оказания целенаправленной персонализированной поддержки гражданам государством, в том числе для снижения последствий пандемии COVID-19. На взгляд авторов, основной причиной столь динамичного решения о формировании регистра населения, стало осознание на всех уровнях государственного аппарата отставания от реалий современной цифровой жизни общества. Пандемия COVID-19 только проявила это отставание. Вместе с тем в пандемии усматриваются и факторы, стимулирующие технологические и управленческие инновации, которые могут дать толчок дальнейшему и все более активному использованию цифровых технологий [10].

Выяснилось, что бизнес и граждане смогли оперативно перейти на дистанционный формат работы, они научились с использованием цифровых агрегаторов закупать продукты и лекарства, общаться, учиться, развлекаться, решать множество различных жизненных проблем. При этом огромный массив данных о себе граждане предоставили агрегаторам по собственной воле, а на основе полученных данных агрегаторы смогли принимать мгновенные решения о расширении тех или иных направлений бизнеса в определенных локациях с целью удовлетворения общественного запроса и получения прибыли. В рамках такого симбиоза выигрывали как бизнес, так и общество в лице каждого его члена. Многие граждане даже после снятия эпидемиологических ограничений не захотели вернуться к «допандемийной нормальности», продолжили работать, совершать покупки, развлекаться с использованием онлайн-систем.

Это явление было отнесено к характерным чертам цифровой экономики, включающим: перенос значительной части социального, в том числе хозяйственного, взаимодействия в электронное пространство; развитие дистанционных форм занятости и передачи информации; глобализация взаимодействия экономических агентов, в том числе вследствие формирования глобальных сетей создания стоимости (снижение воздействия фактора географического местоположения) [6].

Адаптироваться к новым цифровым реалиям сложнее всего оказалось государственным структурам. Отсутствие актуальной достоверной информации о населении явилось одной из острых проблем, мешающей оперативно реагировать на риски распространения COVID-19. Длительный сбор и увязка информации получаемой от различных министерств и ведомств, с целью принятия управленческих решений и оказания поддержки населению, показали недостатки существующей системы госаппарата. В то же время, многие члены действующего состава Правительства РФ ранее имели позитивный опыт применения общедоступных информационных ресурсов, создаваемых государственными органами, осуществляющими одновременно функции фискального и регистрирующего органа [7] (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Хронология внедрения общедоступных государственных информационных ресурсов

Таким образом, создание государством федерального регистра о населении для целей оперативного получения наиболее полной и достоверной информации, явилось необходимым поступательным шагом в условиях цифровизации экономики для обеспечения содействия дальнейшему развитию информационного общества. Цифровые технологии являются движущей силой развития экономики и глобализации [9]. Регистр поможет объединить информацию из различных реестров, что значительно сократит количество операций для оказания государством быстрых и качественных услуг.

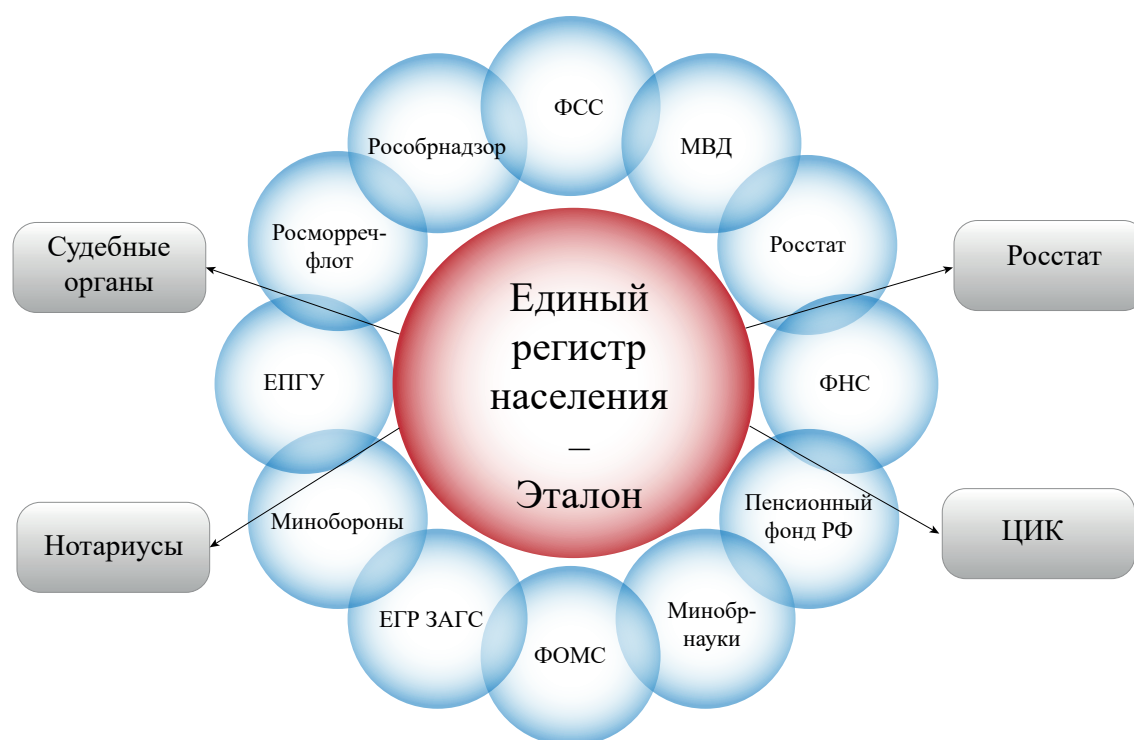
Обзор результатов внедрения ФГИС «ЕРН» для граждан и государственных структур

Сухая нормативная формулировка не отражает все позитивные аспекты создаваемой системы. Как подчеркнули авторы закона в пояснительной записке, создание регистра населения «позволит обеспечить повышение эффективности борьбы с правонарушениями, сокращение числа мошеннических действий при получении мер социальной поддержки и уплаты налогов, сборов и других обязательных платежей, повышение собираемости платежей в бюджеты бюджетной системы России» [3].

Запуск информационной платформы на базе регистра населения принесет много практической пользы как для граждан, так и для государства в виде его федеральных, региональных и муниципальных структур.

Этот ресурс будет эталоном, с ним смогут сверяться другие информационные системы различных министерств и ведомств (рис. 2). Основным достоинством формируемого регистра, по мнению авторов, является быстрота получения актуальной информации.

У государства появится возможность использования данных в социальных целях, в том числе для оказания адресной социальной поддержки семьям. Ранее попытки поддержки многодетных семей сопровождались с многочисленными проблемами их статистического учета. Информация о количестве семей, детей в семьях носила срезовой характер на дату переписи и не позволяла с приемлемой точностью определить размер бюджетных расходов для осуществления той или иной планируемой выплаты. Данные накапливались только в период переписи населения и в силу значительных временных интервалов между переписными кампаниями не могли носить актуального и достоверного характера. Отсутствие актуальной информации приводило к тому, что правительство РФ, имея определенные ресурсы для оказания социальной помощи, не могло определиться с объемом и порядком ее предоставления каждой конкретной нуждающейся семье или ребенку. Сегодня государство старается выработать алгоритмы, при которых граждане смогут получить поддержку в полной мере без сбора многочисленных справок, согласований, и т. п.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Единый регистр населения как эталонный источник информации о гражданах

Запрет на истребование у граждан документов, которые возможно получить в рамках межведомственного взаимодействия правительством РФ был наложен достаточно давно, органам власти при предоставлении государственных услуг запретили Распоряжением правительства РФ от 1 ноября 2016 г. № 2326-р запрашивать у граждан разнообразный перечень документов и сведений, которые накапливают федеральные органы исполнительной власти [4]. Госорганы давно освоили процедуру обмена такими данными в автоматическом режиме с использованием каналов межведомственного взаимодействия. Однако формирование запросов и получение на них ответов, даже в автоматическом режиме, занимает от нескольких минут до нескольких часов ожидания. Такие технологические ограничения не позволяют оказывать государственную услугу за одно посещение. С вводом в промышленную эксплуатацию ФГИС «ЕРН» подобные технологические ограничения уйдут в прошлое. Новый регистр будет применяться и при дистанционном оказании услуг на портале государственных услуг РФ «Госуслуги», консолидация в нем достоверной информации позволит оказывать услуги более оперативно.

Получение актуальной информации ускорит не только предоставление государственных услуг, но будет способствовать ускорению судебных процедур, что позволит оперативно удовлетворять интересы граждан, чьи права могут быть нарушены в связи с отсутствием достоверной информации, что позволит минимизировать возможность фальсификации и подлога. Предусмотренная возможность обращения суда к ФГИС «ЕРН» позволит оперативно получить информацию, необходимую для вынесения обоснованного судебного решения.

Лица, уполномоченные на совершение нотариальных действий, будут наделены правом доступа к информации, требуемой для совершения нотариальных действий и имеющейся в ФГИС «ЕРН», более того, при совершении юридически значимых действий они будут обязаны сверяться с данными регистра. Это востребовано в первую очередь для того, чтобы нотариальные действия совершались нотариусом, убедившимся в подлинности представленных документов и сведений. Доступ к данным регистра позволит провести дополнительную проверку личности граждан, которая снизит риск мошеннических действий, позволит активнее пресекать преступные схемы с использованием поддельных документов, направленные на незаконное присвоение чужого имущества, что, в свою очередь, сыграет немаловажную роль для дальнейшего формирования «белого» рынка недвижимости в РФ.

Учитывая, что ФГИС «ЕРН» создается на длительную перспективу, при накоплении данных о нескольких поколениях появится возможность предоставлять гражданам информацию об их генеалогическом древе.

С внедрением ФГИС «ЕРН» граждане РФ получат ряд новых возможностей, а перед госструктурами откроется большое количество перспективных компетенций. Решение вопросов планирования в развитии отдельных регионов и всей страны в целом значительно упростится. Федеральные и региональные органы власти будут располагать достоверной информацией о населении, реализация государственной политики в сфере социально-экономического развития станет более прозрачной и оперативной, в том числе, в результате гармонизации данных в государственных и муниципальных ресурсах.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Позитивные изменения для граждан и государственных структур от внедрения ФГИС «ЕРН»

С введением ФГИС «ЕРН» уйдет в прошлое необходимость проведения регулярной переписи населения. Бюджет проведения Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. составил 32 млрд руб. [14]. Помимо расходования значительных средств на проведение Всероссийской переписи населения, власти столкнулись с невозможностью ее проведения по эпидемиологическим причинам. Основной этап проведения переписи

планировался с 1 по 31 октября 2020 г., но из-за распространения COVID-19 было принято решение перенести его, вначале на апрель, затем на октябрь 2021 г. [13].

Безусловно, накопленные в регистре данные должны применяться и в целях статистического учета Росстатом РФ, что поможет снизить издержки со стороны государства на содержание этого ведомства. Данные из ФГИС «ЕРН» будут востребованы избирательными комиссиями РФ для формирования актуальных и достоверных списков избирателей. Регистр позволит исключить регулярные скандалы с присутствием в списках избирателей умерших людей, которые подрывают доверие ко всей избирательной системе. Внедрение ФГИС «ЕРН» позволит снизить нагрузку на систему межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ), и как следствие, перераспределить высвободившиеся ресурсы на другие направления совершенствования оказания государственных услуг гражданам и организациям в электронном виде.

Анализ актуальности проблем, связанных с реализацией проекта ФГИС «ЕРН»

Противники формирования единого регистра населения РФ высказывают опасение, что в результате его внедрения органы власти обретут инструмент совершенного контроля над информацией о гражданах, который может представлять в определенной степени угрозу для их безопасности. Еще одной проблемой, называемой противниками подобных систем, является риск утечки персональных данных и возможных злоупотреблений с использованием полученной информации. Наличие полярных мнений в отношении регистра, как со стороны представителей общественности, так и от отдельных представителей структур госбезопасности только увеличивает интерес к проблемам формирования единого регистра населения РФ.

Во многом аналогичный проект «О цифровом профиле гражданина» ранее был подвергнут критике представителями силового блока [5]. В его отношении представители Федеральной службы безопасности указывали на то, что обработка персональных данных всех граждан РФ в рамках единой инфраструктуры значительно увеличит потенциальные риски утечки этой информации. Аналогичную проблему поднимали многие представители научного сообщества, направив открытое письмо в администрацию Президента РФ, Правительство РФ, Совет Федерации РФ и Государственную Думу РФ [12]. На поспешность принятия закона о регистре населения указывали депутаты Госдумы РФ. Они обращали внимание на сжатые сроки рассмотрения законопроекта и риски утечки персональных данных. Но, несмотря на это, глава ФНС России Даниил Егоров заверил депутатов в обеспечении максимального уровня защиты данных ФНС России под непрерывным контролем со стороны регуляторов в сфере защиты информации, в список которых входит и Федеральная служба безопасности РФ.

Проведенный авторами анализ актуальности проблем внедрения ФГИС «ЕРН» показывает, что некоторые из них являются необоснованными, в то же время есть значимые проблемы, которые могут и должны быть решены в ходе реализации этого проекта.

Проблема накопления избыточной информации о гражданах во многом несостоятельна, так как сегодня сведения, подлежащие внесению в ФГИС «ЕРН», уже накоплены и обрабатываются в базах данных 12 министерств и ведомств, и внедрение новой системы учета населения не предусматривает сбора и накопления каких-либо новых данных о гражданах, а только консолидирует имеющуюся информацию в единую эталонную базу данных. Все сведения, поступающие в регистр – общие данные, которыми государство и так располагает, но они не соединены воедино.

Проблема несанкционированного доступа к ФГИС «ЕРН» была достаточно хорошо проработана на этапе подготовки законопроекта, в результате чего предоставление прав для работы с создаваемой системой строго регламентировано. Законом определено, что каждый государственный орган будет иметь доступ к ФГИС «ЕРН» только в части своей компетенции. Сотрудник Пенсионного фонда РФ не будет иметь возможности получить сведения о воинской обязанности или об уровне образования гражданина. В законе [1] установлено, что органам государственной власти РФ информация из федерального регистра предоставляется обезличенной. Доступ к необезличенной информации возможен исключительно с целью исправления ошибок, для обеспечения актуальности и достоверности информационных ресурсов, в рамках совершенствования предоставления государственных услуг. Это также снижает риск получения информации, не входящей в зону компетенции.

Проблема исправления ошибок в эталонном регистре и отсутствия методов их исправления со стороны граждан решена на этапе проектирования. Каждый гражданин будет иметь возможность получить данные о себе, содержащиеся в ФГИС «ЕРН», и в случае выявления несоответствия или ошибки проработан

порядок, по которому изменения в регистр будут вноситься по его заявлению. Одним из уровней защиты ФГИС «ЕРН» станет обязательная фиксация всех параметров транзакций, вносящих изменения в федеральный регистр и сплошное протоколирование запросов, направляемых с использованием СМЭВ, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью.

Одной из проблем, предъявляемых противниками внедрения ФГИС «ЕРН» является неограниченное расширение круга министерств и ведомств, имеющих возможность получить доступ к данным регистра. На этот случай в законодательном порядке предусмотрено, что изменение перечня органов, организаций и лиц, которые предоставляют или актуализируют сведения в ФГИС «ЕРН», и которым предоставляются указанные сведения, могут осуществляться только посредством внесения изменений в данный закон. Четкое закрепление данных норм в самом законе, а не в подведомственных актах способствует прозрачности и упрощает процедуру контроля со стороны парламентариев и общественности.

Заключение

Внедрение ФГИС «Единый регистр населения» станет еще одним шагом для перехода на единую цифровую платформу обмена документами, что в дальнейшем приведет к сокращению издержек на обеспечение взаимодействия экономических агентов и позволит в полной мере осуществлять государственное управление, основанное на цифровых данных [8].

Федеральный регистр, как и любая другая цифровая система, может служить как благим целям, так и наносить вред в зависимости от того, в какие руки он попадет. В условиях цифровизации всех сфер жизни общества внедрение ФГИС «ЕРН» является необходимым и закономерным шагом. Требуется лишь четко соблюдать установленные правила его использования и применения на всех уровнях работы с данными регистра, а регуляторам в области защиты информации на постоянной основе осуществлять контроль за их исполнением. Все эти меры необходимы для того, чтобы не нарушить интересы развития общества в целом и каждого гражданина в отдельности.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354474/ (дата обращения: 21.08.2021).
2. Приказ ФНС России от 12.08.2020 № ЕД-7-6/573 «О создании федеральной государственной информационной системы ведения Единого федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360378/ (дата обращения: 21.08.2021).
3. Законопроект Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи от 23.07.2019 № 759897-7 «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // «Система обеспечения законодательной деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/759897-7> (дата обращения: 21.08.2021).
4. Распоряжение Правительства РФ от 01.11.2016 № 2326-р (ред. от 29.07.2020) «Об утверждении перечня документов и сведений, находящихся в распоряжении отдельных федеральных органов исполнительной власти, государственных внебюджетных фондов Российской Федерации и необходимых для предоставления государственных и муниципальных услуг исполнительным органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_206677/ (дата обращения: 21.08.2021).
5. Законопроект Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи от 05.07.2019 № 747513-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)» // «Система обеспечения законодательной деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513-7> (дата обращения: 21.08.2021).
6. Банасиковская, Я. Т. Система отношений государства и общества в сфере государственных услуг в условиях цифровой экономики: ... дис. д. экон. наук: 08.00.01 / Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. – Москва, 2018. – 396 с.

7. Беликова, С. С., Беликова, Н. В. Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности как аспект цифровизации экономики // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 4 (119). – С. 45–48.
8. Беликова, С. С., Беликов, А. В. Национальная система электронного документооборота как фактор цифровизации экономики // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2021. – № 2 (43). – С. 21–27.
9. Графова, Т. О. Технологии и инструменты цифровой экономики // Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции «Особенности государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в современных условиях», г. Ростов-на-Дону, 16 – 20 ноября 2020 г., науч. ред. П. Н. Башлы. – Ростов-на-Дону: Ростовский филиал ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», 2020. – С. 136–142.
10. Рябошапка, А. И., Гапончик, А. Н. Применение механизма «Единого окна» в деятельности таможенных органов в условиях COVID-19 // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2020. – № 4 (41). – С. 12–20.
11. В России сформируют единый регистр со сведениями обо всем населении страны // Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/04/14/v-rossii-sformiruiut-edinyj-registr-so-svedeniiami-obo-vsem-naselenii-strany.html> (дата обращения: 21.08.2021).
12. Госдума сдает Россию в лапы ЦРУ? Более 250 ученых выступили с публичным протестом // VestiRegion.ru. Новости Владивостока и Приморья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestiregion.ru/2020/05/21/gosduma-sdayot-rossiyu-v-lapy-cru-bolee-250-uchyonykh-vystupili-s-publichnym-protestom/> (дата обращения: 21.08.2021).
13. Новые сроки переписи населения – с 15 октября по 14 ноября // Всероссийская перепись населения. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.strana2020.ru/novosti/novye-sroki-perepisi-naseleniya-s-15-oktyabrya-ro-14-noyabrya/> (дата обращения: 21.08.2021).
14. Росстат снизил затраты на Всероссийскую перепись населения // Вести.Ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/finance/article/2487343> (дата обращения: 21.08.2021).

References

1. Federal Law No. 168-FZ dated on June 8, 2020 “On the Unified Federal Information Register Containing Information about the Population of the Russian Federation”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354474 (accessed 21.08.2021).
2. Order of the Federal Tax Service of Russia No. ED-7-6/573 dated on August 12, 2020 “On the Creation of a Federal State Information System for Maintaining a Unified Federal Information Register Containing Information about the Population of the Russian Federation”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360378 / (accessed 21.08.2021).
3. Draft Law of the State Duma Committee on Information Policy, Information Technologies and Communications No. 759897-7 dated on July, 2019 “On the Unified Federal Information Register Containing Information about the Population of the Russian Federation”, “*System for ensuring legislative activity*”. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/759897-7> (accessed 21.08.2021).
4. Order of the Government of the Russian Federation No. 2326-r dated on November 1, 2016 (as amended, dated on July 29, 2020) “On Approval of the List of Documents and Information at the Disposal of Individual Federal Executive Bodies, State Extra-Budgetary Funds of the Russian Federation and Necessary for the Provision of State and Municipal Services to Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation and Local Self-Government Bodies”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_206677 / (accessed 21.08.2021).
5. Draft Law of the State Duma Committee on Information Policy, Information Technologies and Communications No. 747513-7 dated on July 5, 2019 “On Amendments to Certain Legislative Acts (in Terms of Clarifying Identification and Authentication Procedures)”, “*System for ensuring legislative activity*”. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513-7> (accessed 21.08.2021).
6. Banasikowska Ya. T. *The system of relations between the state and society in the field of public services in the digital economy*: Dissertation of Doctor of Economic Sciences: 08.00.01, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, 2018, 396 p. (In Russian).
7. Belikova S. S., Belikova N. V. State information resource of accounting (financial) reporting as an aspect of digitalization of economy, *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 2020, no. 4 (119), pp. 45–48. (In Russian).
8. Belikova S. S., Belikov A. V. National electronic document management system as a factor of digitalization of the economy, *Academicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, 2021, no. 2 (43), pp. 21–27. (In Russian).
9. Grafova T. O. Digital economy technologies and tools, *Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference: “Features of state regulation of foreign economic activity in modern conditions*, Rostov-on-Don, November 16–20, 2020, Scientific

- Edition by Bashly P. N., Rostov-on-Don, Rostov Branch of the State Educational Institution of Higher Education “Russian Customs Academy”, pp. 136–142. (In Russian).
10. Ryaboshapka A. I., Gaponchik A. N. Application of the “Single Window” mechanism in the activities of customs authorities in the conditions of COVID-19, *Academicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, 2020, no. 4 (41), pp. 12–20. (In Russian).
 11. A unified register will be formed in Russia with information about the entire population of the country, *Rossiiskaya gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2021/04/14/v-rossii-sformiruiut-edinyj-registr-so-svedeniami-obo-vsem-naselenii-strany.html> (accessed 21.08.2021).
 12. Is the State Duma handing Russia over to the CIA? More than 250 scientists made a public protest, *VestiRegion.ru. News of Vladivostok and Primorsky Territory*. Available at: <http://vestiregion.ru/2020/05/21/gosduma-sdayot-rossiyu-v-lapy-cru-bol-ee-250-uchyonyx-vystupili-s-publichnym-protestom/> (accessed 21.08.2021).
 13. New terms of the population census – from October 15 to November 14, *All-Russian Population Census, Vesti.Ru*. Available at: <https://www.strana2020.ru/novosti/novye-sroki-perepisi-naseleniya-s-15-oktyabrya-po-14-noyabrya/> (accessed 21.08.2021).
 14. Rosstat has reduced the costs of the All-Russian Population Census. Available at: <https://www.vesti.ru/finance/article/2487343> (accessed 21.08.2021).

Воронцова Юлия Владимировнаканд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация**ORCID:** 0000-0001-7995-6395**e-mail:** jvms2008@yandex.ru**ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
В КИНЕМАТОГРАФЕ**

Аннотация. В статье представлено исследование транскультурной трансформации в кинематографе, рассматривающее автора фильма как транснациональную фигуру. При этом речь идет о постепенном создании кинематографической карты (основанной аффинитивном транснационализме), которая объединяет формы выражения, сегодня считающиеся архетипическими. Члены «воображаемого» культурного сообщества выстраивают мозаику общих ссылок, выходящих за пределы национальных границ. На основе этой концепции было проведено исследование организационной практики режиссера Карлоса Сауры, который на последнем этапе своего творчества сосредоточился на создании фильмов, предлагающих образцы музыки, танца и необычной раскадровки (основанной на принципе «фотографии»), связанные с иберийским и латиноамериканским пространством. Это создает особое определение музыкальному и художественному жанрам, сочетающим в себе следы документального стиля, влияющие на аутентичность изображаемых представлений, с сильным эстетическим импульсом, подчеркивающим организационный и художественный характер этих изображений. Такая модель транснационализма принимает формы отражения транс-иберийских измерений.

Ключевые слова: внекадровая трансформация, интернационализированный мир кинопроизводства, испанский кинематограф, Карлос Саура, принцип «фотографии», пространство, съемочный процесс, транс-иберийские измерения, транснациональное кино

Для цитирования: Воронцова Ю.В. Транскультурная трансформация в кинематографе // Вестник университета. 2021. № 10. С. 55–58.

Yulia V. VorontsovaCand. Sci. / PhD (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia**ORCID:** 0000-0001-7995-6395**e-mail:** jvms2008@yandex.ru**TRANSCULTURAL TRANSFORMATION IN CINEMA**

Abstract. The article presents a study of transcultural transformation in cinema, considering the filmmaker as a transnational figure. This is the gradual creation of a cinematic map based on affinitive transnationalism, which integrates forms of expression that are now considered archetypal. Members of the “imagined” cultural community construct a mosaic of shared references that transcend national boundaries. Based on this concept, a study of the organisational practices of filmmaker Carlos Saura has been conducted. This concept was the basis for a study of the organisational practices of director Carlos Saura, who in his last phase of his career focused on making films that offer samples of music, dance and unusual storytelling (based on the principle of “photography”) associated to the Iberian and Latin American space. This creates a special definition of the musical and artistic genres, combining traces of a documentary style influencing the authenticity of the representations depicted, with a strong aesthetic impulse emphasising the organisational and artistic nature of these representations. This model of transnationalism takes the form of reflection of trans-Iberian dimensions.

Keywords: off-frame transformation, internationalised filmmaking world, Spanish cinema, Carlos Saura, principle of “photography”, space, shooting process, trans-Iberian dimensions, transnational cinema

For citation: Vorontsova Yu.V. (2021) Transcultural transformation in cinema. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 55–58. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-55-58

Введение

Широкое разнообразие культурных обменов и отраслевые практики, навязываемые международными сетями, а также цифровыми технологиями, облегчают ряд эстетических и дискурсивных возможностей, которые появляются в результате сопротивления однозначным таксономиям. Вместо этого допускается

© Воронцова Ю.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Vorontsova Yu.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

использование подходов, в рамках которых становится возможным говорить как о гибкости понятия «транснациональное кино», так и о различных связанных с ним моделях. Поэтому многочисленные исследования подчеркивают необходимость обозначить «транснациональное» в соответствии с компендиумом способов производства/распространения, направленных на то, чтобы отдать должное реальности все более взаимосвязанного и интернационализованного мира кинопроизводства, который характеризуется множеством, порой противоречащих друг другу, измерений и значений [5]. При этом речь идет о постепенном создании кинематографической карты, основанной на так называемом «аффинитивном транснационализме», которая объединит формы выражения, сегодня считающиеся архитипическими. Члены «воображаемого» культурного сообщества будут выстаивать мозаику общих ссылок, выходящих за пределы национальных границ. В итоге такая модель транснационализма примет формы отражения транс-иберийских измерений.

Методология

Понятие «автор фильма» подразумевает ряд более или менее фиксированных паттернов восприятия, к которым стремятся сами его создатели. Одним из таких паттернов является эквивалентность между творческими людьми и страной их происхождения, что не мешает любому зрителю иметь отношение к рассматриваемому фильму в силу «ассимиляционной стадии восприятия», которая уменьшает признаки иностранности для установления прямой связи между его создателями и аудиторией [7, с. 221].

Основываясь на концепции автора как транснациональной фигуре, было проведено исследование организационной практики режиссера Карлоса Сауры (исп. Carlos Saura). На заключительном этапе своего творчества режиссер сосредоточился на создании фильмов, которые предлагают образцы музыки, танца и необычной раскадровки (основанной на принципе «фотографии»), связанные с иберийским и латиноамериканским пространством, создают особое определение музыкальному и художественному жанрам, сочетающим в себе следы документального стиля, влияющие на аутентичность изображаемых представлений, с сильным эстетическим импульсом, подчеркивающим выстроенный (организационный) и художественный характер этих изображений.

Саура – один из самых творческих харизматичных режиссеров испанского кинематографа. Его картины – настоящие хореографические произведения, основанные на особых представлениях режиссера о драматургии, освещении, движении, монтаже и сценографии. В то же время увлечение Сауры танцами и музыкой привело его к созданию различных музыкальных жанров. История кино пронизана различными конструкциями, и танец появился в нем в самых разнообразных и бесчисленных формах.

На этапе проектирования кинофильма Саура проводит эффективный кастинг всемирно известных музыкантов, танцоров, кантаоров: Пако де Лусии (исп. Paco de Lucía), Хулио Бокка (исп. Julio Boccia), Сары Барас (исп. Sara Baras) и др., что усиливает стратегию создания актерского состава, обеспечивающего как великолепное музыкальное исполнение, так и международный прием «публикой, интересующейся музыкой и ее отношениями с исполнительским искусством в дополнение к аудитории музыкального кино, а также латиноамериканского кинематографа» [6, с. 272].

То же можно сказать и об исполнении танцевальных партий. Выбирая для своих фильмов фламенко, Саура опирался на одну из самых популярных и универсальных национальных традиций. Некоторая традиционность также просматривается в режиссерском подходе и разработке драматургического материала при использовании одних и тех же приемов, в частности, в балетной трилогии, основу которой составили фильмы «Кровавая свадьба», «Кармен», «Колдовская любовь», поставленные в сотрудничестве с труппой Антонио Гадеса (исп. Antonio Gades) [4].

В дальнейшем переход Сауры в своих аудиовизуальных произведениях от художественной адаптации к документальной ставит своей целью представить миру все многообразие современного фламенко (его подлинного феномена и испанской/андалузской сущности) как продукта высокой культуры, лишённого стереотипов, который можно продолжать экспортировать как «диакритический» знак идентичности.

Результаты и выводы

Несмотря на то, что «балетные» фильмы Карлоса Сауры снимались на протяжении нескольких десятилетий, они обладают замечательным тематическим и стилистическим единством. Их основные эстетические особенности можно сгруппировать по трем направлениям:

- минимализм: в этих фильмах практически отсутствуют декорации;
- реитерация: музыкальный корпус Сауры поражает не только сочетанием процессов абстракции и эстетизма, но и их повторяемостью от фильма к фильму, представляя собой четкую серийную модель;
- рефлексивность: постоянно повторяющиеся действия через комбинацию минимальных элементов обнаруживает искусственность самого представления. Такое повторение может быть оправдано, если в его основе лежит рефлексивный, мета-референциальный импульс.

Кроме того, создание аудиовизуального произведения разбивает творческий процесс на две основные части: сценарий и раскадровку. Особый статус этих объектов делает их почти независимыми единицами, которые могут существовать сами по себе. В особенности, что касается раскадровки, то эта часть творчества за последние 25 лет превратилась в бизнес. При этом, создавая аудиовизуальный продукт, «необходимо мыслить фотографически и критически, особенно по вопросу национальной идентичности. Сам фотографический акт представляет собой немедленное превращение настоящего референта в окаменевшее прошлое. Элементы фотографии часто добавляют сильную дозу времени движению, за которым хочется пойти, но это возможное действие навсегда останется в кадре. Это также то, что отличает фотографию от кино: возможность трансформации вне кадра, которое заставляет видимое пространство выходить за пределы поля экрана и позволяет сделать видимым то, что не видно. Саура определенным образом расширяет то, что ограничивает фотографический акт таким образом, чтобы захваченное изображение заполняло пространство-время» [3, с. 31]. При этом процесс построения кадра у Сауры обратный съемочному процессу анимационного фильма, где множество рисунков при их соединении дает движение персонажам картинки. У Сауры же возможно сделать детальную раскадровку сцен, таким образом получая «динамичные» фотографии, герои которых как бы на долю секунды замирают, чтобы продолжить свое движение, но уже в другом кадре.

Фильмы Сауры интересны также, поскольку подход этого режиссера идеально контекстуализирует каждое аудиовизуальное произведение, заставляет его интересоваться окружающими элементами, а не только выражением движения. Во время съемки танцевальных сцен Саура перемещается между танцорами для формирования у зрителя чувства вовлеченности в танец и, двигая камеру, импровизирует, прибегая к настоящим кинематографическим экспериментам, ориентируясь на то, что подсказывает ему танец в каждой конкретной ситуации отдельно. Это добавляет силу используемым Саурой кинематографическим элементам.

При исследовании организационного процесса создания Саурой аудиовизуальных произведений были выделены следующие реализуемые им функции управления:

- осуществление полного контроля над каждым своим фильмом;
- часто при проектировании аудиовизуального проекта Саура отказывается от близких или повторяющихся проектов (но не от подхода или отдельных элементов);
- осуществление перехода от сценария к повествовательному рассказу, что часто помогает лучше понять продюсеров, которые могут теряться в собственных сухих (иногда визуальных) сценариях;
- использование рисунков для важнейших кадров фильма. Это довольно успешный способ уничтожить пространство – время кинематографического потока, благодаря свободе, которую предлагает рисование. Это также позволяет оценить колебания режиссера между различными решениями в организации пространства, например для эпизода «Капричос» в фильме «Гойя в Бордо», формируя таким образом «Воображаемый музей Гойи» [2], где Саура представляет свое личное видение фундаментального персонажа испанского искусства, которого ставит в один ряд с Пабло Пикассо (Picasso) и Луисом Бунюэлем (Buñuel).

Так же, как и персонажи его кинофильмов (Гойя, Пикассо, Бунюэль), Саура своими аудиовизуальными произведениями встраивается в транскультурное пространство, оставаясь при этом национальным режиссером, донося до мировой аудитории аутентичные особенности своей родной Испании, а в дальнейшем и испаноязычного мира.

Заключение

В мировой практике существует большое количество кинофестивалей различных категорий. Несмотря на наличие финансовой составляющей, они являются нематериальным активом для режиссера и его работ. Награды и номинации на фестивалях служат для них хорошей рекламой при отсутствии заинтересованности в последовательном медиапланировании (лекции, встречи и др.). Они привлекают внимание к творчеству

конкретного режиссера/киностудии, что в дальнейшем способствует привлечению инвестиций в уже коммерческие проекты [1]. На основе программ крупных фестивалей составляются всевозможные топы и списки для просмотра. Кинокритики просматривают фильмы-номинанты, анализируют тенденции в современном кинематографе, который вышел за рамки национальных границ. В отличие от фестиваля основной целью кинорынка является заключение контрактов на приобретение лицензий на право показа того или иного фильма на определенной территории. Таким образом, у «фестивального фильма» появляется возможность получить место в прокате и найти свою (дополнительную) аудиторию.

Несмотря на то, что фильмы Сауры не имели большого коммерческого успеха, они плотно вошли в категорию «фестивальных фильмов» и стали классикой мирового кинематографа. В них отразилась серия размышлений о мифах и образах, связанных с народными традициями и, используя собственную кинематографическую траекторию, до неожиданного уровня сложности как драматургии, так и организационного процесса.

Библиографический список

1. Аракелян, А. М., Воронцова, Ю. В. Управление в сфере кино и телевидения: учебное пособие. – М.: ГУУ, 2021. – 138 с.
2. Воронцова, Ю. В., Загоруйко, В. А., Синах, А. И. Формирование виртуальной инфраструктуры в “Воображаемом музее” // Сборник научных трудов по материалам 1-й Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные направления повышения доходности бизнеса: проблемы, методы, решения – 2019». – М.: Издательский дом ГУУ, 2019. – С. 93–95.
3. Воронцова, Ю. В., Мазур, А. Ю. Использование принципа “фотографии” в кинематографе // Вестник университета. – 2021. – № 9. – С. 28–33.
4. Сергеева, Т. С. Фламенко в кинотворчестве Карлоса Сауры: традиционное искусство в контексте медиакультуры (на примере фильма “Кармен”) // Художественная культура. – 2013. – № 4 (9). – С. 1–14.
5. Carlos Saura: una trayectoria ejemplar [Карлос Саура: образцовая карьера] / R. Lefere (ed.). – Madrid: Visor Libros, 2011. – 296 p. [Исп. яз.].
6. Díaz López, M. Aproximación a la distribución internacional de cine español en los inicios del siglo XXI [Подход к международному распространению испанского кино в начале XXI века] // Studies in Spanish & Latin American Cinemas. – 2015. – № 12 (3). – Pp. 255–277. https://doi.org/10.1386/slac.12.3.255_1
7. Transnational cinema in a global North / A. Nestingen & T.G. Elkington (eds.). – Detroit: Wayne University Press, 2005. – 392 p.

References:

1. Arakelyan A. M., Vorontsova Yu. V. *Management in the field of cinema and television: tutorial*, Moscow, GUU Publishing House, 2021, 138 p. (In Russian).
2. Vorontsova Yu. V., Zagoruiiko V. A., Sinakh A. I. Formation of a virtual infrastructure in an “Imaginary Museum”, *Collection of scientific papers of the 1-st All-Russian Scientific and Practical Conference “Actual directions of increasing business profitability: problems, methods, solutions – 2019”*, Moscow, GUU Publishing House, 2019, pp. 93–95. (In Russian).
3. Vorontsova Yu. V., Mazur A. Yu. Using the principle of “photography” in cinema, *Vestnik universiteta*, 2021, no. 9, pp. 28–33. (In Russian).
4. Sergeeva T. S. Flamenco in the film creation of Carlos Saura: traditional art in the context of media culture (on the example of the film “Carmen”, *Art & Culture Studies*, 2013, no. 4 (9), pp. 1–14. (In Russian).
5. *Carlos Saura: an exemplary career* [*Carlos Saura: una trayectoria ejemplar*], Lefere, R. (ed.), Madrid, Visor Libros, 2011, 296 p. (In Spanish).
6. Díaz López M. Approach to the international distribution of Spanish cinema at the beginning of the XXI century [Aproximación a la distribución internacional de cine español en los inicios del siglo XXI], *Studies in Spanish & Latin American Cinemas*, 2015, no. 12 (3), pp. 255–277. https://doi.org/10.1386/slac.12.3.255_1 (In Spanish).
7. *Transnational cinema in a global North*, A. Nestingen & T.G. Elkington (eds.), Detroit, Wayne University Press, 2005, 392 p.

УДК 658-027.236(470+571):519.876

JEL O12, O32, O14, C50, O25

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-59-68

Спицын Владислав**Владимирович**

канд. экон. наук, ФГАОУ ВО

«Национальный исследовательский

Томский политехнический

университет», ФГБОУ ВО «Томский

государственный университет систем

управления и радиоэлектроники»,

г. Томск, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-8360-7590**e-mail:** spitsin_vv@mail.ru**Спицына Любовь****Юрьевна**

канд. экон. наук, ФГАОУ ВО «Наци-

ональный исследовательский Том-

ский политехнический университет»,

г. Томск, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-3923-984X**e-mail:** s_luba_07@mail.ru**Грибанова Екатерина****Борисовна**

канд. тех. наук, ФГБОУ ВО

«Томский государственный универси-

тет систем управления и радиоэлек-

троники», г. Томск, Российская

Федерация

ORCID: 0000-0001-6499-5893**e-mail:** katag@yandex.ru**Vladislav V. Spitsin**

Cand. Sci. (Econ.), National Research

Tomsk Polytechnic University, Tomsk

State University of Control Systems and

Radioelectronics, Tomsk, Russia

ORCID: 0000-0002-8360-7590**e-mail:** spitsin_vv@mail.ru**Lubov Yu. Spitsina**

Cand. Sci. (Econ.), National Research

Tomsk Polytechnic University,

Tomsk, Russia

ORCID: 0000-0002-3923-984X**e-mail:** s_luba_07@mail.ru**Ekaterina B. Griбанова**

Cand. Sci. (Engineering), Tomsk State

University of Control Systems and

Radioelectronics, Tomsk, Russia

ORCID: 0000-0001-6499-5893**e-mail:** katag@yandex.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ВОЗРАСТА НА ТЕХНИЧЕСКУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ В РАЗРЕЗЕ ОТРАСЛЕЙ И ВРЕМЕННЫХ ПЕРИОДОВ

Аннотация. В современной конкурентной экономике технологическое лидерство и техническая эффективность являются залогом успешного развития предприятий, стран и территорий. В настоящей работе исследовано влияние факторов на техническую эффективность бизнеса. Рассмотрены ситуации, когда техническая эффективность рассчитывается методом DEA, а ее детерминанты определяются в регрессионных моделях, в том числе тобит-моделях регрессии. Проведена систематизация детерминант технической эффективности, выявленных зарубежными исследователями. Выполнено моделирование влияния фактора «Возраст» на техническую эффективность предприятий шести ведущих отраслей экономики России за период 2015–2019 гг. Установлено, что фактор «Возраст» оказывает различное влияние на техническую эффективность в разных отраслях. В частности, в пищевой промышленности более высокую техническую эффективность демонстрируют молодые предприятия, а в секторе информационных технологий – зрелые. Соответственно, направления и приоритеты стимулирования должны различаться в разрезе отраслей экономики. В частности, технологическое развитие пищевой промышленности требует поддержки процессов генерации молодых предприятий и стартапов. В секторе информационных технологий приоритетом должна стать поддержка зрелых предприятий и процессов роста молодых предприятий до стадии зрелости.

Ключевые слова: технологическое лидерство, техническая эффективность, детерминанты, возраст предприятия, молодые предприятия, старые предприятия, промышленность, услуги, метод DEA, тобит-модели, регрессионный анализ, эконометрическое моделирование, инновационное развитие, Россия

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Локальные инновации и глобальное технологическое лидерство: Переосмысление подходов к эффективному внутриотраслевому трансферу технологий», проект № 19-010-00946 а.

Для цитирования: Спицын В.В., Спицына Л.Ю., Грибанова Е.Б. Моделирование влияния возраста на техническую эффективность в разрезе отраслей и временных периодов // Вестник университета. 2021. № 10. С. 59–68.

MODELING THE INFLUENCE OF AGE ON THE TECHNICAL EFFICIENCY BY SECTOR AND TIME PERIODS

Abstract. In today's competitive economy, technological leadership and technical efficiency are key to the successful development of enterprises, countries and territories. This paper investigates the influence of factors on the technical efficiency of a business. Situations where technical efficiency is calculated by the DEA method, and its determinants are defined in regression models, including tobit regression models, have been considered. The determinants of technical efficiency identified by foreign researchers have been systematised. Modeling of the influence of the "Age" factor on the technical efficiency of enterprises in six leading sectors of Russia's economy over the period 2015–2019 has been performed. It has been found that the "Age" factor has different effects on technical efficiency in different industry sectors. Particularly, in the food industry younger companies are more technically efficient, while mature companies are more technically efficient in the information technology sector. Accordingly, the directions and priorities for incentives should differ across sectors of the economy. In particular, the technological development of the food industry requires support for the generation processes of young enterprises and start-ups. In the information technology sector, the priority should be to support mature enterprises and the growth processes of young enterprises to maturity.

Keywords: technological leadership, technical efficiency, determinants, age of firm, young enterprises, old enterprises, industry, services, DEA method, tobit models, regression analysis, econometric modeling, innovative development, Russia

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research under the RFBR research project "Local innovation and global technology leadership: Rethinking approaches to effective intra-industry technology transfer", project No. 19-010-00946 а.

For citation: Spitsin V.V., Spitsina L.Yu., Griбанова E.B. (2021) Modeling the influence of age on the technical efficiency by sector and time periods. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 59–68. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-59-68

© Спицын В.В., Спицына Л.Ю., Грибанова Е.Б., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Spitsin V.V., Spitsina L.Yu., Griбанова E.B., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Техническая эффективность и технологическое лидерство являются залогом успешного развития предприятий в условиях конкурентной рыночной экономики. Постоянное технологическое развитие и повышение технической эффективности необходимы для предприятий большинства отраслей России в условиях внешних вызовов (экономические санкции и пандемия COVID-19). Эта проблема является актуальной на федеральном и региональном уровнях и находит отражение в программах поддержки процессов технологического развития предприятий и ведущих отраслей экономики. В рамках данной проблемы актуальной задачей является выявление факторов, способных повысить техническую эффективность предприятий и привести к генерации фирм-технологических лидеров. В настоящей работе моделируется влияние возраста предприятий на техническую эффективность. Расчеты проводятся в разрезе ведущих отраслей экономики России за период 2015–2019 гг.

В условиях конкурентной экономики технологическое лидерство и техническая эффективность обеспечивают существенные преимущества предприятиям, а также странам и территориям, которые эти предприятия представляют. Проблема технологического развития и технологического лидерства остро стоит на национальном и мировом уровнях. На уровне мировой экономики и отдельных стран составляются рейтинги компаний-технологических лидеров, разрабатываются программы поддержки технологического развития ведущих отраслей. В частности, в России отметим рейтинг АО «РВК» «ТехУспех», проект Министерства экономического развития Российской Федерации «Поддержка частных высокотехнологических компаний-лидеров» («Национальные чемпионы»), проект «Национальная технологическая инициатива», программы и конкурсы Фонда содействия инновациям и др. [3]. Для успешной реализации этих программ и проектов и существенного повышения технической эффективности российских предприятий требуется не только государственная поддержка, но и моделирование влияния широкого перечня внутренних и внешних факторов на показатели технической эффективности.

Исследование влияния факторов на зависимую переменную широко применяется в зарубежных экономических исследованиях. Как правило, ученые используют регрессионные модели, включающие в себя контрольные переменные, тестируемые факторы и зависимую переменную (в нашем случае – техническую эффективность). При этом техническая эффективность измеряется обычно одним из двух способов: либо методом DEA [10; 11; 13], либо методом SFA [19]. Большее распространение получил метод DEA, который применяется для оценки технической эффективности предприятий различных отраслей экономики, при этом в качестве входов и выходов DEA-модели выступают показатели затрат труда и капитала, выпуска продукции и др. Метод SFA является узкоспециализированным и в большинстве случаев применяется для оценки сельских хозяйств, у которых основными детерминантами технической эффективности оказываются площадь посевов, урожайность и т. п.

Отметим следующие детерминанты технической эффективности, выявленные зарубежными учеными при использовании метода DEA (табл. 1).

Таблица 1

Детерминанты технической эффективности, рассчитанной методом DEA

Авторы	Годы	Отрасли экономики	Страны	Детерминанты технической эффективности
M. Alsaleh, A. S. Abdul-Rahim, H. O. Mohd-Shahwahid (2017)	1990–2013	Биоэнергетическая промышленность	28 стран Европейского союза	Позитивное влияние: труд, ВВП, инфляция, процентная ставка
			Развитые страны Европейского союза	Позитивное влияние: ВВП. Негативное влияние: капитал, труд, инфляция
			Развивающиеся страны Европейского союза	Позитивное влияние: капитал, труд, ВВП, инфляция, процентная ставка

Авторы	Годы	Отрасли экономики	Страны	Детерминанты технической эффективности
B. K. Sahoo, D. K. Nauriyal (2014)	1999–2008	Разработка программного обеспечения	Индия	Позитивное влияние: размер фирмы, отечественная или иностранная собственность. Негативное влияние: возраст, уровень оплаты труда
A. N. Rezitis, M. A. Kalantzi (2015)	1984–2007	Пищевая промышленность	Греция	Негативное влияние: размер отрасли, производительность капитала
M. Latif, M. F. Abdullah, L. W. Sieng (2019)	2015	Машиностроение	Малайзия	Позитивное влияние: уровень оплаты труда, затраты на НИР, уровень образования
K. J. Cheruiyot (2017)	2007	Обрабатывающая промышленность	Кения	Перевернутые параболические зависимости от возраста и размера фирмы. Территориальные факторы

Составлено авторами по материалам источников [9; 12; 14; 17; 18]

Данные таблицы 1 показывают, что проблема однозначного определения закономерностей влияния факторов на техническую эффективность далека от своего решения. В своих исследованиях ученые обнаруживают различные закономерности, при этом влияние факторов может быть позитивным, негативным, нелинейным (параболическим) или незначимым. Закономерности различны для разных стран, отраслей и временных периодов исследования. Эти аспекты делают актуальным проведение аналогичного исследования в России в условиях внешних вызовов и продолжающейся стагнации экономики.

В рамках настоящей работы мы рассчитываем техническую эффективность методом DEA и исследуем влияние фактора «Возраст» на техническую эффективность. Цель нашей работы – комплексное эконометрическое исследование влияния фактора «Возраст» на техническую эффективность деятельности предприятий в разрезе ведущих отраслей экономики России и временных периодов. Выявленные закономерности позволят определить оптимальные возрастные границы, в которых предприятия достигают наибольшей технической эффективности и имеют больше возможностей стать технологическими лидерами. Эти закономерности в дальнейшем могут быть использованы для обоснования и разработки комплекса мероприятий по стимулированию процессов генерации нового бизнеса и технологического развития предприятий в разрезе ведущих отраслей экономики России.

Анализируя фактор «Возраст», мы учитываем современные теории и модели развития организаций [4; 5]. В частности, теория И. Адизеса постулирует, что в процессе эволюции организация проходит стадии рождения, юности, зрелости, старения и упадка или возрождения [2]. Известно, что наибольшие темпы роста демонстрируют, как правило, стартапы и молодые фирмы. Наибольшая эффективность (с точки зрения рентабельности) достигается на стадии зрелости. Однако, остается неясным, как будет вести себя техническая эффективность по мере взросления предприятий.

Соответственно, в рамках настоящей работы мы выдвигаем и тестируем две гипотезы.

Гипотеза 1. С увеличением возраста техническая эффективность предприятий снижается (линейная зависимость). Данная гипотеза исходит из того, что для успешного выхода на рынок предприятие должно иметь техническое превосходство над конкурентами. Это превосходство позволит захватить часть рынка и преодолеть входные барьеры. Далее техническое превосходство постепенно утрачивается, и техническая эффективность снижается.

Гипотеза 2. С увеличением возраста техническая эффективность предприятий сначала возрастет (до стадии зрелости), а затем снизится. Наблюдается перевернутая параболическая зависимость (англ. inverted u-shape dependence). Эта гипотеза предполагает, что предприятия стремятся усиливать и развивать свои технические преимущества до достижения стадии зрелости. Однако затем появляются новые конкуренты с принципиально новыми технологиями, которые вытесняют с рынка предприятия с устаревшими технологиями. Отметим, что аналогичное параболическое влияние возраста на техническую эффективность моделируется в работе [12].

Указанные выше гипотезы будут протестированы в разрезе ведущих отраслей экономики России и различных временных периодов.

Ранее нами был выполнен тестовый анализ влияния фактора «Возраст» на техническую эффективность для отрасли машиностроения без детализации по временным периодам. При этом рассматривались и сравнивались различные регрессионные модели [6]. В настоящей статье мы используем аналогичную методологию исследования, однако выполняем расчеты в разрезе шести ведущих отраслей экономики России и временных периодов.

Методология исследования

Объект исследования и данные

В выборку включались предприятия, удовлетворяющие следующим условиям ежегодно за период 2015–2019 гг.:

- выручка не менее 50 млн руб.;
- стоимость основных средств не менее 10 млн руб.;
- фонд оплаты труда не менее 5 млн руб.;
- наличие данных бухгалтерской отчетности по форме «Баланс».

Полученная выборка представляет собой панельные данные (сбалансированная панель), включающая в себя предприятия шести отраслей и их данные за 2015–2019 гг. Всего в выборке 2 617 предприятий. Источником информации по бухгалтерской отчетности предприятий является информационная система СПАРК [7]. Для анализа были выбраны предприятия шести ведущих отраслей экономики России (на основе ОКВЭД 2.0):

- нефтегазовый сектор (ВЭД 06) – 126 предприятий;
- пищевая промышленность (ВЭД 10) – 1 256 предприятий;
- химическая промышленность (ВЭД 20) – 275 предприятий;
- фармацевтическая промышленность (ВЭД 21) – 125 предприятий;
- машиностроение (ВЭД 28) – 429 предприятий;
- сектор информационных технологий (ВЭД 62, 63) – 166 предприятий [1].

Исследуемые переменные

Зависимая переменная: TE_{in} (техническая эффективность, ориентированная на минимизацию затрат), и переменная обратная ей: $TNE_{in} = 1/TE_{in}$.

Расчет показателя технической эффективности (TE) проводится с помощью метода DEA согласно методологии, изложенной в работах [11; 13]. Расчет TE выполняется на основе одного показателя выхода или результата (выручка), и двух показателей входа или затрат ресурсов (основные средства и фонд оплаты труда) согласно работам [13; 10].

В настоящей статье мы используем модели, ориентированные на вход (то есть на минимизацию затрат при фиксированном результате – TE_{in}). Выбор в пользу моделей, ориентированных на минимизацию затрат, обусловлен особенностями анализируемого временного периода. Период 2015–2019 гг. характеризуется кризисными явлениями в отдельных отраслях и длительной стагнацией экономики России [8]. В этих условиях предприятия вряд могут рассчитывать на максимизацию результата (выручки). Большинство предприятий будут ориентироваться на минимизацию затрат при сохранении прежнего объема продаж, что определяет выбор зависимой переменной. Отметим, что TE_{in} принимает значения в диапазоне (0; 1], при этом предприятия-технологические лидеры имеют $TE_{in} = 1$. Расчет технической эффективности проводится отдельно для каждой отрасли и каждого года.

Ограниченный диапазон значений TE_{in} осложняет регрессионное моделирование. Более того, исходно метод DEA определяет техническую неэффективность TNE_{in} (то есть величину, обратную технической эффективности), и уже затем приводит ее к технической эффективности. При этом TNE_{in} принимает значения в широком диапазоне [1; $+\infty$), что существенно улучшает возможности регрессионного моделирования. Поэтому в регрессионных моделях мы исследуем влияние возраста и контрольных переменных на техническую неэффективность (TNE_{in}). Полученные результаты будут обратными по отношению к технической эффективности (TE_{in}).

Затем мы вычисляем переменную $TEin = 1/TNEin$ и визуализируем полученные зависимости для $TEin$.

Контрольные переменные

В соответствии с общепринятой методологией регрессионного моделирования мы применяем следующие контрольные переменные:

- РАЗМЕР – размер предприятия, который определяется как натуральный логарифм от выручки;
- ДЗК – доля заемного капитала у предприятия, которая рассчитывается как отношение заемного капитала к активам предприятия [10; 16].

Исследуемая переменная ВОЗРАСТ – возраст предприятия в годах. Возраст определяется по данным СПАРК о дате создания предприятия.

Регрессионные модели

В регрессионных моделях мы предполагаем нелинейное (квадратичное) влияние контрольных и исследуемых переменных на $TNEin$. Соответственно, исходя из сформулированных гипотез, мы получаем две модели:

- 1) $TNEin = \text{Константа} + \text{РАЗМЕР} + \text{РАЗМЕР}^2 + \text{ДЗК} + \text{ДЗК}^2 + \text{ВОЗРАСТ}$;
- 2) $TNEin = \text{Константа} + \text{РАЗМЕР} + \text{РАЗМЕР}^2 + \text{ДЗК} + \text{ДЗК}^2 + \text{ВОЗРАСТ} + \text{ВОЗРАСТ}^2$.

Эти регрессионные модели мы рассчитываем в разрезе годов и указанных выше отраслей.

Сначала мы рассчитываем вторую модель. Если переменная ВОЗРАСТ^2 оказывается значимой ($p < 0,10$), значит для данной отрасли и данного года подтверждается параболическая зависимость между возрастом и $TEin$. Гипотеза 2 выполняется. Мы проводим визуализацию зависимости по этой модели.

Если переменная ВОЗРАСТ^2 во второй модели оказывается незначимой ($p \geq 0,10$), значит гипотеза 2 не выполняется. В этом случае мы рассчитываем первую модель (без переменной ВОЗРАСТ^2). Если в первой модели переменная ВОЗРАСТ оказывается значимой ($p < 0,10$), значит для данной отрасли и данного года подтверждается линейная зависимость между возрастом и $TEin$ и выполняется гипотеза 1. Мы проводим визуализацию зависимости по первой модели. Если в первой модели переменная ВОЗРАСТ оказывается незначимой ($p \geq 0,10$), значит для данной отрасли и данного года гипотеза 1 также не выполняется. Возраст не оказывает влияния на $TEin$ и визуализация зависимости не проводится.

Так как зависимая переменная $TNEin$ ограничена снизу и принимает значения в пределах $[1; +\infty)$, мы используем цензурированную регрессию (расширение тобит-модели), которая обычно применяется в таких расчетах.

Контрольные и исследуемые переменные во всех моделях были стандартизированы согласно Д. Марквардту (D. W. Marquardt) [15]. Расчеты выполнены с помощью языка программирования R.

Результаты исследования

Результаты регрессионного моделирования для предприятий отрасли машиностроения представлены в таблице 2.

Таблица 2

Влияние возраста на техническую неэффективность ($TNEin$) для предприятий отрасли машиностроения (тобит-модели, стандартные ошибки указаны в скобках)

Переменные	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
	Модель 2	Модель 2	Модель 2	Модель 2	Модель 1
Константа	6,38*** (0,43)	6,49*** (0,54)	6,57*** (0,37)	6,94*** (0,25)	6,07*** (0,24)
Константа2	1,63*** (0,04)	1,82*** (0,04)	1,48*** (0,04)	1,35*** (0,04)	1,33*** (0,04)
РАЗМЕР	1,8*** (0,28)	1,56*** (0,33)	1,6*** (0,24)	1,31*** (0,21)	0,56** (0,20)
РАЗМЕР ²	-1,03*** (0,20)	-1,4*** (0,26)	-1,46*** (0,19)	-1,46*** (0,16)	-1,02*** (0,15)

Переменные	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
	Модель 2	Модель 2	Модель 2	Модель 2	Модель 1
ДЗК	0,47 (0,31)	0,9* (0,36)	2,37** (0,77)	1,74* (0,77)	1,61** (0,58)
ДЗК ²	0,15† (0,08)	0,31** (0,12)	-0,09* (0,04)	-0,10* (0,04)	-0,09** (0,03)
ВОЗРАСТ	1,46*** (0,27)	1,51*** (0,33)	1,22*** (0,23)	0,88*** (0,20)	0,51** (0,19)
ВОЗРАСТ ²	0,87** (0,28)	0,98** (0,34)	0,71** (0,24)	-	-
Логарифмическая функция правдоподобия (Log-likelihood)	-1 271,904 on 850 degrees of freedom	-1 347,297 on 850 degrees of freedom	-1 202,416 on 850 degrees of freedom	-1 154,102 on 851 degrees of freedom	-1 136,861 on 851 degrees of freedom

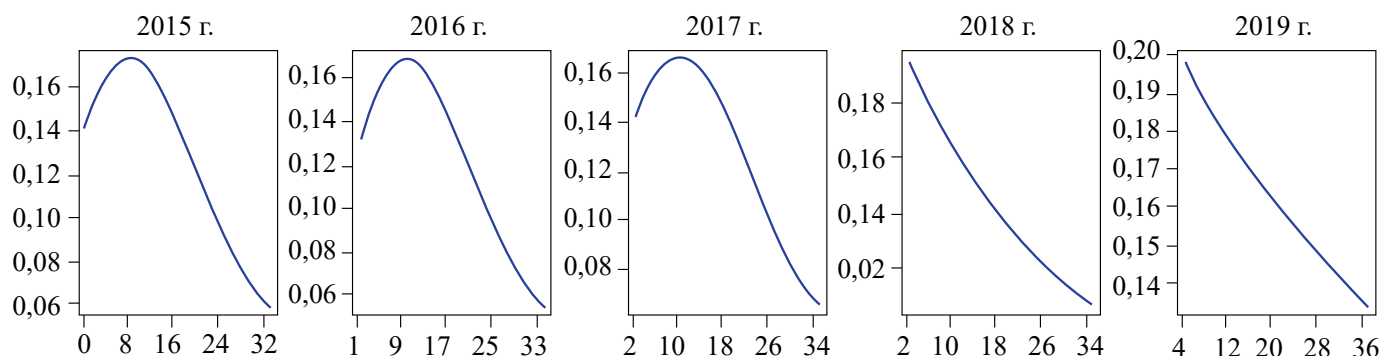
*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$; † $p < 0,10$

Составлено авторами по материалам источника [7]

Расчеты показали, что возраст оказывает значимое влияние на техническую эффективность предприятий машиностроения ежегодно в течение всего исследуемого периода. Однако характер этого влияния изменяется. В острой фазе кризиса (2015–2017 гг.) наблюдается параболическая зависимость и мы используем модель 2, а в годы оживления экономики (2018–2019 гг.) – линейная зависимость (модель 1).

Для корректной интерпретации полученных результатов проведем визуализацию построенных моделей, выполнив переход от $TNEin$ к $TEin$ по формуле $TEin = 1/TNEin$.

Визуализация регрессионных моделей для предприятий отрасли машиностроения представлена на рисунке 1. При построении рисунка 1 мы считаем, что контрольные переменные принимают средние значения. Так как они стандартизованы, то их средние значения равны нулю. Переменная ВОЗРАСТ переведена из стандартизованной в исходную шкалу (годы).

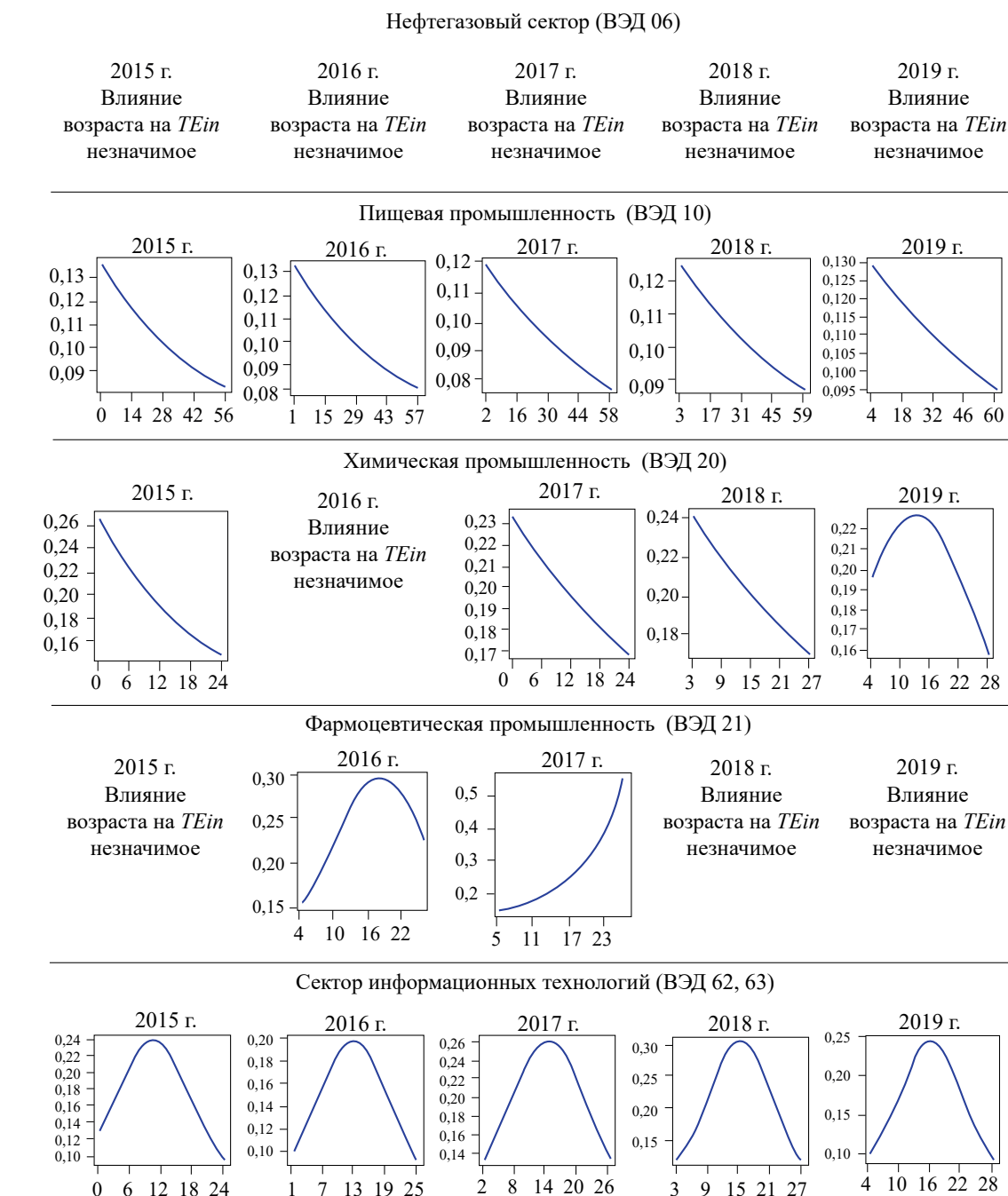
Составлено авторами по результатам исследования

Рис. 1. Влияние возраста на техническую эффективность предприятий машиностроения за период 2015–2019 гг.

В острой фазе кризиса (2015–2017 гг.) наблюдается параболическая зависимость и преимущества получают зрелые предприятия возрастом от 8 до 12 лет. Для этого периода подтверждается гипотеза 2.

В годы оживления экономики (2018–2019 гг.) зависимость между переменными близка к линейной. Чем меньше возраст предприятия, тем больше его техническая эффективность. Подтверждается гипотеза 1 и преимущества получают молодые предприятия.

Результаты аналогичных расчетов для предприятий других отраслей и визуализация полученных регрессионных моделей представлена на рисунке 2.

Составлено авторами по результатам исследования

Рис. 2. Влияние возраста на техническую эффективность предприятий в разрезе отраслей и временных периодов

Проведенные расчеты показывают различный характер влияния возраста на техническую эффективность в разрезе отраслей и временных периодов:

- пищевая промышленность – наблюдается линейная зависимость для всех временных периодов. Преимущества получают молодые предприятия, которые демонстрируют более высокую техническую эффективность. Подтверждается гипотеза 1;

- сектор информационных технологий – наблюдается параболическая зависимость для всех временных периодов. Преимущества получают предприятия среднего возраста. Молодые и старые предприятия имеют меньшую техническую эффективность. Подтверждается гипотеза 2;
- химическая промышленность – влияние возраста на $TEin$ различно в разных временных периодах. В 2015 г., 2017 г., 2018 г. преимущества получают молодые предприятия, в 2019 г. – зрелые предприятия;
- фармацевтическая промышленность – влияние возраста на $TEin$ различно в разных временных периодах. В 2016 г. и 2017 г. преимущество у возрастных предприятий. Молодые предприятия характеризуются более низкой технической эффективностью;
- нефтегазовый сектор – влияние возраста на $TEin$ статистически не значимое во всех временных периодах. Гипотеза 1 и гипотеза 2 не подтверждаются.

Отметим также, что наибольший прирост технической эффективности за счет возраста удастся достичь в секторе информационных технологий и в фармацевтической промышленности. Наименьший прирост – в пищевой промышленности.

Выводы и дискуссия

Проведенные расчеты уточняют и существенно расширяют результаты предыдущих исследований.

В своей работе К. Дж. Черуйот (K. J. Cheruiyot) получает перевернутые параболические зависимости между возрастом и технической эффективностью во всех моделях [12]. Однако они не дифференцируют предприятия по отраслям (рассматривают обрабатывающую промышленность Кении в целом) и анализируют данные только за один год. Исследователи Б. К. Саху, Д. К. Науриял (B. K. Sahoo, D. K. Nauriyal) обнаруживают негативное влияние возраста на техническую эффективность (разработка программного обеспечения в Индии), однако они не тестируют параболическую зависимость [18]. Наши модели показывают, что для получения точных оценок расчеты необходимо проводить в разрезе отраслей и временных периодов. Для ведущих отраслей экономики России влияние фактора «Возраст» оказывается либо негативным, либо параболическим (перевернутая парабола), либо незначимым. Следовательно, преимущества по технической эффективности получают молодые или зрелые предприятия. Единственное исключение – фармацевтическая промышленность за 2017 г., когда влияние фактора «Возраст» было позитивным и более высокую техническую эффективность демонстрировали возрастные предприятия.

В тестовых расчетах в отношении отрасли машиностроения нами было предварительно обнаружено преимущество зрелых предприятий [6]. Однако эти расчеты были выполнены без детализации по временным периодам. В настоящей работе нами установлено, что характер влияния возраста на $TEin$ предприятий машиностроения различный для разных временных периодов. Показано, что в условиях кризиса более высокую техническую эффективность демонстрируют зрелые предприятия, а в условиях оживления экономики (2018–2019 гг.) преимущества получают молодые предприятия, использующие новые возможности роста.

Нами получены новые результаты в отношении предприятий пяти ведущих отраслей экономики России. Установлено, что в пищевой промышленности более высокую техническую эффективность демонстрируют молодые предприятия, а в секторе информационных технологий – зрелые предприятия. В химической промышленности преимущество у молодых или зрелых предприятий, а в фармацевтической промышленности – у зрелых или возрастных предприятий. В нефтегазовом секторе фактор «Возраст» не влияет на техническую эффективность.

Заключение

Выполненное моделирование показывает, что направления и приоритеты стимулирования должны различаться в разрезе отраслей экономики и временных периодов. Технологическое развитие пищевой промышленности требует поддержки процессов генерации молодых предприятий и стартапов. В мировой и российской практике разработан широкий перечень методов и инструментов поддержки процессов генерации бизнеса.

В секторе информационных технологий приоритетом должна стать поддержка зрелых предприятий и процессы роста молодых предприятий до стадии зрелости. Здесь требуются специфические методы стимулирования (инвестиционный лифт и др.).

В химической промышленности и машиностроении целесообразным представляется сочетание указанных выше методов поддержки, выбираемых в зависимости от особенностей временных периодов.

Технологическое развитие фармацевтической промышленности должно основываться на приоритетном стимулировании зрелых и возрастных предприятий. Одновременно необходимо исследовать причины низкой технической эффективности молодых предприятий этой отрасли.

Отметим также, что влияние возраста на техническую эффективность ограничено. Оно сильнее проявляется в секторе информационных технологий и слабее – в пищевой промышленности. Для достижения технологического лидерства требуется моделирование влияния на техническую эффективность широкого перечня внутренних и внешних факторов, что планируется реализовать в наших следующих работах.

Библиографический список

1. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности – ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). (утв. Приказом Росстандарта (Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии) от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 10.07.2018) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (дата обращения: 08.07.2021).
2. Адизес, И. К. Управление жизненным циклом корпораций / Пер. с англ. В. Кузина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 512 с.
3. Куракова, Н. Г., Петров, А. Н. Национальная технологическая инициатива: оценка перспектив технологического лидерства России // Экономика науки. – 2015. – Т. 1, № 2. – С. 84–93.
4. Потоцкий, О. В., Орлов, А. И. Организационные кризисы как этапы развития предприятия малого и среднего бизнеса // Российское предпринимательство. – 2016. – Т. 17, № 11. – С. 1351–1360. <http://doi.org/10.18334/rp.17.11.35314>
5. Рябова, Е. В. Влияние регионального фактора на жизненный цикл организации // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2015. – № 8. – С. 1–19.
6. Спицына, Л. Ю., Спицын, В. В., Хорошильцев, М. И. Влияние возраста на техническую эффективность: эконометрическое моделирование зависимости для предприятий машиностроения // Финансовый бизнес. – 2021. – Т. 2, № 212. – С. 104–108.
7. Информационный ресурс Спарк Интерфакс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spark-interfax.ru/> (дата обращения: 08.07.2021).
8. Салихов, М. Прорыва не будет: почему замедляется российская экономика // Новости дня в России и мире – РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/22/05/2019/5ce4fcb99a7947fe30aec458> (дата обращения: 08.07.2021).
9. Alsaleh, M., Abdul-Rahim, A. S., Mohd-Shahwahid, H. O. Determinants of technical efficiency in the bioenergy industry in the EU28 region // Renewable and Sustainable Energy Reviews. – 2017. – V. 78 (C). – Pp. 1331–1349. <http://doi.org/10.1016/j.rser.2017.04.049>
10. Anokhin, S. A., Spitsin, V., Akerman, E., Morgan, T. Technological leadership and firm performance in Russian industries during crisis // Journal of Business Venturing Insights. – 2021. – V. 15, No. 5. – Art. e00223. <http://doi.org/10.1016/j.jbvi.2021.e00223>
11. Charnes, A., Cooper, W. W., Lewin, A. Y., Seiford, L. M. Data envelopment analysis: Theory, methodology and applications // Journal of the Operational Research Society. – 1997. – V. 48, No. 3. – Pp. 332–333. <http://doi.org/10.1038/sj.jors.2600342>
12. Cheruiyot, K. J. Determinants of technical efficiency in Kenyan manufacturing sector // African Development Review. – 2017. – V. 29, No. 1. – Pp. 44–55. <http://doi.org/10.1111/1467-8268.12237>
13. Fare, R., Grosskopf, Sh., Norris, M., Zhang, Zhongyang Z. Z. Productivity growth, technical progress, and efficiency change in industrialized countries // American Economic Review. – 1994. – V. 84, No. 1. – Pp. 66–83.
14. Latif, M., Abdullah, M. F., Sieng, L. W. Determinants factor of technical efficiency in machinery manufacturing industry in Malaysia // International Journal of Supply Chain Management. – 2019. – V. 8, No. 6. – Pp. 917–928. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://ojs.excelingtech.co.uk/index.php/IJSCM/article/view/4086> (дата обращения: 08.07.2021).
15. Marquardt, D. W. Comment: You should standardize the predictor variables in your regression models // Journal of the American Statistical Association. – 1980. – V. 75, No. 369. – Pp. 74–103. <https://doi.org/10.1080/01621459.1980.10477430>
16. Mok, V., Yeung, G., Han, Zh., Li, Zh. Leverage, technical efficiency and profitability: an application of DEA to foreign-invested toy manufacturing firms in China // Journal of Contemporary China. – 2007. – V. 16, No. 51. – Pp. 259–274. <http://doi.org/10.1080/10670560701194509>
17. Rezitis, A. N., Kalantzi, M. A. Investigating technical efficiency and its determinants by data envelopment analysis: An application in the Greek food and beverages manufacturing industry // Agribusiness. – 2015. – V. 32, No. 2. – Pp. 254–271. <http://doi.org/10.1002/agr.21432>

18. Sahoo, B. K., Nauriyal, D. K. Trends in and determinants of technical efficiency of software companies in India // *Journal of Policy Modeling*. – 2014. – V. 36, No. 3. – Pp. 539–561. <http://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2013.12.001>
19. Yekti, A., Hadi, D. D., Jamhari, J., Hartono, S. Technical efficiency of melon farming in Kulon Progo: A stochastic frontier approach (SFA) // *International Journal of Computer Applications*. – 2015. – V. 132, No. 6. – Pp. 15–19. <http://doi.org/10.5120/ijca2015907428>

References

1. All-Russian Classifier of Types of Economic Activity - OK 029-2014 (KDES Ed. 2). (approved by the Order of the Rosstandart (Federal Agency on Technical Regulating and Metrology), No. 14-st, dated on January 31, 2014) (as amended, dated on July 10, 2018), *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (accessed 08.07.2021).
2. Adizes I. K. *Managing corporate lifecycle*, Translated from English by V. Kuzin, Moscow, Mann, Ferber i Ivanov, 2014, 512 p. (In Russian).
3. Kurakova N. G., Petrov A. N. National technological initiative: evaluation of perspectives of Russia's technological leadership, *The Economics of Science*, 2015, vol. 1, no. 2, pp. 84–93. (In Russian).
4. Pototsky O. V., Orlov A. I. Organizational crises as stages of development at small and medium business companies, *Russian Journal of Entrepreneurship*, 2016, vol. 17, no. 11, pp. 1351–1360. (In Russian). <http://doi.org/10.18334/rp.17.11.35314>
5. Ryabova E. V. The impact of the regional factor on organization life cycle, *Upravlenie ekonomicheskimi systemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2015, no. 8, pp. 1–19. (In Russian).
6. Spicyna L. Yu., Spicyn V. V., Horoshilcev M. I. Influence of age on technical efficiency: econometric modeling of dependence for engineering enterprises, *Finansovyi biznes*, 2021, vol. 2, no. 212, pp. 104–108. (In Russian).
7. *Information Resource Spark Interfax*. Available at: <http://www.spark-interfax.ru> (accessed 08.07.2021).
8. Salikhov M. There will be no breakthrough: why the Russian economy is slowing down, *News of the Day in Russia and the World – RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/22/05/2019/5ce4fcb99a7947fe30acc458> (accessed 08.07.2021).
9. Alsaleh M, Abdul-Rahim A. S., Mohd-Shahwahid H. O. Determinants of technical efficiency in the bioenergy industry in the EU28 region, *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 2017, vol. 78, pp. 1331–1349. <http://doi.org/10.1016/j.rser.2017.04.049>
10. Anokhin S. A., Spitsin V., Akerman E., Morgan T. Technological leadership and firm performance in Russian industries during crisis, *Journal of Business Venturing Insights*, 2021, vol. 15, art. e00223, pp. 1–11. <http://doi.org/10.1016/j.jbvi.2021.e00223>
11. Charnes A., Cooper W., Lewin A. Y., Seiford L. M. Data envelopment analysis: Theory, methodology and applications, *Journal of the Operational Research Society*, 1997, vol. 48, no. 3, pp. 332–333. <http://doi.org/10.1038/sj.jors.2600342>
12. Cheruiyot K. J. Determinants of technical efficiency in Kenyan manufacturing sector, *African Development Review*, 2017, vol 29, no. 1, pp. 44–55. <http://doi.org/10.1111/1467-8268.12237>
13. Fare R., Grosskopf S., Norris M., Zhang Zhongyang Z. Z. Productivity growth, technical progress, and efficiency change in industrialized countries, *American Economic Review*, 1994, vol. 84, no. 1, pp. 66–83.
14. Latif M., Abdullah M. F., Sieng L. W. Determinants factor of technical efficiency in machinery manufacturing industry in Malaysia, *International Journal of Supply Chain Management*, 2019, vol 8, no. 6, pp. 917–928. Available at: <https://ojs.excelingtech.co.uk/index.php/IJSCM/article/view/4086> (accessed 08.07.2021).
15. Marquardt D. W. Comment: You should standardize the predictor variables in your regression models, *Journal of the American Statistical Association*, 1980, vol. 75, no. 369, pp. 87–91. <https://doi.org/10.1080/01621459.1980.10477430>
16. Mok V., Yeung G., Han Zh., Li Zh. Leverage, technical efficiency and profitability: an application of DEA to foreign-invested toy manufacturing firms in China, *Journal of Contemporary China*, 2007, vol. 16, no. 51, pp. 259–274. <http://doi.org/10.1080/10670560701194509>
17. Rezitis A. N., Kalantzi M. A. Investigating technical efficiency and its determinants by data envelopment analysis: An application in the Greek food and beverages manufacturing industry, *Agribusiness*, 2015, vol. 32, no. 2, pp. 254–271. <http://doi.org/10.1002/agr.21432>
18. Sahoo B. K., Nauriyal D. K. Trends in and determinants of technical efficiency of software companies in India, *Journal of Policy Modeling*, 2014, vol. 36, no. 3, pp. 539–561. <http://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2013.12.001>
19. Yekti A., Hadi D. D., Jamhari, J., Hartono S. Technical efficiency of melon farming in Kulon Progo: A stochastic frontier approach (SFA), *International Journal of Computer Applications*, 2015, vol. 132, no. 6, pp. 15–19. <http://doi.org/10.5120/ijca2015907428>

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 332.146.2

JEL R13

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-69-77

Кабанов Сергей Станиславович

канд. экон. наук, Нижегородский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-0668-4234

e-mail: kasest@bk.ru

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Рассмотрены проблемы выбора путей цифрового развития региона на примере Нижегородской области. На основании метода анализа иерархий определены приоритетные направления региональной политики, направленной на углубление процессов цифровизации. Предложены альтернативные направления цифрового развития региона с точки зрения приоритетов совершенствования информационно-коммуникационной инфраструктуры, повышения кадрового потенциала, создания новых цифровых технологий и инвестиций в цифровизацию. Обоснована необходимость интеграции федеральных и муниципальных информационных систем и разработка передовых производственных технологий, связанных с информационно-коммуникационными технологиями, необходимых для обеспечения конкурентоспособности и экономической безопасности предприятий Нижегородской области.

Ключевые слова: цифровое развитие, информационная инфраструктура, информационные технологии, госуслуги, региональная политика, инвестиции в цифровизацию, государственные информационные системы, анализ иерархий

Для цитирования: Кабанов С.С. Проблема выбора приоритетных направлений цифрового развития региона и пути ее решения // Вестник университета. 2021. № 10. С. 69–77.

Sergey S. Kabanov

Cand. Sci. (Econ.), Nizhny Novgorod institute of management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: 0000-0002-0668-4234

e-mail: kasest@bk.ru

THE PROBLEM OF SELECTING DIGITAL DEVELOPMENT PRIORITIES FOR THE REGION AND WAYS OF ITS SOLUTION

Abstract. The article discusses the problems of choosing digital development paths for the region, using the Nizhny Novgorod region as an example. Based on the hierarchy analysis method, regional policy priorities for deepening digitalisation processes have been determined. Alternative directions for the region's digital development have been proposed in terms of priorities for improving information and communication infrastructure, enhancing human resources capacity, creating new digital technologies and investments in digitalisation. The necessity of integration of federal and municipal information systems and development of advanced production technologies related to information and communication technologies necessary to ensure the competitiveness and economic security of enterprises in the Nizhny Novgorod region has been substantiated.

Keywords: digital development, information infrastructure, information technologies, public services, regional policy, investments to digitalisation, public information systems, hierarchy analysis

For citation: Kabanov S.S. (2021) The problem of selecting digital development priorities for the region and ways of its solution. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 69–77. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-69-77

© Кабанов С.С., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Kabanov S.S., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Проблема цифровизации экономики приобретает все большую актуальность в последние годы. Цифровые технологии становятся востребованными в разных отраслях экономики от банковской сферы до медицины и образования. На федеральном уровне в настоящее время реализуется масштабный проект по цифровизации экономики в рамках Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», спланированная до 2024 г. [13]. Активная реализация мероприятий, заложенных в программе, началась в июле 2021 г. после того, как «цифровая трансформация» была заявлена в качестве национальной цели.

На сегодняшний день наилучшие результаты достигнуты в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» по направлению совершенствования цифровых госуслуг и государственных данных. Значительно улучшен функционал портала «Госуслуги», созданы новые сайты в сети «Интернет» (далее – Интернет) фактически для всех федеральных министерств и ведомств, созданы государственные информационные системы (далее – ГИС): о государственных и муниципальных платежах, промышленности, ЖКХ и др.

К концу 2021 г. планируется обеспечить доступом в Интернет все образовательные и медицинские организации, учреждения культуры, органы государственной власти и местного самоуправления. При этом стоит отметить, что по-прежнему существуют населенные пункты, где нет технической возможности получить широкополосный доступ в Интернет. По данным за 2020 г. таких населенных пунктов остается около 25 тыс. [12]. Также имеются сложности и по созданию сети связи нового поколения 5G. Подобную сеть планируется создать в десяти городах миллионниках и не раньше 2024 г.

Активная работа ведется и по подготовке кадрового резерва для цифровой экономики. Во многих вузах разрабатываются образовательные программы по цифровой экономике, активно ведется обучение руководителей цифровой трансформации. Однако по-прежнему недостаточно четко сформулирован перечень компетенций для специалиста в области цифровой экономики.

В приоритетах цифровой трансформации к 2024 г. заявлено создание суперсервисов и оказание госуслуг в проактивном режиме, создание искусственного интеллекта и цифрового профиля гражданина.

Постановка проблемы

Несмотря на достигнутые успехи по цифровизации экономики на федеральном уровне, в регионах цифровая трансформация идет более низкими темпами. Российские ученые по-разному оценивают проблемы цифровой трансформации в регионах. В частности, Л. Г. Батракова выделяет недостаточное финансирование ИТ-проектов в регионах, дефицит кадров и несогласованность между разными уровнями власти, отсутствием информационной инфраструктуры в отдаленных районах [3]. Ю. С. Положенцева считает, что основной проблемой, препятствующей развитию цифровизации является информационно-коммуникационная (далее – ИКТ) инфраструктура. На примере Курской области ей было выявлено, что на уровень цифровизации положительно влияет рост числа организаций, использующих Интернет и имеющих веб-сайты [5]. Очень подробный анализ дифференциации регионов по уровню цифрового развития выполнен в работе К. С. Ющиной [7]. Регионы этим автором сравнивались по следующим показателям: информационная инфраструктура, информационная безопасность, исследовательские компетенции и технологические заделы, кадры и образовательные программы, нормативное регулирование и административные показатели цифровизации и т. д.

Интересные исследования причин дифференциации уровня цифровизации в регионах также представлены в работах С. А. Грошева, А. А. Краснослободцева, Д. Э. Эриашвили, М. В. Сухарева и многих других авторов [4; 6].

Стоит отметить, что для каждого региона существует своя специфика цифрового развития. В одних регионах хорошо развита информационная инфраструктура, но недостаточно кадров и низкий объем инвестиций в цифровизацию, а в других регионах ситуация может быть прямо противоположной.

В настоящее время темпы цифровизации в Нижегородской области существенно ниже, чем во многих других регионах. Нижегородская область находится лишь на 34 месте в индексе «Цифровая Россия», опубликованном Московской школой управления СКОЛКОВО в 2018 г. [11]. На 2021 г. на реализацию нацпроекта «Цифровая экономика» Нижегородской области выделено 371 млн руб., что явно недостаточно для проведения масштабных

работ по цифровизации в регионе [9]. Средства будут направлены только на развитие социальной инфраструктуры школ, медицинских организаций и пожарных частей. В то же время во многих районах Нижегородской области требуется подключение к высокоскоростному Интернету, создание и модернизация систем видеонаблюдения, подключение к ГИС и других социально значимых объектов (таких как библиотеки, учреждения культуры, местные отделения полиции и участки мировых судей, дома престарелых и т. д.) [10]. В Нижегородской области не развит институт частно-государственного партнерства в рамках проектов по цифровизации, частный сектор не заинтересован в создании передовых цифровых технологий, имеется нехватка ИТ-специалистов (не менее 15 тыс. чел.) [8].

Ключевыми барьерами, препятствующими цифровому развитию Нижегородской области, является низкий уровень развития информационной инфраструктуры, низкие объемы финансирования цифровизации, отсутствие новых цифровых технологий, кадровые проблемы. Для преодоления этих барьеров необходима разработка мероприятий, направленных на ускорение цифрового развития в регионе. При этом эти меры в условиях невысокого финансирования должны решать наиболее важные проблемы, связанные с цифровым развитием. По этой причине крайне важной задачей мы считаем выявление приоритетных направлений цифрового развития Нижегородской области на среднесрочную перспективу.

Основные результаты

Решение поставленной нами задачи выявления приоритетных направлений цифрового развития Нижегородской области на среднесрочный период требует использования многоуровневой экспертной оценки. Для определения метода эвристического моделирования в наибольшей степени, подходящего для решения нашей задачи, мы выполнили сравнение существующих методических подходов по критерию возможности их применения к решению экономических проблем (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ методов эвристического моделирования

Метод	Сущность	Область применения
Морфологический метод Ф. Цвикки	Метод предполагает поиск различных вариантов решения проблемы за счет перебора всех возможных параметров, влияющих на это решение, представленных в виде матриц-строк, которые называют морфологическим ящиком	Решение технических задач в сфере астрономии, ракетостроения, самолетостроения
Метод решающих матриц Г. С. Поспелова	Метод заключается в построении иерархии исследований, работ и целей. Предполагается формулирование целей исследований, а далее осуществляется выбор научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, необходимых для достижения этих целей	Задачи планирования средств на научные исследования и разработки
Метод PATTERN	Метод предполагает построение дерева целей, где каждому уровню этого дерева ставятся в соответствие критерии. Эксперты оценивают веса этих критериев, а также коэффициенты значимости, характеризующие важность вклада целей в обеспечение критериев	Принятие решений в области долгосрочной научно-технической ориентации крупной промышленной компании. Решение задачи формулирования долгосрочной научно-технической политики крупной корпорации
Метод анализа иерархий Т. Саати	Метод заключается в построении иерархии факторов, оказывающих влияние на изучаемое явление, и установление относительных приоритетов этих факторов и объекта исследования	Решение задачи в сфере транспорта и логистики, финансов, кадров и планирования промышленности

Составлено автором по материалам [2, с. 23–28]

Исходя из данных таблицы 1, из рассмотренных методов для решения задачи выявления приоритетных направлений цифрового развития в лучшей степени подходит метод анализа иерархий, разработанный известным математиком Т. Саати [14]. Другие методы чаще применяются либо для решения технических задач, либо для задач долгосрочного планирования. Метод Саати заключается в попарном сравнении критериев и показателей с использованием положительных обратно симметричных матриц парных сравнений, а также в определении взаимовлияния элементов, которые находятся на разных уровнях иерархии. Основными преимуществами метода анализа иерархий Т. Саати является снижение влияния человеческого фактора на результаты экспертизы, устойчивость и гибкость иерархии, возможность глубокой декомпозиции экономического процесса.

Первоначальной задачей при анализе цифрового развития Нижегородской области по методу Т. Саати является построение иерархии. Вершиной иерархии, которую мы предлагаем, является уровень цифрового развития региона. На втором уровне иерархии выделены основные цели в области цифрового развития региона. Для цифрового развития Нижегородской области наибольшее значение имеет состояние информационной инфраструктуры, кадровый вопрос, совершенствование информационных технологий и инвестиции в развитие цифровой экономики. На третьем уровне иерархии выделены альтернативы (множество Z), в качестве которых выступают конкретные направления политики в сфере цифрового развития:

$$Z = \{K1, K2, K3, \dots, K9\}.$$

Подробный перечень всех альтернатив $K1, \dots, K9$ представлен в таблице 2. Основным анализом иерархий в нашем исследовании является экспертная оценка приоритетных направлений цифрового развития Нижегородской области, соответствующих его целям.

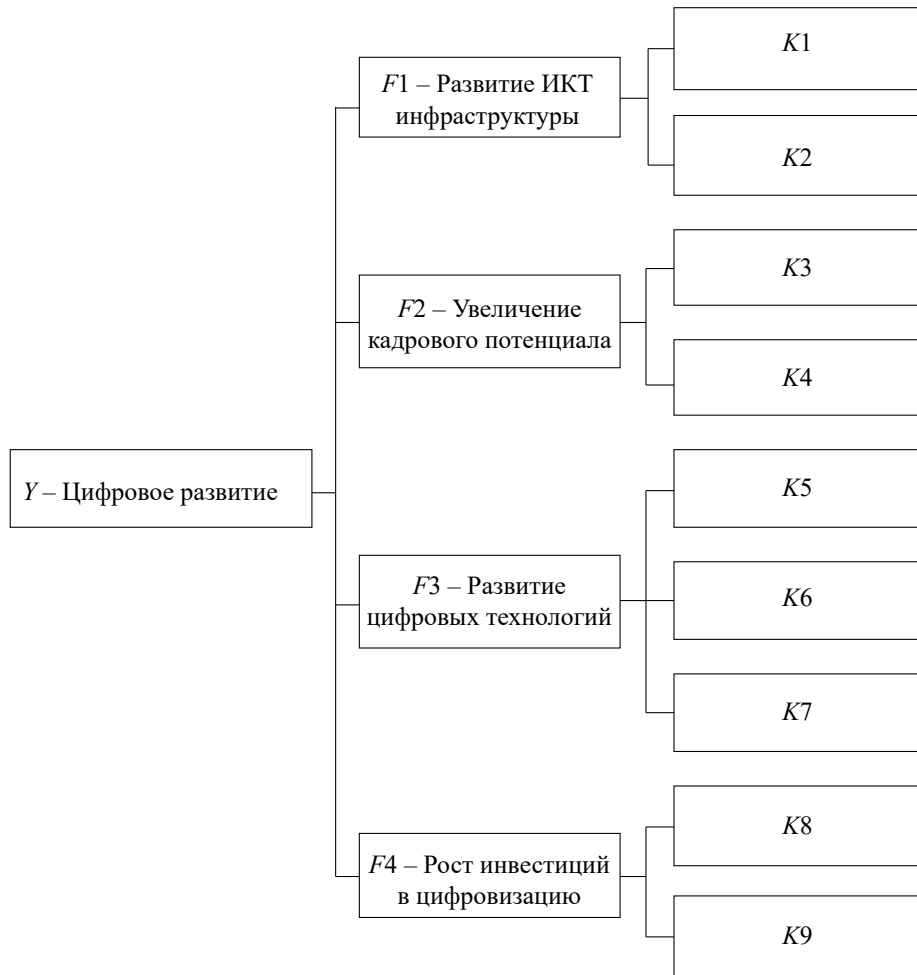
Таблица 2

Показатели и качественные критерии, используемые для выбора приоритетных направлений цифрового развития региона

Уровень иерархии	Цели и направления цифрового развития	Условные обозначения
Первый уровень	Уровень цифрового развития	Y
Второй уровень	Развитие ИКТ-инфраструктуры	$F1$
	Увеличение кадрового потенциала	$F2$
	Развитие цифровых технологий	$F3$
	Рост инвестиций в цифровизацию	$F4$
Третий уровень	Обеспечение предприятий, организаций и населения скоростным доступом в Интернет	$K1$
	Обеспечение предприятий и организаций ИКТ-техникой (компьютерная техника, серверы, устройства хранения данных)	$K2$
	Повышение компьютерной грамотности населения	$K3$
	Подготовка ИТ-специалистов	$K4$
	Разработка передовых производственных технологий, связанных с ИКТ	$K5$
	Научные публикации авторов в области ИКТ	$K6$
	Регистрация авторских прав на компьютерные программы и базы данных	$K7$
	Инвестиции в развитие цифровых технологий	$K8$
	Инвестиции в основной капитал организаций сферы ИКТ	$K9$

Составлено автором по материалам исследования

Для решения задачи анализа иерархий в качестве инструментария была выбрана среда MPRIORITY 1.0, разработанная специалистами ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» А. Ш. Абакаровым и Ю. А. Сушковым [12]. Иерархия представлена на рисунке 1.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Иерархия для выбора приоритетных направлений цифрового развития региона

Метод анализа иерархий предполагает попарное сравнение экспертами альтернатив из множества Z , с использованием девятибалльной шкалы. Все экспертные оценки формируют матрицу A размерности $n \times n$:

$$A = \begin{pmatrix} 1 & a_{12} & a_{13} & a_{14} & a_{1j} \\ 1/a_{12} & 1 & a_{23} & a_{24} & a_{2j} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ \dots & \dots & \dots & 1 & a_{ij} \\ \dots & \dots & \dots & 1/a_{ij} & 1 \end{pmatrix}. \quad (1)$$

Для определения согласованности элементов матрицы A рассчитывается соответствующий индекс, который сравнивается со средним индексом согласованности случайной матрицы того же порядка, в результате чего определяется отношение согласованности (O_c).

Выбор допустимого предела $O_c = 0,2$ в отношении нашего исследования обусловлен сложностью и практической направленностью задачи анализа цифрового развития. Согласованность суждений экспертов в данном случае лежит в приемлемых для решения задач границах.

Для построенной нами иерархии было составлено пять матриц парных сравнений. Альтернативы на каждом уровне иерархии сравнивались на основании оценок экспертов из региональных органов исполнительной власти (на основании опроса). Для каждой матрицы парных сравнений проведено улучшение согласованности исходных данных.

После проведения сравнений для каждой из пяти матриц был определен свой вектор приоритетов вида:

$$B = \begin{pmatrix} b_1 \\ b_2 \\ b_3 \\ b_4 \\ * \\ * \\ * \\ b_n \end{pmatrix}. \quad (2)$$

В таблице 3 для примера представлена матрица парных сравнений альтернатив относительно цели цифрового развития $F1$. Отношение согласованности для этой матрицы составляет 0,19, что находится в допустимых пределах. По другим целям $F2$, $F3$, $F4$ матрицы строились аналогично.

Таблица 3

**Матрица парных сравнений относительно цели
цифрового развития $F1$ – Развитие ИКТ инфраструктуры**

	K1	K2	K3	K4	K5	K6	K7	K8	K9	Вектор приоритетов
K1	1	1	5	5	3	5	4	5	9	0,2658
K2	1	1	5	5	3	3	3	3	3	0,2061
K3	1/5	1/5	1	1	1/4	1/3	1/4	1/7	1/7	0,0231
K4	1/5	1/5	1	1	1/5	1/4	1/6	1/7	1/5	0,0216
K5	1/3	1/3	4	5	1	7	7	1/6	1/5	0,0903
K6	1/5	1/3	3	4	1/7	1	1/6	1/5	1/7	0,0339
K7	1/4	1/3	4	6	1/7	6	1	1/5	1/5	0,0581
K8	1/5	1/3	7	7	6	5	5	1	1	0,1558
K9	1/8	1/3	7	5	5	7	5	1	1	0,1449

Составлено автором по материалам исследования

На последнем этапе исследования формируется матрица размерности $n \times m$ из векторов приоритетов матриц парных сравнений альтернатив относительно целей цифрового развития $F1$, $F2$, $F3$, $F4$. Далее эта матрица умножается на вектор приоритетов матрицы парных сравнений целей $F1$, $F2$, $F3$, $F4$ относительно уровня цифрового развития Y . В результате можно получить вектор весов альтернатив, то есть каждой альтернативе из множества Z присваивается соответствующий ранг, характеризующий значимость этой альтернативы для политики в области цифровизации экономики Нижегородской области (см. табл. 4).

Таблица 4

**Направления цифрового развития Нижегородской области,
ранжированные в порядке значимости**

Ранг	Направление цифрового развития Нижегородской области	Условное обозначение направлений цифрового развития	Вес параметра
1	Инвестиции в развитие цифровых технологий	K8	0,2103
2	Инвестиции в основной капитал организаций сферы ИКТ	K9	0,2072
3	Обеспечение предприятий, организаций и населения скоростным доступом в сеть Интернет	K1	0,1628
4	Обеспечение предприятий и организаций ИКТ-техникой (компьютерная техника, серверы, устройства хранения данных)	K2	0,1332
5	Подготовка ИТ-специалистов	K4	0,0957
6	Разработка передовых производственных технологий, связанных с ИКТ	K5	0,0846
7	Научные публикации авторов в области ИКТ	K6	0,0399
8	Регистрация авторских прав на компьютерные программы и базы данных	K7	0,0363
9	Повышение компьютерной грамотности населения	K3	0,0295

Составлено автором по материалам исследования

По результатам нашего исследования было определено, что наиболее приоритетными направлениями цифрового развития для Нижегородской области являются инвестиции в развитие цифровых технологий и в основной капитал организаций сферы ИКТ. Также достаточно важным приоритетом является обеспечение предприятий, организаций и населения региона скоростным доступом в Интернет и подготовка ИТ-специалистов.

Заключение

Цифровое развитие региона – это сложный, длительный и многогранный процесс. Перед региональными властями в настоящее время стоит серьезная задача по созданию основы для цифровой экономики. На основе метода анализа иерархий Т. Саати мы проанализировали экспертные данные о направлениях цифрового развития Нижегородской области и определили среди них наиболее приоритетные.

Результаты анализа показали, что для повышения уровня цифрового развития в рассмотренном регионе остро необходимо увеличение инвестиций в ИКТ-сферу. В Нижегородской области требуется создание дата-центров, финансирование разработок в ИТ-сфере, создание новых информационных систем, облачных офисов и сервисов и т. д. Бюджет региона не позволяет реализовать это в полной мере, по этой причине к решению проблемы цифровизации необходимо привлекать бизнес и реализовывать государственно-частное партнерство.

Анализ показывает, что важной проблемой для Нижегородской области по-прежнему остается обеспечение предприятий, организаций и населения скоростным доступом в Интернет. В некоторых районах области до сих пор отсутствует широкополосный доступ во всемирную сеть, либо скорость этого доступа низкая. Также существуют и другие проблемы с информационной инфраструктурой, такие как слабая интеграция между федеральными и муниципальными информационными системами, отсутствие в малонаселенных пунктах возможности эффективного и безопасного использования государственных онлайн-сервисов.

Ввиду промышленной специализации региона важным приоритетом для Нижегородской области по-прежнему остается разработка передовых производственных технологий, связанных с ИКТ. Внедрение цифровых технологий на промышленных предприятиях региона повысит их конкурентоспособность и станет одним из факторов обеспечения их экономической безопасности в среднесрочной перспективе.

Библиографический список

1. Абакаров, А. Ш., Сушков, Ю. А. Программная система поддержки принятия рациональных решений «MPRIORITY 1.0» // Электронный научный журнал «Исследовано в России». – 2005. – С. 2130–2146.
2. Анохин, А. Н. Методы экспертных оценок. Учебное пособие. – Обнинск: ИАТЭ, 1996. – 148 с.
3. Батракова, Л. Г. Развитие цифровой экономики в регионах России // Социально-политические исследования. – 2019. – № 1. – С. 51–64.
4. Грошев, И. В., Краснослободцев, А. А., Эриашвили, Н. Д. Региональная креативность и цифровой регионализм // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 236–254.
5. Положенцева, Ю. С. Трансформация развития цифровой экономики в регионах РФ // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2020. – № 4 (46). – С. 84–91.
6. Сухарев, М. В. Взаимосвязь уровней цифровизации и экономических показателей в регионах России // Теоретическая и прикладная экономика. – 2021. – № 1. – С. 1–12.
7. Юшина, К. С. Об одном подходе к измерению уровня дифференциации цифрового развития экономики региона // Развитие территорий. – 2021. – № 1(23). – С. 61–66.
8. Власти Нижегородской области сообщили о нехватке 15 тыс. IT-специалистов // ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/11578793> (дата обращения: 27.08.2021).
9. Глава Минцифры и нижегородский губернатор обсудили проекты цифровизации // РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20210220/tsifrovizatsiya-1598367269.html> (дата обращения: 27.08.2021).
10. Дьякова, О. Нижегородская область увеличит финансирование нацпроекта «Цифровая экономика» в 3 раза // НИА «Нижний Новгород» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.niann.ru/?id=561595> (дата обращения: 27.08.2021).
11. Индекс «Цифровая Россия» // Московская школа управления «СКОЛКОВО» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.skolkovo.ru/researches/index-cifrovaya-rossiya/> (дата обращения: 27.08.2021).
12. Литвинова, М. Объять необъятное: 25 тыс. населенных пунктов России живут без интернета и телефонии // ComNews [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.comnews.ru/content/208395/2020-07-31/2020-w31/obyat-neobyatnoe-25-tys-naselennykh-punktov-rossii-zhivut-bez-interneta-i-telefonii> (дата обращения: 27.08.2021).
13. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.ac.gov.ru/> (дата обращения: 27.08.2021).
14. Saaty, T. L. Decision making for leaders: The analytic hierarchy process for decisions in a complex world. – Pittsburgh, Pennsylvania: RWS Publications, 1999. – 291 p.

References

1. Abakarov A. Sh., Sushkov Yu. A. Software system for support of rational decision making “MPRIORITY 1.0”, *Electronic scientific journal “Investigated in Russia”*, 2005, pp. 2130–2146. (In Russian).
2. Anokhin A. N. *Expert assessment methods. Tutorial*, Obninsk, Institute of Atomic Energy, 1996, 148 p. (In Russian).
3. Batrakova L. G. Development of digital economy in Russian regions, *Social and Political Research*, 2019, no. 1, pp. 51–64. (In Russian).
4. Groshev I. V., Krasnoslobodtsev A. A., Eriashvili N. D. Regional creativity and digital regionalism, *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 2, pp. 236–254. (In Russian).
5. Polozhentseva Yu. S. Transformation of the digital economy in the regions of the Russian Federation, *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, 2020, no. 4 (46), pp. 84–91. (In Russian).
6. Sukharev, M. V. Correlation between the levels of digitalization and economic indicators in Russian regions, *Theoretical and Applied Economics*, 2021, no. 1, pp. 1–12. (In Russian).
7. Yushina K. S. On one approach to measuring the level of digital development differentiation of regional economies, *Territory Development*, 2021, no. 1(23), pp. 61–66. (In Russian).
8. The authorities of the Nizhny Novgorod region reported a shortage of 15 thousand IT specialists, *TASS*. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/11578793> (accessed 27.08.2021).

9. The head of Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation and the Governor of Nizhny Novgorod discussed digitalization projects, *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/20210220/tsifrovizatsiya-1598367269.html> (accessed 27.08.2021).
10. Dyakova O. Nizhny Novgorod region will increase funding for the digital economy national project 3 times, *NIA Nizhny Novgorod*. Available at: <https://www.niann.ru/?id=561595> (accessed 27.08.2021).
11. Digital Russia Index. *SKOLKOVO Moscow School of Management*. Available at: <https://www.skolkovo.ru/researches/indeks-tsifrovaya-rossiya/> (accessed 27.08.2021).
12. Litvinova M. Embrace the immensity: 25 thousand settlements of Russia live without the Internet and telephony, *ComNews*. Available at: <https://www.comnews.ru/content/208395/2020-07-31/2020-w31/obyat-neobyatnoe-25-tys-naselennykh-punktov-rossii-zhivut-bez-interneta-i-telefonii> (accessed 27.08.2021).
13. National Programme “Digital Economy of the Russian Federation”. Available at: <https://digital.ac.gov.ru/> (accessed 27.08.2021).
14. Saaty T. L. *Decision making for leaders: The analytic hierarchy process for decisions in a complex world*, Pittsburgh, Pennsylvania, RWS Publications, 1999, 291 p.

Коплик Денис Владиславович
студент, ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9301-1160

e-mail: den.808@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОММЕРЧЕСКОЙ РАБОТЫ КОМПАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ТРАНСПОРТНОЙ КОМПАНИИ LOGFORT)

Аннотация. Проанализирована коммерческая деятельность транспортной компании Logfort через функционально-средовой анализ. Выявлены недостатки компании Logfort относительно коммерческой деятельности и предложены мероприятия по ее совершенствованию. Тема работы актуальна, так как нынешний кризис и практически ежегодно усиливающаяся конкуренция приводят к необходимости ежегодного улучшения различных сторон предприятия. Представлены теоретические аспекты функционально-средового анализа для их применения к объекту исследования. Изучена теория и относительно внешней, и относительно внутренней среды компании. Представлен анализ объекта исследования по каждому пункту функционально-средового анализа. В результате работы обобщены проблемы компании Logfort, являющиеся для многих малых фирм типовыми. Предложенные рекомендации подойдут для решения выявленных проблем большинству малых компаний. В работе использован метод обобщения, синтеза, описания.

Ключевые слова: коммерческая деятельность, Logfort, транспортная компания, функционально-средовой анализ, совершенствование деятельности, совершенствование коммерции, внутренняя среда, внешняя среда

Для цитирования: Коплик Д.В. Совершенствование коммерческой работы компании (на примере транспортной компании Logfort) // Вестник университета. № 10. С. 78–82.

Denis V. Koplik

Student, State University of Management,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9301-1160

e-mail: den.808@mail.ru

IMPROVING A COMPANY'S COMMERCIAL OPERATIONS (ON THE EXAMPLE OF THE LOGFORT TRANSPORT COMPANY)

Abstract. The commercial activities of the Logfort transport company have been analysed through a functional-environment analysis. Commercial weaknesses of the Logfort transport company have been identified and measures for its improvement have been proposed. The topic of the paper is relevant because the current crisis and the increasing competition almost every year make it necessary to improve various aspects of the company every year. The theoretical aspects of functional-environmental analysis have been presented in order to apply them to the object of study. The theory regarding both company's the external and internal environment has been studied. An analysis of the object of study for each item of the functional-environmental analysis has been presented. As a result of the work, the problems of the Logfort company, which are typical for many small firms, have been generalised. The proposed recommendations will be suitable for the majority of small companies to address the problems identified. The paper uses the method of generalisation, synthesis and description.

Keywords: commercial activity, Logfort, transport company, functional-environmental analysis, improvement of activities, improvement of commerce, internal environment, external environment

For citation: Koplik D.V. (2021) Improving a company's commercial operations (on the example of the Logfort transport company). *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 78–82. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-78-82

Введение

Изучать коммерческую деятельность предприятия можно с помощью разных способов, однако на данный момент наиболее эффективным является функционально-средовой анализ. Он подразумевает последовательное изучение функций компании во внешней и внутренней среде. Функции фирмы в таких средах разнятся, что делает этот анализ важным. Однако многие даже крупные компании не используют его, несмотря на то, что он показал себя высокоэффективным для всех фирм [3; 4].

© Коплик Д.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Koplik D.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Литературный обзор

Базой работы является функционально-средовой анализ. Его тщательно исследовали следующие российские ученые А. В. Диль, В. В. Куимов, А. О. Куимов, Л. Т. Смоленцева и др. Представим в таблице 1 основные теоретические данные о функционально-средовом анализе, обобщенные автором, исходя из материалов [1; 2; 5].

Таблица 1

Проявление функций фирмы во внешней и внутренней среде

Функция фирмы	С кем взаимодействует во внешней среде, реализуя функцию	Какое взаимодействие происходит	С кем взаимодействует во внутренней среде, реализуя функцию	Какое взаимодействие происходит
Адаптационно-интеграционная	С государственными и негосударственными организациями	Функционирование всех отделов фирмы согласно законам государства, а также ожиданиям местных сообществ	Отделы регулярно изучают внешние факторы рынка (конкурентов, инновации и так далее) для внедрения в практику фирмы	Изучение факторов, а также создания дружеских контактов между сотрудниками компании и иными источниками информации (руководством конкурентов, банков и т. д.)
Производственно-технологическая	Со всеми контрагентами	Производственные и коммерческие отделы фирмы контактируют с контрагентами, формируя мероприятия по улучшению коммерческой деятельности компании	Создание сбытовой сети, оптимальных каналов сбыта и т. д.	Отделы развивают отношения с оптовыми компаниями, транспортными фирмами и т. д.
Финансово-экономического обеспечения	С банковскими структурами, инвестиционными и подобными фирмами	Уполномоченные отделы изучают финансовые возможности фирмы и максимально эффективно используют финансовые ресурсы компании	Отделы изучают практику работы конкурентов для совершенствования собственной деятельности	Полученная информация является базой для мероприятий, также может произойти смена некоторых контрагентов
Материально-технического обеспечения	С ресурсоснабжающими организациями	Управленческие отделы планируют затраты ресурсов и контролируют их расходование в целях экономии	Выявление перерасхода ресурсов, нерационального использования оборудования	Формирование и применение схем оптимизации, выявление и использование более выгодных тарифов
Информационно-маркетингового обеспечения	Со средствами массовой информации, поставщиками, конкурентами и т. д.	Руководство обменивается не конфиденциальной информацией в целях получения иных данных. Новая информация используется для совершенствования коммерческой деятельности фирмы	Изучение эффективности маркетинга, информационной безопасности, соблюдения коммерческой тайны и т. д.	Выявление наиболее важных для потребителей общественных событий, на которые будут направляться финансовые потоки

Функция фирмы	С кем взаимодействует во внешней среде, реализуя функцию	Какое взаимодействие происходит	С кем взаимодействует во внутренней среде, реализуя функцию	Какое взаимодействие происходит
Работы по набору, обучению, регламентированию деятельности, мотивации и стимулирования персонала по обеспечению инновационной деятельности предприятия	С биржами труда, вузами и т. д.	Отдел кадров анализирует человеческие ресурсы фирмы и максимизирует выгоду от них, привлекая в случае необходимости дополнительные ресурсы и формируя кадровый резерв	Изучение корпоративной культуры, использования человеческих ресурсов, формирование программ повышения квалификации персонала	Организация широкого сотрудничества отдела кадров с остальными отделами компании, создание внутрикорпоративных мероприятий

Составлено автором по материалам источников [1; 2; 5]

Представленная теоретическая информация свидетельствует о существенном количестве факторов, влияющих на коммерческую деятельность предприятия, если применяется функционально-средовой анализ. Применяв ее, проанализируем транспортную компанию Logfort.

Материалы исследования

Исзуемая компания по организационной структуре является индивидуальным предприятием. По этой причине руководство компании не формирует бухгалтерский баланс и отчет о финансовых результатах. Для получения данных для функционально-средового анализа, была проведена беседа с генеральным директором, в ходе которой было установлено, что используемая налоговая система – упрощенная; основной вид деятельности – транспортировка товаров и иных грузов; весь транспортный состав фирмы арендуемый.

Перейдем непосредственно к функционально-средовому анализу коммерческой деятельности транспортной фирмы Logfort. Исследуем адаптационно-интеграционную функцию. Так, компания официально зарегистрирована, уплачивает налоги и не нарушает законодательство России. Однако, при этом сотрудничества с местными сообществами не наблюдается, что говорит о наличии недостаточно полной реализации адаптационно-интеграционной функции во внешней среде. Отделы фирмы регулярно изучают действия конкурентов, динамику рынка и иные процессы, которые могут повлиять на коммерческую деятельность компании. Однако, дружеские отношения между информаторами и руководством и/или другими работниками не устанавливаются, что свидетельствует о недостаточной проработке данной функции и с внутренней стороны недополучению важной информации.

Рассмотрим производственно-технологическую функцию фирмы. Так, коммерческий отдел регулярно контактирует с контрагентами. Работники отдела добиваются лучших контрактов, условий и иных параметров. При этом логистика компании выстроена оптимально: транспортные средства загружены в максимально возможном объеме, доля «пустого» прогона автомобилей мала. Делаем вывод о достаточной работе фирмы относительно данной функции не только с внешней, но и с внутренней среды.

Представим функцию финансово-экономического обеспечения. Так как компания находится на стадии развития, существенного количества свободных денежных средств нет, поэтому крупные инвестиции не рассматриваются. Генеральный директор ответственен за инвестиции. По причине низких сбережений фирмы и нежелания рисковать, банковский вклад является единственной формой сбережений, по этой причине тесные связи с банками относительно инвестиций отсутствуют. Делаем вывод, что на данный момент функция финансово-экономического обеспечения со стороны внешней среды реализуется оптимально по причине малого размера фирмы. На данный момент инвестиции конкурентов практически не изучаются по причине отсутствия необходимости в этом, поэтому с внутренней стороны функция также реализуется удовлетворительно.

Компания ведет планы относительно потребления ресурсов. Для транспортной компании это важно, так как топливо является одним из ключевых, постоянно используемым ресурсом. Фирма имеет контракты на поставку топлива, что приводит к снижению расходов относительно ресурсоснабжающих фирмы. По этой причине указываем на достаточную реализацию функции материально-технического обеспечения с внешней средой компании. При этом каждый автомобиль имеет связь с базой данных компании. Это ведет к невозможности использовать рабочий автомобиль в личных целях. Таким образом, нерациональное использование топлива и транспортных средств невозможно. Значит, функция материально-технического обеспечения успешно реализуется фирмой и относительно внутренней среды.

Функция информационно-маркетингового обеспечения недостаточно реализуется фирмой относительно внешней среды: руководство фирмы не посещает конференции и иные собрания руководств транспортных компаний, обмена информацией не происходит, а значит, дополнительная информация в компанию не поступает. Руководство изучает потоки маркетинга, коммерческой тайны, информационной безопасности и иные потоки, предотвращая излишние расходы и возможные потери. При этом существенных мероприятий по оптимизации потока не следует, что свидетельствует о неполной реализации функции информационно-маркетингового обеспечения с внутренней стороны.

Работа по набору, обучению, регламентированию деятельности, мотивации и стимулированию персонала по обеспечению инновационной деятельности предприятия не выполняется с внешней стороны фирмой потому, что связи между компанией, биржей труда, университетами и иными организациями отсутствуют. Компания теряет возможность привлечения высокоэффективных лиц на работу, что говорит об упущенных возможностях. При этом отдел кадров работает удовлетворительно: существует связь между ним и иными структурными подразделениями фирмы, регулярно проводятся внутрикорпоративные торжества (например, празднование Нового года). Таким образом, с внутренней стороны рассматриваемая функция реализуется в полной мере.

Основные результаты

Подводя итог функционально-средовому анализу фирмы Logfort, можно сделать вывод о наличии нескольких существенных недостатков в ее коммерческой деятельности. Среди ключевых необходимо отметить:

- отсутствие связей с университетами и биржей занятости;
- недополучение информации от контрагентов;
- игнорирование конференций и иных собраний не только для профильных фирм, но и для общего профиля;
- сбор информации о маркетинге и некоторых иных аспектах фирмы лишь для выявления отсутствия существенных проблем.

Исходя из выделенных недостатков, предложим мероприятия по совершенствованию коммерческой работы фирмы Logfort.

1. Обращение к профильным вузам города базирования фирмы – Краснодара. Например, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет» сможет предоставить фирме не только качественно подготовленных работников, но и практикантов. Также необходимо будет предоставить контакты фирмы бирже занятости Краснодара. Таким образом, она будет оперативно получать информацию о квалифицированных кадрах.

2. Формирование тесных связей с контрагентами. Необходимо уделять им больше внимания. Это позволит построить доверительные отношения, что в результате приведет к получению оперативной быстрой внешней информации и, возможно, даже к получению экономии на услугах и товарах.

3. Посещение узкопрофильных и общих конференций для руководства фирм. На данный момент существует множество бесплатных мероприятий для индивидуальных предпринимателей, часть из них проходит даже онлайн. Все это дает возможность руководителю компании получить знания и умения абсолютно бесплатно. При этом он получит возможность обменяться опытом с иными контрагентами, завести новые контакты и т. д. Это даст идеи и возможность усовершенствовать коммерческую деятельность компании.

4. Применение получаемых сведений о маркетинге и иных направлениях. Директору необходимо изучить способы и методы анализа таких данных и регулярно изучать эффективность вкладываемых средств. Таким образом, можно будет выявить недостатки даже в удовлетворительной работе и усовершенствовать ее.

Заключение

Таким образом, мы обнаружили несовершенство коммерческой деятельности компании Logfort. Предложенные мероприятия позволят эффективно усовершенствовать ее. В дальнейших исследованиях планируется изучить компанию с других сторон, например, рассмотреть маркетинг. Это даст возможность постепенно приближать деятельность компании к идеалу.

Библиографический список

1. Диль, А. В. Функционально-средовой анализ коммерческой деятельности торгового предприятия // Материалы XX Международной научно-практической конференции «Теория и практика коммерческой деятельности». Красноярск, 12–14 мая 2020 г. / Отв. за выпуск: О. В. Рубан. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021. – С. 21–26.
2. Куимов, В. В., Куимов, А. О., Смоленцева, Л. Т. Функционально-средовой подход в управлении изменениями на предприятии // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. – 2016. – № 5-1. – С. 23–26.
3. Куимов, В. В., Щербенко, Е. В., Юшкова, Л. В. Информационные потоки экономики кооперационно-сетевых взаимодействий // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2018. – № 5. – С. 155–159.
4. Семенова, Д. А. Анализ кооперационно-сетевого взаимодействия предприятия по производству и продвижению на рынок инновационной продукции // Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Теория и практика коммерческой деятельности». Красноярск, 19–20 апреля 2018 г. / Сибирский федеральный университет, Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. – С. 339–343.
5. Смоленцева, Л. Т., Куимов, В. В. Подходы к исследованию системы обслуживания покупателей // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 12-2. – С. 182–188. <https://doi.org/10.17513/vaael.895>

References

1. Deel A. V. Functional and environmental analysis of commercial activity of a commercial enterprise, *Proceedings of the XX International Scientific and Practical Conference, "Theory and practice of commercial activity"*, Krasnoyarsk, May 12–14, 2020, Responsible for the Issue O. V. Ruban, Krasnoyarsk, Siberian Federal, University, 2021, pp. 21–26. (In Russian).
2. Kuimov V. V., Kuimov A. O., Smolentseva L. T. Functional and environmental approach in enterprise change management, *Strategiya predpriyatiya v kontekste povыsheniya ego konkurentosposobnosti*, 2016, no. 5-1, pp. 23–26. (In Russian).
3. Kuimov V. V., Shcherbenko E. V., Yushkova L. V. Information flows in the economics of cooperation and networking, *Journal of Altai Academy of Economics and Law*, 2018, no. 5, pp. 155–159. (In Russian).
4. Semenova D. A. Analysis of cooperation and networking for the production and marketing of innovative products, *Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Theory and practice of commercial activity"*, Krasnoyarsk, April 19–20, 2018, Siberian Federal University, Donetsk National University of Economics and Trade named after M. Tugan-Baranovsky, Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2018, pp. 339–343. (In Russian).
5. Smolentseva L. T., Kuimov V. V. Approaches to the study of the customer service system, *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2019, no. 12-2, pp. 182–188. (In Russian). <https://doi.org/10.17513/vaael.895>

УДК 346.7 JEL L86

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-83-93

Рыжкова Марина Вячеславовна

д-р экон. наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», г. Томск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-0107-8016
e-mail: marybox@inbox.ru

Спицын Владислав Владимирович

канд. экон. наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», ФГБОУ ВО «Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники», г. Томск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8360-7590
e-mail: spitsin_vv@mail.ru

Скрыльникова Наталья**Александровна**

д-р экон. наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3938-7324
e-mail: naskr@sibmail.com

Marina V. Ryzhkova

Dr. Sci. (Econ.), Tomsk State University, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia
ORCID: 0000-0002-0107-8016
e-mail: marybox@inbox.ru

Vladislav V. Spitsin

Cand. Sci. (Econ.), National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia
ORCID: 0000-0002-8360-7590
e-mail: spitsin_vv@mail.ru

Natalia A. Skrylnikova

Dr. Sci. (Econ.), Tomsk State University, Tomsk, Russia
ORCID: 0000-0002-3938-7324
e-mail: naskr@sibmail.com

РАЗВИТИЕ СЕКТОРА ИТ В РОССИИ: ДРАЙВЕРЫ И МЕТОДЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Развитие цифровой экономики напрямую связано с успехами в секторе информационных технологий. Под сектором информационных технологий понимается набор высокотехнологичных компьютерных услуг. В статье показано место этого сектора в сфере оказания высокотехнологичных услуг в соответствии с методологией международной и российской статистики. Обосновано, что сектор информационных технологий имеет значимый кумулятивный эффект развития. Выявлены драйверы развития сектора информационных технологий и проанализированы государственные методы его стимулирования. Особое внимание уделено глобальным внешним по отношению к отрасли шокам, а именно санкциям и пандемии COVID-19. Выделены особенности действия драйверов развития сектора информационных технологий в ближайшей перспективе. Показана роль государства как фасилитатора разработки методов стимулирования развития отрасли.

Ключевые слова: сектор ИТ, отраслевое развитие, драйверы, государственные программы, государственные стратегии, экономический рост, информационные технологии, высокотехнологичные услуги

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 19-010-00927(а) «Драйверы развития предприятий высокотехнологичных ВЭД промышленности и услуг России в условиях санкций: экономический анализ и эконометрическое моделирование».

Для цитирования: Рыжкова М.В., Спицын В.В., Скрыльникова Н.А. Развитие сектора ИТ в России: драйверы и методы стимулирования // Вестник университета. 2021. № 10. С. 83–93.

DEVELOPMENT OF THE IT SECTOR IN RUSSIA: DRIVERS AND STIMULATION METHODS

Abstract. The development of the digital economy is directly linked to advances in the information technology sector. The information technology sector refers to a set of high-tech computer services. The article shows the place of this sector in the provision of high-tech services according to international and Russian statistical methodology. It has been substantiated that the information technology sector has a significant cumulative development effect. The IT sector refers to a set of high-tech computer services. The drivers of the information technology sector development have been identified and the government's methods of stimulating it have been analysed. Particular attention has been paid to global external shocks to the industry, namely sanctions and the COVID-19 pandemic. The short term specifics of the information technology sector drivers have been highlighted. The role of the state as a facilitator of methods to stimulate industry development has been shown.

Keywords: IT sector, industry development, drivers, government programs, government strategies, economic growth, information technology, high-tech services

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of RFBR research project No. 19-010-00927(a) "Drivers of Development of High-Tech Foreign Trade Enterprises of Industry and Services in Russia under Sanctions: economic analysis and econometric modelling".

For citation: Ryzhkova M.V., Spitsin V.V., Skrylnikova N.A. (2021) Development of the IT sector in Russia: drivers and stimulation methods. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 83–93. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-83-93

Введение

Высокотехнологичный сектор для страны, претендующей на мировое лидерство, должен быть приоритетным. Кумулятивный эффект развития отраслей более низкого технологического уровня задается темпом и направлениями развития отраслей высоких технологий. Более того, технологическое лидерство даже в отраслях низких технологий обеспечивается опережающим развитием именно отечественного высокотехнологичного сектора. Новые технологии выступают предметом стратегического национального интереса владеющей ими страны, что напрямую влияет на конкурентоспособность страны в глобальном мире.

Источники роста любой отрасли можно разделить на два класса: источники самостоятельного роста фирм в отрасли и источники роста за счет государственной поддержки. Термин «драйверы» будет использоваться в данной статье как характеристика источников роста с высоким кумулятивным эффектом [5]. В последние годы особое значение приобрели внешние неэкономические шоки, повлиявшие на развитие всего высокотехнологичного сектора, такие как санкционное давление и адаптация отрасли в условиях пандемии.

Анализ сектора информационных технологий (далее – ИТ) проводится в научных публикациях, отчетах консалтинговых компаний в области ИТ-решений (Deloitte, Gartner, IDC) и ассоциаций (РАЭК), государственных стратегических документах. Академические публикации, объектом которых является сектор ИТ в целом, а не отдельные решения в ней, немногочисленны и, как правило, сфокусированы на общих закономерностях развития отрасли и не затрагивают последних трендов этой высоко волатильной сферы деятельности. Синдцированные отчеты отражают конъюнктуру и сценарии развития и служат не научным целям, а предназначены для решения управленческих задач. Государственные стратегии содержат аналитические блоки по отрасли, но задача последних – служить отправной точкой для государственного планирования развития отрасли.

Представленное в статье исследование использует методы обобщения и классификации драйверов развития сектора ИТ. Информационной основой для этого являются методологические пояснения и данные зарубежных и отечественных статистических служб, государственные стратегические документы, результаты научных исследований. Стремление актуализировать данные в связи с событиями последнего года обусловило обращение к профессиональным обзорам информационных агентств (TAdviser, РБК и др.), материалам газет и новостных сайтов.

Исходя из сказанного, цель статьи заключается в выявлении актуального перечня драйверов развития и методов стимулирования сектора ИТ в контексте происходящего процесса цифровизации и воздействия экстернальных шоков (санкции, коронакризис).

Достижение цели требует определения места сектора ИТ в ряду отраслей высокотехнологичных услуг.

Сектор ИТ как вид деятельности высокотехнологичных услуг

Высокотехнологичные услуги (англ. high-tech services, далее – ВТУ) являются подвидом так называемых интеллектуальных услуг (англ. knowledge-intensive services) и более узкой их категории интеллектуальных бизнес-услуг (англ. knowledge-intensive business services).

В интеллектуальных бизнес-услугах выделяют технологические (Т-KIBS – с высокой долей научного и технологического знания – НИОКР, инжиниринг, компьютерные услуги и т. п.) и профессиональные (Р-KIBS – более традиционные сферы деятельности: юридическое, бухгалтерское, маркетинговое, PR-сопровождение бизнеса) [32]. Кроме этого, выделяются креативные услуги (С-KIBS – эстетические виды активности, требующие специальных знаний, такие как реклама, массмедиа, индустриальный дизайн, архитектура и др.) [26].

Непосредственно выделение ВТУ осуществлено в методологии Евростата, где реализовано два подхода к учету ВТУ – секторальный и продуктовый [28]. Продуктовый используется в целях анализа влияния ВТУ в отраслях или в международной торговле [34]. Этим занимается Статистический офис ЕС (подразделение G4: Инновации и цифровизация) в рамках сбора статистики по ВТУ и KIBS [31]. Среди всех KIBS выделяется подгруппа HTS, которая включает разделы 59–63 и 72, включенные в два сектора (J и M) [25]. Разделы 59–60 (создание медиаконтента и телерадиовещание) следует относить к С-KIBS. Аналогичная классификация по секторам и разделам, но без выделения ВТУ, применяется в методологии ООН – ISIC Rev. 4 [30].

Из перечня Общероссийского классификатора видов экономической деятельности к ВТУ предлагается относить:

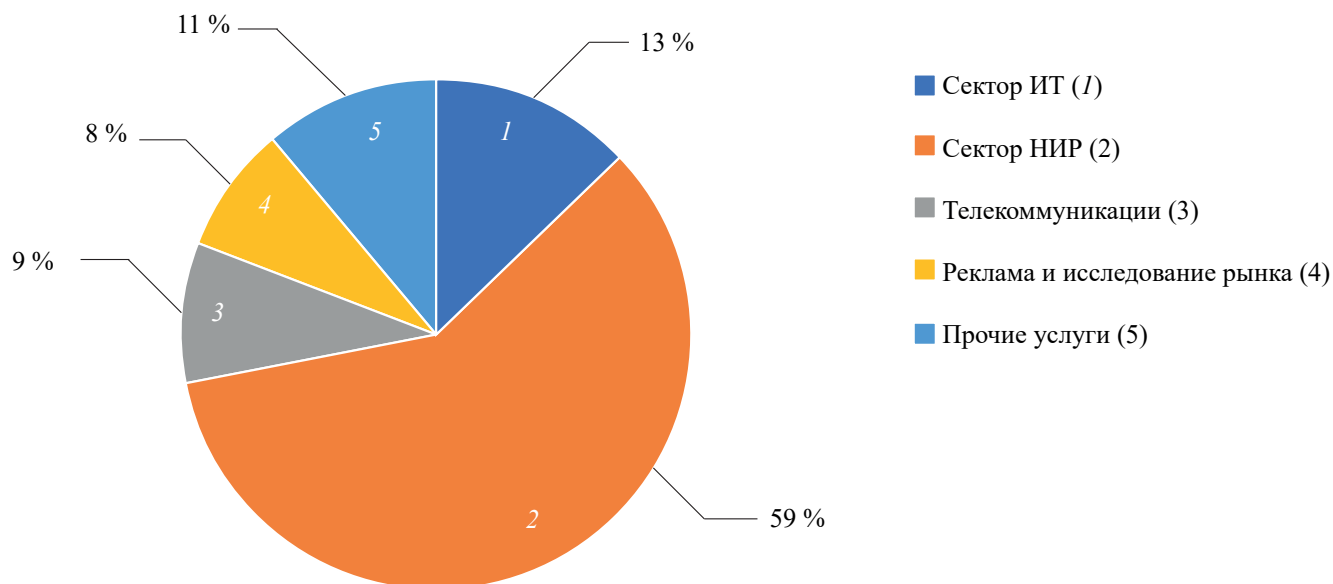
- услуги проводной и беспроводной связи (раздел 61);
- разработку и настройку компьютерного программного обеспечения (раздел 62);
- деятельность по обработке данных, предоставление услуг по размещению информации в локальных сетях и сети «Интернет» (раздел 63);
- научные исследования и разработки (раздел 72) [20].

Как можно заметить, ядром ВТУ является оказание компьютерных услуг, включающих как программирование, так и услуги по обслуживанию сети «Интернет». На этом основании высокотехнологичные компьютерные услуги будем в дальнейшем причислять к сектору ИТ.

Россия, несмотря на произошедшие негативные события, все еще сохраняет возможность стартовать в любом из секторов ВТУ. Но по нашему глубокому убеждению, развивать нужно то, что имеет потенциал жизнеспособности, а также соответствует долгосрочным стратегическим приоритетам Российской Федерации. Таким классом является сектор ИТ.

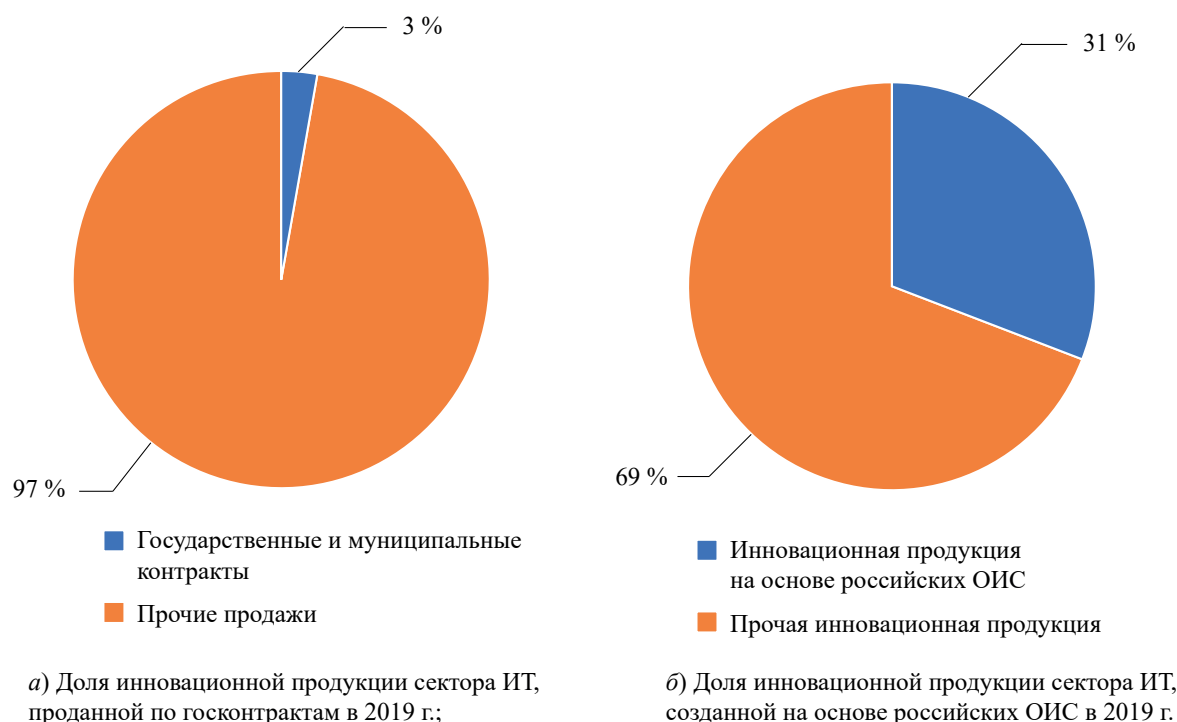
Приведем некоторые соображения. Во-первых, ВЭД компьютерных услуг конкурентоспособен на мировом рынке, о чем свидетельствует единственное положительное значение сальдо внешней торговли услуг за 2020 г. в категории высокотехнологичных (в основном, сальдо внешней торговли всеми видами услуг российских отраслей отрицательное, за исключением услуг по переработке товаров других стран и транспортных услуг). Во-вторых, возможно больший кумулятивный эффект для развития отечественной экономики имеет такая фундаментальная отрасль, как научные исследования и разработки, но в силу разнородности отраслевых трендов в ней рассматривать ее в отрыве от сфер внедрения результатов НИОКР не имеет смысла. В-третьих, разработка собственного программного обеспечения соответствует стратегическим задачам национальной безопасности России. И наконец, в-четвертых, цифровизация и связанная с ней разработка программного обеспечения выступает существенным драйвером развития промышленности, приведет к ускорению процессов не только в промышленности, но и в области научных исследований и разработок.

Отметим ряд статистических показателей, подчеркивающих значимость и перспективность выбора сектора ИТ как одного из приоритетов инновационного развития России (см. рис. 1, 2).

Составлено авторами по материалам источника [4]

Рис. 1. Структура инновационной продукции сферы услуг за 2019 г.

Составлено авторами по материалам источника [4]

Рис. 2. Показатели инновационной деятельности сектора ИТ России за 2019 г.

Сектор ИТ занимает второе место по объему инновационной продукции в сфере услуг, уступая только сектору НИР. Услуги сектора ИТ ориентированы на рыночный спрос и частных покупателей. Доля продаж по государственным контрактам минимальна (около 3 %). В то время как у высокотехнологичных отраслей промышленности доля продукции, реализуемой по госконтрактам составляет 18,4 % (почти пятая часть), а у сектора НИР – 42,9 %. И, наконец, значительная часть инновационной продукции (31 %) создается в секторе ИТ с применением российских объектов интеллектуальной собственности. В то время как у высокотехнологичных отраслей промышленности соответствующий показатель составляет 26,9 % [4].

Развитие сектора ИТ в России

Объем российского рынка ИТ-услуг в 2019 г. возрос на 8,0 % до 5,57 млрд долл. США. В 2020 г. рост уже составил 14,2 % [25]. Согласно прогнозу IDC, в 2021 г. рост продолжится прежним темпом, сегмент программного обеспечения (далее – ПО) – на 5 %, сегмент ИТ-услуг – на 13 % [16]. В целом по миру ожидается рост расходов на ИТ на 9 % [27]. По среднесрочному прогнозу компании IDC, российский рынок ПО будет расти до 2024 г. в среднем на 1,2 % [33]. Разработка пользовательских приложений будет расти большими темпами – по 5,2 % в год. Облачные вычисления (IaaS и PaaS) будут наиболее динамичным сегментом рынка ИТ. Наибольшие темпы роста будут в хостинге администрирования и обслуживания ПО (11,1 % в год), инфраструктурных услуг (10,7 % в год). Рост долгосрочных контрактов на проектно-ориентированные услуги сдержит сложившаяся экономическая ситуация. Организации, активно участвующие в процессах цифровизации и импортозамещения, будут заказывать ПО. По результатам 2020 г. можно судить об устойчивости бизнеса компаний с передовыми цифровыми услугами и инфраструктурой, что стимулирует спрос в целом на технологии [15]. Российский рынок ИТ-услуг адаптировался к новым условиям ведения бизнеса достаточно быстро.

Драйверы развития сектора ИТ

Развитие сектора ИТ определяется следующими драйверами.

1. Нарастающая цифровая трансформация экономики. Заказчики ПО сталкиваются с изменениями условий функционирования своего бизнеса, а именно усиление конкуренции между компаниями-заказчиками, появление у них возможностей входа на новые рынки за счет цифровых решений, быстрая эволюция

предпочтений клиентов, новшества в законодательстве. Все вышеперечисленное порождает потребность в новом ПО. Темпы развития были бы выше, но ограничителями выступают недостаточные бюджеты компаний, отсутствие системности вводимых цифровых преобразований и навыков у работников [20].

2. Развитие цифровых технологий. К таковым можно отнести введение сетей формата 5G, технологий интернета вещей, ИИ и анализа больших данных и др. При реализации программы «Цифровая экономика», к 2022 г. устойчивое покрытие 5G будет обеспечено в десяти мегаполисах, а к 2024 г. – во всех городах-миллионниках России. Это даст толчок к развитию интернета вещей. Государство и крупные компании уже накапливают данные, разрабатывают ПО для анализа этих данных. Вышеупомянутые технические новшества потребуют создания пользовательского ПО, что приведет к развитию ИТ-услуг.

3. Поведение крупных компаний с учетом развития стартапов и спин-оффов. Крупнейшие российские компании развивают свои ИТ-службы, которые позже выходят на внешний рынок и предлагают свои программные продукты. За счет того, что их создание профинансировано головной компанией и требуется косметическая подстройка под требования клиента, появляется сетевой эффект и возможность снижать цену на это ПО. К тому же крупные компании могут столкнуться с «потолком роста», и вывод на рынок внутреннего продукта снимает остроту проблемы [14]. А ведь успешный спин-офф – потенциальная точка роста для основного бизнеса, возможность удержать клиентскую базу и/или найти новых клиентов. Как правило, крупные компании поглощают «выстрелившие» спин-оффы и профильные стартапы.

4. Гетерогенность заказчиков ИТ-продуктов. Львиная доля заказчиков ПО в России – государственные структуры, крупные финансовые учреждения и госкорпорации. Малый и средний бизнес не выступает значимым заказчиком в процессе цифровой трансформации [21].

5. Опережающее развитие ИТ-образования. В России имеется развитая система подготовки ИТ-специалистов, от среднего к вузовскому и послевузовскому образованию. Многие ИТ-компании взаимодействуют с вузами и проводят отбор будущих сотрудников еще на начальных курсах. Более того, на рынок программирования могут выходить школьники. Это ускоряет их карьеру, и делает запрос на образовательные услуги весьма конкретным. Однако, как отмечают эксперты, основной недостаток молодых программистов – отсутствие необходимых гибких навыков (англ. soft-skills) в плане самоорганизации и командной работы, что актуализирует потребность в специальных практикоориентированных программах [6].

6. Государственная поддержка отрасли и крупных отраслевых проектов. С одной стороны, государственные меры развития отрасли выступают ее драйвером, с другой – они имеют особое значение, так как действия всех остальных драйверов зависит от того, каковы институциональные условия их реализации и имеется ли поддержка в самом широком смысле со стороны крупнейшего агента российской экономики. Так, государственная поддержка цифровизации в России осуществляется в соответствии с национальным проектом «Цифровая экономика». К 2024 г. запланировано, что доля закупаемого органами госвласти российского ПО будет более 90 %, для государственных компаний этот показатель составит более 70 % [18]. Но аресты летом-осенью 2020 г. топ-менеджмента ряда крупных ИТ-корпораций с обвинениями в картельных сговорах и хищениях показали, что с государственной поддержкой отечественных ИТ-компаний дела обстоят не так просто [8; 13; 22]. В период пандемии госзаказ или господдержка системообразующих предприятий является гарантированной возможностью не снизить показатели своей деятельности.

Рассмотрим методы государственной поддержки подробнее.

Государственные методы стимулирования сектора ИТ

Методы стимулирования со стороны российского государства на период до 2025 г. изложены в «Основных задачах и мерах по развитию экспорта услуг в сфере информационно-телекоммуникационных технологий» [1]. Это налоговые меры, послабления при репатриации выручки, создание «Виртуальной особой экономической зоны», государственное продвижение экспортеров, финансово-кредитная поддержка, помощь в маркетинге и промоушн и другие. Перечень мер в Стратегии развития экспорта услуг до 2025 г. выглядят вполне солидно. В соответствии с «Дорожной картой», отрасль должна вырасти в два раза, а профессия программиста занять место в четверке самых востребованных профессий [2].

Действующая сегодня Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г. (далее – Стратегия) содержит следующие мероприятия по развитию сектора ИТ в нашей стране:

- улучшение кадрового потенциала и образования отрасли ИТ;
- популяризация профессии программиста;
- повышение привлекательности России как места проживания и деятельности для программистов;
- улучшение условий ведения бизнеса и его государственная поддержка;
- установление приоритетов государственного финансирования разработок в области программирования и его долгосрочный характер;
- появление мировых лидеров по производству ПО в России и поддержка экспорта ИТ [3].

Разработчики Стратегии четко понимали, что программирование, как род занятий, трансгранично. И только создав благоприятные условия для людей, можно удержать кадры в России.

Стратегия была принята еще в 2013 г., и безусловно, созрела необходимость ее корректировки. В 2020 г. ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» разработала новую стратегию до 2036 г. [7]. При обсуждении этой Стратегии в Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации эксперты посчитали ряд ее целевых показателей заниженными и не согласованными с Национальным проектом «Цифровая экономика».

В марте 2020 г. внешняя ситуация для отрасли изменилась в связи с пандемией. Государственные органы, не меняя действующую стратегию, отреагировали двумя пакетами мер в поддержку отрасли ИТ. Первый включал существенное снижение налогов и сборов («налоговый маневр»), гранты на разработку российского ПО, льготные кредиты [11]. Второй пакет мер сформирован в результате общественных консультаций с более чем двумястами экспертами отрасли, где государство выступало как фасилитатор процесса поиска решений. Меры представлены в виде «Системы элементов поддержки ИТ-отрасли» (по аналогии с таблицей химических элементов Менделеева). Всего в пакет включено 64 меры, сгруппированные в 9 блоков: «общесистемные меры поддержки, отечественные решения для бизнеса, электронные образовательные и медицинские сервисы, отечественное офисное ПО и ОС, обработка данных и облачные сервисы, решения в сфере ИИ, больших данных IoT, производство отечественных компьютерных игр и российского профессионального видеоконтента, решения в сфере информационной безопасности» [9]. Среди новелл регулирования отрасли – введение «цифрового налога» в размере 3 % дохода, получаемого зарубежными корпорациями с российских пользователей, НДС с блогеров и разработчиков, институт «цифровых атташе» и «цифрового резидентства», «киберполигон» и «кибермир». Пока правительство «придерживает» второй пакет мер поддержки отрасли ИТ [12]. Все зависит от решения по вопросу налогообложения иностранных ИТ-компаний: либо будет введен налог по российским правилам налогообложения, либо дождаться принятия решения Организации экономического сотрудничества и развития по правилам Pillar 1 и Pillar 2 [35].

Эффект от введения двух пакетов мер пока сложно оценить. Косвенно об эффективности запланированных мероприятий можно судить по тому, что меры второго пакета – фактически предложения бизнеса, а не директивные указания правительства.

Как показывают события последних лет, на развитие сектора ИТ влияют глобальные внешние по отношению к отрасли шоки, а именно санкции и пандемия (упоминание скорее хронологическое, чем по силе влияния).

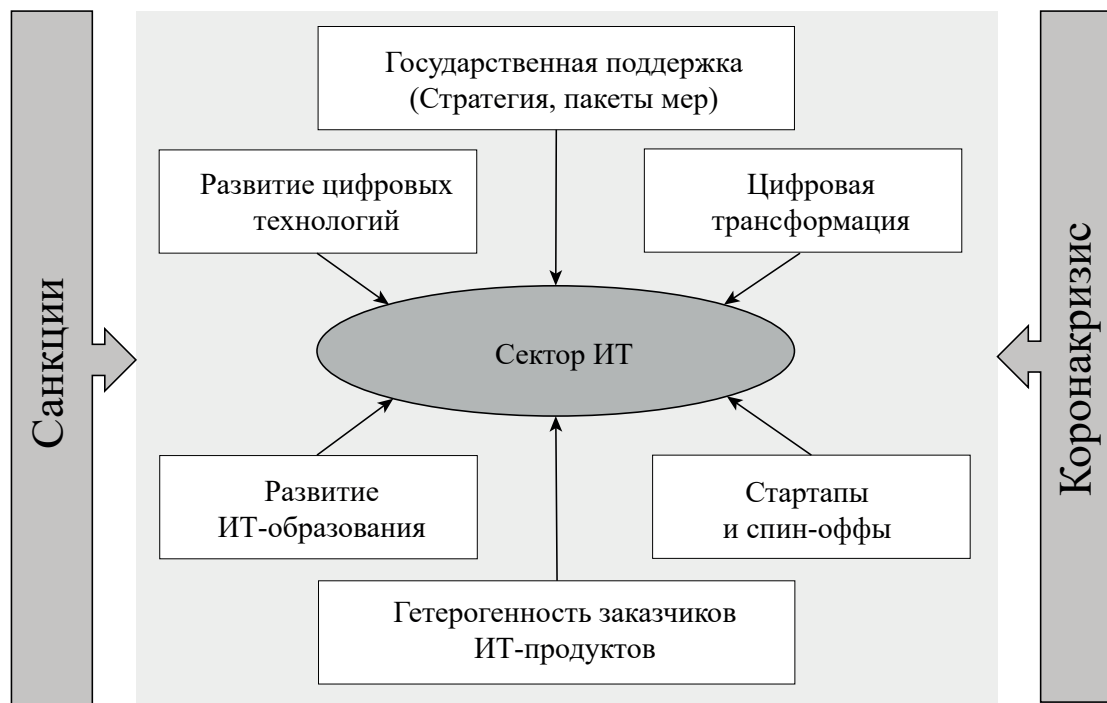
1. Международные санкции и политика импортозамещения [15]. Напрямую анализировать влияние санкций на ИТ-индустрию сложно. Эти ограничения затронули прежде всего отрасли-заказчики, что косвенным образом отразилось на деятельности производителей отечественного ПО. На призыв применить санкции, в частности, отзывалась Ogasle, доля которой в СУБД российских компаний составляет 25,4 %. В то же время в 2018 г. была выдвинута инициатива существенно ограничить закупки импортного ПО в рамках ответных санкций [10]. В итоге санкции привели к офшоризации отечественных компаний и переориентации на азиатский и латиноамериканский рынки, а контрсанкции – к ограничению закупок импортного ПО и компьютеров, росту доли отечественного ПО в закупках, при том что данная тенденция будет продолжена и далее, но уже под действием отечественной отраслевой политики [23].

2. Коронакризис. На 2019 г., по оценкам консалтинговой компании IDC и Ассоциации предприятий компьютерных и информационных технологий, ситуация с пандемией и переход на удаленную работу не сильно повлияли на развитие рынка ИТ-услуг [21]. Российские организации в основном сократили крупные инфраструктурные проекты, чуть вырос только спрос на услуги по переводу деятельности предприятий на удаленную работу. В 2019 г. большинство экспертов предсказали спад на рынке в 2020 г.

По факту 2020 г. не дал столь однозначной динамики [15]. Некоторые направления сократили и текущие расходы, и инвестиции в ИТ, динамичные же компании скорее сменили приоритеты развития своих ИТ-проектов, ускорились в разы процессы цифровой трансформации. Но так как заказчики ИТ-продуктов в целом пострадали от коронакризиса, то с остальными расходами сокращаются и эти. Так, направление офисной телефонии и офисной цифровой инфраструктуры оказалось практически замороженным. Изменились подходы и к менеджменту крупных проектов: они перенесены на следующий год, но будут возобновлены, безусловно, на других финансовых условиях (государственно-частное партнерство, концессии, лизинг, аутсорсинг и другие инструменты диверсификации рисков и источников инвестиций). Малый же бизнес в целом исключил все непрофильные затраты. Но появились новые заказчики с потребностью в «экспресс цифровой трансформации» (удаленные рабочие места, ПО для коммуникации и совместной работы, контроля действий персонала, контроля утечек информации и пр.). Это в целом вытянуло рост отрасли в положительные показатели. Вырос спрос на такие услуги, как удаленное обслуживание ИТ-инфраструктуры и оборудования, обеспечение безопасности, поддержка пользователей и создание инфраструктуры работы распределенных команд, организация облачных хранилищ и работа в облаке и др. Среди перспективного ПО в ходе коронакризиса выделились системы видеоконференций и сопутствующие экосистемы, средства коллективной работы, экосистемы работы на собственных устройства в режиме Agile и хранение информации в облаках [17].

И если в начале коронакризиса была задача подключить работников любой ценой, то к 2021 г. решения выработаны, система налажена, и речь уже идет о создании сбалансированных ИТ-продуктов под нужды конкретных бизнес-процессов с ориентацией последних на проводимую цифровизацию. С учетом того, что в 2021 г. компании не спешат возвращать всех работников в офисы, а некоторые руководители и работники смогли выстроить дистантную работу с повышением производительности труда, то курс на цифровую трансформацию и спрос на соответствующие услуги сохранится в ближайшем будущем. Даже если ситуация с пандемией стабилизируется, и офисы возобновят работу, характер, содержание и лучшие практики офисной работы уже не будут прежними, что определенно даст старт новым инвестициям в ИТ-инфраструктуру [29].

Схематично сочетание драйверов и экстерналий факторов приведено на рисунке 3.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Драйверы и экзогенные шоки в развитии сферы ИТ

Заключение

Итак, в ближайшем будущем эксперты ожидают рост доли и роли сектора ИТ в экономике страны. Этому способствуют драйверы развития этого сектора:

- нарастающая цифровая трансформация вызывает статистически подтверждаемый рост сектора ИТ;
- развитие цифровых технологий предопределяет развитие высокотехнологичных компьютерных услуг;
- двунаправленный процесс (отпочкование спин-офф и поглощение стартапов крупными ИТ-компаниями) позволит определить актуальные направления развития нового ПО и при этом минимизировать риски ошибочного определения этих направлений;
- гетерогенность заказчиков способствует развитию мультипликативного эффекта спроса на ПО;
- массовое распространение навыков программирования и цифровой грамотности текущих поколений приведет к экспансии программных продуктов во все сферы жизнедеятельности.

Действие драйверов сочетается с происходящими в обществе и экстермальными по отношению к сектору процессами (санкции, коронакризис).

Драйверы можно разделить на внешние по отношению к сфере ИТ социально-экономические процессы (цифровая трансформация, развитие цифровых технологий, государственная поддержка) и внутриотраслевые переменные (развитие ИТ-образования, гетерогенность заказчиков, стартапы и спин-оффы). Санкции и коронакризис выступают внешними по отношению ко всей системе шоками, влиянию которых подчинены и драйверы в том числе.

Внешние шоки последнего времени усиливают действия драйверов. Нельзя сказать, что они однозначно улучшают положение сектора ИТ, стимулируют ее рост мгновенном периоде, но они приводят к увеличению востребованности продуктов этого сектора в долгосрочном периоде.

Государство в данном случае занимает стратегически верную позицию, выступая фасилитатором процесса взаимодействия стейкхолдеров, есть осознание того, что от развития отечественных программных продуктов и инфраструктуры зависит будущее и геополитический вес России в мире. К сожалению, действующая Стратегия и план мероприятий содержат уже невыполненные показатели развития отрасли, а новой стратегии пока не принято [3]. В этом смысле два пакета мер более конкретны, обеспечены финансовыми ресурсами и, самое главное, конгруэнтны интересам ИТ-компаний и бизнеса. Хочется надеяться, что политической воли российского правительства хватит на осуществление этих пакетов мер.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 14.08.2019 № 1797-р «Об утверждении Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года» (ред. от 13.05.2021) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331686/ (дата обращения: 16.08.2021).
2. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2013 № 2602-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Развитие отрасли информационных технологий» (ред. от 05.12.2014) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157179/ (дата обращения: 16.08.2021).
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р. «Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 - 2020 годы и на перспективу до 2025 года» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digital.gov.ru/common/upload/Strategiya_razvitiya_otrasli_IT_2014-2020_2025.pdf (дата обращения: 16.08.2021).
4. Индикаторы инновационной деятельности: 2021: статистический сборник / Л. М. Гохберг, Г. А. Грачева, К. А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 280 с.
5. Рыжкова, М. В., Спицын, В. В. Драйверы роста и стимулирующие мероприятия по развитию высокотехнологичных отраслей // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 57–73. <https://doi.org/10.18721/JE.13405>
6. Рыжкова, М. В., Шефер, Е. О., Кондратьева, А. А., Соболева, Е. Н. Формирование коммуникационных навыков путем внедрения карты развития soft-skills в профессиональном образовании ИТ-специалистов // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2021. – № 2(41). – С. 155–168. [https://doi.org/10.18799/26584956/2021/2\(41\)/1090](https://doi.org/10.18799/26584956/2021/2(41)/1090)

7. В России подготовили стратегию развития ИТ-отрасли на 16 лет вперед // Lenta.Ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2020/03/17/strategiya/> (дата обращения: 16.08.2021).
8. Вице-президента «Ланита» арестовали по делу о хищении 600 млн руб. у Минэнерго // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4484510> (дата обращения: 16.08.2021).
9. Второй пакет мер поддержки ИТ-отрасли: анализ РАЭК // Российская Ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://raec.ru/live/raec-news/12289/> (дата обращения: 16.08.2021).
10. Госдума допускает полный запрет госзакупок американского ПО // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3604354> (дата обращения: 16.08.2021).
11. Дмитрий Чернышенко: Более 60 мер поддержки ИТ-отрасли вошли в пакет мер поддержки // Правительство России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/news/41769/> (дата обращения: 16.08.2021).
12. Дмитрий Чернышенко: Мы искусственно притормозили второй пакет мер поддержки ИТ-отрасли // Российская газета, выпуск от 23.06.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/06/23/chernyshenko-my-iskusstvenno-pritormozili-vtoroj-paket-mer-podderzhki-it-otrasli.html> (дата обращения: 16.08.2021).
13. Замдиректора «Почты России» доставили на дом // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4417341> (дата обращения: 16.08.2021).
14. Запуск внутреннего ИТ-продукта на рынок: точки роста и подводные камни: вебинар // Акселератор ФРИИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goglobal.iidf.ru/spin-off/> (дата обращения: 16.08.2021).
15. ИТ-услуги (рынок России) // TADVISER [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/a/53626> (дата обращения: 16.08.2021).
16. ИТ-рынок ждет стабильный рост // ComNews [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.comnews.ru/content/214141/2021-04-16/2021-w15/it-rynok-zhdet-stabilnyy-rost?utm_source=facebook&utm_medium=general&utm_campaign=general (дата обращения: 16.08.2021).
17. Какие технологии «выиграли», а какие «проиграли» от пандемии коронавируса // CNews. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/articles/2021-04-15_kakie_tehnologii_vyigralia_kakie (дата обращения: 16.08.2021).
18. Национальный проект «Цифровая экономика»: целевые показатели и основные результаты // Правительство России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/3b1AsVA1v3VziZip5VzAY8RTcLEbdCst.pdf> (дата обращения: 16.08.2021).
19. Расшифровка кодов ОКВЭД и их классификация 2021 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: код-оквэд.рф (дата обращения: 04.08.2021).
20. Российский рынок ИТ-услуг: итоги 2019 года и прогноз на 2020–2024 годы // CRN. ИТ-бизнес [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=147362> (дата обращения: 16.08.2021).
21. Российскому рынку ИТ-услуг предсказали падение по итогам года. Отрасль пострадала меньше других, но большой выгоды от перехода на удаленку не получила // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/09/2020/5f61d1999a7947540d521639 (дата обращения: 16.08.2021).
22. Суд отправил владельца одной из крупнейших ИТ-компаний под арест // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/16/07/2020/5f1095679a7947f33e93a164> (дата обращения: 16.08.2021).
23. Эксперты назвали самые изменившиеся из-за санкций отрасли экономики. Ограничения повлияли в первую очередь на сельское хозяйство и ИТ // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/28/10/2019/5db1a76a9a794744a5d6e13a> (дата обращения: 16.08.2021).
24. IDC: Российский рынок ИТ-услуг: итоги 2020 года и прогноз на 2021–2025 годы // International Data Corporation (IDC) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prEUR248062421&utm_medium=rss_feed&utm_source=alert&utm_campaign=rss_syndication (дата обращения: 04.08.2021).
25. Aggregations of manufacturing based on NACE Rev. 2 // Eurostat [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/Annexes/htec_esms_an3.pdf (дата обращения: 16.08.2021).
26. Doroshenko, M., Miles, I., Vinogradov, D. Knowledge intensive business services: The Russian experience // Foresight-Russia. – 2014. – V. 8, No. 4. – С. 24–39.
27. Gartner forecasts worldwide IT spending to grow 9 % in 2021 // Gartner, Inc. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2021-07-14-gartner-forecasts-worldwide-it-spending-to-grow-9-percent-2021> (дата обращения: 16.08.2021).

28. High-tech industry and knowledge-intensive services (HTEC) // Eurostat metadata [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/en/htec_esms.htm (дата обращения: 16.08.2021).
29. IDC Russia & CIS // Facebook [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/idcrussia/> (дата обращения: 16.08.2021).
30. International standard industrial classification of all economic activities (ISIC), Revision 4 // United Nations Statistics Division [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unstats.un.org/unsd/publications/catalogue?selectID=396> (дата обращения: 16.08.2021).
31. NACE Rev. 2. Statistical classification of economic activities in the European Community // Eurostat Methodologies and Working Papers [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3859598/5902521/KS-RA-07-015-EN.PDF> (дата обращения: 16.08.2021).
32. Nählinder, J. Innovation and employment in services: The case of knowledge intensive business services in Sweden. – Linköping University Electronic Press, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://liu.diva-portal.org/smash/get/diva2:20573/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 16.08.2021).
33. Russia IT services market: 2019 analysis and 2020–2024 forecast // IDC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=EUR245206220> (дата обращения: 16.08.2021).
34. Sector-by-sector information // WTO [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/serv_e/serv_sectors_e.htm (дата обращения: 16.08.2021).
35. Statement on a two-pillar solution to address the tax challenges arising from the digitalisation of the economy: OECD/G20 base erosion and profit shifting project // OECD [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/tax/beps/statement-on-a-two-pillar-solution-to-address-the-tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-july-2021.pdf> (дата обращения: 16.08.2021).

References

1. Government Resolution No. 1797-r, dated on August 8, 2019 (as amended, dated on May 13, 2021) “On the Approval of the Strategy for the Development of Export of Services until 2025”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331686/ (accessed 16.08.2021).
2. Government Resolution No. 2602-r, dated on December 30, 2013 (as amended, dated on December 5, 2014) “On the Approval of the Action Plan (“Roadmap”) “Development of the Information Technology Industry”, *Legal reference system “Consultant-Plus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157179/ (accessed 16.08.2021).
3. Government Resolution No. 2036-r, dated on November 1, 2013 “Strategy for the Development of the Information Technology Industry in the Russian Federation for 2014 - 2020 and for the Future until 2025”, *Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation*. Available at: https://digital.gov.ru/common/upload/Strategiya_razvitiya_otrasli_IT_2014-2020_2025.pdf (accessed 16.08.2021).
4. *Indicators of innovation activity: 2021: statistical collection*, .L. M. Gokhberg, G. A. Gracheva, K. A. Ditkovsky et al, National Research University Higher School of Economics, Moscow, National Research University Higher School of Economics, 2021, 280 p. (In Russian).
5. Ryzhkova M. V., Spitsin V. V. Drivers of growth and incentive measures for the development of high-tech industries, *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 57–73. (In Russian). <https://doi.org/10.18721/JE.13405>
6. Ryzhkova M. V., Shefer E. O., Kondratyeva A. A., Soboleva E.N. Formation of communication skills through the introduction of the soft-skills development map in the professional education of IT specialists, *Journal of Wellbeing Technologies*, 2021, no. 2 (41), pp. 155–168. (In Russian). [https://doi.org/10.18799/26584956/2021/2\(41\)/1090](https://doi.org/10.18799/26584956/2021/2(41)/1090)
7. Russia has prepared a strategy for the development of the IT industry for 16 years ahead, *Lenta.Ru*. Available at: <https://lenta.ru/news/2020/03/17/strategiya/> (accessed 16.08.2021).
8. Vice-president of “Lanit” was arrested in the case of embezzlement of 600 million rubles. from the Ministry of Energy, *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4484510> (accessed 16.08.2021).
9. The second package of measures to support the IT industry: analysis of RAEC, *Russian Association for Electronic Communications (RAEC)*. Available at: <https://raec.ru/live/raec-news/12289/> (accessed 16.08.2021).
10. The State Duma allows a complete ban on state purchases of American software, *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3604354> (accessed 16.08.2021).
11. Dmitry Chernyshenko: More than 60 measures to support the IT industry were included in the package of support measures, *The Russian Government*. Available at: <http://government.ru/news/41769/> (accessed 16.08.2021).

12. Dmitry Chernyshenko: We artificially slowed down the second package of measures to support the IT industry, *Rossiiskaya Gazeta*, Issue dated on June 23, 2021. Available at: <https://rg.ru/2021/06/23/chernyshenko-my-iskusstvenno-pritormozili-vtoroj-paket-mer-podderzhki-it-otrasli.html> (accessed 16.08.2021).
13. The deputy director of “Russian Post” was delivered to the house, *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4417341> (accessed 16.08.2021).
14. Launching an internal IT product on the market: points of growth and pitfalls: webinar, *Accelerator IIDF*. Available at: <https://goglobal.iidf.ru/spin-off/> (accessed 16.08.2021).
15. IT services (Russian market). *TADVISER*. Available at: <https://www.tadviser.ru/a/53626> (accessed 20.10.2021).
16. IT market awaits steady growth, *ComNews*. Available at: https://www.comnews.ru/content/214141/2021-04-16/2021-w15/it-rynok-zh-det-stabilnyy-rost?utm_source=facebook&utm_medium=general&utm_campaign=general (accessed: 16.08.2021).
17. Which technologies “won” and which ones “lost” from the coronavirus pandemic, *CNews*. Available at: https://www.cnews.ru/articles/2021-04-15_kakie_tehnologii_vyigralia_kakie (accessed 16.08.2021).
18. National project “Digital economy”: targets and main results, *The Russian Government*. Available at: <http://static.government.ru/media/files/3b1AsVA1v3VziZip5VzAY8RTcLEbdCct.pdf> (accessed 16.08.2021).
19. Decoding of OKVED codes and their classification 2021. Available at: код-оквэд.рф (accessed 04.08.2021).
20. Russian market of IT services: results of 2019 and forecast for 2020–2024, *CRN. IT business*. Available at: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=147362> (accessed 16.08.2021).
21. The Russian market of IT services was predicted to fall by the end of the year. The industry suffered less than others, but did not receive much benefit from the transition to remote work, *RBC*. Available at: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/09/2020/5f61d1999a7947540d521639 (accessed 16.08.2021).
22. The court sent the owner of one of the largest IT companies under arrest, *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/society/16/07/2020/5f1095679a7947f33e93a164> (accessed 16.08.2021).
23. Experts named the sectors of the economy that have changed the most due to the sanctions. Restrictions influenced primarily agriculture and IT, *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/28/10/2019/5db1a76a9a794744a5d6e13a> (accessed 16.08.2021).
24. IDC: Russian IT services market: results of 2020 and forecast for 2021–2025, *International Data Corporation (IDC)*. Available at: https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prEUR248062421&utm_medium=rss_feed&utm_source=alert&utm_campaign=rss_syndication (accessed 04.08.2021).
25. Aggregations of manufacturing based on NACE Rev. 2, *Eurostat*. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/Annexes/htec_esms_an3.pdf (accessed 16.08.2021).
26. Doroshenko M., Miles I., Vinogradov D. Knowledge intensive business services: The Russian experience, *Foresight*, 2014, vol. 8, no. 4, pp. 24–39.
27. Gartner Forecasts Worldwide IT Spending to Grow 9 % in 2021, *Gartner, Inc.* Available at: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2021-07-14-gartner-forecasts-worldwide-it-spending-to-grow-9-percent-2021> (accessed 16.08.2021).
28. High-tech industry and knowledge-intensive services (HTEC), *Eurostat metadata*. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/en/htec_esms.htm (accessed 16.08.2021).
29. IDC Russia & CIS, *Facebook Page*. Available at: <https://www.facebook.com/idcrussia/> (accessed 16.08.2021). (In Russian).
30. International Standard Industrial Classification of All Economic Activities (ISIC), Revision 4, *United Nations Statistics Division*. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/publications/catalogue?selectID=396> (accessed 16.08.2021).
31. NACE Rev. 2. Statistical classification of economic activities in the European Community, *Eurostat Methodologies and Working Papers*. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3859598/5902521/KS-RA-07-015-EN.PDF> (accessed 16.08.2021).
32. Nählinder J. *Innovation and employment in services: The case of knowledge intensive business services in Sweden*, Linköping University Electronic Press, 2005. Available at: <http://liu.diva-portal.org/smash/get/diva2:20573/FULLTEXT01.pdf> (accessed 16.08.2021).
33. Russia IT Services Market: 2019 Analysis and 2020–2024 Forecast, *IDC*. Available at: <https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=EUR245206220> (accessed 16.08.2021).
34. Sector-by-sector information, *WTO*. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/serv_e/serv_sectors_e.htm (accessed 16.08.2021).
35. Statement on a two-pillar solution to address the tax challenges arising from the digitalisation of the economy: OECD/G20 base erosion and profit shifting project, *OECD*. Available at: <https://www.oecd.org/tax/beps/statement-on-a-two-pillar-solution-to-address-the-tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-july-2021.pdf> (accessed 16.08.2021).

УДК 656.2 JEL L92

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-94-98

Симагутина Мария Сергеевна
магистр, ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», специалист
по коммерческой отчетности, ООО «ГЛО-
ВИС РУС» Хендэ Мотор Груп, г. Москва,
Российская Федерация
e-mail: simagutina.maria@yandex.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БАМА

Аннотация. Растущий спрос на грузовые и пассажирские перевозки, рост заинтере-
сованности населения в повышении скорости, качества и безопасности перевозок тре-
буют нового подхода к развитию железнодорожного комплекса, учитывающего сис-
темные тенденции в России и мировой экономике. В более долгосрочной перспективе
необходимо снизить транспортные издержки национальной экономики, обеспечить до-
ступность транспорта для субъектов, повысить конкурентоспособность транспорт-
ных услуг и решить системную задачу повышения скорости движения грузовых и пас-
сажирских поездов. В течении последних лет в России обсуждается вопрос развития
Байкало-Амурской магистрали, в советские годы ставшей грандиозным сооружением,
масштабным проектом эпохи, олицетворением мощи страны. Однако существует ряд
проблем, связанных со слабым социально-экономическим развитием регионов. Особое
внимание в статье уделяется дальнейшему развитию Байкало-Амурской магистрали.

Ключевые слова: железная дорога, Байкало-Амурская магистраль, социально-
экономическое развитие, транспортная система, пропускная и провозная способность,
Стратегия развития железнодорожного транспорта, Восточный полигон, оптимизация
движения, экономический эффект

Для цитирования: Симагутина М.С. Современное состояние и перспективы развития БАМа//
Вестник университета. 2021. № 10. С. 94–98.

Maria S. Simagutina
Master of Degree, State University
of Management, Accounting Specialist,
GLOVIS RUS LLC Hyundai Motor Group,
Moscow, Russia
e-mail: simagutina.maria@yandex.ru

CURRENT STATUS AND BAM'S DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. The growing demand for freight and passenger transportation and the growing in-
terest of the population in improving the speed, quality and safety of transportation require
a new approach to the development of the railway complex, taking into account systemic trends
in Russia and the global economy. In the longer term, it is necessary to reduce the transport
costs of the national economy, ensure the accessibility of transport to entities, increase the
competitiveness of transport services and solve the systemic problem of increasing the speed
of freight and passenger trains. In recent years Russia has been discussing the development
of the Baikal-Amur Mainline, which in Soviet times was a grandiose construction project of the
era and an embodiment of the country's power. However, there are a number of problems re-
lated to the weak socio-economic development of the regions. The Baikal-Amur Mainline was
a grandiose construction project of the era and the epitome of the country's power. The article
pays particular attention to the further development of the Baikal-Amur Mainline.

Keywords: railway, Baikal-Amur Mainline, socio-economic development, transport system,
throughput and carrying capacity, Strategy for the development of railway transport, the
Eastern range, traffic optimization, economic effect

For citation: Simagutina M.S. (2021) Current status and BAM's development prospects. *Vestnik
universiteta*, no. 10, pp. 94–98. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-94-98

Введение

Транспортная система играет важную роль для экономического развития любой страны. В России од-
ной из основ считается железная дорога, ведь на нее приходится значительная часть как пассажирооборо-
та (21,9 %), так и грузооборота (44,6 %) страны. Страна отличается достаточно большими расстояниями,

© Симагутина М.С., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Simagutina M.S., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

именно поэтому значение железнодорожного транспорта основополагающее. От эффективной работы системы зависит уровень развития экономики государства.

В России железнодорожный транспорт – отрасль экономики, обеспечивающая бесперебойную работу всех экономических секторов. Необходимость обеспечить прочную транспортную взаимосвязь европейской части страны с восточными регионами – основное назначение железнодорожного транспорта.

Постановка проблемы

Железнодорожный транспорт традиционно наиболее эффективен для перевозок грузов на средние и дальние расстояния, а также для перевозки пассажиров на средние расстояния и в пригородных сообщениях. Его значение обусловлено двумя основными факторами:

- технико-экономическими преимуществами над другими видами транспорта;
- совпадением грузовых потоков с расположением железнодорожных магистралей (в отличие от речного и морского транспорта) [2].

Ожидается, что увеличение пропускной способности Байкало-Амурской магистрали (далее – БАМ) и Транссибирской магистрали (далее – Транссиб) приведет к увеличению грузопотока в морские порты и окажет влияние на объем грузоперевозок в целом, включая увеличение контейнерных перевозок. Одной из главных проблем российских железных дорог остается недостаток пропускной способности в восточном направлении, что препятствует развитию грузовых перевозок, поскольку в Азии находятся рынки сбыта металлов, удобрений, угля и зерна.

Историческая справка

В течение последних нескольких лет в России обсуждаются проблемы, связанные с развитием БАМа, и возможные пути их решения. В настоящей статье проанализируем существующее состояние БАМа, цели, которые ставятся в связи с его развитием. Основными целями, заявленными при строительстве магистрали, были:

- открыть доступ к природным ресурсам Восточной Сибири и Дальнего Востока;
- осуществлять транзитные перевозки, параллельно Транссибу;
- создать кратчайшую границу железнодорожной магистрали от западной границы до Тихого океана;
- развернуть перевозки между Дальним Востоком и регионами при сбоях Транссиба.

Экономические и социальные проблемы СССР в конце 1980-х гг., национальные столкновения, не позволили осуществить все поставленные задачи.

В настоящее время социально-экономическая ситуация на БАМе неясная. Инфраструктура приходит в упадок. Предполагаемые мероприятия должны увеличить объем перевозок до 200 млн т, при существующем объеме в 12 млн т. Реализации таких объемов мешает ряд «узких мест»:

- однопутная дорога после города Усть-Кут;
- туннели, которые введены в эксплуатацию не в полном масштабе;
- старая инфраструктура, железнодорожные мосты;
- односторонний пропуск состава в Северомуйском туннеле;
- дефекты земельного полотна;
- отсутствие тягового электроснабжения [6].

Сегодня уже решаются задачи по увеличению пропускной способности магистралей, направленные на рост грузовых перевозок по экспорту природных ресурсов. Данные перевозки могут дать существенное увеличение финансовых средств в бюджет страны.

Рассмотрим перспективы развития БАМа:

- модернизация инфраструктуры, строительство новых станций и развязов;
- разгрузка Транссиба, используемого на 100 %;
- перевод потока тяжеловесных грузов на БАМ;
- ускоренные контейнерные перевозки.

Направления, повышающие рентабельность магистрали БАМ:

- внутренние резервы снижения себестоимости;
- перераспределение прибыли с других железных дорог;
- подготовка к эксплуатации новых месторождений полезных ископаемых [3].

Один из основных способов увеличения рентабельности БАМа – необходимость интенсифицировать хозяйственную деятельность в зоне магистрали, опираясь на уникальные запасы природных ресурсов. Однако кризис российской экономики не позволяет сконцентрировать деятельность в этой зоне [2]. Высокая безработица, практически все предприятия от города Усть-Кута до города Комсомольска-на-Амуре находятся в тяжелом финансовом положении. От государства требуется увеличение дотаций, затрат на переселение людей по действующим программам. В связи с этим, по нашему мнению, было бы целесообразно оставлять все средства в рассматриваемых регионах на их поддержку.

При рассмотрении динамики эксплуатации БАМа обнаруживаются следующие особенности:

- объем перевозок по БАМу существенно меньше, что относит магистраль к малодеятельным дорогам;
- высокий уровень себестоимости перевозок;
- рентабельность поддерживается за счет регулирования расчетной цены [1].

Теория и методы

Контейнерные перевозки в направлении восток–запад выгодны как в настоящее время, так и в среднесрочной перспективе. К 2024 г. планируется перевозить более 1,5 млн контейнеров, что существенно наполнит бюджет страны. При планируемых перевозках по БАМу может возникнуть дефицит электроэнергии. В этой связи необходимо строительство ЛЭП и сооружение новых источников, генерирующих электроэнергию [8].

Одним из существенных препятствий по увеличению пропускной способности магистрали может стать плотина Братской ГЭС. Проект не предусматривал сооружение железной дороги, а автодорожный мост создал опасное техногенное воздействие на плотину.

Институт проблем естественных монополий предлагает следующие меры для повышения пропускной и провозной способности БАМа и Транссиба:

- путевое развитие;
- поставка современных локомотивов;
- электрификация;
- усиление устройств тягового электроснабжения;
- модернизация связи;
- оптимизация графика движения поездов;
- точечное путевое развитие;
- оптимизация технологии работы толкачей;
- увеличение весовых норм;
- оптимизация технологий ремонта;
- оптимизация существенного пассажирского движения [4].

Для комплексного развития железнодорожной инфраструктуры потребуется значительный объем инвестиций в долгосрочном периоде. Технологические решения – ключевой фактор повышения пропускной и провозной способности, не требующие большого объема инвестиций в краткосрочном периоде.

Предложения по оптимизации пассажирского движения на участках БАМа:

- оценить возможность замещения поездов и оптимизация расписания на участке общего маршрута следования;
- оценить возможность объединения поездов, следующих по одному маршруту;
- оценить возможность объединения электропоездов, следующих по одному маршруту с интервалом менее одного часа с увеличением составной электропоезда [7].

Основной упор сделан на экспортные поставки природных ресурсов, а планы по модернизации магистрали реализуются не в полном масштабе. Необходимо также решить проблемы, связанные с узкими местами на магистрали. Необходимо принять конструктивные решения по устранению негативных последствий интенсивного движения по плотине Братской ГЭС, которые не воспринимаются на официальном уровне, в будущем может привести ситуацию на грань техногенной аварии.

Анализ результатов, основные результаты

ОАО «РЖД» рассматривает несколько вариантов расширения БАМа и Транссиба.

Один из них включает продление Байкало-Амурской магистрали для дополнительного экспорта 16,6 млн т угля с Эльгинского месторождения. Для этого будет реконструирован участок Улак – Комсомольск, а подходы к узловым портам Ванино-Совгаванск и районы к западу от Улака останутся незатронутыми. По этому варианту российские железные дороги построят дополнительно 553 км пути, сметная стоимость которых составит 332,6 млрд руб.

Во втором сценарии ожидается, что к 2030 г. перевалочные мощности БАМа увеличатся до 210 млн т, включая не только 16,6 млн т угля из поселка Эльги в порт Ванино, но и 13,4 млн т дополнительных грузов в порт Приморья. Для достижения этой цели ОАО «РЖД» потребуется завершить 1 100 км второй магистрали БАМа в дополнение к запланированным 553 км Эльгинского участка. Сметная стоимость этого проекта составляет 1,2 трлн руб.

Третий вариант предусматривает строительство инфраструктуры и, как ожидается, позволит перевозить 240 млн т грузов. В него уже входит не только БАМ, но и крупные проекты на Транссибе, такие как строительство линии в обход Хабаровска, моста через реку Амур и строительство второго Кузнецовского тоннеля. Всего планируется построить 145 тыс. км второй магистрали и более 800 км третьей. С учетом Эльгинского участка стоимость проекта составит 2,89 трлн руб.

Заключение

Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 г. предусматривает создание эффективного и многофункционального транспортного комплекса, важнейшей единицей которого является железнодорожный комплекс. Общая модернизация железнодорожной инфраструктуры станет основой для интенсивного развития этого сектора, что ускорит экономическое и социальное развитие России, улучшит макроэкономические показатели и повысит конкурентоспособность национальной экономики. Полная реализация мероприятий стратегии обеспечит социально-экономическое развитие России в соответствии с инновационным сценарием, предложенным Министерством экономического развития Российской Федерации в Концепции долгосрочного развития Российской Федерации до 2020 г. Согласно этому сценарию, к 2020 г. валовой внутренний продукт увеличится в 4,4 раза, а промышленное производство – в 3,3 раза [5].

Для реального экономического эффекта необходимо проанализировать результаты последствий изменения приоритетов политики в Восточном регионе страны. Прежде всего, это оценка объемов экспорта по БАМу.

Долгосрочные интересы России требуют заселения зоны БАМ, магистраль явится одним из важнейших факторов, способствующих активизации данного процесса.

Варианты повышения рентабельности БАМа, которые не связаны с программой хозяйственного освоения зоны близ магистрали, малоэффективны.

Библиографический список

1. Андреева, Т. А. Стратегия для БАМа // Отечественные записки. – 2013. – № 3 (54). – С. 222–234.
2. Головшиков, В. Перспективы БАМа и Транссиба с учетом состояния регионов и развития угольной отрасли // Энергетическая политика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://energypolicy.ru/perspektivy-bama-i-transsiba-s-uchetom-sostoyaniya-regionov-i-razvitiya-ugolnoj-otrasli/ugol/2021/14/24/> (дата обращения: 05.07.2021).
3. Никитин, А. В. Потенциал Байкало-Амурской магистрали // Science Time. – 2015. – № 10 (22). – С. 272–276.
4. Савчук, В. Б. Потенциал увеличения пропускной и провозной способности железнодорожной инфраструктуры за счет применения технологических решений на примере Восточного полигона // Институт проблем естественных монополий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ipem.ru/files/files/research/20190917_uvelichenie_propusknoy_sposobnosti_na_primere_vostochnogo_poligona.pdf (дата обращения: 10.07.2021).
5. Шибикин, Д. Д. Проблемы реализации инфраструктурных проектов на Транссибе и БАМе // Материалы X Международной научно-технической конференции «Политранспортные системы», Новосибирск, 15–16 ноября 2018 г. / отв. ред.: С. А. Бокарев и др. – Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2019. – С. 32–35.

6. Восточный полигон: Транссиб и БАМ // ОАО «РЖД» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cargo.rzd.ru/ru/9786/page/103290?id=11323> (дата обращения: 20.07.2021).
7. Майсурадзе, Л. БАМ сегодня // Дилетант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://diletant.media/articles/45257352/> (дата обращения: 18.07.2021).
8. Рыбникова, Г. Новая жизнь БАМа: модернизация магистрали даст рабочие места и налоговые поступления Тынде // Амурская правда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ampravda.ru/2020/09/08/098719.html> (дата обращения: 18.07.2021).

References

1. Andreeva T. A. Strategy for the BAM, *Otechestvennye zapiski*, 2013, no. 3 (54), pp. 222–234. (In Russian).
2. Golovshchikov V. Prospects of the BAM and Trans-Siberian Railway in view of the state of the regions and development of the coal industry, *Energy Policy*. Available at: <https://energypolicy.ru/perspektivy-bama-i-transsiba-s-uchetom-sostoyaniya-regionov-i-razvitiya-ugolnoj-otrasli/ugol/2021/14/24/> (accessed 05.07.2021).
3. Nikitin A. V. Potential of the Baikal-Amur Mainline, *Science Time*, 2015, no. 10 (22), pp. 272–276. (In Russian).
4. Savchuk V. B. Potential of increase of throughput and carrying capacity of railway infrastructure due to the application of technological solutions on the example of the Eastern polygon, *The Institute for Natural Monopolies Research*. Available at: http://www.ipem.ru/files/files/research/20190917_uvelichenie_propusknoy_sposobnosti_na_primere_vostochnogo_poligona.pdf (accessed 10.07.2021).
5. Shibikin D. D. Problems of implementing infrastructure projects on Transsib and BAM, *Proceedings of the X International Scientific and Technical Conference “Polytransport Systems”*, Novosibirsk, November 15–16, 2018, ed. by S. A. Bokarev et al., Novosibirsk, Siberian State University of Railway Transport, 2019, pp. 32–35. (In Russian).
6. Eastern polygon – Transsib and BAM, *Russian Railways*. Available at: <https://cargo.rzd.ru/ru/9786/page/103290?id=11323> (accessed 20.07.2021).
7. Maisuradze L. BAM today, *Diletant*. Available at: <https://diletant.media/articles/45257352/> (accessed 18.07.2021).
8. Rybnikova G. New life of BAM: modernization of the main line will give jobs and tax revenues to Tynda, *Amurskaya pravda*. Available at: <https://ampravda.ru/2020/09/08/098719.html> (accessed 18.07.2021).

УДК 338.48

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-99-103

Фролова Елена Андреевна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6131-5901
e-mail: frolova.guu@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ ТУРИСТИЧЕСКИХ АГЕНТСТВ ПЕРЕД ОНЛАЙН- СЕРВИСАМИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Объектом исследования является современная индустрия туризма и гостеприимства, которая за последние несколько лет столкнулась с существенными потерями и трансформациями. Изменения в системе обслуживания, переход на новые стандарты, внедрение цифровых и онлайн-технологий в работу и т.д. затрагивают как участников индустрии, так и потребительские предпочтения. При этом одни потребители пользуются услугами только профессиональных организаторов путешествий, другие путешествуют самостоятельно, предпочитая независимый туризм. В статье рассмотрены основные тенденции в индустрии туризма, выполнен обзор рынка и даны рекомендации, на какие проблемы и возможности формирования конкурентных преимуществ перед онлайн-ресурсами, агрегаторами в борьбе за потребителя стоит обратить внимание туристическим агентствам, как одним из ключевых участников рынка туристских услуг.

Ключевые слова: стандарт обслуживания, тенденции обслуживания, сфера услуг, омниканальный сервис, онлайн-сервис, туристическое агентство, агрегатор, бесконтактное обслуживание

Цитирование: Фролова Е.А. Формирование конкурентных преимуществ туристических агентств перед онлайн-сервисами в современных условиях // Вестник университета. 2021. № 10. С. 99–103.

Elena A. Frolova
Cand. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6131-5901
e-mail: frolova.guu@mail.ru

SHAPING THE COMPETITIVE ADVANTAGES OF TRAVEL AGENCIES OVER ONLINE SERVICES IN TODAY'S ENVIRONMENT

Abstract. The object of the study is the modern tourism and hospitality industry, which has faced significant losses and transformations over the past few years. Changes in the service system, transition to new standards, introduction of digital and online technologies in operations, etc. are affecting both industry players and consumer preferences. While some consumers only use the services of professional travel organisers, others travel on their own, preferring independent tourism. The article examines major trends in the tourism industry, reviews the market and gives recommendations on what challenges and opportunities to create a competitive advantage over online resources, aggregators in the fight for the consumer should pay attention to travel agencies as one of the key players in the market of travel services.

Keywords: service standard, service trends, service industry, omnichannel service, online service, travel agency, aggregator, contactless service

For citation: Frolova E.A. (2021) Shaping the competitive advantages of travel agencies over online services in today's environment. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 99–103. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-99-103

Введение

Влияние пандемии внесло существенные изменения в систему обслуживания в индустрии туризма и гостеприимства. Индустрия, как рынок услуг, несомненно сильно подвержена влиянию внешних факторов [10].

Рассмотрим, как выглядит современный рынок услуг и его основные качества.

1. *Динамичность.* Услуги всегда появляются в ответ на запрос потребителя, соответственно, так же быстро теряют свою актуальность. Современные услуги туризма и гостеприимства – ответ на существующий запрос потребителя: индивидуальные туры, бесконтактное обслуживание, дистанционная регистрация при заселении и т. д.

2. *Максимальная гибкость и мобильность.* Для увеличения жизненного цикла услуги необходимо, чтобы она была максимально дифференцирована.

© Фролова Е.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Frolova E.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

В зависимости от непосредственного запроса потребителя услуги должны иметь возможность изменяться. Например, одна и также туристическая поездка может иметь разные свойства (перелет прямым рейсом – или перелет с пересадкой, размещение формата «все включено» или включающее только завтрак, экскурсионная программа групповая – или с персональным гидом и т. д.)

3. *Переизбыток информации.* В век современных технологий любой потребитель может получить большой объем информации, как положительной, так и отрицательной, самостоятельно составить представление о необходимой ему услуге, при этом он не всегда может правильно оценить возможности исполнителя. В связи с этим могут возникать проблемы несоответствия ожидаемого реальному. В то же время производитель услуги имеет возможность популяризировать свои услуги через распространение грамотной и объективной информации [2].

4. *Зависимость от моды.* Многие услуги становятся популярными благодаря модным веяниям. Например, ориентация на здоровый образ жизни приводит к тому, что многие предприятия общественного питания имеют в своем меню блюда, которые соответствуют этим принципам. Бережливое производство и экологические требования ориентируют потребителей на отказ от полиэтиленовых пакетов и одноразовых стаканов, например, повышая спрос на продукты и услуги с приставкой «эко» [9].

5. *Необходимость непосредственного взаимодействия производителя и потребителя услуги.* Этот фактор может стать как плюсом, так и минусом. Положительный аспект заключается в том, что производитель услуги может непосредственно в процессе ее оказания повышать ее качество и соответствие ожиданиям потребителя. В то же время непосредственное взаимодействие не может исключать человеческого фактора, то есть ошибок персонала организации в процессе оказания услуги, возникновение конфликтных ситуаций и необходимости их оперативного решения [1].

Постановка проблемы

Рассмотрим основные тенденции, с которыми сталкивается индустрия туризма и гостеприимства в настоящее время с учетом соблюдения требований по противодействию распространению коронавирусной инфекции [3].

1. *Изменение географии потребительских предпочтений.* В современном мире в связи с ограничениями, а также неуверенностью в безопасности путешествий многие туристы предпочитают путешествовать в локациях, расположенные недалеко от постоянного места проживания. Это может быть короткое путешествие в соседний город и т. д. Такие короткие и более бюджетные путешествия становятся трендом.

2. *Бесконтактное обслуживание:* 2020 г. стало своеобразным трамплином для технологий бесконтактного обслуживания. Мобильная регистрация, бесконтактные платежные системы, голосовое управление и биометрия – все это те технологии, которые очень быстро вошли в повседневную жизнь и благодаря удобству и ускорению процесса обслуживания в целом и, вероятнее всего, останутся в ней надолго. Гости, которые привыкли открывать свои смартфоны и ноутбуки с помощью сервиса распознавания лиц и отпечатков пальцев будут формировать потребительские предпочтения для современных отелей, что несомненно их увеличит затраты на внедрение инноваций [5].

3. *Персонализация остается одним из ведущих трендов уже несколько лет.* Такие инструменты, как Mailchimp и Zoho сделали персонализированный маркетинг доступным для широких масс, обеспечивая коммуникацию, ориентированную на целевую аудиторию. Помимо простого добавления имени клиента в поздравления по электронной почте, они дают представление о прошлых покупательских предпочтениях, позволяя отелям адаптировать свои предложения и акции и автоматически предоставлять аналогичные услуги [2; 8].

4. *Индивидуальный туризм.* В связи с ростом интереса к удовлетворению индивидуальных потребностей и стремлению избежать массовых путешествий все чаще появляются индивидуальные туры или самостоятельные путешественники. Путешественники уже не стремятся к роскоши, предпочитая вместо этого тратить разумно, целенаправленно и экологично. Востребованными становятся эко-туры, волонтерский туризм, аутентичное размещение, а также стремление к уединению и ретритам. В век осознанности многие оценили пользу от времени в одиночестве. Стремясь сделать так, чтобы индивидуальные путешественники чувствовали себя комфортно, барьеры между персоналом отеля и гостями снижаются, выбор дизайна интерьера ориентируется на чувство домашнего уюта и культивацию неформальной атмосферы.

5. *Поколения X и Y.* Эти новые поколения имеют другие требования и потребности по сравнению со старшими поколениями: если старшее поколение думает об отелях и аренде автомобилей, то новое поколение предпочитает Airbnb и Uber.

6. *Разумное потребление.* Естественным продолжением отказа от одноразовых пластмасс, устранению ненужного потребления бумаги и сокращению пищевых отходов являются далеко идущие этические и экологические соображения, формирующие решения, принимаемые на уровне управления гостиничным бизнесом. Люди становятся все более чувствительными к экологическим и социальным проблемам, и этот тренд стоит использовать при продвижении и популяризации своего бренда.

7. *Виртуальная и дополненная реальность.* Популяризация красивого визуального контента ведет к тому, что предприятия индустрии гостеприимства должны стремиться извлекать выгоду из таких функций, как виртуальные туры, создавая цифровую среду для потребителей. Видео с 360-градусным видом на ресторан, террасы кафе, окруженные зеленью, или расположение отелей на пляже – дополнительное конкурентное преимущество. Находясь около той или иной достопримечательности, путешественники должны иметь возможность получения дополнительной информации через смартфон, наводя его на реальные артефакты. Приложения к смартфонам так же могут стать дополнительным инструментом доступа к меню и времени работы ресторанов, обзорам или интерактивным туристическим информационным картам или даже создавать необходимый контент [4].

8. *Автоматизация и технологии,* к которым относятся такие разработки, которые существенно сокращают время оказания услуг, а также выполняют рутинную работу. Чат-боты, разработанные по принципу искусственного интеллекта, показывают достаточно высокую эффективность в процессе работы с потребителями, начиная с бронирования, заканчивая ответами на однотипные и повторяющиеся вопросы по мерам по борьбе с COVID-19.

В связи с этими тенденциями возникает проблема повышения дохода туристских предприятий и конкуренции с онлайн-сервисами.

Сегодня такие агрегаторы, как Airbnb, выстраивают комплексные экосистемы для туристов и, помимо традиционных услуг размещения, предлагают экскурсионные программы, культурно-массовые мероприятия и другие активности в месте пребывания путешественника. Основная идея этих экосистем заключается в использовании лояльности туриста к существующему бренду и создании системы «одного окна».

Туристические офисы вынуждены делать акцент не просто на выгодные цены, но также на качественный цифровой опыт. Одним из основных преимуществ туристических агентов перед онлайн-сервисами является изменение потребительских предпочтений путешественников в сторону более предсказуемых и надежных видов отдыха. Это дает возможность индустрии использовать трэвел-консультантов для обеспечения качественной и профессиональной поддержки (информировании об изменении условий пребывания в стране, использовании паспортов здоровья и других аспектах, актуальных для путешественника), а также для персонификации предлагаемых услуг [7].

Подходы к решению проблемы

Основные подходы, которые будут способствовать повышению лояльности путешественников к услугам туристических агентств, состоят в следующем.

1. *Системный сбор информации.* Эффективность многих цифровых участников рынка туристских услуг демонстрируется именно благодаря системному подходу в обработке данных, наличию грамотной технологической экосистемы, позволяющей как собирать информацию, так и анализировать ее на основе факторного анализа.

2. *Повышение ценности предлагаемых услуг.* Основная задача трэвел-консультантов состоит не только в предоставлении дополнительной информации путешественнику. В связи с эффектом отложенного спроса и снижением покупательской способности туристы гораздо более внимательно относятся к тем услугам, которые существуют на рынке, и готовы приобретать только те товары и услуги, которые соответствуют их пониманию ценности. Соответственно, основной задачей агента будет максимально быстрый поиск и анализ предложений на основе новых стандартов, возможностей глобальной дистрибьютерской системы (англ. Global Distribution System). Таким образом, необходимые технологические знания и навыки могут стать неоспоримым конкурентным преимуществом агента перед онлайн-сервисами.

3. *Развитие цифровых технологий.* Согласно проведенному исследованию продажи товаров и услуг через Интернет выросли в 2020 г. на 27,6 %. Эта тенденция, несомненно, сохранится, что потребует от туристических агентств внедрения новых цифровых продуктов и возможностей. Основной задачей является соблюдение баланса для достижения ожидаемого экономического эффекта.

4. *Оmnikanальная связь.* Это направление дает возможность использования разных каналов для бронирования – от компьютера до чат-ботов. Внедрение глобальной системы является инвестиционно затратным, вместе с тем есть возможность более экономичного решения, а именно внедрения сервиса поддержки через мессенджеры. Возможность постоянно быть на связи с организатором может стать неоспоримым конкурентным преимуществом в выборе туристического агентства.

5. *Инвестиции в лояльность.* Понятие лояльности потребителя не является константой и может изменяться со временем, что вынуждает туристические предприятия постоянно работать над брендом. В существующем информационном пространстве основной задачей становится не только удовлетворение запроса потребителя, но также предвосхищение его будущих потребностей. Комплексность предлагаемых услуг, а также выгодные транспортные тарифы могут стать ключом к успешной конкуренции.

Обсуждение результатов

Таким образом, конкуренция между агентствами и онлайн-сервисами заключается в основном в применении нужных технологий, а именно гибких платформенных решений с возможностью синхронизации с различными системами и широким аналитическим функционалом. Информационное пространство сегодня может стать как стимулирующим, так и сдерживающим фактором. Одним из основных сдерживающих факторов спроса на туристические услуги может быть отсутствие понимания путешествующими правил и ограничений, действующих на территории регионов России и за рубежом. Работа туристических агентств заключается в устранении недопонимания, предоставлении актуальной информации. Туристу гораздо проще не искать информацию самостоятельно, а воспользоваться услугами туристической компании. В условиях высокой неопределенности потребители склонны делать ставку на профессиональный подход и профессиональное обслуживание.

Заключение

Туристическая индустрия будет следовать за цифровой революцией, которая, по заявлению экспертов McKinsey, вступила в решающую фазу. По существующим оценкам ожидается автоматизация более 50 % производственных операций, что соответствует масштабу промышленной революции. Тем не менее, работа туристических предприятий не видится бесперспективной ввиду повышения их ценности для потребителя. Сокращение временных рамок обслуживания и доступность – основной тренд современного рынка, и туристические агентства вполне могут ему соответствовать, предлагая потребителю не только быстрое обслуживание, но и быстрый доступ к всей необходимой информации, качественное и оперативное сопровождение, а также формирование надежности предлагаемых услуг. В этих реалиях одной из приоритетных задач туристических предприятий является внедрение эффективных технологий, а также привлечение надежных партнеров для создания безопасной цифровой экосистемы с понятным как для сотрудника, так и потребителя интерфейсом. Тем более, что по мнению 91 % респондентов (на основании исследования, проведенного компанией Amadeus) информационные технологии увеличивают доверие к поездкам. В сентябре 2020 г. так считали 84 % респондентов, что лишний раз подтверждает перспективность этого направления [6].

Библиографический список

1. Акимов, О. В., Акопьян Д. В., Андрианов Р. И. [и др.]. Анализ социально-экономического развития Российской Федерации за 2020 год: монография в 2-х ч. / Под общ. ред. П. В. Терелянского. – М.: Министерство науки и высшего образования РФ, ГУУ, НИИ «Управление цифровой трансформацией экономики», 2021. – 299 с.
2. Велединский, В. Г. Сервисная деятельность: учебник. – М.: КноРус, 2015. – 176 с.
3. Жукова, М. А. Управление мотивацией потребителя туристских услуг // Вестник университета. – 2019. – № 2. – С. 13–19. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-2-13-19>
4. Исследование потенциала развития международного бизнеса и туризма: коллективная монография / Отв. ред. А. Д. Чудновский. – Москва: РУСАЙНС, 2019. – 330 с.

5. Чудновский А. Д., Жукова М. А. и др. Трансформация туристской деятельности в условиях развития цифровой экономики: коллективная монография / Чудновский А. Д., Жукова М. А., Жуков В. А., Кормишова А. В., Мальцева М. В., Колобкова В. А., Солнцева О. Г., Романов А. А., Фролова Е. А., Цаболова О. Р., Замятина Н. А., Збарская А. В., Цунаева Ю. О., Офицерова Н. А., Нгуен К. Т., Гулиев А. Ю., Коренко Ю. М., Лапшина Н. В., Гришина И. А., Акопян Д. В., Погорелко И. В., Муртазин Р. М., Смирнова А. И., Якимова Е. И., Кожухов И. С., Деденко К. А., Миленко К. И., Пляскина М. А., Гарейшина М. Р., Пасугинова М. С., Орлова Н. А., Маслова О. Е., Фролов С. А. – М: РУСАЙНС, 2021. – 187 с.
6. Kolobkova, V. A., Romanov, A. A., Frolova, E. A. Digital technologies in the hotel industry: new prospects for sustainable development // *Socio-economic systems: paradigms for the future. Studies in systems, Decision and Control*, 2021, vol 314. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56433-9_41
7. How technology is changing the nature of service delivery // *Service Management* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.servicefutures.com> (дата обращения: 01.08.2021).
8. How hotels will need to adapt Duty of Care policies for the coronavirus pandemic // *Pegasus* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pegs.com> (дата обращения: 01.08.2021).
9. Hospitality Industry Trends // *EHL Insights* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hospitalityinsights.ehl.edu/> (дата обращения: 01.08.2021).
10. Amadeus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://amadeus.com/ru> (дата обращения: 01.08.2021).

References

1. Akimov O. V., Akopyan D. V., Andrianov R. I., etc. *Analysis of the socio-economic development of the Russian Federation for 2020: monograph in 2 parts*, under general editorship of P. V. Tereliansky, Moscow, Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, State University of Management, Research Institute “Managing the Digital Transformation of the Economy”, 2021, 299 p. (In Russian).
2. Veledinskii V. G. *Service activities: textbook*, Moscow, KnoRus, 2015, 208 p. (In Russian).
3. Zhukova M. A. Motivation management of tourist services consumer, *Vestnik universiteta*, 2019, no. 2, pp. 13–19 (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-2-13-19>
4. *Research on the development potential of international business and tourism: collective monograph*, Team of authors, editor-in-chief A. D. Chudnovskiy, Moscow, RUSAINS, 2019, 330 p. (In Russian).
5. Chudnovskiy A. D., Zhukova M. A., Zhukov V. A., Kormishova A. V., Maltseva M. V., Kolobkova V. A., Solntseva O. G., Romanov A. A., Frolova E. A., Tsabolova O. R., Zamyatina N. A., Zbarskaya A. V., Tsunaeva Yu. O., Ofitserova N. A., Nguen K. T., Guliev A. Yu., Korenko Yu. M., Lapshina N. V., Grishina I. A., Akopyan D. V., Pogorelko I. V., Murtazin R. M., Sмирнова А. И., Якимова Е. И., Кожухов И. С., Деденко К. А., Миленко К. И., Пляскина М. А., Гарейшина М. Р., Пасугинова М. С., Орлова Н. А., Маслова О. Е., Фролов С. А. *Transformation of tourist activity in the conditions of digital economy development: collective monograph*, Moscow, RUSAINS, 2021, 187 p. (In Russian).
6. Kolobkova V. A., Romanov A. A., Frolova E. A. Digital technologies in the hotel industry: new prospects for sustainable development, *Socio-economic Systems: Paradigms for the Future. Studies in Systems, Decision and Control*, 2021, vol. 314. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56433-9_41
7. How technology is changing the nature of service delivery, *Service Management*. Available at: <https://www.servicefutures.com> (accessed 01.08.2021).
8. How hotels will need to adapt Duty of Care policies for the coronavirus pandemic, *Pegasus*. Available at: <https://www.pegs.com> (accessed 01.08.2021).
9. Hospitality Industry Trends, *EHL Insights*. Available at: <https://hospitalityinsights.ehl.edu/> (accessed 01.08.2021).
10. *Amadeus.Com/Ru*. Available at: <https://amadeus.com/ru> (accessed 01.08.2021).

УДК 339

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-104-108

Шарипов Фанис Фалихович

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-0129-017X

e-mail: fanissh@rambler.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ КНР

Аннотация. Амбиции Китая в области атомной энергетики, подкрепленные серьезными финансовыми возможностями национальной экономики, и, как следствие, желанием расширить свои успехи в международном экономическом сотрудничестве и на атомную отрасль, привлекают внимание исследователей к более пристальному рассмотрению современного состояния и перспектив развития атомной отрасли КНР по существу, с учетом ее технологической составляющей. Невыполненный план развития атомной энергетики в 13-й пятилетке в результате системных ошибок и провалов в выбранных к реализации проектах, приводит к выводу о необходимости привлечения зарубежных лидеров в этой сфере, в том числе корпорации «Росатом», имеющей в своем портфеле практически все современные современные технические решения.

Ключевые слова: атомная энергетика, промышленность, международный рынок, реактор, АЭС, Китай, Росатом, пятилетка

Для цитирования: Шарипов Ф.Ф. Современное состояние и перспективы атомной энергетики КНР// Вестник университета. 2021. № 10. С. 104–108.

Fanis F. Sharipov

Cand. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-0129-017X

e-mail: fanissh@rambler.ru

THE CURRENT STATE AND PROSPECTS OF THE NUCLEAR POWER INDUSTRY OF CHINA

Abstract. China's nuclear energy ambitions, backed by the strong financial potential of the national economy, and the consequent desire to extend its successes in international economic cooperation to the nuclear industry have attracted the researchers' attention to a closer examination of the current state and nuclear industry prospects of China, taking into account its technological component. The unfulfilled development plan for nuclear power in the 13th Five-Year Plan, as a result of systemic mistakes and failures in the projects selected for implementation, leads to the conclusion that it is necessary to involve foreign leaders in this field, including "Rosatom" corporation, which has in its portfolio virtually verified modern technical solutions.

Keywords: nuclear power, industry, international market, reactor, nuclear power plant, China, Rosatom, five-year plan

For citation: Sharipov F.F. (2021) The current state and prospects of the nuclear power industry of China. Vestnik universiteta, no. 10, pp. 104–108. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-104-108

Введение

По данным доклада о развитии атомной энергетики КНР, представленного в апреле 2021 г. Агентством по атомной энергии КНР, на конец прошлого, 2020 г., в Китае в эксплуатации находилось 49 ядерных энергоблоков общей суммарной мощностью 49,88 гВт, что продемонстрировало невыполнение плана 13-й пятилетки по этому показателю, который предусматривал выход на мощность в 58 гВт. В плане текущей 14-й пятилетки (2021 – 2025 гг.) этот показатель определен в 70 гВт [1]. В общей генерации электроэнергии КНР источники генерации в 2020 г. выглядели следующим образом, в том числе атомная энергетика 4,94 % [2] (табл. 1).

© Шарипов Ф.Ф. 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Sharipov F.F., Dyakonova M.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Таблица 1

Источники генерации электроэнергии в КНР в 2020 г.

Источники генерации	Доля в общей генерации, %
Теплоэлектростанции (ТЭС)	71,18
Гидроэлектростанции (ГЭС)	6,37
Ветровые электростанции (ВЭС)	5,59
Атомные электростанции (АЭС)	4,94
Другие	1,92

Источник: [2]

Итоги развития атомной промышленности КНР

В связи с невыполнением плана за предыдущий период, атомная энергетика Китая вынуждена корректировать текущие задачи, не отменяя при этом стратегическую цель превращения Китая в «великую ядерную державу» [4]. К тому же независимые эксперты Всемирной ядерной ассоциации ставят под сомнение данные официальной китайской статистики за прошедший год относительно общего количества ядерных энергоблоков (49) и общей мощности (49,88 гВт). По сведениям экспертов, 47 ядерных энергоблоков находилось в эксплуатации на 31 декабря 2020 г. в КНР. В этом году запланирована сдача еще трех энергоблоков, с учетом которых суммарная мощность должна составить 48,5 гВт, что более чем на 10 гВт. расходится с официальной статистикой [1; 4].

Китайское руководство прикладывает серьезные усилия в области развития национальной ядерной энергетики, принимая решения в части планирования и управления отраслью. С 2016 г. по 2018 г. сменилось три руководителя Государственного агентства по атомной энергии КНР, причем перед назначением Чжана Кэцзяна в мае 2018 г. эта должность была вакантной в течение пяти месяцев. По оценкам экспертов, план развития атомной отрасли КНР был не выполнен в 2017 г. [3]. Не состоялся спланированный запуск французского реактора нового поколения EPR–1600, как было решено в 2014 г. К китайской энергетической системе не подключили два американских реактора третьего поколения AP–1000, на эти, например, технологии Китай сделал ставку в 2000-е гг. в плане развития национальной атомной промышленности.

Масштабные недочеты привели к завершению работ по серийному строительству отечественных реакторов третьего поколения, намеченных к завершению в 2016 г., что привело к срыву планов в развитии атомной энергетики КНР на тринадцатую пятилетку (2016 – 2020 гг.). В итоге в 2018 г. гарантированно заработал третий блок Тяньваньской АЭС с российским водо-водяным энергетическим ядерным реактором (ВВЭР – 1000), подключенный по факту к местной энергосистеме 30 декабря 2017 г. согласно условиям контракта с российским производителем.

Можно еще упомянуть состоявшийся пуск на АЭС Янцзян, энергоблок которого был построен по устаревшей французской технологии второго поколения на основе реактора ACPR–1000, который не планируется к использованию в следующих проектах на территории Китая. Обратим внимание на отсутствие прогресса в работе над проектом создания плавучих АЭС по типу российской станции «Академик Ломоносов». Причиной этого эксперты называют уход России от сотрудничества в этой области [5]. Здесь же можно отметить проблемы с реализацией планов по строительству атомного ледокольного флота КНР, где требуются так называемые «малые реакторы», ускорение разработки которых как задача определены в «Руководстве по развитию атомной энергетики КНР в 2018 г.» [6].

Для полноты картины в этой области необходимо упомянуть о проблемах с разработкой в КНР реакторов на быстрых нейтронах (реализация проекта была объявлена в уезде Сяпу провинции Фуцзянь в декабре 2017 г.). И опять основная причина, по мнению экспертов, в дистанцировании России от этого проекта [7]. При этом если китайские официальные информационные источники говорят о самостоятельной работе своих ученых в создании реакторов на быстрых нейтронах, экспертное сообщество определяет ключевую роль профильных

российских научно-исследовательских организаций, которые спроектировали, изготовили для Китая соответствующее оборудование, сопровождая поставку техническим консультированием китайских специалистов и изготовлением специального топлива для эксплуатации этого оборудования. Перечислим эти организации: НИЦ «Курчатовский институт», Научно-исследовательский и конструкторский институт энерготехники имени Н. А. Доллежалея, АО «ОКБМ Африкантов», АО ОКБ «ГИДРОПРЕСС» [8]. Поэтому Китай последовательно создает инфраструктуру заимствования иностранных технологий и привлечения иностранных специалистов в реализацию своих передовых инновационных проектов [9]. Можно прогнозировать стремление Китая в ближайшее время к развитию партнерства с Россией с целью получения необходимых «ноу-хау» для развития китайской атомной отрасли [3].

Из изложенного выше можно совершенно обоснованно сделать вывод, что, несмотря на первенство Китая по одновременному строительству на территории страны атомных энергоблоков, страна не является лидером в исследуемой отрасли.

Интересы атомной промышленности КНР на мировом рынке

Предлагаем продолжить исследование по данному вопросу, так как наблюдается попытка экспансии китайской атомной промышленности в другие страны, где пересекаются интересы России и Китая. Произошел запуск в эксплуатацию в Китае и почти одновременно в Пакистане первого китайского реактора третьего поколения «Хуалун–1» (HPR 1000) [10]. Конечно, в начале реализации проекта, в 2015 г., активно использовался опыт России и других мировых лидеров в этой области.

На сегодняшний день китайские средства массовой информации признают китайский энергоблок наиболее инновационным, экологичным, безопасным в эксплуатации и, наконец, наиболее экономически эффективным. В качестве примера говорится об интересе Аргентины в использовании в соответствующей государственной программе китайской ядерной технологии. При этом заключенный в 2017 г. контракт на строительство в Аргентине энергоблока на основе реактора «Хуалун–1» не реализуется, более того, в декабре 2018 г. заключен контракт с российской госкорпорацией «Росатом» на сооружение нескольких АЭС различной мощности и не только в Аргентине [11].

Интересны действия КНР по продвижению атомных проектов на территории Великобритании. Китайские средства массовой информации заявили о намерениях размещения уже упомянутого китайского атомного реактора «Хуалун–1» компании CGN на территории графства Сомерсет. Это заявление увязывается китайскими источниками с подтверждением в декабре 2020 г. соответствия китайской разработки требованиям European Utility Requirements. По данным Всемирной атомной ассоциации эта площадка запланирована для сооружения энергоблоков на основе французских реакторов EPR–1600. Китай участвует в этом проекте финансово в размере 1/3 инвестиций [12]. Если внимательно проработать полученную информацию, выяснится, что признание китайской разработки не является одобрением к использованию реактора в европейском проекте. В качестве примера приводится получение сертификатов признания российскими реакторами ВВЭР–1000 еще в 2007 г., опередив аналогичные французские (EPR–1600) и американские разработки (AP–1000) [13].

Китай становится заложником необходимости загрузки созданных мощностей национальной атомной промышленности, вынужден подключать все возможности продвижения своей продукции на международные рынки. Конечно, в первую очередь, идет работа с государствами, участвующими в реализации известной китайской инициативы «Один пояс – один путь», которым предлагается использование китайских атомных реакторов в реализации национальных атомных проектов как развитие энергетической инфраструктуры, обеспеченное китайским финансированием. Речь идет, в частности, о переговорах с ЮАР и Турцией о поставках китайских атомных реакторов [14]. Серьезное преимущество Китая в финансовой обеспеченности предлагаемых ею проектов в сфере атомной энергетики должно подкрепляться надежностью ядерных реакторов, на что обращают все заказчики внимание в первую очередь после аварии в Фукусиме.

Заключение

Необходимо отметить правильный эволюционный вариант развития атомной отрасли России. Представляет атомную промышленность нашей страны уважаемая во всем мире корпорация «Росатом», предлагающая проверенные на практике технические решения. Портфель заказов корпорации включает 35 атомных энергоблоков в разных странах на различной стадии реализации [15].

Библиографический список

1. Шарипов, Ф. Ф. О некоторых итогах и перспективах научно-технического развития КНР // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 44–51. <https://doi.org/10.24182/2073-6258-2021-20-3-44-51>
2. Строящиеся АЭС // Госкорпорация «Росатом» – официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rosatom.ru/production/design/stroyashchiesya-aes/> (дата обращения: 23.08.2021).
3. О публикации доклада о развитии атомной энергетики КНР // Агентство по атомной энергии КНР. – 2021. – 14 апреля [кит. яз.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.caesa.gov.cn> (дата обращения: 23.08.2021).
4. Развитие государственной ядерной энергетики в январе – декабре 2020 г. // Китайская ассоциация атомной энергетики. – 2021. – 21 января [кит. яз.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.china-nea.cn> (дата обращения: 23.08.2021).
5. О пуске в коммерческую эксплуатацию 6-го блока Тяньваньской АЭС // Агентство по атомной энергии КНР. – 2021. – 6 июня [кит. яз.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://caesa.gov.cn> (дата обращения: 23.08.2021).
6. Российская ПАЭС прибыла в Мурманск для загрузки ядерного топлива // Агентство по атомной энергии КНР. – 2018. – 25 мая [кит. яз.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.caesa.gov.cn> (дата обращения: 23.08.2021).
7. Руководящие указания по развитию атомной энергетики КНР в 2018 г. // Государственное энергетическое управление КНР. – 2018. – 7 марта [кит. яз.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nea.gov.cn> (дата обращения: 23.08.2021).
8. Китай возобновил испытания ядерного реактора на южном побережье // Телевизионная компания SET TV (Тайвань). – 2018. – 28 мая [кит. яз.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.settv.com.tw> (дата обращения: 23.08.2021).
9. Hibs, M. The Future of Nuclear Power in China // Carnegie Endowment for International Peace. – 2018. – May 18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/2018/05/14/future-of-nuclear-power-in-china-pub-76311> (дата обращения: 23.08.2021).
10. China agrees further Russian Fuel reloads for Fast Reactor // World Nuclear News. – 2017. – January 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/China-agrees-further-Russian-fuel-reloads-for-fast> (дата обращения: 23.08.2021).
11. Karachi Unit 2 inaugurated by Pakistan PM // World Nuclear News. – 2021. – May 21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Karachi-unit-2-inaugurated-by-Pakistan-PM> (дата обращения: 23.08.2021).
12. Nuclear Power in Argentina // World Nuclear Association. – 2021. – January 30 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/argentina.aspx> (дата обращения: 23.08.2021).
13. Hinkley Point C delayed Unit at least 2026 // World Nuclear News. – 2021. – January 27 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Hinkley-Point-C-delayed-until-at-least-2026> (дата обращения: 23.08.2021).
14. CGN's Hualong One Design certified for European Use // World Nuclear Association. – 2020. – November 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/CGNs-Hualong-One-design-certified-for-European-use> (дата обращения: 23.08.2021).
15. Zeng, Xin. Power of Chinese Innovation // China Daily. – 2021. – June 21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinadailyhk.com/article/224655> (дата обращения: 23.08.2021).

References

1. Sharipov F. F. Some of the results and prospects of the scientific and technological development of the PRC, *Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*, 2021, vol. 20, no. 4. pp. 44–51. (In Russian). <https://doi.org/10.24182/2073-6258-2021-20-3-44-51>
2. Nuclear Power Plants under Construction, *State Atomic Energy Corporation “Rosatom”, official website*, 2021, October 8. Available at: <https://www.rosatom.ru/production/design/stroyashchiesya-aes/> (accessed 23.08.2021).
3. On Publication of the PRC Atomic Energy Development Report, *PRC Atomic Energy Agency*, 2021, April 14. Available at: <http://www.caesa.gov.cn> (accessed 23.08.2021). (In Chinese).
4. Development of State Nuclear Power in January-December 2020, *China Atomic Energy Association*, 2021, January 21. Available at: <http://www.china-nea.cn> (accessed 23.08.2021). (In Chinese).
5. On Commissioning the 6th Block of Tianwan Nuclear Power Plant, *PRC Atomic Energy Agency*, 2021, June 6. Available at: <http://caesa.gov.cn> (accessed 23.08.2021). (In Chinese).
6. Russian portable NPP arrived in Murmansk to load nuclear fuel, *PRC Atomic Energy Agency*, 2018, May 25, Available at: <http://www.caesa.gov.cn> (accessed 23.08.2021). (In Chinese).

7. Guidelines for the development of nuclear power in China in 2018, *State Energy Authority of the People's Republic of China*, 2018, March 7. Available at: <http://www.nea.gov.cn> (accessed 23.08.2021). (In Chinese)
8. China resumed testing a nuclear reactor on the South Coast, *Television Broadcaster SET TV (Taiwan)*, 2018, May 28. Available at: <http://www.settv.com.tw> (accessed 23.08.2021). (In Chinese).
9. Hibs M. The future of nuclear power in China, *Carnegie Endowment for International Peace*, 2018, May 18. Available at: <https://carnegieendowment.org/2018/05/14/future-of-nuclear-power-in-china-pub-76311> (accessed 23.08.2021).
10. China agrees further Russian Fuel reloads for fast reactor, *World Nuclear News*, 2017, January 4. Available at: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/China-agrees-further-Russian-fuel-reloads-for-fast> (accessed 23.08.2021).
11. Karachi unit 2 inaugurated by Pakistan PM, *World Nuclear News*, 2021, May 21. Available at: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Karachi-unit-2-inaugurated-by-Pakistan-PM> (accessed 23.08.2021).
12. Nuclear power in Argentina, *World Nuclear Association*, 2021, January 30. Available at: <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/argentina.aspx> (accessed 23.08.2021).
13. Hinkley point C delayed unit at least 2026, *World Nuclear News*, 2021, January 27. Available at: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Hinkley-Point-C-delayed-until-at-least-2026> (accessed 23.08.2021).
14. CGN's Hualong One Design certified for European use, *World Nuclear Association*, 2020, November 12. Available at: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/CGNs-Hualong-One-design-certified-for-European-use> (accessed 23.08.2021).
15. Zheng Xin. Power of Chinese innovation, *China Daily*, 2021, June 21. Available at: <https://www.chinadailyhk.com/article/224655> (accessed 23.08.2021).

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 338 JEL G31

DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-109-113

Астафьева Ольга Евгеньевна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-3957-790X
e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ОСНОВЕ НОВОЙ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассмотрена новая форма организации экономической деятельности промышленных предприятий в условиях цифровых трансформаций в экономике. Проведенный анализ сетевого взаимодействия в кластерном и экономическом подходах позволил определить основополагающие принципы взаимодействия субъектов экономической деятельности и получаемые эффекты и «ценности». Предложенное автором платформенное образование, как организационно-экономическая форма деятельности, является составляющей цифровой экосистемы, представляющей собой пространственно-временную среду функционирования предприятий. Разработана схема оценки управления данными и процессами в такой экосистеме по предложенным автором метрическим характеристикам. Данная схема отражает производственно-логистическую цепь, формируемую в рамках интеграции участников в цифровую экосистему.

Ключевые слова: устойчивое развитие, предприятие, кластерный подход, экосистемный подход, масштабирование, кластеризация ресурсов, кодификация потоков, цифровая экосистема, производственно-логистическая цепь

Для цитирования: Астафьева О.Е. Устойчивое развитие промышленных предприятий на основе новой формы организации экономической деятельности // Вестник университета. 2021. № 10. С. 109–113.

Olga E. Astafyeva
Cand. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow,
Russian Federation
ORCID: 0000-0003-3957-790X
e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL ENTERPRISES IN THE BASIS OF A NEW FORM OF ECONOMIC ACTIVITY ORGANISATION

Abstract. This article examines a new form of economic activity organisation for industrial enterprises in the context of the digital transformation of the economy. The analysis of networking in the cluster and economic approaches has allowed us to identify the guiding principles of interaction between economic actors, and the resulting effects and “values”. The platform education proposed by the author as an organisational and economic activity form is the digital ecosystem component, which is a spatial and temporal environment for the functioning of enterprises. A scheme for assessing data and process management in this ecosystem has been developed using the metrics proposed by the author. This scheme reflects the production-logistics chain formed in the framework of the actors’ integration in the digital ecosystem.

Keywords: sustainable development, enterprise, cluster approach, ecosystem approach, scaling, resource clustering, stream codification, digital ecosystem, production and supply chain

For citation: Astafyeva O.E. (2021) Sustainable development of industrial enterprises in the basis of a new form of economic activity organisation. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 109–113. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-109-113

© Астафьева О.Е., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Astafyeva O.E., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Цифровизация экономики обусловила появление новых форм организации экономической деятельности, и если раньше существенный интерес был к кластерной форме, то по мере проникновения цифровизации в социально-экономические системы все большую популярность приобретают платформенные образования, как инструменты обеспечения устойчивого развития экономики предприятий и комплексов, и цифровые экосистемы как пространственно-временная среда [3; 4].

Экономическая сущность понятия «устойчивое развитие» заключается в интегрированном развитии экономической, социальной и экологической систем без ущерба для последующих поколений, заключающееся в удовлетворении потребностей общества и обеспечении развития каждого элемента систем, что позволяет определить основную идею концепции устойчивого развития как направленную на организацию взаимодействия и оценку взаимовлияния составляющих элементов указанных систем друг на друга, с выявлением инструментов обеспечения регулирования внутрисистемных и интеграционных процессов, их самооптимизации и адаптации к внешней среде. Однако появление цифровизации и вызванные ей трансформации требуют создания новых бизнес-моделей развития предприятий и изучения новых форм организации взаимодействия субъектов экономической деятельности в условиях цифровой экономики.

Анализ основных принципов взаимодействия субъектов экономической деятельности при цифровизации экономики

В цифровой экономике взаимодействия принято характеризовать как сетевые, осуществляемые в рамках платформенного образования, обладающей развитой инфраструктурой, неограниченной локализацией и возможностью распространять «ценности», и создавать эффекты.

Можно выделить следующие основные подходы сетевого взаимодействия: кластерный и экосистемный. Несмотря на то, что и в кластерный, и в экосистемный подходы заложены принципы сетевого взаимодействия, они обладают некоторыми различиями. В частности, кластерный подход основан на принципе взаимодополняемости и взаимосвязанности ресурсов, а в экосистемный заложен принцип единого информационного пространства, в котором расположена совокупность разных ресурсов (Big Data, информационно-коммуникационные технологии, знания и пр.), что позволяет получать «ценность» от сетевого взаимодействия, которую можно представить, как сетевой эффект.

Кластеризация промышленной деятельности является достаточно действенным механизмом повышения конкурентоспособности преимущественно региона или отрасли вследствие взаимодействий, регулируемых соглашением между субъектами хозяйственной деятельности, которые находятся на разных уровнях технологического цикла, что взаимодополняет хозяйственные процессы каждого из участников, например, продажу, распределение, производство и т. д. [7]. Создаваемая бизнес-среда в кластерных образованиях является локальной, ее свойства заключаются в выявлении новых возможностей по использованию ресурсов и созданию новых ресурсов, что в конечном итоге и будет являться фактором конкурентоспособности. Для кластерных образований характерна территориальная локализация, входящих в кластер предприятий, что позволяет им пользоваться ресурсами, локализованными на территории кластера.

Цифровые промышленные экосистемы формируются под задачи и цели, ради которых они создавались в рамках цифрового пространства, в котором осуществляется сетевое взаимодействие участников с учетом концептуальной архитектуры экосистемы и в которой управление структурами уходит от понятия иерархичности.

В рамках цифровой экосистемы осуществляется сетевое взаимодействие участников на базе платформы, являющейся ядром экосистемы, в чьей среде создается продукция или оказываются услуги с возможностью получения выгоды от взаимодействий между субъектами, что позволяет снизить операционные издержки предприятия, стоимость поставки продукции и оказания услуг, своевременно реагировать на изменение в структуре экономики, рационально распределять ресурсы в экосистеме, организовать процесс воспроизводства ресурсного потенциала и обеспечивать высокий уровень инновационной активности.

Цифровая экономика не только повышает информационно-коммуникационные возможности, но и позволяет создавать новые источники ценности в результате сетевых эффектов, создаваемых при сетевом взаимодействии и комплементации активов.

Особый интерес представляет возможность формирования в экосистеме взаимодействия субъектов экономической деятельности, которые автор предлагает осуществлять по принципу устойчивости и полезности, что особенно важно для промышленных предприятий, стремящихся к повышению конкурентоспособности и обеспечению устойчивости с учетом тенденций цифровой трансформации, что позволяет сформировать координационно-ценностное регулирование деятельности в дальнейшем.

В исследованиях Нейсбита, Тоффлера, Фукуямы отражены преимущества сетевых взаимодействий, заключающихся в эффекте масштаба, новых конкурентных преимуществах и возможности получения информации в режиме реального времени [6; 8; 9]. Кастельс, как основатель теории сетевого общества, считает, что сетевые взаимодействия субъектов экономической деятельности приведут к формированию экономики экосистем [2].

Соответственно, можно предположить, что платформенные образования станут новой организационно-экономической формой деятельности, требующей формирования цифровых экосистем, куда целесообразно включать предприятия из технологической (производственной) и логистической (распределительной) цепочек, которые можно охарактеризовать как производственно-логистические цепи, образованные в рамках интеграции субъектов экономической деятельности, включенных в процесс «выпуска» и «движения» готовой продукции.

Таким образом, представленное объединение можно обозначить как «сетевое территориально-пространственное», в котором пространство и время являются самоорганизующей средой, в которой пространству присуща неограниченная пространственная локализация, а временные границы отражают жизненный цикл экономического образования, ограничениями в котором будет мощность присущая цифровой платформе.

Новая форма организации экономической деятельности как инструмент обеспечения устойчивого развития

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» в качестве основных направлений для развития промышленности выделяет:

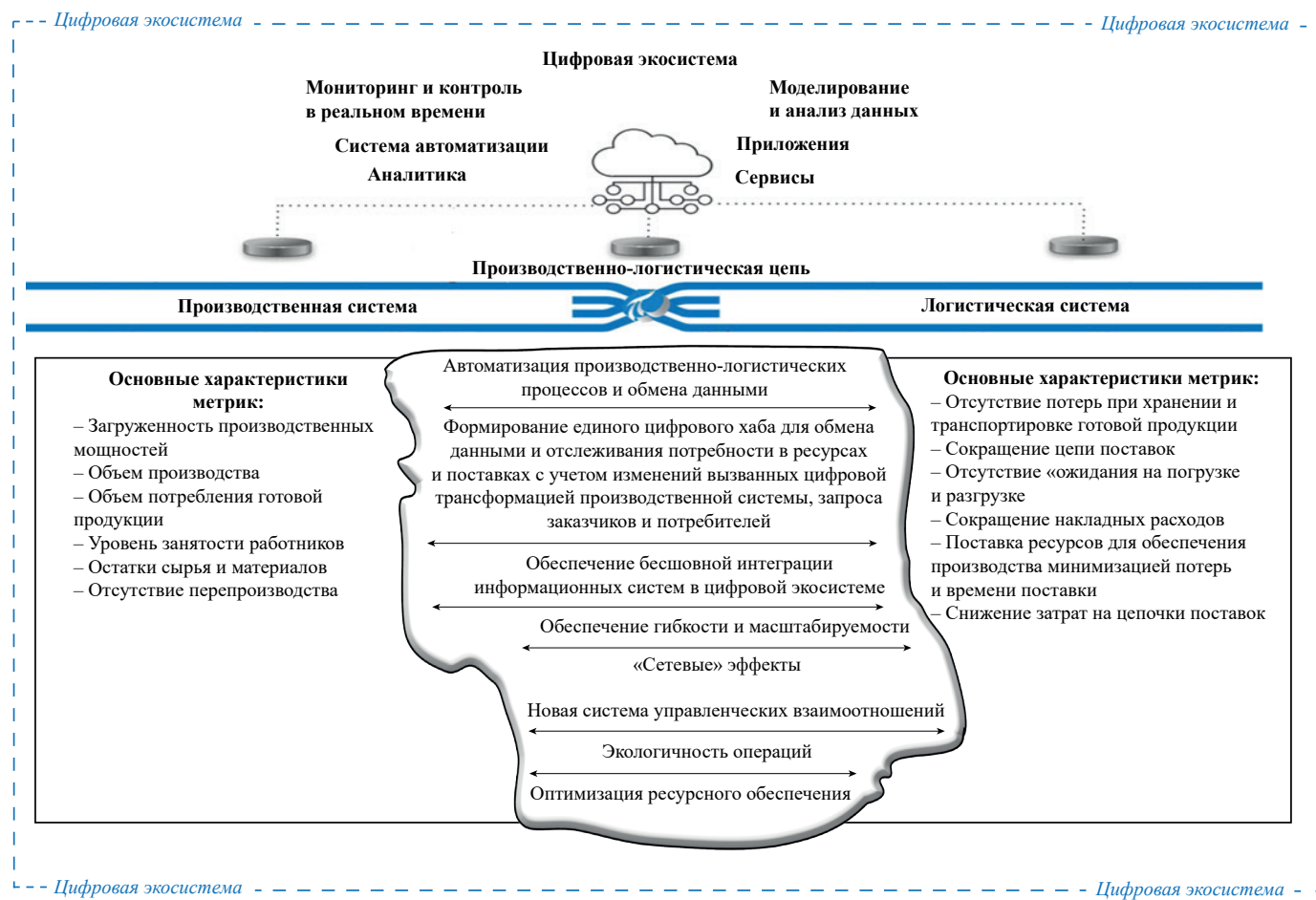
- технологическое лидерство;
- формирование активов за счет нового источника;
- масштабирование деятельности на основе новых форм взаимодействия;
- формирование партнерских отношений между участниками;
- разработку управленческих решений по управлению и распределению ресурсов с учетом цифровых трансформаций [1; 2].

Обеспечить реализацию представленных направлений развития можно на основе новой формы организации деятельности, одним из вариантов которой может стать цифровая экосистема производственно-логистической цепи (далее – ЦЭ ПЛЦ), предложенная автором, и в которой управление потоками данных и цифровую трансформацию экономической деятельности можно представить с помощью метрических характеристик производственной и логистической систем (рис.1).

К преимуществам ЦЭ ПЛЦ относятся:

- рациональная увязка логистических процессов в цепи поставок;
- учет распределения продукции в пространственно-временной среде;
- оптимизация оборота готовой продукции в результате анализа данных по всей цепочке (аналитика Big Data);
- снижение операционных издержек.

Предлагаемая форма взаимодействия субъектов экономической деятельности в едином информационном пространстве позволяет уменьшить трудоемкость и затраты по основным операциям, осуществлять более рациональное распределение продукции и формирования запасов с учетом производственной мощности и потребности. При этом ресурсный потенциал будет оказывать существенное влияние на возможность установления взаимозависимости ресурсов в экосистеме, что позволит поддержать их ценность при цифровых трансформациях бизнес-процессов и обеспечить устойчивость связей по всей производственно-логистической цепи.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Оценка управления данными и процессами в цифровой экосистеме производственно-логистической цепи (фрагмент)

Заключение

Представленная ЦЭ ПЛЦ, как новая организационно-экономическая форма организации деятельности, обладает рядом свойств, создающих ее ценность и новые источники формирования активов, из которых основными можно выделить комплементарность активов, сетевые эффекты, экономию на масштабе.

Сотрудничество участников цифровой экосистемы в рамках цифровой площадки позволяет обеспечить более качественный анализ данных, масштабировать бизнес, повысить эффективность взаимодействий и обеспечить устойчивое развитие вследствие оптимизации и настройки производственно-логистических процессов экосистемы.

Применительно к определению институциональных составляющих формирования экосистемы, выделим:

- формирование нормативной базы по правовому регулированию экосистем;
- определения роли сетевого взаимодействия в развитии экономики региона;
- формирование институциональной базы для определения схем взаимодействия государства и субъектов экономической деятельности.

Особо отметим способы и методы управления ресурсами и формирования ресурсного потенциала в рамках экосистемы, заключающиеся в кластеризации ресурсов и кодификации ресурсных потоков, что позволяет проводить своевременную идентификацию ресурсов в производственно-логистической цепи, регулировать сбалансированность и устойчивость функционирования социально-экономической системы.

Кластеризация ресурсов и кодификация потоков образуются в результате комплементации активов в технологии рационализации процессов управления ресурсам, что отражается на корректировке

производственной программы промышленного предприятия, осуществляемой в режиме реального времени и логистических операций, как части общего логистического процесса цифровой экосистемы.

Таким образом, цифровые экосистемы промышленности выступают пространственной временной средой, в которой увязаны производственные, логистические, распределительные процессы деятельности предприятий, а также инновационные процессы и инфраструктурные образования, способствующие обеспечению их длительного функционирования в результате обеспечения рационального оборота ресурсов и продуктов, что позволяет отслеживать распределение товарно-материальных ценностей, информационных ценностей, финансовых активов в рамках территориально-пространственного взаимодействия участников. Дополнительно в качестве особенностей пространственной временной среды отметим отсутствие четко выраженных территориальных границ, ареал которых изменяется при появлении новых участников экосистемы, а также некоторую неопределенность границ жизненных циклов.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 июля 2020 г., № 30, ст. 4884.
2. Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7) // Информационно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://base.garant.ru/72296050/> (дата обращения: 25.08.2021).
3. Астафьева, О. Е. Формирование механизма устойчивого развития угольной промышленности // Уголь. – 2021. – № 3 (1140). – С. 10–12. <http://dx.doi.org/10.18796/0041-5790-2021-3-10-13>
4. Астафьева, О. Е. Особенности формирования механизма устойчивого развития промышленности на основе эффективного использования ресурсов // Вестник университета. – 2020. – № 7. – С. 45–50. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-7-45-50>
5. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 р.
6. Нейсбит, Дж. Мегатренды / пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: АСТ, 2003. – 380 с.
7. Полянин, А. В., Проняева, Л. И., Федотенкова, О. А., Павлова, А. В. Тенденции и проблемы развития инновационных промышленных кластеров // Регион: системы, экономика, управление. – 2019. – № 4 (47). – С. 176–186. [https://doi.org/HYPERLINK "https://doi.org/10.22394/1997-4469-2019-47-4-176-186" "t "_blank" 10.22394/1997-4469-2019-47-4-176-186](https://doi.org/HYPERLINK \)
8. Тоффлер, Э. Шок будущего / пер. с англ. – М.: АСТ, 2002. – 557 с.
9. Фукуяма, Ё. Ф. Великий разрыв / пер. с англ. – М.: АСТ, 2004. – 474 с.

References

1. The Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020, No. 474 “On the national purposes of development of the Russian Federation for the period till 2030”, *Meeting of the legislation of the Russian Federation*, July 27, 2020, No. 30, Article 4884.
2. The passport of the national project of the national program “Digital economy of the Russian Federation” (approved. the minutes of the meeting of the Presidium of the presidential Council of the Russian Federation for strategic development and national projects of June 4, 2019 No. 7), *Legal reference system “Garant”*. Available at: <http://base.garant.ru/72296050/> / (accessed 25.08.2021).
3. Astafyeva O. E. Formation of the mechanism of sustainable development of the coal industry, *Ugol’ / Russian Coal Journal*, 2021, no. 3 (1140), pp. 10–12. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.18796/0041-5790-2021-3-10-13>
4. Astafyeva O. E. Features of forming a mechanism for sustainable industrial development based on efficient use of resources, *Vestnik universiteta*, 2020, no. 7, pp. 45–50. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-7-45-50>
5. Castells M. *The Internet Galaxy*, transl. from Eng. A. Matveev, ed. V. Kharitonov, Ekaterinburg, U-Faktoriya, 2004, 328 p. (In Russian).
6. Naisbitt J. *Megatrends*, transl. from Eng. M. B. Levin, Moscow, AST, 2003, 380 p. (In Russian).
7. Polyanin A. V., Pronyaeva L. I., Fedotenkova O. A., Pavlova A. V. Trends and problems of development of innovative industrial clusters, *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie*, 2019, no. 4 (47), pp. 176–186. [https://doi.org/HYPERLINK "https://doi.org/10.22394/1997-4469-2019-47-4-176-186" "t "_blank" 10.22394/1997-4469-2019-47-4-176-186](https://doi.org/HYPERLINK \)
8. Toffler A. *Future shock*, transl. from Eng., Moscow, AST, 2002, 557 p. (In Russian).
9. Fukuyama Y. F. *The great divide [The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order]*, transl. from Eng., Moscow, AST, 2004, 474 p. (In Russian).

УДК 338 JEL M40, 41

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-114-121

Ахмед Карван Салих Ахмед

аспирант, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-4842-5900**e-mail:** a.karvansalih@yandex.ru**Мусаелян Анжелика Капреловна**

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-9135-1089**e-mail:** anjelika-rsue@yandex.ru**Краснопахтич Марина Васильевна**

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-8830-2414**e-mail:** krasnoplakhtich@yandex.ru**Ahmed Karwan Salih Ahmed**

Postgraduate student, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: 0000-0002-4842-5900**e-mail:** a.karvansalih@yandex.ru**Anjelika K. Musaelyan**

Cand. Sci. (Econ.), Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: 0000-0002-9135-1089**e-mail:** anjelika-rsue@yandex.ru**Marina V. Krasnoplakhtich**

Cand. Sci. (Econ.), Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: 0000-0001-8830-2414**e-mail:** krasnoplakhtich@yandex.ru**СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В ИРАКЕ**

Аннотация. В статье рассмотрены наиболее актуальные вопросы влияния внешних и внутренних факторов на современное развитие бухгалтерского учета Ирака. Исторически система бухгалтерского учета Ирака формировалась в течение достаточно длительного времени под влиянием культурных традиций, религии, экономического развития и политических тенденций от древнейших времен до современности. Истоки ее начинаются еще с шумерского царства и до свержения режима С. Хусейна. В настоящее время изменились не только национальные приоритеты, но и мировые тенденции бухгалтерского учета. Формирующаяся параллельно с развитием Республики Ирак, современная система бухгалтерского учета не ориентирована на требования Международных стандартов финансовой отчетности. С целью определения современных детерминант развития национальной системы учета были проанализированы особенности сегодняшней модели, а также условия консолидации с международными стандартами. Определены основные направления гармонизации бухгалтерского учета Республики Ирак в направлении интеграции международных стандартов в национальную систему. Представлены основные этапы трансформации национальных стандартов с учетом международных.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, национальная система, международные стандарты, исламская система учета, гармонизация, интеграция, реформирование, адаптация бухгалтерской отчетности

Цитирование: Ахмед К.С.А., Мусаелян А.К., Краснопахтич М.В. Современные детерминанты трансформации национальной системы бухгалтерского учета в Ираке // Вестник университета. 2021. № 10. С. 114–121.

CURRENT DETERMINANTS OF THE NATIONAL ACCOUNTING SYSTEM TRANSFORMATION IN IRAQ

Abstract. The article examines the most relevant issues of the external and internal factors' influence on the accounting current development in Iraq. Historically, Iraq's accounting system has been shaped by cultural traditions, religion, economic development and political trends over a long period, from ancient times to the present. Its origins date back to the Sumerian kingdom and before the overthrow of the S. Hussein regime. At present, not only national priorities but also global accounting trends have changed. Being formed in parallel with the development of the Republic of Iraq, the current accounting system is not oriented towards the requirements of International Financial Reporting Standards. In order to identify the current determinants of the national accounting system development, the actual model features and the conditions for consolidation with international standards have been analysed. The main directions of accounting harmonisation in the Republic of Iraq towards the international standards integration into the national system have been identified. The main steps of the transformation of national standards to international standards have been presented.

Keywords: accounting, national system, international standards, Islamic accounting system, harmonisation, integration, reform, adapting accounting records

For citation: Ahmed K.C.A., Musaelyan A.K., Krasnoplakhtich M.V. (2021) Current determinants of the national accounting system transformation in Iraq, *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 114–121. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-114-121

Введение

Экономические процессы в Республике Ирак подвержены постоянным изменениям в зависимости от векторов политических и структурных преобразований в целях адаптации к внутренней и внешней среде. В этих условиях динамический характер приобретает и национальная методология бухгалтерского учета. Эти процессы проходят достаточно сложно, поскольку система бухгалтерского учета Республики Ирак

© Ахмед К.С.А., Мусаелян А.К., Краснопахтич М.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Ahmed K.C.A., Musaelyan A.K., Krasnoplakhtich M.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

формировалась достаточно долго и на протяжении почти тридцати лет практически не подвергалась изменениям. Исходя из этого возникает стойкое противоречие между динамическим характером внешней среды и статическим характером национальной системы бухгалтерского учета, вытекающее в сложность адаптационных процессов к международным стандартам и учетным системам. Особенностью национальной учетной системы Республики Ирак является ее сформированность на основе традиций исламской модели учета, которая основывается на принципах социальной справедливости, гарантии прав собственности, равенства. Обязательное условие также заключается в соблюдении норм и правил шариата, этики и систем управления, присущим исламским институтам.

Исламские бухгалтеры в направлении совершенствования системы национального учета должны учитывать не только экономические, но и неэкономические детерминанты современного развития теории и практики мирового бухгалтерского учета, методология которого развивается на основе институционального подхода в вопросах формирования методологии и методики. Специфичность факторов, влияющих на развитие национальной системы бухгалтерского учета Республики Ирак, объясняет затягивание процессов перехода к системе Международных стандартов финансовой отчетности (англ. International Financial Reporting Standards, далее – IFRS, МСФО) или Международных стандартов бухгалтерского учета (англ. International Accounting Standards, далее – IAS) и полного ее признания.

Национальная экономика в любой стране играет определяющую роль в формировании системы бухгалтерского учета и Ирак в этом плане не исключение. Современная экономика страны является развивающейся. Бюджет формируется с 40 %-ным дефицитом. Из запланированных 150 млрд динаров дохода бюджета Ирака дефицит составляет 63 трлн динаров. Формирование этих параметров бюджета происходило исходя из цены 42 долл. США за баррель и размера экспорта в 3,25 млн баррелей [4]. В декабре 2020 г. Центробанком республики Ирак была объявлена 20 %-ная девальвация к доллару.

Для развивающейся экономики ситуация дефицита и нехватки наличных денег, сложившаяся на сегодняшний день в Ираке, является характерной. Однако для Ирака характерно поддержание национальной валюты и социальная направленность экономики, которая, к примеру, отражается в сдерживании цен на продукты питания и товары первой необходимости.

Несмотря на наличие ежегодного дефицита, в Ираке не формируют антикризисных государственных программ, не формируется резервный фонд и не предусмотрена система планирования на государственном уровне. В сложившейся экономической ситуации работа бухгалтерских служб в республике Ирак осуществляется под влиянием факторов неопределенности, обусловленных постоянно меняющимися условиями.

Литературный обзор

Сейчас многие иракские авторы уделяют повышенное внимание изучению процессов перехода на МСФО национальной системы бухгалтерского учета.

С. Каддрури рассматривает вопросы влияния международных стандартов на реформирование национальной системы бухгалтерского учета Ирака, а также необходимости и направлений обновления единой системы бухучета и внедрения единой учетной политики [7; 8]. Изучению международного бухгалтерского учета и сущности международных стандартов посвятили свои труды Х. Х. Мамун, М. Х. Хусейн, Х. ван Грюнинг и др. [1; 9; 11]. Формирование стратегии согласования национальных и арабских стандартов с МСФО нашли свое отражение в работах Ш. Т. Мухаммада, А. М. Сваилем [10]. Среди российских авторов анализ международных стандартов бухгалтерского учета и возможности их применения в экономике Республики Ирак проводили И. А. Кунина, Е. А. Кунина, А.О. Khudhair, М. Т. Шеаа, А. К. Аль-Маслави, А. С. Нассер, Т. П. Карпова, М. А. Осипов, О. Л. Островская, А. Д. Аль-Обаиди, А. Т. Алла и др. Исходя из обширного интереса российских и зарубежных авторов к вопросам гармонизации бухгалтерского учета Ирака и интеграции его в международное пространство, можно сделать вывод, что тема перехода на МСФО для национальной системы страны достаточно актуальна.

Теория и методы

Сложившиеся условия развития бухгалтерского учета в Ираке требует переосмысления принципов и за-

дач в направлении внедрения новых методов учета, которые будут соответствовать новой институциональной системе экономики. Главными принципами в сложившихся условиях должны быть открытость и прозрачность системы бухгалтерского учета. Сегодня бухгалтерская отчетность в Республике Ирак не дает исчерпывающей информации для принятия эффективных управленческих решений. Сама бухгалтерская отчетность также не соответствует требованиям внутренних пользователей по срокам формирования и информационной полноте.

Институциональный подход к гармонизации бухгалтерского учета является наиболее обоснованным в сложившихся условиях. Само понятие «институт» имеет разные трактовки. Наиболее четко отражает данное понятие Д. Норт, который понимал под институтом «...свод правил поведения индивидуумов в интересах максимизации богатства». Правила в свою очередь представляют собой, по его мнению, «разработанные формальные (конституции, кодексы, законы) и неформальные (договоры, добровольно принятые правила поведения) ограничения» [3].

Бухгалтерский учет основан на формальных ограничениях. Однако, следует отметить, что бухгалтерский учет не должен восприниматься исключительно с практической точки зрения в отрыве от других общественных наук.

Обзор публикаций по сущности бухгалтерского учета в Республике Ирак показал, что Единая система бухгалтерского учета, сформированная в стране, во многом отличается от стандартов МСФО. Препятствия перехода на международные стандарты, с другой стороны, могут представлять возможности перехода на новый качественный уровень развития учета.

Учитывая специфику экономики Ирака, необходимо признать необходимость перехода на МСФО, поскольку в стране значительный объем операций производится на международных биржах, с участием международных нефтяных компаний. Поэтому, несмотря на сложность переходного процесса в настоящее время, характеризующееся застоем, периодом спада темпов экономического роста не только в Республике Ирак, но и в мире в целом, вызванными как влиянием пандемии COVID-19, так и осуществляемой геополитикой в целом, приходит осознание необходимости представления бухгалтерской информации заинтересованным пользователям с учетом требований международных стандартов финансовой отчетности.

Результаты

Современные авторы рассматривают страны третьего мира в основном отдельной группой, в которой бухгалтерский учет строится в основном на принципах реализации традиционной исламской модели, которая объединяет эти страны методологически. Однако труды многих авторов в последние три-четыре десятилетия отличаются новаторством подхода к исследованию исламской модели в этих странах [1; 5–9; 11]. В этой связи можно отметить исследования Энтховена. Начиная с публикаций в 1977 г., автор отнес упомянутую группу стран к «Экономике третьего мира», однако в дальнейших исследованиях автор разделяет страны Африки и Азии [3]. Таким образом, выделяются две группы не на основе глубоких ключевых отличий в форме ведения бухгалтерского учета и предоставления бухгалтерской отчетности, а больше из-за географического положения. В последних своих работах Эгтховен возвращается к рассмотрению учетной методологии стран третьего мира в качестве целостной группы.

В мировом масштабе Эгтховен кроме исламской модели выделяет пять основных исторических зон влияния: коммунистическую (СССР и страны Восточной Европы), американскую, романо-германскую (немецко-нидерландскую), западно-европейскую (франко-испано-португальскую) и британскую.

В основу разделения учетных систем по основным историческим зонам влияния Эгтховен положил так называемое колониальное прошлое и/или колониальное родство. По его мнению, формирование, обработка и представление информации заинтересованным пользователям зависят, в первую очередь, от исторических предпосылок и правил, сформированных под влиянием особенностей менталитета и ведения хозяйственной деятельности.

Однако современные процессы глобализации и интеграции экономики в целом, а также учетных систем в частности, способствуют размыванию границ между системами бухгалтерского учета, и, кроме того, приводят к необходимости следования международным принципам бухгалтерского учета. Самобытность и закрытость системы бухгалтерского учета сохранить в первоначальном смысле невозможно.

Прежде чем рассматривать направления реформирования бухгалтерского учета и формирования бухгалтерской отчетности Республики Ирак в направлении соблюдения принципов МСФО, нужно учесть, что они складываются из трех составляющих: IFRS, IAS и разъяснений Комитета по разъяснениям международной финан-

совой отчетности (IFRIC) [12]. Стандартизация бухгалтерского учета согласно принципам и правилам МСФО затрудняется, прежде всего, национальными особенностями теоретической и практических составляющих бухгалтерского учета Ирака. Основной порядок и условия стандартизации учета в Ираке формируется Федеральным Советом высшего органа финансового контроля [7]. На первом этапе унификации подлежит терминологический учетный аппарат на теоретическом и практическом уровнях ведения учета и формирования отчетности. При этом учитываются расхождения с МСФО организаций любой формы собственности: государственной, частной и смешанной.

Формирование терминологического аппарата в бухгалтерском учете Ирака осуществлялось исходя из национальных особенностей и колорита. Так, вместо термина «выручка» в национальной системе Ирака используется термин «ресурсы». В переводе с французского он означает не конечный результат, а «поддающуюся количественному измерению возможность» его получения, тогда как выручка – это доход, полученный в результате реализации продукции.

Очевидны различия и в обозначении отчетности. Если в терминологии МСФО отчет представляет собой документ, в котором представлена определенным образом объединенная информация, то в национальной системе бухгалтерского учета Ирака подобное понятие отсутствует и вместо него используется термин «счет», который в переводе означает учетную запись с уникальным номером. Как такового термина, означающего объединенную информацию по состоянию имущества или обязательств организации в конкретном документе нет. Разрозненные «счета» не могут дать полноценной информации.

По термину «использовано», означающему «употребление ресурсов с целью получения выгоды» можно также сделать вывод, что в национальной системе отсутствует видовая классификация затрат, характерная для МСФО, поскольку не все, что использовано, может быть отнесено к затратам и представлять собой расходы.

Есть в национальной системе бухгалтерского учета уникальные термины, которые не используются МСФО. Например, «проекты в стадии реализации».

Следует отметить не только разницу между национальными и международными стандартами в терминологии, но и в смысловом содержании. Терминологический аппарат международных стандартов точнее отражает суть экономических понятий, кроме того более понятен для пользователей бухгалтерской информации как на международном уровне, так и на уровне иракской национальной системы.

Несоответствие терминологического аппарата национальной системы бухгалтерского учета Ирака с международными стандартами приводит к разночтению информации, отраженной в бухгалтерской отчетности. Поэтому на первом этапе реформирования национальной системы бухгалтерского учета Республики Ирак целесообразно толкование профессиональных терминов на основе международных стандартов при отражении хозяйственных операций на счетах бухгалтерского учета, предусмотренных национальным Планом счетов.

Единообразие терминологии может стать основанием для создания системы прослеживания состава и сравнительного анализа отраженной в отчетности информации предприятиями и организациями разных форм собственности (государственных, частных и со смешанной формой собственности). Процесс перехода – не простой и длительный. Он потребует нескольких последовательных этапов. Интересен в этом плане опыт России. Начиная с подготовительного этапа, все хозяйствующие субъекты должны быть вовлечены в этот процесс, поскольку трансформация будет происходить не только в отражении фактов хозяйственной жизни по счетам бухгалтерского учета, но и непосредственно в бизнес-процессах.

Для более безболезненного перехода национальной системы Ирака на стандарты МСФО будет более интересен опыт не России, а стран – экспортеров нефти с высоким уровнем дохода, поскольку их система учета более сходна с системой Республики Ирак, так как относится к исламской системе учета [8].

Переход на международные стандарты имеет свои особенности в каждой стране. Некоторые страны адаптируют национальные стандарты под требования МСФО. Это, в основном, развитые страны, к которым можно отнести США и большинство европейских стран: Францию, Великобританию, Швейцарию, Нидерланды и др.

К группе стран, в которых МСФО используют в качестве национальных стандартов, можно отнести Кипр, Пакистан, Латвию, Грузию, Малайзию и т. д. Среди стран, которые на основе МСФО разрабатывают национальные стандарты, следует выделить Россию, Китай, Сингапур и др.

Степень ориентации на стандарты МСФО у стран разнится в зависимости от следующих факторов:

- уровня регулирования вопросов бухгалтерского учета со стороны правительства, а также заинтере-

сованности бухгалтерского сообщества в нормативно-правовом регулировании учетных процессов;

- уровня владения системой бухгалтерского учета представителями бизнес-структур;
- спецификой реакции на контрольные мероприятия в сфере правильности ведения бухгалтерского учета и полноты предоставления информации в отчетных формах документов;
- уровнем одобрения использования МСФО сообществом практикующих бухгалтеров с практической точки зрения.

Следовательно, для реформирования национальной системы бухгалтерского учета Ирака актуальны два направления: адаптация национальных стандартов под требования МСФО и разработка новых национальных стандартов на основе МСФО.

Российский бухгалтерский учет прошел достаточно успешно стадию интегрирования международных стандартов. теперь информация, отраженная в бухгалтерской отчетности, доступна для заинтересованных пользователей не только в России, но и за рубежом. При разработке национальных стандартов Республики Ирак за основу были взяты российские стандарты по бухгалтерскому учету, следовательно, российский опыт внедрения МСФО может быть использован при реформировании бухгалтерского учета в Ираке. При переходе на международные стандарты необходимо также учитывать не только экономические факторы, под влиянием которых происходило становление национальных стандартов, но и культурные, религиозные, исторические и социальные факторы, нормативно-правовые профессиональные и другие.

Некоторые шаги по внедрению международных стандартов в национальной системе бухгалтерского учета Республики Ирак уже сделаны. Так, нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия в Ираке составляют свою отчетность на основе стандартов по бухгалтерскому учету US GAAP (англ. Generally Accepted Accounting Principles, применительно к США) [5]. Это национальные стандарты США, однако их методологией составления финансовой отчетности пользуются все страны при выходе на международный рынок. Многими специалистами в США национальные стандарты являются более удобными из-за их аналитичности. Одним из основных противоречий между US GAAP и IFRS считается netting/offsetting представление в бухгалтерской отчетности финансовых инструментов, тем не менее, США также рассматривают возможность гармонизации национальных стандартов с международными, для чего вырабатываются основные схемы адаптации [11].

При всей сложности US GAAP для использования в бухгалтерском учете Республики Ирак, эти стандарты поясняются дополнительными нормативными документами, что облегчает их понимание заинтересованными пользователями.

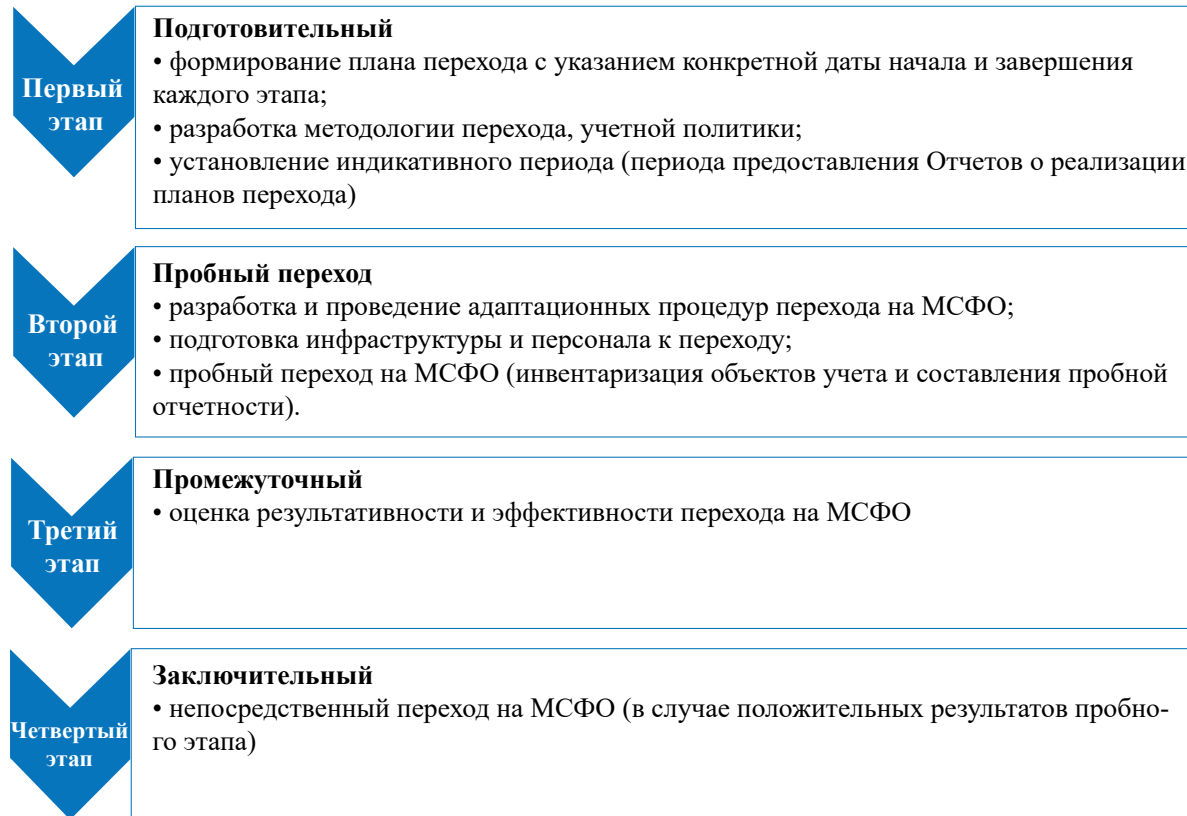
Исходя из изложенного выше, можно заключить, что в некоторых существенных моментах содержание национальных стандартов бухгалтерского учета в Республике Ирак может быть признано достаточно приближенным к международным стандартам. Поэтому нельзя исключить возможность использования части второй МСФО в учетной практике Республики Ирак.

Гармоничный переход к МСФО должен проходить в несколько взаимосвязанных этапов с учетом всех специфических особенностей национальной системы бухгалтерского учета Республики Ирак (рис. 1).

Первый подготовительный этап предусматривает в основном организационные моменты, такие как определение периодов и дат их начала и завершения для каждого этапа работ, методическое обеспечение перехода, состав, определение периода составления и даты представления отчета о реализации плана перехода. Руководствуясь положительным опытом стран, осуществивших успешный переход на МСФО, оптимальный срок этого этапа составляет два года. Необходимо также сформировать регулирующий орган, в функции которого будет входить и контроль за соблюдением сроков реализации плана перехода. Таким органом может быть Комитет по разъяснениям МСФО. В его обязанности входит формирование и публичное представление стандартов, которые должны быть разделены на две группы: новые стандарты, сформированные на основе принципов МСФО и национальных стандартов, подлежащих адаптации в соответствии с международными стандартами [10]. В соответствии с представленными стандартами организации должны внести к определенному сроку изменения в свою учетную политику.

Второй и третий этапы взаимосвязаны, поскольку последующий вытекает из предыдущего. Изменение учетной политики организации должно завершиться полной инвентаризацией имущества с целью составления отчетности по итогам каждого периода реализации новых стандартов.

В случае положительной оценки пробного перехода национального бухгалтерского учета Ирака на МСФО, следует внести корректировки с учетом выявленных ошибок и произвести окончательный переход на международные стандарты.

Составлено автором по материалам исследований

Рис. 1. Схема перехода к международным стандартам формирования отчетности в Республике Ирак

Заключение

Как и другие страны, Ирак заинтересован в привлечении иностранных инвестиций в свою экономику. В свою очередь, иностранные инвесторы заинтересованы в получении объективной информации о своих инвестициях, отраженных в бухгалтерской отчетности. Предоставить весь спектр необходимой информации заинтересованным пользователям может бухгалтерская отчетность, понятная не только национальным инвесторам, но и зарубежным. Гармонизация национальных стандартов с учетом принципов системы международных стандартов финансовой отчетности наиболее оправдана, поскольку бухгалтерская отчетность, составленная по стандартам и правилам страны для иностранных и инвесторов не понятна, более того, отчетность не сопоставима с международной во многих существенных моментах. Это же касается и организаций Ирака, имеющих дочерние подразделения или представительства за рубежом. Исходя из этого, перспективным направлением развития национальной системы бухгалтерского учета Ирака является гармонизация в направлении интеграции национальных стандартов финансовой отчетности с международными.

Библиографический список

1. Грюнинг, Х. Международные стандарты финансовой отчетности / пер. с англ. В. С. Васильев, Т. В. Сажнева, С. И. Пучкова, П. А. Вериги и др. – 3-е изд., обновл. и переработ. – Москва: Весь Мир, 2006. – 344 с.
2. Гульбина, Н. И. Теория институциональных изменений Д. Норта // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 283. – С. 123–128.

3. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с
4. Правительство Ирака утвердило бюджет с дефицитом более 40 % // Новостной сайт о событиях в курдском регионе [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://kurdistan.ru/2020/12/news-40970_Pravitelstvo_Iraka_utverdilo_byudzhets_deficitom_bolee_40.html (дата обращения: 30.08.2021).
5. Аль-Шуджай, М. М. Единая система бухгалтерского учета в свете стандартов бухгалтерского учета. – Мансура: Библиотека Аль-Асрия, 2021. – 245 с. [на араб. яз.].
6. Амин, А. Л. Подготовка и представление финансовой отчетности в свете стандартов бухгалтерского учета. – Египет: Дар Джамеа, 2020. – 116 с. [на араб. яз.].
7. Каддури, С. Международные стандарты бухгалтерского учета и их влияние на реформирование системы бухгалтерского учета в экономике Ирака // Сеть иракских экономистов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bit.ly/3FmII8q> (дата обращения: 11.08.2021). [на араб. яз.].
8. Каддури, С. Обновление единой системы бухгалтерского учета в поддержку внедрения единой учетной политики в иракской экономике // Сеть иракских экономистов. – Режим доступа: <https://bit.ly/3FyJkaT> (дата обращения: 15.08.2021). [на араб. яз.].
9. Мамун, Х. Х. Международный бухгалтерский учет и его стандарты. – Амман: Дом культуры для публикации и распространения, первое издание, 2018. – 74 с. (на араб. яз.).
10. Мухаммад Т. Ш., Сваилем, А. М. Стратегия согласования национальных и арабских стандартов с глобализацией международных стандартов бухгалтерского учета. – Египет: Загазиг, 2015. – 191 с. (на араб. яз.).
11. Хусейн, М. Х. Международные стандарты бухгалтерского учета, роли бухгалтеров и аудиторов в принятии управленческих решений и разработке ресурсов. Каир, Шарджа: Арабская организация административного развития, 2016. – 98 с. [на араб. яз.].
12. Бухгалтерский учет и аудит. Единая система учета: национальные стандарты бухгалтерской отчетности // Официальный сайт Федерального управления финансового надзора Республики Ирак [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fbsa.gov.iq/ar/wiki/view/local-standard> (дата обращения: 05.08.2021). [на араб. яз.].

References

1. Greuning H. van. *International financial reporting standards*, translated from English by V. S. Vasiliev, T. V. Sazhneva, S. I. Puchkova, P. A. Verigo, et al 3-d edition updated and revised, Moscow, Ves' Mir, 2006, 344 p. (In Russian)..
2. Gulbina N. I. D. Norths theory of institutional changes, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University journal]*, 2004, no. 283, pp. 123–128. (In Russian).
3. North D. *Institutions, institutional changes and the functioning of the economy*, Moscow, Foundation of the Economic Book “Beginnings”, 1997, 180 p. (In Russian).
4. The Government of Iraq has approved a budget with a deficit of more than 40 %. *A news site about events in the Kurdish region*. Available at: https://kurdistan.ru/2020/12/23/news-40970_Pravitelstvo_Iraka_utverdilo_byudzhets_deficitom_bolee_40.html (accessed 30.08.2021). (In Russian).
5. Al-Shujay M. M. *Unified accounting system in the light of accounting standards*, Mansura, Al-Asriyah Library, 2021, 245 p. (In Arabic).
6. Amin A. L. *Preparation and presentation of financial statements in the light of accounting standards*, Egypt, Dar Jamea, 2020, 116 p. (In Arabic).
7. Kadduri S. International Accounting standards and their impact on the reform of the accounting system in the economy of Iraq, *A network of Iraqi economists*. Available at: <http://iraqieconomists.net/ar> (accessed: 11.08.2021). (In Arabic).
8. Kadduri S. Updating the unified Accounting system in Support of the introduction of a unified accounting policy in the Iraqi economy, *A network of Iraqi economists*. Available at: <http://iraqieconomists.net/ar/2015/04/25> (accessed 15.08.2021). (In Arabic).
9. Mamun H. H. *International accounting and its standards*, Amman, House of Culture for Publication and Distribution, first edition, 2018, 74 p. (In Arabic).
10. Muhammad T. S., Swailem A. M. *Strategy of harmonization of national and Arab standards with the globalization of international accounting standards*, Zagazig, Egypt, 2015, 191 p. (In Arabic).

11. Hussein M. H. *International Accounting standards, the role of accountants and auditors in management decision-making and resource development*, Cairo, Sharjah, Arab Organization for Administrative Development, 2016, 98 p. (In Arabic).
12. Accounting and auditing. Unified Accounting System: National Accounting Standards, *Official website of the Federal Financial Supervision Authority of the Republic of Iraq*. Available at: <https://www.fbsa.gov.iq/ar/wiki/view/local-standard> (accessed 05.08.2021). (In Arabic).

УДК 338.2 JEL R1

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-122-132

Вертакова Юлия Владимировна

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова», г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-1685-2625**Researcher ID:** N-9934-2015**e-mail:** vertakova7@yandex.ru**Лю Ян**

аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-4375-350X**e-mail:** ly776124534@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СНИЖЕНИЮ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ: ОПЫТ КИТАЯ

Аннотация. В статье рассмотрен процесс перехода стратегии несбалансированного регионального развития к стратегии скоординированного регионального развития Китая. Проанализирован ряд национальных стратегий и стратегических планирований регионального развития, направленных на снижение межрегиональной дифференциации. Цель работы – комплексное исследование на примере опыта Китая по реализации стратегического планирования для снижения межрегиональной экономической дифференциации. Используя методологию системного и стратегического анализа, авторы проанализировали основные направления национального стратегического планирования регионов по снижению межрегиональной экономической дифференциации в Китае. Были выявлены их преимущества и недостатки, разработаны рекомендации по совершенствованию подходов к снижению межрегиональной экономической дифференциации. Национальное стратегическое планирование развития регионов является важным инструментом региональной политики по снижению межрегиональной экономической дифференциации. Необходима концентрация усилий на обеспечении согласованности центрального правительства и местных органов власти, координации разных направлений планирования и их системности, разработке рыночного механизма.

Ключевые слова: стратегическое управление, планирование, регион, трансформация, межрегиональная экономическая дифференциация, региональное управление, региональная политика, сбалансированное развитие

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-2702.2020.6 «Концептуальные основы новой парадигмы экономического развития в эпоху технологической и социальной трансформации».

Цитирование: Вертакова Ю.В., Лю Я. Стратегический подход к снижению межрегиональной экономической дифференциации: опыт Китая // Вестник университета. 2021. № 10. С. 122–132.

Yulia V. Vertakova

Doctor of Economics, Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov, Voronezh, Russia

ORCID: 0000-0002-1685-2625**Researcher ID:** N-9934-2015**e-mail:** vertakova7@yandex.ru**Yai Liu**

Postgraduate student, Southwest State University, Kursk, Russia

ORCID: 0000-0002-4375-350X**e-mail:** ly776124534@gmail.com

A STRATEGIC APPROACH TO REDUCING INTER-REGIONAL ECONOMIC DIFFERENTIATION: CHINA'S EXPERIENCE

Abstract. This article examines the transition process from a strategy of unbalanced regional development to a strategy of coordinated regional development in China. A number of national strategies and strategic plans for regional development aimed at reducing inter-regional differentiation have been analysed. The paper aims to provide a comprehensive case study of China's experience in implementing strategic planning to reduce inter-regional economic differentiation. Using the methodology of systems and strategic analysis, the authors analysed the main directions of national strategic regional planning to reduce inter-regional economic differentiation in China. The advantages and disadvantages of approaches to reducing inter-regional economic differentiation have been identified and recommendations for their improvement have been developed. National strategic planning for regional development is an important tool of regional policy to reduce inter-regional economic differentiation. It is necessary to concentrate efforts on ensuring consistency between the central government and local authorities, coordinating different areas of planning and their consistency, and developing a market mechanism.

Keywords: strategic management, planning, region, transformation, inter-regional economic differentiation, regional management, regional policy, balanced development

Acknowledgements. The research was supported by the grant of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation No. NSh-2702.2020.6 "Conceptual foundations of a new paradigm of economic development in an era of technological and social transformation".

For citation: Vertakova Yu.V., Liu Y. A strategic approach to reducing inter-regional economic differentiation: China's experience. *Vestnik universiteta*, 2021, no. 10, pp. 122–132. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-122-132

© Вертакова Ю.В., Лю Я., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Vertakova Yu.V., Liu Y., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Межрегиональную экономическую дифференциацию можно понимать, как межрегиональные различия общих уровней экономического развития и уровня жизни населения между регионами. Она является обязательным компонентом социально-экономических систем в любом государстве [5]. Сегодня проблема неравномерности развития регионов существует как в России, так и в Китае. Наличие определенных различий в экономическом развитии регионов имеет положительное значение. Однако, как только эта разница достигает существенных значений, это вызывает серьезные проблемы. Анализ мирового опыта показал, что по мере роста уровней дифференциации регионального экономического развития, появляется ряд негативных тенденций. В связи с этим актуальность исследования межрегиональной дифференциации экономического развития и разработки эффективной региональной политики не вызывает сомнений [1; 2]. Одним из главных инструментов государственной региональной политики является национальное стратегическое планирование [3; 7; 13].

Китай, как и Россия, – страна с огромной территорией, в которой существуют большие различия в региональных условиях. Асимметрия развития регионов является серьезной проблемой, с которой сталкивается Китай при управлении региональным развитием. Одна из ключевых особенностей управления региональным развитием Китая – ориентация на выполнение национальной стратегии и планирование развития регионов [4]. Чтобы сократить разрыв в региональном развитии и способствовать скоординированному развитию регионов, Китай разработал ряд национальных стратегий после «Девятого пятилетнего плана» и добился некоторых положительных результатов. В последние годы региональная экономика Китая вступила в период наилучшего развития, что во многом обусловлено решительной реализацией стратегии регионального развития и политики. Конкретно говоря, это постоянное углубление, детализация и актуализация стратегий регионального развития [11].

Изучение опыта реализации национального стратегического планирования по снижению дифференциации развития регионов Китая предоставляет возможности определить более эффективный стратегический подход для борьбы с неравномерными тенденциями пространственного развития, опираясь на историческую ретроспективу внутренней региональной динамики Китая.

Материалы и методы

Исследование базируется на анализе официальных документов стратегического планирования и развития регионов Китая, а также ряде работ на русском и китайском языках, посвященных исследованию межрегиональной дифференциации регионов, национальных стратегий развития регионов Китая. В статье использованы системный, сравнительно-исторический, статистический, ретроспективный методы, а также методология системного и стратегического анализа.

Результаты исследования

Китай – развивающаяся страна с относительно большими региональными различиями. Сегодня системы стратегического планирования и региональной политики Китая направлены на развитие четырех базовых регионов (Восточный Китай, Западный Китай, Северо-Восточный Китай и Центральный Китай), и наиболее серьезным региональным разрывом является разрыв между Востоком и Западом. В связи с этим нами были проанализированы национальные стратегии, способствующие снижению асимметрии развития между этими четырьмя зонами.

Столкнувшись с реальностью растущего экономического разрыва между центральными и западными регионами и восточными прибрежными районами в 1990-х гг. в период «Девятой пятилетки» (1996–2000 гг.), центральное правительство четко выдвинуло идею содействия скоординированному развитию экономик регионов и уменьшения асимметрии регионального развития. Китай начал сознательно и активно поддерживать развитие центральных и западных регионов, осуществлял ряд национальных стратегий, стратегических планов и программ, способствующих сокращению регионального разрыва, и настаивал на скоординированном развитии экономик регионов [15; 17].

По своему содержанию национальные стратегии по снижению дифференциации развития регионов Китая, начиная с 2000 г. по настоящее время, в основном сконцентрированы на 7 аспектах.

1. *Общая стратегия развития регионов.*

Это стратегическая система с четырьмя основными стратегиями: «Развитие Запада», «Подъем Центрального Китая», «Возрождение Северо-Востока» и «Опережающее развитие Востока». Она является основным компонентом стратегии регионального скоординированного развития, которая в настоящее время реализуется Китаем. Согласно «Стратегии развития Западного Китая» (2000 г.), необходимо ускорить темпы реформ и открытости, реализовать ряд природоохранных мер, развить современную инфраструктуру, объединить региональные усилия для развития ведущих отраслей промышленности, развивать технологию и образование, а также подготовить специалистов в разных сферах [25]. «Стратегия возрождения Северо-Восточного Китая» (2003 г.) направлена на превращение северо-восточного региона в базу производства оборудования с высокой мировой конкурентоспособностью, национальную базу исследований и инноваций нового типа в области сырьевых материалов, национальную ключевую базу производства зерновых, сельскохозяйственную и животноводческую базу, национальную базу исследований и инновации важных технологий, а также важную зону гарантии национальной экологической безопасности [19]. «Стратегия подъема Центрального Китая» (2006 г.) направлена на превращение центрального региона в важную национальную базу производства продуктов питания, базу энергетических материалов, базу производства современного оборудования, высокотехнологичную промышленную базу, а также комплексный транспортный узел [20].

Таким образом, на основе стратегии опережающего развития Восточного Китая постепенно сформировалась полная общая стратегия регионального развития.

С «Одиннадцатого пятилетнего плана (2006–2010 гг.)» до «Четырнадцатого пятилетнего плана (2021–2025 годы)» общая стратегия регионального развития всегда занимает важное место [16]. В соответствии с новой ситуацией развития и новыми проблемами, центральное правительство внесло немало новых стратегических планов и предложений по реализации этих четырех стратегий.

2. *Стратегия развития зон с основополагающими функциями.*

В 2006 г. в «Одиннадцатом пятилетнем плане» государство впервые выдвинуло требование «способствовать формированию зон с основополагающими функциями». В соответствии с имеющимися ресурсами, их освоением, потенциалом развития территориального пространства, последнее разделено на четыре основные зоны со следующими основополагающими функциями: зоны с требованием оптимизации развития, ключевые зоны развития, зоны ограниченного развития и зоны запрещенного развития. Такое деление определяло соответствующее функциональное позиционирование, направление развития и принципы управления развитием регионов. Для различных основных функциональных зон следует принять дифференцированную региональную политику и применять различные методы оценки эффективности деятельности правительства. В июне 2010 г. был рассмотрен и принят «План развития зон с основополагающими функциями», в котором уточнены масштабы, цели развития, методы развития и принципы развития зон четырех типов с основополагающими функциями [26].

3. *«Один пояс, один путь».*

В марте 2015 г. было представлено «Видение и действия по содействию совместному строительству экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI в.». В настоящее время 18 провинций являются ключевыми для реализации стратегии. Среди них 13 провинций находятся в западном, центральном и северо-восточном Китае.

В документе указывается, что продвигая строительство «Один пояс, один путь», Китай будет в полной мере использовать преимущества различных внутренних регионов, реализовывать более активную стратегию открытия, укреплять интерактивное сотрудничество между Восточным, Центральным и Западным Китаем, всесторонне повышать уровень открытости экономики [18].

Лю Бинлянь, эксперт по региональной экономике в Китае, считает, что под руководством «Один пояс, один путь» Центральный и Западный Китай станут связующим звеном, которое будет продолжать сокращать разрыв между востоком и западом [10].

4. *Основные стратегии регионального развития.*

В рамках четырех основных национальных стратегий регионального развития, в стране последовательно реализовывались: стратегия скоординированного развития Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй, стратегия развития экономического пояса Хуанхэ, стратегия развития района Большого залива Гонконг-Макао, стратегия развития экономического пояса реки Янцзы и стратегия интеграции дельты реки Янцзы. Среди них стратегия

развития экономического пояса Хуанхэ и стратегия развития экономического пояса реки Янцзы имеют большое значение для сокращения разрыва между Востоком и Западом [21].

Чэнь Яо, вице-президент Китайской ассоциации региональной экономики, считает, что реализация «Стратегии Хуанхэ» способствует построению гармоничного общества, поддержанию национального единства; что не только способствует скоординированному развитию между востоком и западом Китая, но также учитывает сбалансированное развитие между севером и югом [14].

Центральный Комитет Коммунистической партии Китая (далее – ЦК КПК) и Государственный совет 8 октября 2021 г. выпустили «План экологической защиты и качественного развития бассейна Желтой реки». Содержание плана в основном включает следующие аспекты: экологическая охрана, строительство современной производственной системы с особыми преимуществами, ускорение урбанизации, строительство инфраструктуры, повышение уровня жизни людей, защита культуры и углубления рыночной реформы. Особое внимание уделено слаборазвитым районам верхнего и среднего течения [22].

5. Урбанизация.

В период «Тринадцатой пятилетки» (2016–2020 гг.) в Китае было запланировано 19 городских агломераций различного размера. До 2020 г. три из них позиционировались как три основных полюса экономического роста страны из-за их развитой экономики и сильного радиолокационного лидерства. Район Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао является полюсом экономического роста южного Китая. Городская агломерация в дельте реки Янцзы является полюсом экономического роста в восточном Китае. Городская агломерация Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй является полюсом экономического роста в северном Китае. В 2020 г. официально зафиксирован четвертый полюс экономического роста Китая – это городская агломерация Чэнду-Чунцин, расположенная в юго-западном регионе.

Городская агломерация Чэнду-Чунцин – крупнейший городской округ национального уровня в Западном Китае. Чэнду, столица провинции Сычуань, и Чунцин, город центрального подчинения, в качестве двух центральных городов в этой городской агломерации. В октябре 2020 г. Политбюро ЦК КПК провело совещание для обсуждения и утверждения «Плана строительства экономического кольца двойного города Чэнду-Чунцин» и официально определило, что экономический круг двойного города Чэнду-Чунцин является четвертым по величине полюсом экономического роста в Китае. Можно сказать, что это самый большой политический дивиденд, который Китай дал западному региону. В будущем городской круг Чэнду-Чунцин будет служить полюсом экономического роста в западном Китае, направляя экономическое развитие всего западного региона [23].

Впоследствии Китай ясно предложил развитие и расширение городских агломераций в «Четырнадцатом пятилетнем плане (2021–2025 гг.)», что будет способствовать развитию городских агломераций.

6. Развитие районов особого типа.

В дополнение к стратегии развития Запада, стратегии центрального подъема и стратегии восстановления северо-восточной старой промышленной зоны, Китай также реализовал ряд национальных стратегических положений, сосредоточив внимание на поддержке ускоренного развития районов особого типа. Районы особого типа включают в себя этнические районы, бедные районы, приграничные районы, старые революционные районы, а также различные проблемные районы и особые районы, такие как районы с истощенными природными ресурсами, ресурсо-ориентированные районы, старые промышленные базы, экологически деградированные районы и т. д. Эти особые типы территорий часто сосредоточены на Западном, Центральном Китае, занимают 82 % китайской границы, включают 75 % национальных меньшинств, 66 % бедных людей сконцентрированы на Западе [20].

Что касается политики борьбы с бедностью, то государство последовательно обнародовало и реализовало «План сокращения бедности и развития сельских районов Китая (2001–2010 гг.)», «План сокращения бедности и развития сельских районов Китая (2011–2020 гг.)». В 2014 г. был выдвинут «План реализации механизма адресного оказания помощи бедным по сокращению бедности». В 2015 г. было выдвинуто «Решение ЦК КПК и Госсовета о победе в борьбе с бедностью». В 2016 г. Государственный совет издавал «Тринадцатый пятилетний план борьбы с бедностью (2016–2020 гг.)», «План реализации адресного оказания помощи бедным по сокращению бедности с помощью технологий», и «Предложения о продвижении электронной коммерции по адресному оказанию помощи бедным». В 2018 г. были выдвинуты «Руководящие предложения ЦК КПК и Государственного совета о трехлетних действиях по победе в войне борьбы с бедностью».

В 2019 г. были выдвинуты «Предложения по углублению борьбы с бедностью с точки зрения потребления, чтобы помочь выиграть битву с бедностью». Кроме того, государство во много раз понизило уровень бедности в сельских районах. В 2020 г., Си Цзиньпин на собрании, посвященном итогам борьбы властей с бедностью, заявил, что Китай уже одержал полную победу в борьбе с бедностью. Нищета в региональном масштабе преодолена. Из нищеты вывели 832 уезда и 128 000 деревень [24]. Государственный совет 23 сентября 2021 г. утвердил и согласовал «Четырнадцатый пятилетний план возрождения и развития районов особого типа», который требует поддержки таких районов, чтобы они могли лучше решать свои собственные проблемы, продолжать усиливать внутренние движущие силы развития, постоянно улучшать благосостояние людей и открывать новые перспективы для возрождения и развития.

7. Другие национальные направления.

По состоянию на 2018 г., Китай одобрил создание: 219 зон экономического и технологического развития национального уровня, 156 зон высокотехнологичного промышленного развития национального уровня, 63 зоны экспортной обработки, 12 бондовых зон, 65 всеобъемлющих бондовых зон и 14 бондовых портовых зон, 17 приграничных зон экономического сотрудничества, 19 новых зон национального уровня, 12 новых зон национальной комплексной поддержки реформ, 11 новых зон свободной торговли, 17 национальных независимых демонстрационных зон инноваций, 14 зарубежных промышленных парков и более 30 других национальных зон развития, включая национальные туристические курорты, бондовые логистические парки, зоны взаимной торговли, научно-технологические промышленные парки, трансграничные промышленные зоны, тайваньские инвестиционные зоны, финансовые инвестиционные зоны, зоны экономического развития, зоны замкнутой экономики и парки международного студенческого предпринимательства [8].

Обсуждение результатов

На основе проведенного анализа можно выделить следующие проблемы реализации национальных региональных стратегий и планов по снижению межрегиональной экономической дифференциации.

1. Национальное стратегическое планирование и стратегия регионального развития, одобряемые центральными органами власти в последние годы слишком разрозненны, не скоординированы. В последние годы национальное стратегическое региональное планирование было развернуто по всей стране. Всевозможные национальные зоны комплексных реформ, демонстрационные зоны и новые районы появлялись одна за другой. К настоящему времени каждая провинция Китая имеет свою собственную национальную стратегию. Когда региональное планирование и региональная политика вводятся в масштабе страны, политические преимущества начинают становиться общедоступными. Каждому региону предоставляются соответствующие преференциальные полномочия, что означает, что собственные льготы этих планов уже исчезают и становятся всеохватывающими, что, в свою очередь, привело к «фальсификации региональной политики», в результате чего эффективность региональной политики постепенно снижается. Таким образом, после того как большинство регионов внедрили преференциальную политику, поддержка преференциальной политики в проблемных областях, нуждающихся в поддержке, больше не очевидна.

2. Различные национальные стратегические региональные планы формулируются различными правительственными ведомствами. Комиссия по развитию и реформе в рамках существующей системы играет важную координирующую роль, но поскольку цели и задачи, сформулированные в каждом плане, различны, то в фактическом процессе реализации несоответствия и конфликты неизбежны.

3. Региональное планирование склонно к дублированию, то есть определенный район относится к трем или двум типам планирования одновременно. Например, города Чаньша, Чжужоу, Сяньтан входят в стратегию развития Чанг-Чжу-Тан, но в то же время они входят и в стратегии подъема Центрального Китая. Положительная сторона этой ситуации заключается в том, что она может в большей степени способствовать развитию района, который может пользоваться двойными или тройными льготными политиками. Отрицательная сторона заключается в том, что можно легко упустить функции и роли других районов в макрорегиональном планировании, а также легко привести к растрате ресурсов.

4. Первоначальная цель регионального планирования состоит в том, чтобы страна использовала местные ресурсы и преимущества региона посредством единого планирования. Однако в реальной разработке и реализации часто возникают проблемы с однотипностью содержания планирования.

5. Национальное стратегическое планирование, введенное в последние годы в Китае, во все большей степени полагалось на ведущую роль администрации, игнорируя или заменяя роль рынка. Самая большая особенность заключается в том, что, хотя акцент каждого национального стратегического плана регионального развития различается, главное содержание плана в конечном итоге состоит из двух аспектов: строительных проектов и льготных политик. После сильного вмешательства правительства некоторые регионы и города извлекли выгоду из льготных политик с точки зрения распределения капитала и налогов, и в этих областях было сосредоточено большое количество инвестиций и государственных услуг. Большой объем инвестиций косвенно отклонил региональное развитие от рыночной траектории. В то же время отсутствие четкого различия между планированием и политикой также является важной причиной, по которой местные правительства борются за национальное стратегическое планирование. Стремление к льготной политике является основной движущей силой развития регионов для местных органов власти.

6. С точки зрения органов планирования, текущие департаменты, возглавляющие подготовку национального стратегического планирования развития регионов, включают: Национальную комиссию по развитию и реформам, Департамент планирования, Северо-Восточный департамент, Западный департамент, Департамент экономических реформ, Департамент высоких технологий, Министерства охраны окружающей среды, Управление по борьбе с бедностью, Бюро по туризму и т. д. Между ними нет общей координации. В то же время Министерство промышленности и информационных технологий, Министерство земли и ресурсов и Министерство сельского хозяйства активно готовят отраслевые и ведомственные планы и представляют их на утверждение в Государственный совет, незримо превращая национальную стратегию в конкуренцию за интересы между отделами. С точки зрения процесса реализации национального стратегического планирования развития регионов, такое планирование представляет собой комплексный план развития региона, в его реализации обычно участвуют десятки связанных департаментов, и часто возникает такое явление, что вопрос решается несколькими департаментами одновременно.

7. Неясный правовой статус национального стратегического планирования развития регионов. Многие региональные планы, которые были обнародованы в настоящее время, были преобразованы в национальные стратегии, лишились правовой основы, что, несомненно, повлияет на авторитет и устойчивость регионального планирования и реализации региональной политики.

На основе проведенного исследования в сфере совершенствования разработки и реализации национального стратегического планирования развития регионов в Китае, предложены следующие рекомендации.

1. Установить стандарты и нормы для формирования национальных стратегических планов развития регионов, а также создать научный механизм оценки эффективности реализации национальных стратегий и планов. Некоторые важные региональные планы, не имеющие национального стратегического значения, не могут утверждаться Государственным советом или Национальной комиссией по развитию и реформам в качестве национальных стратегических планов регионального развития. Следует сформировать научные количественные показатели, всестороннюю оценку текущего развития регионов на основе полевых исследований, определить, можно ли преобразовать региональное планирование данного региона в национальную стратегию. На основе всестороннего анализа национального макроэкономического и регионального экономического развития страны выбрать и определить национальный стратегический план регионального развития, контролировать количество национальных стратегических планов и предотвратить дублирование и противоречия. Необходимо изучать и обновлять методы разработки национальных стратегических планов развития регионов, сочетать качественный анализ с количественным, четко определять содержание, объем, глубину и уровень национального планирования регионального развития, чтобы устанавливать национальные стандарты и нормы разработки и реализации национального стратегического плана. Необходимо создать механизм научной оценки, проводить регулярные оценки эффектов реализации национального стратегического регионального планирования и вносить определенные корректировки в содержание планирования на основе результатов оценки.

2. Усилить роль рыночного механизма. Решая проблему неравенства в региональном экономическом развитии, правительство должно, в первую очередь, рассматривать выравнивание основных государственных услуг как свою главную цель. Через выравнивание уровня образования, медицинского обслуживания, социального обеспечения, трудоустройства, различных инфраструктур и т. д., можно создать хорошие условия

для рыночного развития в слаборазвитых регионах и способствовать силе собственного (внутреннего) развития регионов. Использование налоговых трансфертов слаборазвитыми регионами необходимо в процессе координации регионального развития. Однако в этом процессе необходимо строго обеспечить источник средств и условия использования трансфертных платежей. Национальный стратегический план регионального развития не должен предусматривать слишком большое количество специальных льготных политик. Льготная политика должна быть постепенно ослаблена, и в будущем основное внимание будет уделяться поощрению регионов к внедрению институциональных инноваций [8].

3. Следует создать национальное учреждение, подобное «Национальному комитету по региональной координации развития» или «Национальному комитету по региональной политике». Его основные функции: составление, контроль и оценка реализации национальных стратегических планирований, координация интересов и взаимосвязей различных национальных стратегических региональных планов и региональной политики, а также управление и контроль национального фонда регионального скоординированного развития. Рекомендуются удалить функцию разработки и реализации национального планирования регионального развития Национальной комиссии по развитию, а Управление по борьбе с бедностью Государственного совета и другие учреждения, которые часто формулируют национальные стратегические планы регионального развития и региональную политику, должны быть объединены и интегрированы в «Национальный комитет по региональной координации развития» или «Национальный комитет по региональной политике».

4. Укрепить законодательство о национальном стратегическом региональном планировании. Необходимо разработать и реализовать общий закон для национальных стратегических планов и стратегий, который определяет сущность, задачи, инструменты и правила их оформления, реализации, контроля, оценки, чтобы усилить нормативно-правовой характер национального стратегического планирования и национальной стратегии.

Необходимо разработать и реализовать вспомогательный закон для каждого национального стратегического плана и стратегий, чтобы обеспечить их эффективность, устойчивость и авторитет.

Кроме того, разница в развитии между регионами также является объективным фактом, и необходимо совершенствовать правовую систему, чтобы уменьшить дисбаланс между региональным развитием. Следовательно, необходимо сформулировать «Национальный закон о скоординированном региональном развитии», цель которого – обеспечить правовую основу и гарантировать реализацию национальной региональной стратегии скоординированного развития. Сокращение регионального разрыва и координация регионального развития – долгосрочный процесс, разработка и реализация соответствующих законов, что поможет обеспечить долгосрочную и стабильную реализацию региональной скоординированной стратегии развития.

Заключение

Национальное стратегическое планирование развития регионов является важным инструментом государственного управления. Оно позволяет центральному правительству в полной мере использовать региональные конкурентные преимущества, концентрировать различные ресурсы, способствовать развитию экономики регионов, определять «точки роста» страны, что обеспечит устойчивость развития национальной экономики, и заложит основу для формирования разумной пространственной структуры региональной экономики.

Эффективная система национальных стратегических планов развития регионов будет способствовать скоординированному развитию регионов, то есть позволит контролировать региональный разрыв. При решении проблемы асимметрии развития регионов, государство должно разумно использовать стратегический подход.

За последние 20 лет Китай реализовал ряд национальных стратегических планов регионального развития по скоординированному развитию регионов. Их можно разделить на два этапа: первый период сосредоточен на снижении асимметрии развития регионов, особенно асимметрии между Восточным Китаем и другими тремя регионами (1999–2012 гг.); второй период сосредоточен на качественном и быстром развитии экономики регионов (2012 г. – по настоящее время). В «Одиннадцатом пятилетнем плане (2006–2010 гг.)» и «Двенадцатом пятилетнем плане (2011–2015 гг.)», все сводилось к четырем основным регионам, и каждый из них был отдельной стратегической единицей. Но после XVIII Всекитайского съезда КПК (2012 г.) на основе стратегий четырех основных регионов разработаны различные межпровинциальные национальные стратегические планы. Посредством этих межпровинциальных систем планирования регионального развития создается новая модель взаимного влияния.

Наряду с этим «Один пояс и один путь», стратегия урбанизации нового типа и строительство экономического круга двух городов в районе Чэнду-Чунцин тоже, несомненно, имеют важное значение для способствования скоординированному развитию регионов [23]. Ряд национальных стратегических планов для различных экономических функциональных зон очень важен для регионального скоординированного развития Китая. Например, пилотные зоны свободной торговли, демонстрационные зоны независимых инноваций, новые экономические зоны, зоны высокотехнологичного промышленного развития и т. д. Они могут либо стимулировать жизнеспособность региональной экономики, либо выполнять экспериментальные и образцовые функции [12].

Таким образом, эти национальные стратегии и планы развития в основном составляют систему национальных стратегий по скоординированному развитию регионов в нынешнем Китае. По отношению к снижению дифференциации развития регионов, эти стратегии и планы в определенной степени показали свою эффективность.

При разработке и реализации национальных стратегических планов и стратегий развития регионов по снижению асимметрии их развития, государство должно:

- применять дифференцированный подход для разработки и реализации планирования для развития разных типов проблемных районов;
- усилить согласованность, системность, скоординированность между различными стратегиями и планами;
- уделить большее внимание роли рыночного механизма: чтобы снизить асимметрию развития регионов, национальное стратегическое планирование, в первую очередь, должно быть направлено на выращивание уровня рыночного развития, бизнес-климата, основных государственных услуг, уровня различных инфраструктур и т. д. Постепенно уменьшать использование льготных политик, более поощрять регионы к внедрению институциональных инноваций, возбуждать внутренние силы развития регионов, чтобы избежать тенденции к «хроническому иждивенчеству» регионов реципиентов и отклонения регионального развития от рыночной траектории;
- усилить согласованность и интерактивность центрального правительства и местных органов власти;
- усилить законодательную работу по разработке национальных стратегических планов регионального развития. Необходимо разработать общий законопроект, регламентирующий правила формулирования, реализации, контроля и оценки для любого национального стратегического планирования регионального развития.

Библиографический список

1. Вертакова, Ю. В., Клевцова, М. Г., Положенцева, Ю. С. Оценка эффективности регулирования пространственного развития региона в условиях поляризации // Вестник ОрелГИЭТ. – 2012. – № 4 (22). – С. 20–25.
2. Вертакова, Ю. В., Клевцова, М. Г., Положенцева, Ю. С., Некипелова, А. С. Дифференциация регионов в соответствии с фазами развития: модифицированная методика оценки структурного цикла // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2015. – № 3 (93), С. 15–19.
3. Грошев, И. В., Жерегеля, А. В. Особенности управления в условиях становления цифровой экономики // Менеджмент в России и за рубежом. – 2020. – № 6. – С. 10–15.
4. Макеева С. Б. Исторический опыт реализации стратегий пространственного регионального развития в КНР (1949–2019) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2020. – № 4. – С. 196–206.
5. Топсахалова, Ф. М.-Г., Кнухова, М. З., Пазова, М. З. Развитие и формирование инновационной политики в аграрно-промышленном комплексе: монография. – М.: Акад. Естествознания, 2012. – 253 с.
6. 韦韡 [Вэй Вэй]. 老少边穷地区县域经济发展问题研究 [Исследование развития экономики в старых революционных, этнических, приграничных и бедных регионах]. – 北京: 北京理工大学出版社 [Пекин: Пекинский технологический институт], 2015. – 154 с. [Кит. яз.].
7. 魏礼群 [Вэй Лицунь]. 助推新时代区域协调发展的三条思路 [Три идеи для продвижения скоординированного регионального развития в новую эру] // 区域经济评论 [Региональный экономический обзор]. – 2019. – № 3. – С. 2–4. [Кит. яз.].
8. 魏后凯 [Вэй Хоукай]. 中国区域经济发展 [Региональное экономическое развитие в Китае]. – 北京: 经济科学出版社 [Пекин: Пресса по экономическим наукам], 2019. – 271 с. [Кит. яз.].
9. 高立国 [Гао Лигуо]. 推动适应高质量发展要求的区域布局研究 [Содействовать исследованию региональной экономической структуры, отвечающей требованиям качественного развития] // 区域经济评论 [Региональный экономический обзор]. – 2020. – № 4. – С. 38–44. [Кит. яз.].

10. 刘秉镰, 边杨, 周密, 等 [Лю Бинлянь, Бянь Ян, Чжоу Ми и др.]. 中国区域经济发展70年回顾及未来展望 [Региональное экономическое развитие Китая за последние 70 лет и перспективы на будущее] // 中国工业经济 [Промышленная экономика Китая]. – 2019. – № 9. – С. 24–41. [Кит. яз.].
11. 范恒山 [Фань Хэншань]. 区域发展战略政策 [Политика стратегии регионального развития] // 决策与信 [Решение и информация]. – 2014. – № 6 – С. 28. [Кит. яз.].
12. 范恒山 [Фань Хэншань]. 国家区域发展战略的实践与走向 [Практика и тенденции национальной стратегии регионального развития] // Региональный экономический обзор [区域经济评论]. – 2017. – № 1. – С. 5–10. [Кит. яз.].
13. 崔万田 [Цуй Ваньтянь]. 区域政策创新与发展趋同研究 [Исследование конвергенции инноваций и развития региональной экономической политики]. – 北京: 经济科学出版社 [Пекин: Пресса по экономическим наукам], 2021. – 244 с. [Кит. яз.].
14. 陈耀, 张可云, 陈晓东 [Чэнь Яо, Чжан Кейюн, Чен Сяодун]. 黄河流域生态保护和高质量发展 [Экологическая защита и качественное развитие бассейна Желтой реки] // 区域政策评论 [Региональный экономический обзор]. – 2020. – № 1. – С. 8–22. [Кит. яз.].
15. 中华人民共和国国民经济和社会发展“九五”计划和2010年远景目标纲要 [9-й пятилетний план национального экономического и социального развития КНР и план долгосрочных целей на 2010 год] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2001-01/02/content_5003506.htm (дата обращения: 18.08.2021). [Кит. яз.].
16. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十一个五年规划纲要 [11-й пятилетний план национального экономического и социального развития КНР] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2006-03/18/content_5347869.htm (дата обращения: 23.08.2021). [Кит. яз.].
17. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 [14-й пятилетний план национального экономического и социального развития КНР и план долгосрочных целей на 2035 год] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 23.08.2021). [Кит. яз.].
18. 一带一路 [Один пояс, один путь] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bit.ly/3krR06T> (дата обращения: 18.08.2021). [Кит. яз.].
19. 东北地区振兴规划 [План возрождения Северо-Восточного Китая] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/gzdt/2007-08/20/content_721632.htm (дата обращения: 23.08.2021). [Кит. яз.].
20. 促进中部地区崛起规划 [План содействия подъему Центрального Китая] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wenku.baidu.com/view/289c0fa8a36925c52cc58bd63186bceb19e8eda8.html> (дата обращения: 23.08.2021). [Кит. яз.].
21. 长江经济带发展规划纲要 [План развития экономического пояса реки Янцзы] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bit.ly/3HeGkCv> (дата обращения: 23.08.2021). [Кит. яз.].
22. 黄河流域生态保护和高质量发展规划纲要 [План экологической защиты и качественного развития бассейна Желтой реки] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bit.ly/3n7dzQc> (дата обращения: 11.08.2021). [Кит. яз.].
23. 成渝地区双城经济圈建设规划纲要 [План строительства экономического кольца двойного города Чэнду-Чунцин] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bit.ly/3Hc7qKp> (дата обращения: 18.08.2021). [Кит. яз.].
24. 习近平: 在全国脱贫攻坚总结表彰大会上的讲话 [Си Цзиньпин: выступление на национальной конференции по борьбе с бедностью] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1692670742063214981&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 20.08.2021). [Кит. яз.].
25. 国务院关于实施西部大开发若干政策措施的通知 [Уведомление государственного совета о реализации ряда политик и мер по развитию западного региона] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/gongbao/content/2001/content_60854.htm (дата обращения: 23.08.2021). [Кит. яз.].
26. 国务院关于印发全国主体功能区规划的通知 [Уведомление государственного совета о выпуске «Плана развития зон с основополагающими функциями»] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2011-06/08/content_1441.htm (дата обращения: 23.08.2021). [Кит. яз.].

Reference

1. Vertakova Ju. V., Klevtsova M. G., Polozhentseva Ju. S. Efficiency estimation of spatial region's development regulation under conditions of polarization, *Vestnik OrelGIET*, 2012, no. 4 (22), pp. 20–25. (In Russian).
2. Vertakova Ju. V., Klevtsova M. G., Polozhentseva Ju. S., Nekipelova A. S. Differentiation of regions according to the phases of development: the modified method of the structural cycle evaluation, *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2015, no. 3 (93), pp. 15–19. (In Russian).

3. Groshev I. V., Zheregelya A. V. Management features at the context of digital economy formation, *Management in Russia and Abroad*, 2020, no. 6, pp. 10–15. (In Russian).
4. Makeeva S. B. Historical experience in the implementation of strategies for spatial regional development in China (1949-2019), *Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istorii i Sovremennost*, 2020, no. 4, pp. 196–206. (In Russian).
5. Topsakhalova F. M.-G., Knukhova M. Z., Pazova M. Z. *Development and formation of innovation policy in the agrarian-industrial complex*, Moscow, Russian Academy of Natural History, 2012, 253 p.
6. Wei Wei [韦韪]. *Study on the economic development of counties in old, small and poor areas* [老少边穷地区县域经济发展问题研究], Beijing: Beijing University of Technology Press [北京：北京理工大学出版社], 2015, 154 p. (In Chinese).
7. We Li Qun [魏礼群]. Three ideas to facilitate coordinated regional development in the new era [助推新时代区域协调发展的三条思路], *Regional Economic Review* [区域经济评论], 2019, no. 3, pp. 2–4. (In Chinese).
8. Wei Houkai [魏后凯]. *Regional Economic Development in China* [中国区域经济发展], Beijing: Economic Science Publishing House [北京：经济科学出版社], 2019, 271 p. (In Chinese).
9. Gao Liguang [高立国]. Promote the study of regional economic layout to meet the requirements of high-quality development [推动适应高质量发展要求的区域布局研究], *Regional Economic Review* [区域经济评论], 2020, no. 4, pp. 38–44. (In Chinese).
10. Liu Bingkam, Bian Yang, Zhou Mi, et al. [刘秉镰, 边杨, 周密, 等]. A review of 70 years of China's regional economic development and future prospects [中国区域经济发展70年回顾及未来展望], *China's Industrial Economy* [中国工业经济], 2019, no. 9, pp. 24–41. (In Chinese).
11. Fan Hengshan [范恒山]. Regional development strategy policy [区域发展战略政策], *Decision Making and Letters* [决策与信], 2014, no. 6, pp. 28. (In Chinese).
12. Fan Hengshan [范恒山]. National regional development strategy in practice and going [国家区域发展战略的实践与走向], *Regional Economic Review* [区域经济评论], 2017, № 1, pp. 5–10. (In Chinese).
13. Cui Wantian [崔万田]. *Research on regional economic policy innovation and development convergence* [区域政策创新与发展趋同研究], Beijing: Economic Science Press [北京：经济科学出版社], 2021, 244 p. (In Chinese).
14. Chan Yiu, Cheung Ho Wan, Chan Hiu Tung [陈耀, 张可云, 陈晓东]. Ecological protection and quality development of the Yellow River basin [黄河流域生态保护和高质量发展], *Regional Economic Review* [区域经济评论], 2020, no. 1, pp. 8–22. (In Chinese).
15. Outline of the Ninth Five-Year Plan and Vision 2010 for the National Economic and Social Development of the People's Republic of China [中华人民共和国国民经济和社会发展“九五”计划和2010年远景目标纲要], *The National Peoples's Congress of the People's Republic of China*. Available at: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2001-01/02/content_5003506.htm (accessed 18.08.2021). (In Chinese).
16. Outline of the Eleventh Five-Year Plan for National Economic and Social Development of the People's Republic of China [中华人民共和国国民经济和社会发展第十一个五年规划纲要], *The National Peoples's Congress of the People's Republic of China*. Available at: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2006-03/18/content_5347869.htm (accessed 23.08.2021). (In Chinese).
17. Outline of the Fourteenth Five-Year Plan for National Economic and Social Development of the People's Republic of China and Vision 2035 [中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要], *The Chinese Central Government's Official Web Portal*. Available at: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (accessed 23.08.2021). (In Chinese).
18. One Belt, One Road [一带一路]. Available at: <https://bit.ly/3krR06T> (accessed 18.08.2021). (In Chinese).
19. Northeast Regional Revitalization Plan [东北地区振兴规划], *The Chinese Central Government's Official Web Portal*. Available at: http://www.gov.cn/gzdt/2007-08/20/content_721632.htm (accessed 23.08.2021). (In Chinese).
20. Plan for the Rise of the Central Region [促进中部地区崛起规划], *Wenku.Baidu.Com*. Available at: <https://wenku.baidu.com/view/289c0fa8a36925c52cc58bd63186bceb19e8eda8.html> (accessed 23.08.2021). (In Chinese).
21. Outline of the Yangtze River Economic Belt Development Plan [长江经济带发展规划纲要]. Available at: <https://bit.ly/3HeGkCv> (accessed 23.08.2021). (In Chinese).
22. Outline of the Plan for Ecological Protection and Quality Development of the Yellow River Basin [黄河流域生态保护和高质量发展规划纲要]. Available at: <https://bit.ly/3n7dzQc> (accessed 11.08.2021). (In Chinese).
23. Outline of the Construction Plan for the Twin Cities Economic Circle in the Chengdu-Chongqing Region [习近平：在全国脱贫攻坚总结表彰大会上的讲话]. Available at: <https://bit.ly/3Hc7qKp> (accessed 18.08.2021). (In Chinese).

24. Xi Jinping: Speech at the National Conference on Summing Up and Commending the Poverty Alleviation Efforts [习近平：在全国脱贫攻坚总结表彰大会上的讲话]. Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1692670742063214981&wfr=spider&for=pc> (accessed 20.08.2021). (In Chinese).
25. Circular of the State Council on Certain Policy Measures for the Implementation of the Western Development [国务院关于实施西部大开发若干政策措施的通知], *The Chinese Central Government's Official Web Portal*. Available at: http://www.gov.cn/gongbao/content/2001/content_60854.htm (accessed 23.08.2021). (In Chinese).
26. Circular of the State Council on the Issuance of the National Plan for Main Functional Zones [国务院关于印发全国主体功能区规划的通知], *The Chinese Central Government's Official Web Portal*. Available at: http://www.gov.cn/zhengce/content/2011-06/08/content_1441.htm (accessed 23.08.2021). (In Chinese).

Махалина Оксана Михайловна

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-1234-8499

e-mail: moxanam@mail.ru

Махалин Виктор Николаевич

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-5294-5856

e-mail: mahalinviktor@mail.ru

ВЫЗОВЫ И РИСКИ В ПРОЦЕССЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

Аннотация. Пандемия COVID-19 в 2020 г. оказала негативное воздействие на экономику во всех странах мира. В статье проанализированы макроэкономические показатели, характеризующие экономику России после пандемии COVID-19. Сопоставлены результаты этого действия по глобальным показателям России с показателями некоторых стран мира. Рассмотрены задачи и мероприятия «Общенационального плана действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике» (далее – Общенациональный план действий). Этот документ определяет развитие страны на ближайшие два года и меры по восстановлению экономики после пандемии COVID-19. На реализацию Общенационального плана действий Правительство Российской Федерации выделяет 5 трлн руб. При этом поставлена главная цель – за два года обеспечить выход на устойчивую траекторию экономического развития и роста доходов населения. Показателями достижения главной цели, которые должны быть достигнуты к концу 2021 г., являются: устойчивый рост доходов населения; снижение безработицы до 5%; рост валового внутреннего продукта на 2,5 % в год. В заключении сформулированы вызовы и риски при реализации Общенационального плана действий.

Ключевые слова: пандемия, экономические потери от пандемии, кризисный 2020 год, ключевые показатели экономики, безработица, бедность населения, доходы, покупательский спрос, негативные факторы экономики, карантинные ограничения, показатели развития экономики, развитие экономики после пандемии, восстановление экономики, общенациональный план действий, вызовы, риски

Для цитирования: Махалина О.М., Махалин В.Н. Вызовы и риски в процессе восстановления экономики России после пандемии // Вестник университета. 2021. № 10. С. 133–138.

CHALLENGES AND RISKS IN THE PROCESS OF RUSSIA'S POST-PANDEMIC ECONOMIC RECOVERY

Abstract. The COVID-19 pandemic in 2020 has had a negative impact on economies around the world. The article analyses the macroeconomic indicators characterising the Russian economy after the COVID-19 pandemic. The results of this action on Russia's global indicators have been compared with those of some countries in the world. The objectives and activities of the "National Action Plan for Employment and Income Recovery, Economic Growth and Long-Term Structural Changes in the Economy" (hereinafter the "National Action Plan") have been considered. This document sets out the country's development over the next two years and measures to recover the economy from the COVID-19 pandemic. The Government of the Russian Federation is allocating 5 trillion roubles for the implementation of the "National Action Plan". Meanwhile, the main objective is to ensure a sustainable economic development and income growth path within two years. The indicators of the main goal to be achieved by the end of 2021 are: sustainable growth of the personal income; reduction of unemployment to 5%; growth of the gross domestic product by 2.5% per annum. In conclusion, the challenges and risks in implementing the "National Action Plan" have been formulated.

Keywords: pandemic, economic losses from the pandemic, crisis 2020, key economic indicators, unemployment, poverty, income, consumer demand, negative economic factors, quarantine restrictions, economic development indicators, post-pandemic economic development economic recovery, national action plan, challenges, risks

For citation: Makhalina O.M., Makhalin V.N. (2021) Challenges and risks in the process of Russia's post-pandemic economic recovery. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 133–138. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-133-138

Oksana M. Makhalina

Dr. Sci. (Econ.), State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-1234-8499

e-mail: moxanam@mail.ru

Victor N. Makhalin

Cand. Sci. (Econ.), State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5294-5856

e-mail: mahalinviktor@mail.ru

Введение

В 2020 г. под натиском пандемии COVID-19 произошло практически закрытие отдельных отраслей экономики, от которого пострадал весь мир. Вспомним, как это было. С 30 марта до 11 мая 2020 г. Правительство России отправило всех работающих россиян на так называемые пандемические каникулы. Был введен президентским указом режим нерабочих дней, предусматривающий сохранение за работниками зарплат. Менялся только режим работы – произошел переход в онлайн. Была прекращена деятельность предприятий, в 2019 г. производивших 10 % валового внутреннего продукта (далее – ВВП): оказание услуг физическим лицам, включая работу кинотеатров, концертных залов, театров, стадионов и т. д. Предприятия непрерывного цикла, производившие 44 % ВВП, сохранили свою деятельность. На остальных предприятиях были частичные закрытия.

В 2020 г. в России увеличилось количество безработных на 20,6 % по сравнению с 2019 г. и их количество достигло 4,4 млн человек. По данным Росстата, за этот период зарплата увеличилась в реальном выражении на 2,5 %. Последний раз реальные доходы устойчиво росли в 2013 г. Текущие реальные доходы в 2020 г. на 10,6 % оказались ниже уровня 2013 г. [7].

Постановка проблемы

Рассмотрим положение России в конкурирующих экономиках стран мира после пандемии 2020 г. [9]. В настоящее время Россию по одному из ключевых показателей благосостояния – ВВП на душу населения (по номиналу) – перегнали Китай и Малайзия. Этот показатель в 2013 г. в России был выше Китая в 2,2 раза, Малайзии – в 1,5 раза. В 2020 г. ВВП на душу населения составляет в России – 10 тыс. долл. США, Китай – 10,5 тыс. долл. США, Малайзия – 10,3 тыс. долл. США. Россию догоняют эти страны и по показателю ВВП на душу населения по паритету покупательной способности: в России – 27,9 тыс. долл. США, в Малайзии – 27,4 тыс. долл. США, в Китае – 17,2 тыс. долл. США. Продолжительность жизни на 2019 г. в Малайзии – 74,7 года, в Китае – 77,4 года, в России – 73,2 года. С учетом пандемии продолжительность жизни в России снизилась до 71,1 года. Рассмотрим, какое место в мировом рейтинге занимает Россия по этим и другим ключевым показателям. Согласно Международному валютному фонду, по ВВП на душу населения по номиналу в 2020 г. Россия находилась на 65 месте в мире, а в 2013 г. – на 51 месте. В 2020 г. по показателю ВВП на душу населения по паритету покупательной способности Россия находилась на 53 месте в мире, в 2013 г. – на 49 месте.

Литературный обзор

По данным Росстата, в России в 2020 г. ВВП сократился на 3,06 %, в то время как у 77 стран этот показатель был лучше, чем у нас, а в 25 странах (Китай, Тайвань, Турция и др.) он показал рост. В 40 странах мира (Корея, Польша, Швеция, Финляндия, Израиль, Индонезия и др.) снижение ВВП в 2020 г. было ниже, чем в России. Динамика других глобальных показателей в России также изменяется не в лучшую сторону. Так, например, по ВВП по номиналу в 2020 г. Россия занимала 11 место среди стран мира (в абсолютных цифрах 1,47 трлн долл. США), но в 2013 г. – 9 место в мире (2,29 трлн долл. США). По ВВП и паритету покупательной способности в 2020 г. мы занимали 6 место в мире, а в 2013 г. – 5 место. Тенденция изменений крайне неприятная, и это если не рассматривать разницу ВВП с разными странами в абсолютных цифрах. Так, в 2020 г. ВВП США по номиналу был больше российского в 14,2 раза, в 2013 г. – в 7,3 раза. А китайский ВВП превышал российский в 2020 г. в 10 раз, и в 2013 г. – в 4,2 раза [2]. В случае сравнения ВВП по паритету покупательной способности, результат тоже не радует. Здесь США превосходили Россию в 2020 г. в 5,1 раза, в 2013 г. – в 4,5 раза; Китай в 2020 г. – в 5,9 раза, в 2013 г. – в 4,4 раза [12]. Можно высказывать сомнения о достоверности использования для сравнения статистических показателей, обосновывая их тем, что китайская статистика имеет свои особенности, а в ВВП США включается много услуг и он сильно завышен, да и у России огромный неформальный сектор, который оказывает существенное влияние на ВВП, но все это не исключает вывод: перед российской экономикой стоит огромный вызов, а времени нет, поэтому необходимо создавать все условия для сверхбыстрого роста [5].

Теория и методы

На развитие российской экономики в 2020 г. существенное влияние оказали ограничения связанные с пандемией COVID-2019, снижением спроса на энергоресурсы, девальвацией рубля, двухмесячным глобальным локдауном, нестандартным поведением основных показателей для кризисного года:

- в апреле 2020 г. цена на нефть марки «Юралс» достигла исторического минимума 16,3 долл. США за баррель (по итогам года – 41,4 долл. США);
- в то же время курс рубля продемонстрировал поразительную устойчивость к колебаниям мировых нефтяных цен, нежели чем в течение предыдущих кризисов (в среднем за год – 71,94 руб. за долл. США);
- на динамику промышленности оказывал влияние не только локдаун, но и ограничения добычи в рамках ОПЕК+;
- инфляция ускорилась, но для кризисного года осталась умеренной в пределах 5 %, в первой половине года на инфляцию оказывал влияние избыточный спрос, а в конце года – недостаточное предложение;
- увеличение уровня безработицы (5,8 % за год, 6,4 % – на пике в августе) сопровождалось рекордным ростом привлекательности биржи труда;
- снижение реальных располагаемых денежных доходов населения (на 3,5 %) происходило на фоне роста реальных зарплат и пенсий;
- из-за более жестких продолжительных ограничений больше всего в 2020 г. пострадала сфера услуг (за год снижение платных услуг населению составило 17,3 %) [11].

Кризисные явления отразились на экономике и социальной сфере, привели к значительному ухудшению экономической ситуации, росту безработицы и бедности населения. Рассмотрим основные показатели экономики России в 2020 г. Снижение ВВП в России 2020 г. достигло 3,1 %, что является наибольшим за последние несколько лет, за исключением 2009 г. (-7,8 %) и 1998 г. (-5,3 %). В развитых странах за этот период ВВП снизился на 5,6 %. Следовательно, в России экономика упала меньше. Причина этому – структурные особенности российской экономики, в которой доля отраслей, наиболее пострадавших в кризис, несоизмеримо меньше, чем тот же самый показатель в развитых странах [10].

Анализ основных результатов

На общее снижение ВВП в России оказали в 2020 г. разное воздействие динамика изменений ВВП и динамика добавленной стоимости по отраслям экономики. Так, например добывающая промышленность составила 10,2 %, транспорт и хранение – 10,3 %, гостиницы и рестораны – 24,1 %, общественное питание – 24 %, культура и спорт – 11,4 %, экспорт – 5,1 %, импорт – 13,7 %, конечное потребление домохозяйств – 8,6 %. Кроме того, на динамику ВВП повлияли снижение внутреннего конечного спроса на 5 % в годовом выражении и сокращение прочих услуг населению на 6,8 % [8].

Реальные располагаемые доходы населения сократились в 2020 г. на 3,5 %. Это связано со снижением ВВП на 3,1 % за счет ограничительных мер, направленных на борьбу с пандемией COVID-19 и общим спадом в экономике. Учитывая, что снижение 2013 г. составило 10,6 %, то современный уровень доходов населения соответствует уровню 2009–2010 гг. Это существенно ухудшило финансовое положение населения России [2]. Сократилось потребление домохозяйств. На 24,7 % увеличилось число безработных и составило 4 321 тыс. человек. В среднем в 2020 г. в органах службы занятости было зарегистрировано в статусе безработных 2,8 млн человек, из которых 1,3 млн человек получали пособия по безработице. Увеличилось количество населения с доходами ниже прожиточного минимума и достигло в 2020 г. 19,9 млн человек, что составляет 13,5 % населения страны. Инфляция в 2020 г. достигла 4,91 %, в том числе продовольственная – 6,69 %, непродовольственная – 4,79 %, услуги подорожали на 2,7 %. По итогам 2020 г. население России составило 146,2 млн чел. Смертность возросла на 17,9 %, рождаемость упала на 3,3 %.

Российская экономика в 2020 г. находилась под воздействием нескольких негативных факторов: возникновение и распространение пандемии COVID-19 и ее пагубное влияние на глобальную экономику. Под влиянием снижения цен на нефть и сокращения нефтедобычи промышленное производство снизилось на 2,9 %. Обрабатывающая промышленность, по сравнению с 2019 г., изменилась незначительно (+0,3 %), снизился выпуск отдельных видов продукции в натуральном выражении в 2020 г., нефть (-8,7 %), обувь (-14,5 %),

автомобили легковые (-17,5 %). На итоги социально-экономического развития России в 2020 г. определяющее влияние оказали ограничительные меры, связанные с эпидемиологической ситуацией, которые усиливались ограничениями предложения и спроса на рынках готовой продукции и услуг, труда, финансов. Это привело к закрытию региональных экономик и некоторых отраслей (авиаперевозки, туризм, сфера бытовых услуг и ряд других). Этот процесс усугублялся рецессией мировой экономики, связанной с карантинными ограничениями в зарубежных странах.

В сентябре 2020 г. Правительство России утвердило «Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные изменения в экономике» (далее – «Общенациональный план действий»). И этот документ определяет развитие страны на ближайшие два года меры по восстановлению экономики после коронавирусной пандемии. «Общенациональный план действий» содержит 3 этапа, 9 разделов, приоритетных направлений, 500 мероприятий. На его реализацию Правительство России выделяет пять триллионов рублей, при этом за два года должна быть достигнута главная цель – выход на устойчивую траекторию экономического роста и роста населения, обеспечивающую реализацию доходов (нацпроектов). Показателями достижения развития главной цели, которые должны быть достигнуты к концу 2021 г., являются: устойчивый рост реальных доходов населения; снижение безработицы до 5 %, рост ВВП на 2,5 % в год [1].

Вызовы и риски реализации мероприятий «Общенационального плана действий» заключаются в следующем [4].

1. Принятые Правительством России в 2021 г. меры социальной поддержки будут прекращены, если объективно также происходящие изменения структуры экономики могут привести к дальнейшему росту безработицы.

2. Сокращение прибыли бизнеса, пандемия COVID-19, неопределенность относительно платежеспособности, контрагентов финансовых клиентов негативно влияют на скорость восстановления экономики и инвестиционную активность. Устранить это влияние можно разработкой и внедрением нового инвестиционного механизма комплекса мер, стимулирующих инвестиции.

3. Восстановление временно закрытых отраслей (пассажирские перевозки, бытовые услуги, туризм и другие) не произойдет автоматически, так как за период прекращения их деятельности сформировался комплекс реструктуризованных кредитов и отложенных платежей, а также новых кредитных обязательств. На общем фоне снижения объемов кредитования, это создает риски для значительного роста доли «плохих» долгов и, как следствие, цепочку неплатежей в экономике. Далее вероятно возникновение проблем в функционирующих отраслях, связанных с дополнительным снижением налоговых поступлений.

4. Необходимость осуществления структурных изменений на рынке труда, исчезновение профессий, переобучение и поиск новых форм занятости, прежде всего, дистанционных, потребуют изменения подходов и требований к созданию необходимой инфраструктуры для удаленного обучения, совершенствованию систем управления и правового регулирования новых возникающих взаимоотношений в данных сферах.

5. Ускорению восстановления экономики способствует цифровизация в государственном и частном секторах, так как она может стать драйвером технологического развития, роста производительности труда в условиях новых форм занятости, перехода предприятий и организаций на удаленную работу. Вызовы реализации предложений заключаются в сложности разработки мер по стимулированию ускорения технологического развития в целом и цифровизации различных отраслей и сфер экономики с учетом изменившихся требований в том, чтобы они соответствовали новому качеству устойчивого экономического роста за пределами периода восстановления экономики страны [2].

Формат статьи не позволяет детально рассмотреть и другие возможные вызовы и риски, связанные с реализацией «Общенационального плана действий». Перечислим их кратко: разработка мер по упрощению административных процедур, реализация предложений по поддержке импортозамещения и экспорта, разработка требований к устойчивости развития и деятельности здравоохранения, обеспечение спроса на безопасный и качественный отдых внутри страны [6].

Заключение

В результате осуществления мероприятий «Общенационального плана действий», обеспечивающих занятость и рост доходов населения, ускоренное экономическое развитие и долгосрочные структурные изменения в экономике, Министерство экономического развития Российской Федерации прогнозирует рост экономики России в 2021 г. на 3,3 %. Как следует из апрельского выпуска доклада «Перспективы развития мировой экономики, апрель 2021 г.: Преодоление неравномерного восстановления экономики», Международный валютный фонд повысил оценку роста экономики России в 2021 г. с 3 % до 3,8 % [12]. Изменил свой прогноз и Всемирный банк (с 2,9 % до 3,2 % на два ближайших года). Приведенные данные подтверждают реалистичность прогнозов Министерства экономического развития Российской Федерации, но если сравнивать их с перспективами роста глобального ВВП, который прогнозирует увеличение в 2021 г. на 6 %, а в 2022 г. на 4,4 %, то России есть к чему стремиться.

Лидером восстановления мировой экономики являются США. По оценке среди локомотивов восстановления мировой экономики будут в этом году Китай (рост на 8,4 %) и Индия (рост на 12,5 %, прогноз повышен сразу на 3,7 %), тогда как еврозона (рост на 4,4 %) преодолеет последствия пандемии только в будущем году.

Быстрое восстановление мировой экономики и снижение объема инвестиций в нефтяную отрасль приведут, по прогнозу фонда, к росту цен на нефть и этот рост окажется более существенным, нежели чем ожидалось в январе – до 58,5 долл. США за баррель в 2021 г. и 54,8 долл. США в 2022 г. Для России это дополнительный аргумент в пользу изменения государственной экономической политики, создающей фактор неопределенности на корпоративные инвестиции российских компаний, и начала инвестиций в новые проекты из Фонда национального благосостояния, условия которых в настоящий момент обсуждает Правительство России [3].

Библиографический список

1. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения экономике (одобрен Правительством РФ 23.09.2020, протокол № 36, раздел VII (№ ПИЗ-60855 от 02.10.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333667/ (дата обращения: 01.08.2021).
2. Грибанов, Ю. И. Факторы и условия цифровой трансформации социально-экономических систем // Вестник Алтайской академии экономики и права. Академия цифровой экономики (АНО ДПО). – 2019. – № 2 (часть 2). – С. 253–259.
3. Ершов, М. В. Мир в 2020 году: новые проблемы обнажают системные изменения в экономике // Вопросы экономики. – 2020. – № 12. – С. 5–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-5-23>
4. Кочетков, Е. П. Цифровая трансформация экономики и технологические революции: вызовы для текущей парадигмы менеджмента и антикризисного управления // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 330–341. <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2019-4-330-341>
5. Май, В. А. Пандемия коронавируса и тренды экономической политики // Вопросы экономики. – 2021. – № 3. – С. 5–30. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-3-5-30>
6. Манушин, Д. В. Инновационные цифровые технологии как инструмент антикризисного управления в российской экономике // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Вектор развития управленческих подходов в цифровой экономике», Казань, 5 декабря 2019 г. – Казань: Познание, 2020. – С. 139–146.
7. Доклад ООН «Мировое экономическое положение и перспективы, 2021» // Международный Союз Экономистов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iuecon.org/events/post-release/mirovloe-ekonomicheskoe-polozhenie-i-perspektivy-2021.php> (дата обращения: 10.08.2021).
8. Доклад «Социально-экономическое положение России» // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 01.08.2021).
9. Миркин, Я. Чувство вызова // Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/04/13/iakov-mirkin-v-2020-godu-rossiia-v-ekonomicheskom-plane-sdelala-shag-nazad.html> 14.04.2021 (дата обращения: 10.08.2021).
10. Николаев, И. Экономические итоги 2020 г.: упали меньше, обеднели – больше // Эхо Москвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://echo.msk.ru/blog/nikolaev_i/2765606-echo/ (дата обращения: 10.08.2021).
11. Оперативный доклад за 2020 г. (Об исполнении федерального бюджета январь–декабрь 2020 года) // Счетная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru/audit/12723> (дата обращения: 10.08.2021).

12. Перспективы развития мировой экономики: Преодоление неравномерного восстановления экономики // Международный Валютный Фонд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/2021/April/Russian/texttr.ashx> (дата обращения: 10.08.2021).

References

1. The National Action Plan Ensuring the Restoration of Employment and Income of the Population, Economic Growth and Long-Term Structural Changes to the Economy (Approved by the Government of the Russian Federation on September 23, 2020, Protocol No. 36, section VI (No. PI3-60855, dated on October 2, 2020), *Legal referent system "ConsultantPlus"*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333667/ (accessed 01.08.2021).
2. Griбанov Yu. I. Factors and conditions of digital transformation of socio-economic systems, *Journal of Altai Academy of Economics and Law, Academy of Digital Economy (ANO DPO)*, 2019, no. 2 (Part 2), pp. 253–259. (In Russian).
3. Ershov M. V. The world in 2020: New challenges expose systemic changes in the economy, *Voprosy Ekonomiki*, 2020, no. 12, pp. 5–23. (In Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-5-23>
4. Kochetkov E. P. Digital transformation of economy and technological revolutions: Challenges for the current paradigm of management and crisis management, *Strategic Decisions and Risk Management*, 2019, vol. 10, no. 4, pp. 330–341. (In Russian). <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2019-4-330-341>
5. Mau V. A. Coronavirus pandemic and trends of economic policy, *Voprosy Ekonomiki*, 2021, no. 3, pp. 5–30. (In Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-3-5-30>
6. Manushin D. V. Innovative digital technologies as an instrument of anti-crisis management in the Russian economy, *Proceedings of II All-Russian Scientific and Practical Conference "Vector of managerial approaches development in digital economy"*, Kazan, December 5, 2019, Kazan, Poznanie, 2020, pp. 139–146. (In Russian).
7. The UN Report "The World Economic Situation and Prospects, 2021", *International Union of Economists*. Available at: <https://iuecon.org/events/post-release/mirovooe-ekonomicheskoe-polozhenie-i-perspektivy-2021.php> (accessed 10.08.2021).
8. Report "The Socio-economic Situation of Russia", *Federal State Statistics Service (Rosstat)*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (accessed 01.08.2021).
9. Mirkin Ya. A sense of challenge, *Rossiiskaya gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2021/04/13/iakov-mirkin-v-2020-godu-rossiia-v-ekonomicheskom-plane-sdelala-shag-nazad.html> 14.04.2021 (accessed 10.08.2021).
10. Nikolaev I. Economic results of 2020: we have fallen less, we shall be impoverished more, *Ekho Moskvy*. Available at: https://echo.msk.ru/blog/nikolaev_i/2765606-echo/ (accessed 10.08.2021).
11. Operational Report for 2020 (On the Implementation of the Federal Budget in January-December 2020), *Accounts Chamber of the Russian Federation*. Available at: <https://ach.gov.ru/audit/12723> (accessed 10.08.2021).
12. Prospects for the Development of the World Economy: Overcoming an uneven economic recovery, *International Monetary Fund*. Available at: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/2021/April/Russian/texttr.ashx> (accessed 10.08.2021).

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

УДК 338.28

JEL E69

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-139-146

Глухов Константин

Вячеславович

ведущий советник, Министерство
экономического развития Российской
Федерации, г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-3305-1643

e-mail: konstantingluhov@gmail.com

Шипилова Марина

Владимировна

студент, ФГБОУ ВО «Российская
академия народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»,
г. Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3302-3885

e-mail: marina.shipilova.2001303@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ФОНДОВОГО РЫНКА КАК СПОСОБ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ

Аннотация. Определены возможности использования инструментов фондового рынка как источника финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства во время кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией COVID-19, а также разработки предложений по расширению системы мер государственной поддержки для популяризации данного способа финансирования. Авторами выдвинута гипотеза, что фондовый рынок является эффективным инструментом для субъектов малого и среднего предпринимательства в период кризиса, однако на данный момент редко используемым. Систематизированы и рассмотрены существующие методы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства при использовании инструментов фондового рынка. Определен порядок предоставления субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства и освещен порядок отбора эмитентов. Изучен зарубежный опыт поддержки малого и среднего предпринимательства через фондовый рынок на примере США и Польши. Проанализированы трудности, с которыми сталкиваются предприниматели при использовании инструментов фондового рынка в России, и вынесены предложения по их преодолению. Сделаны выводы об эффективности данного способа поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в период сложной экономической ситуации. Сформулировано предложение о расширении системы государственной поддержки и популяризации такого способа финансирования среди субъектов малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, государственная поддержка, фондовый рынок, кризис, COVID-19, Правительство Российской Федерации, зарубежный опыт, альтернативный источник финансирования

Для цитирования: Глухов К.В., Шипилова М.В. Использование инструментов фондового рынка как способ поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в период экономических кризисов // Вестник университета. 2021. № 10. С. 139–146.

Konstantin V. Gluhov

Leading Advisor, Ministry of Economic
Development of Russian Federation,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3305-1643

e-mail: konstantingluhov@gmail.com

Marina V. Shipilova

Student, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3302-3885

e-mail: marina.shipilova.2001303@mail.ru

USE OF STOCK MARKET INSTRUMENTS AS A WAY TO SUPPORT SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES DURING ECONOMIC CRISES

Abstract. This study determines the possibilities of using stock market instruments as a source of financing for small and medium-sized businesses during the COVID-19 coronavirus crisis, as well as developing proposals for expanding the system of public support measures to popularise this mode of financing. The authors put forward a hypothesis that the stock market is an effective tool for small and medium-sized businesses to use in times of crisis, but that it is rarely used at the moment. The existing methods of state support for small and medium-sized businesses using stock market instruments have been systematised and reviewed. The procedure for granting subsidies to small and medium-sized businesses has been defined and the procedure for selecting issuers has been highlighted. Foreign experience of supporting small and medium-sized businesses through the stock market, using the United States and Polish examples, has been studied. The difficulties encountered by entrepreneurs in using the stock market instruments in Russia have been analysed and proposals for overcoming them have been made. Conclusions have been made on the effectiveness of this way of supporting small and medium-sized businesses in a difficult economic situation. A proposal to expand the system of state support and popularise this method of financing among small and medium-sized businesses has been formulated.

Keywords: small and medium businesses, enterprises, state support, stock market, crisis, COVID-19, Government of the Russian Federation, foreign experience, alternative sources of financing

For citation: Gluhov K.V., Shipilova M.V. (2021) Use of stock market instruments as a way to support small and medium-sized businesses during economic crises. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 139–146. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-139-146

© Глухов К.В., Шипилова М.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Gluhov K.V., Shipilova M.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Малое и среднее предпринимательство (далее – МСП) является одним из самых важных элементов стабильной рыночной экономики, без которого устойчивое развитие государства представляется затруднительным. МСП представляет собой социально-экономический институт, без которого невозможно развитие здоровой конкурентной среды экономики, необходимой для преодоления отраслевого и регионального монополизма и безработицы. Кроме того, МСП создает значительное количество новых рабочих мест, осуществляет значимый вклад в формирование среднего класса, необходимого для устойчивого развития общества, а также играет огромную роль в обеспечении социально-политической стабильности в обществе. Развитие малого и среднего бизнеса ведет к оздоровлению экономики. Важность развития малого и среднего бизнеса подчеркивают такие исследователи, как Ю. А. Балдина, Е. З. Герчикова, О. В. Гудкова, Ю. Г. Кузменко, А. В. Резепин и многие другие [1; 2; 3; 4].

Постановка проблемы

Сегодня субъекты МСП испытывают множество трудностей, связанных с текущей глобальной пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. Безусловно, пандемия ударила не только по здоровью людей, но и по всей экономике в целом. На такое положение дел повлияли локдауны почти во всех странах мира, ограничившие работу бизнеса и прочих учреждений. Согласно статистическим данным, пандемия затронула деятельность более 70 % малых, средних и крупных предприятий, а также индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации [6]. Малому и среднему бизнесу пришлось столкнуться с необходимостью поиска дополнительных источников финансирования. Большинство российских предпринимателей склоняется в пользу кредита как источника получения дополнительного финансирования. При этом весьма привлекательной альтернативой в данном случае может являться использование инструментов фондового рынка. Немаловажным является тот факт, что при их использовании возможно получить государственную поддержку.

Целью данного исследования является определение возможностей использования инструментов фондового рынка как источника финансирования субъектов МСП во время кризиса, вызванного новой коронавирусной инфекцией COVID-19, анализ зарубежного опыта по реализации подобных мер поддержки субъектов МСП, а также разработка предложений по расширению системы мер государственной поддержки для популяризации данного способа финансирования.

Зарубежный опыт

Малый и средний бизнес чрезвычайно важен для устойчивого развития любого государства, именно поэтому государственная экономическая политика различных стран направлена на поддержку субъектов МСП. Так, государственная поддержка использования инструментов фондового рынка как альтернативного способа привлечения финансирования для субъектов МСП предусмотрена во многих странах мира. В США и Европе средний бизнес имеет возможность выходить на первичное публичное размещение акций компании (эмиссию) (от англ. Initial Public Offering, далее – IPO) по упрощенной процедуре.

Фондовый рынок США является одним из самых крупных и ликвидных в мире, а его регулирование представляет собой сложную систему. 5 апреля 2012 г. был подписан закон Jumpstart Our Business Startups Act, или JOBS Act, нацеленный стимулировать финансирование малого бизнеса в США через послабление достаточно большого количества правил по ценным бумагам для субъектов МСП [11]. Этот закон значительно снижает требования к отчетности и надзору для этих компаний. К примеру, он позволяет компаниям с выручкой менее 1 млрд долл. США при выходе на биржу предоставлять отчетность за два года вместо стандартных трех. Кроме того, он значительно снижает требования к отчетности и надзору для этих компаний. До принятия JOBS Act в большинстве случаев только аккредитованные инвесторы могли инвестировать в стартапы.

Путем упрощения процедуры выхода на фондовый рынок для субъектов МСП пошла Польша. Так, Варшавская фондовая биржа еще в 2007 г. предложила эмитентам и инвесторам сегмент NewConnect, предназначенный для молодых быстроразвивающихся компаний, которым нужен капитал от 100 тыс. долл. США. NewConnect представляет собой альтернативную фондовую биржу, позволяющую небольшим компаниям размещать акции, обмен на которой проводится за пределами регулируемого рынка. Преимущест-

вом NewConnect являются более низкие затраты для размещаемых компаний, а также упрощенные критерии входа и ограниченные требования к отчетности. Однако данная площадка была популярна лишь среди частных мелких инвесторов.

В связи с этим Варшавская фондовая биржа с целью завоевать доверие на рынке NewConnect и сделать рынок привлекательным для различных групп инвесторов, в том числе крупных, осуществила его перезапуск под названием NewConnect 2.0. Одним из основных столпов NewConnect 2.0 является назначение Совета Авторизованных советников. Он будет состоять из 12 членов, включая 9 Авторизованных советников. В обязанности совета будет входить выдвижение предложений относительно направления развития рынка, определение принципов деятельности Авторизованных советников, принятие мер, улучшающих качество услуг [12]. Это сделано для того, чтобы Авторизованные советники брали на себя больше ответственности за данный рынок. Планируется, что это увеличит доверие к данному рынку и таким образом поспособствует привлечению крупных игроков. С 2013 г. число компаний, обращающихся на данной площадке, снизилось на 39 единиц или (24,49 %) (табл. 1). Данный процесс обусловлен ужесточением правил отбора при входе на данную площадку. Кроме этого, для части компаний NewConnect становится лишь первым шагом перед листингом на Варшавской фондовой бирже. Но несмотря на это, площадка продолжает пользоваться популярностью. Так, с начала 2021 г. 13 компаний уже осуществило листинг. Площадка NewConnect зарекомендовала себя как эффективный инструмент привлечения финансирования для субъектов МСП, которая осуществляет свою работу на протяжении 14 лет.

Таблица 1

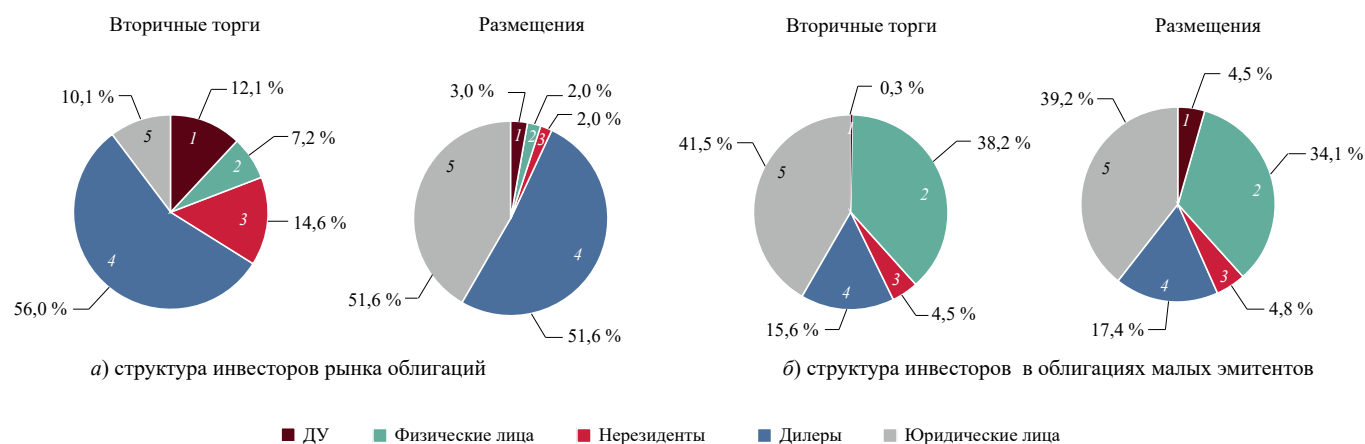
Основная статистика NewConnect на июнь 2021 г.

Показатель	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2018 г.	2017 г.	2016 г.	2015 г.	2014 г.	2013 г.	2012 г.	2011 г.	2010 г.
Курс обмена доллара (конец программы)	3,67	3,69	3,80	3,76	3,48	4,18	3,88	3,55	3,02	3,09	3,42	2,96
Курс обмена евро (конец программы)	4,48	4,53	4,26	4,30	4,17	4,42	4,24	4,31	4,15	4,07	4,42	3,96
Количество торговых дней	102	252	248	247	250	251	251	249	247	249	251	253
<i>Инструменты</i>												
Компании, в том числе:	366	373	375	387	408	406	418	431	445	429	351	185
иностраннные	4	5	6	6	7	8	9	10	11	8	7	3
новые листинги	13	14	15	15	19	16	19	22	42	89	172	86
делистинги	22	16	27	36	17	30	32	36	26	10	7	8
<i>Индексы</i>												
Значение NCIndex (конец программы)	484,95	495,11	237,06	198,72	278,22	306,50	278,37	290,36	366,01	332,60	416,20	634,40
Доходность NCIndex, %	-2,05	108,85	19,29	-28,57	-9,23	10,11	-4,13	-20,67	10,05	-20,09	-34,39	27,65
<i>Рыночная капитализация</i>												
Отечественные компании, польские злотые	20,453	18,669	9,095	7,151	9,409	9,476	8,419	8,752	10,445	10,81	8,384	4,971
Иностранные компании, польские злотые	301	1,091	610	235	208	323	245	370	583	283	104	167

Показатель	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2018 г.	2017 г.	2016 г.	2015 г.	2014 г.	2013 г.	2012 г.	2011 г.	2010 г.
<i>Акции</i>												
Общая стоимость оборота, польские злотые	3,809	14,942	1,533	1,66	1,468	1,36	1,949	1,435	1,226	1,303	1,954	1,847
Стоимость оборота электронной книги заявок, польские злотые	3,737	14,743	1,438	1,575	1,322	1,197	1,722	1,22	940	1,141	1,858	1,753

Источник: [13]

Как показывает практика, чем меньше компания, тем меньшим спросом пользуются ее облигации. При этом стоит отметить, что облигации субъектов МСП пользуются популярностью среди физических лиц. Так, их доля в облигациях малых эмитентов выше, чем в целом по рынку облигаций (рис. 1).

Источник: [9]

Рис. 1. Структура инвесторов на рынке облигаций MOEX и в облигациях малых эмитентов на MOEX

При этом сохраняется необходимость стимулировать спрос на облигации субъектов МСП. Это возможно осуществить с помощью снижения ставки на получение купонного дохода с облигаций. Данная мера позволит увеличить популярность данного типа облигаций среди инвесторов.

В 2020 г. в мире было проведено 1 363 IPO, в ходе которых привлечено 268 млрд долл. США [8]. В 2020 г. в Северной и Южной Америке показатели IPO и выручка увеличились на 30 % и 78 % соответственно. В Азиатско-Тихоокеанском регионе количество сделок увеличилось на 20 %, выручка – на 45 %. Между тем количество сделок в развивающихся странах выросло на 7 %, а выручка снизилась на 43 % по сравнению с 2019 г. [10]. Кризис заставляет компании искать новое дополнительное финансирование. Так, IPO позволяет привлекать деньги на более выгодных условиях. Однако, субъекты МСП редко используют данный способ привлечения капитала в компанию. Это обусловлено тем, что большинство предпринимателей боятся потерять контроль над организацией.

Для инвесторов IPO представляет собой достаточно рисковое мероприятие. Зачастую даже крупным компаниям сложно привлечь достаточное количество инвесторов, желающих поучаствовать в их IPO. Субъектам МСП это сделать значительно сложнее.

Существуют определенные преимущества выпуска облигаций субъектов МСП перед кредитом, среди которых возможно выделить:

- отсутствие требования к залоговому обеспечению;
- диверсификация источников финансирования;

- отсутствие требования по целевому использованию привлеченных ресурсов;
- формирование публичной кредитной истории, которая в будущем удешевит привлечение финансирования;
- повышение узнаваемости бренда и, как следствие, приток новых клиентов;
- наличие механизма оферты;
- более длительный срок привлечения заемного финансирования.

Кроме того, можно выделить также дальнейший упрощенный выход на рынок акционерного капитала, то есть проведение IPO. Таким образом, компания не только получает необходимое финансирование, но и становится публичной, что находит свое отражение в росте ее выручки.

Механизмом обеспечения стабильного функционирования субъектов МСП является система управления, включающая планирование, анализ и контроль устойчивости сектора МСП для создания необходимых условий конкурентоспособного развития малых и средних организаций [5].

Меры государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства по выходу на фондовый рынок в Российской Федерации

На данный момент времени существует целая система инструментов поддержки субъектов МСП в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», разработанных Министерством экономического развития Российской Федерации (далее – Минэкономразвития России).

Так, в рамках реализации вышеуказанного национального проекта утверждено постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2019 г. № 532 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям – субъектам малого и среднего предпринимательства в целях компенсации части затрат по выпуску акций и облигаций и выплате купонного дохода по облигациям, размещенным на фондовой бирже» (далее – Программа).

Программа предусматривает субсидирование ставки купона по облигациям (размер субсидии до 70 % от выплат купонного дохода, но не более 2/3 ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации) и субсидирование подготовки к листингу (эмитенту компенсируются затраты по выходу на биржу в размере 2 % от объема выпуска облигаций, но не более 1,5 млн руб.). Субсидии предоставляются два раза в год до 1 июля и до 1 октября российским организациям – субъектам МСП. Субсидии являются источником возмещения следующих фактически понесенных и документально подтвержденных затрат эмитента:

- уплата вознаграждения по договору (договорам) об организации размещения и (или) размещении выпуска акций или облигаций (далее – субсидии по размещению);
- выплата процентного (купонного) дохода по выпуску облигаций, в том числе осуществленная эмитентом до завершения размещения выпуска облигаций (далее – субсидии по процентным (купонным) выплатам).

Заявки регистрируются в порядке их поступления Минэкономразвития России; в течение пяти рабочих дней проверяют комплексность необходимых документов и соответствие требованиям. *(Срок может быть продлен не более чем на десять рабочих дней в целях получения от эмитентов непредставленных документов. – Прим. авт.).*

После проверки копии документов направляются в АО «Корпорация «МСП» (далее – Корпорация). Корпорация в течение десяти рабочих дней со дня поступления копий документов выносит соответствующее заключение о соответствии направленных документов требованиям Программы. *(Срок может быть продлен не более чем на десять рабочих дней в целях получения от Минэкономразвития России непредставленных документов – Прим. авт.).* В течение пяти рабочих дней со дня поступления заключения Корпорации Минэкономразвития России направляет его, заявку на заключение соглашения и все необходимые документы на рассмотрение комиссии. Заседание комиссии проводится по мере необходимости, но не менее двух раз в год. Решение принимается голосованием не менее чем 2/3 голосов членов комиссии (при равенстве голосов принятым считается решение, за которое проголосовал председательствующий на комиссии). В течение трех рабочих дней со дня принятия комиссией решения о заключении соглашения о предоставлении субсидии или об отказе, уведомление о принятии такого решения направляется в адрес эмитента. Перечисление субсидии на расчетный счет эмитента происходит в течение десяти рабочих дней со дня принятия решения о предоставлении субсидии. Субсидия предоставляется эмитенту на основании соглашения о предоставлении субсидии, заключенного

эмитентом и Минэкономразвития России. Контроль за соблюдением целей, условий и порядка предоставления субсидий осуществляется Минэкономразвития России и уполномоченным органом государственного финансового контроля.

В рамках реализации Программы в 2019 г. оказана поддержка 7 эмитентам на сумму 28,563 млн руб. В 2020 г. оказана поддержка 18 эмитентам на сумму 124,2 млн руб. [7]. В соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 385-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 годов» для реализации Программы в 2021 г. предусмотрены бюджетные ассигнования в размере 27 млн руб. на выплаты субсидии по размещению, а также 266 млн руб. на выплату субсидии по процентной (купонной) выплате.

Кроме того, Корпорация предоставляет независимые гарантии и поручительства по облигационным выпускам субъектов МСП, максимальная сумма поручительства/гарантии составляет 1 млрд руб. Существенной поддержкой являются якорные инвестиции. МСП Банк участвует в размещении облигационных выпусков эмитентов МСП. Инвестиции МСП Банка не могут превышать 50 % от объема выпуска (не более 1 млрд руб.). Данный факт придает последующим инвесторам определенную степень уверенности. Дополнительно, предпринимателям осуществляется бесплатная консультационная помощь.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, опираясь на существующие потребности малого и среднего бизнеса в России и зарубежный опыт, можно предложить следующие пути повышения привлекательности фондового рынка для субъектов МСП:

- снижение ставки на получение купонного дохода с облигаций субъектов МСП;
- субсидии на рекламу, направленную на привлечение инвесторов, желающих принять участие в IPO;
- снижение требований к отчетности и надзору для субъектов МСП, в том числе уменьшить срок, за который компания должна предоставить отчетность до двух лет;
- создание альтернативной торговой площадки, которая будет упрощать листинг акций субъектов МСП.

МСП является необходимым и чрезвычайно важным звеном в государстве с экономикой рыночного типа. Сегодня наше государство, как и многие другие, находится в сложной экономической ситуации, вызванной новой коронавирусной инфекцией COVID-19. Она нанесла большой удар по малому и среднему бизнесу, и это заставило его искать новые источники финансирования. Фондовый рынок является эффективным инструментом, который может использоваться субъектами МСП в период кризиса.

В настоящий момент, государство уже обеспечивает ощутимую поддержку субъектам МСП в выходе на фондовый рынок, однако данный способ привлечения финансирования достаточно редко используется. Для увеличения его популярности необходимо расширение системы мер государственной поддержки. Для этого следует опираться на потребности, возникающие у субъектов МСП при использовании инструментов фондового рынка. При условии устранения возникающих барьеров на пути использования фондового рынка субъектами МСП, частота использования данного вида финансирования значительно возрастет.

Кроме того, необходим анализ зарубежного опыта, чтобы воспользоваться положительным примером других государств, которые смогли привлечь на фондовый рынок субъекты малого и среднего бизнеса. Естественно, полностью заимствовать всю систему зарубежной государственной поддержки субъектов МСП с помощью фондового рынка невозможно. Необходимо лишь взять лишь некоторые аспекты, наиболее подходящие для отечественных экономических реалий, и внедрить их в российскую практику. Данные меры необходимо применять уже в настоящий момент, так как они могут помочь многим компаниям преодолеть экономический кризис.

Библиографический список

1. Балдина, Ю. А. Роль и место субъектов малого и среднего предпринимательства в современных экономических условиях // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и Право. – 2016. – Т. 26, № 4. – С. 7–10.
2. Герчикова, Е. З. Развитие малого предпринимательства как фактор повышения уровня экономической безопасности // Экономическая безопасность и качество. – 2018. – № 1(30). – С. 61–64.
3. Гудкова, О. В. Роль и значение малого бизнеса, положение в современной экономике // Хроноэкономика. – 2020. – № 3(24). – С. 98–103.

4. Кузменко, Ю. Г., Балдина, Ю. А., Резепин, А. В. Развитие малого и среднего бизнеса как фактор устойчивого развития региона (на примере Челябинской области) // Интернет-журнал «Наукоеведение». – 2017. – Т. 9, №4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/08EVN417.pdf> (дата обращения: 25.06.2021).
5. Морозко, Н. И., Морозко, Н. И., Диденко, В. Ю. Финансовые и нефинансовые меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на 2021 год и среднесрочную перспективу // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 31–40. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-1-31-40>
6. Гальчева, А., Химшиашвили, П. Почти 70 % российских компаний пострадали из-за пандемии коронавируса // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/28/05/2020/5ecf711b9a7947324d1448cf/> (дата обращения: 25.06.2021).
7. Национальный проект: Развитие инструментов фондового рынка для субъектов МСП. Роль Банка России // Банк России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/StaticHtml/File/41186/Poliakova_Bank_Rossii.pdf (дата обращения: 25.06.2021).
8. Поехали! Как на рынке IPO открылось окно возможностей // Сбер Про (Информационное Агентство) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sber.pro/publication/poekhali-kak-na-rynke-ipo-otkrylos-okno-vozmozhnostei> (дата обращения: 25.06.2021).
9. Рынок облигаций как средство привлечения инвестиций для бизнеса. Сектор Роста Московской Биржи. Октябрь 2019 // Московская Биржа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://jus-cogens.ru/wp-content/uploads/2019/10/Костылев-МА-Сектор-Роста-октябрь-2019.pdf> (дата обращения: 25.06.2021).
10. Is your business model resilient enough to weather any storm? Global IPO Trends: Q4 2020 // Ernst & Young (Research Report) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_gl/topics/growth/ey-global-ipo-trends-2020-q4.pdf (дата обращения: 25.06.2021).
11. JOBS Act (the Jumpstart Our Business Startups Act) in Congress assembled (April 5, 2012) // The Senate and House of Representatives of the United States of America Public Law [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.congress.gov/112/plaws/publ106/PLAW-112publ106.pdf?__cf_chl_jschl_tk__=pmd_ojk2o.n4skLn0gDAHgyEt7Nig7mKGgGVD.RGAQJ98-1635157255-0-gqNtZGzNAnujcnBszRJ9 (дата обращения: 25.06.2021).
12. NewConnect 2.0 – это новый этап в развитии альтернативной торговой системы (АТС) // Stock World (Информационное Агентство) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stockworld.com.ua/ru/news/vfb-pieriezapustila-new-connect> (дата обращения: 25.06.2021).
13. New Connect Main Statistics as of June 2021 // New Connect [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newconnect.pl/newconnect-main-statistic> (дата обращения: 25.06.2021).

References

1. Baldina Yu. A. The role and position of small and medium-sized entities in contemporary economic environment, *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2016, vol. 26, no. 4, pp. 7–10. (In Russian).
2. Gerchikova E. Z. Development of small entrepreneurship as a factor of increasing the level of economic security, *Ekonomicheskaya bezopasnost' i kachestvo*, 2018, no. 1(30), pp. 61–64 (In Russian).
3. Gudkova O. V. The role and importance of small business, the situation in the modern economy, *HronoEconomics*, 2020, no. 3(24), pp. 98–103. (In Russian).
4. Kuzmenko Yu. G., Baldina Yu. A., Rezepin A. V. Development of small and medium-sized businesses as a factor of sustainable development of the region (on the example of the Chelyabinsk region), *Internet Journal "Naukovedenie"*, 2017, vol. 9, no. 4. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/08EVN417.pdf> (accessed 25.06.2021). (In Russian).
5. Morozko N. I., Morozko N. I., Didenko V. Yu. Financial and non-financial measures to support small and medium-sized businesses in 2021 and in the medium term, *Economy. Taxes. Law*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 31–40. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2021-14-1-31-40>
6. Galcheva A., Khimshiashvili P. Almost 70% of Russian companies have suffered due to the coronavirus pandemic, RBC. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/28/05/2020/5ecf711b9a7947324d1448cf/> (accessed 25.06.2021).
7. National Project: Development of stock Market Instruments for SMEs. The role of the Bank of Russia, *Bank of Russia*. Available at: https://cbr.ru/StaticHtml/File/41186/Poliakova_Bank_Rossii.pdf (accessed 25.06.2021).
8. Let's go! How a window of opportunity opened in the IPO market, *Sber Pro*. Available at: <https://sber.pro/publication/poekhali-kak-na-rynke-ipo-otkrylos-okno-vozmozhnostei> (accessed 25.06.2021).

9. The bond market as a means of attracting investments for business. The Growth Sector of the Moscow Stock Exchange. October 2019, *Moscow Stock Exchange*. Available at: <https://jus-cogens.ru/wp-content/uploads/2019/10/Костылев-МА-Сектор-Роста-октябрь-2019.pdf> (accessed 25.06.2021).
10. Is your business model stable enough to withstand any storm? Global IPO Trends: Q 4 2020, *Ernst & Young (Research Report)*. Available at: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_gl/topics/growth/ey-global-ipo-trends-2020-q4.pdf (accessed 25.06.2021).
11. JOBS Act (the Jumpstart our Business Startups Act) in Congress assembled (April 5, 2012), *The Senate and House of Representatives of the United States of America Public Law*. Available at: https://www.congress.gov/112/plaws/publ106/PLAW-112publ106.pdf?__cf_chl_jschl_tk__=pmd_ojk2o.n4skLn0gDAHgylsEt7Nig7mKGgGVD.RGAQJ98-1635157255-0-gqNtZGzNAnujc-nBsZRJ9 (accessed 25.06.2021).
12. NewConnect 2.0 is a new stage in the development of an alternative trading system (PBX), *Stock World (News Agency)*. Available at: <https://www.stockworld.com.ua/ru/news/vfb-pieriezapustila-new-connect> (accessed 25.06.2021).
13. New Connect Main Statistica as of June 2021, *New Connect*. Available at: <https://newconnect.pl/newconnect-главная-статистика> (accessed 25.06.2021).

Степанова Марина Николаевна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Байкальский государственный
университет», г. Иркутск,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9776-1129

e-mail: StepanovaMN@bgu.ru

МЕСТО И РОЛЬ СТРАХОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ «ЗЕЛеной» ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В работе реализован институциональный и функциональный подход к определению места и роли страхования в формировании «зеленой» экономики. Рассмотрены способы его интеграции, как составного элемента финансовой системы. Обобщены взгляды ученых, занятых различными аспектами моделирования «зеленой» экономики, на функциональную полезность страхования. Проанализированы особенности использования термина «зеленое страхование», вкладываемые в него смыслы. Сделан вывод, что соответствующее понятие пока не столь однозначно, чтобы его можно было употреблять в качестве научного. Другой важный вывод, вынесенный на обсуждение, – возможности страхования как инструмента управления рисками в рамках реализации стратегии построения «зеленой» экономики неправильно связывать исключительно с экологическим страхованием, необходимо рассматривать возможность расширения сфер его применения как за счет более полного охвата носителей риска, так и видового состава потенциальных угроз.

Ключевые слова: зеленое страхование, экологическое страхование, зеленая экономика, зеленые финансы, страхование, развитие страхования, экологические риски, управление экологическими рисками, проектное финансирование

Для цитирования: Степанова М.Н. Место и роль страхования в формировании «зеленой» экономики // Вестник университета. 2021. № 10. С. 147–154.

THE PLACE AND ROLE OF INSURANCE IN SHAPING A “GREEN” ECONOMY

Abstract. The paper implements an institutional and functional approach to determining the place and role of insurance in shaping a “green” economy. The ways of integrating it as a constituent element of the financial system have been considered. The views of scientists involved in various aspects of modelling the “green” economy on the functional utility of insurance have been summarised. The use of the term “green insurance” and the meanings it implies have been analysed. The author has concluded that the relevant concept of “green insurance” is not yet so unambiguous that it can be used as a scientific concept. Another important conclusion that has been brought up for discussion is that the potential of insurance as a risk management tool within the green economy strategy is not to be confined to environmental insurance, but should be considered in expanding its scope of application to include both the fuller coverage of risk carriers and the range of potential hazards.

Keywords: green insurance, environmental insurance, green economy, green finance, insurance, insurance development, environmental risks, environmental risk management, project financing

For citation: Stepanova M.N. (2021) The place and role of insurance in shaping a “green” economy. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 147–154. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-147-154

Введение

«Зеленую» экономику позиционируют как новую парадигму экономического развития, отмечая, что это «не просто тренд, а во многом вопрос энергетической и технологической безопасности» [9; 20]. При всем многообразии подходов к изучению ее особенностей, процесса становления и развития, нет комплексных исследований, направленных исключительно на определение места и роли института страхования в построении соответствующей модели (либо их результаты не обнародованы). В работах ученых, посвященных экономическому моделированию «зеленой» экономики, страхование в большинстве случаев лишь упоминается. Как правило, это происходит в контексте решения проблем нивелирования экологических рисков с использованием

© Степанова М.Н., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Stepanova M.N., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

экологического страхования [4]: его предлагается рассматривать в качестве «одного из возможных прорывных направлений модернизации, содействующего разработке, внедрению и распространению технологических инноваций» [8, с.40]. Экологическое страхование фактически относят к методам регулирования в сфере охраны окружающей среды, применение которого способствует минимизации риска экологического загрязнения [9]. При этом совершенно забывается о том, что страхование в первую очередь институциональный субъект, ресурсы которого могут быть задействованы для решения конкретных задач, в том числе в области проектного финансирования. В некоторых случаях страхование становится инструментом регуляторного воздействия на экономические субъекты, деятельность которых связана с повышенным риском причинения вреда окружающей природной среде – для этого используются механизмы обязательного страхования, дифференциации тарифов и лимитов ответственности, установление франшиз и другие инструменты. За счет участия страховщиков в превентивных мероприятиях и стимулирования реализации предупредительных мер носителями риска, в том числе путем введения определенных ограничений, установления соответствующих обязанностей, применения принципов софинансирования риска и установления франшиз, страхование становится возможным отнести и к «рыночным инструментам стимулирования природоохранной деятельности» [19].

Методология

Цель работы – развитие теоретических основ страхования посредством определения его места и роли в формировании «зеленой» экономики. Автором были поставлены следующие задачи: выявить современные подходы к позиционированию страхования в свете концепции «зеленой» экономики и раскрыть их содержание; исследовать контексты употребления термина «зеленое страхование» и дать соответствующую оценку. В качестве основного метода исследования выбран дискурс-анализ научного материала, посвященного различным аспектам формирования «зеленой» экономики, его критическая оценка. Исследование проводилось с учетом соблюдения принципов достоверности, объективности и детерминированности.

Результаты и их обсуждение

Можно выделить два подхода к изучению места и роли страхования в формировании «зеленой» экономики: институциональный, при котором решается вопрос о том, какой частью общей системы является страхование, и функциональный, позволяющий установить, что полезного для нее может дать этот элемент. С сожалением стоит отметить, что ни в том, ни в другом случае в научном дискурсе не находим полноты и единообразия соответствующей детерминации и это дает повод для новых научных изысканий.

Так, в контексте построения «зеленой» экономики институционально страхование рассматривается как один из ее «модулей» [12, с. 13], как «элемент «зеленой» финансовой системы» [6, с. 335] и в качестве инфраструктурного элемента [26, с. 6].

По мнению С. М. Никонорова, страхование является самостоятельным модулем системы «Зеленая экономика» (одним из четырех взаимосвязанных между собой) [12, с. 13]. Его характеризует: структурная и институциональная обособленность; наличие взаимосвязи с розничными финансами, инвестиционными финансами, управлением активами; внедрение в систему через экострахование.

Вместе с тем существует и иной подход к определению способа интеграции страхования в систему «Зеленая экономика»: а именно как составного элемента финансовой системы. В данном случае основной акцент делается на возможность системы генерировать финансовые продукты с экологической составляющей. Однако, исходя из функций и возможностей страхования как институционального элемента, границы его участия в построении «зеленой» экономики можно расширить за счет возможного участия страховых организаций в инвестировании проектов, связанных с изменением климата и решении иных экологических проблем [17, с. 12], и в финансировании природоохранных мероприятий, как формы реализации превентивных мер, применяемых для минимизации страхуемых рисков. В таком прочтении видится приближенность к концепции «зеленых» финансов, базисным ориентиром которой выступают «финансовые услуги, предназначенные для экономической деятельности, направленной на улучшение окружающей среды, смягчение последствий изменения глобального климата и более эффективное использование ресурсов» [26]. В более широком понимании это не просто предоставление финансовых услуг, а «вид деятельности, осуществляемый в сфере финансовых услуг» [10, с. 146].

Таким образом, в настоящее время в научном дискурсе участие института страхования в построении «зеленой» экономики, если его рассматривать через финансовую интеграцию, представлено через:

- финансовые продукты;
- финансовые услуги;
- финансирование проектов.

Формирование продуктов, являющихся основой для дальнейшего предоставления страховых услуг, связывается с основной миссией страхования – минимизацией неблагоприятных последствий реализации рисков. Несмотря на то, что оценка финансовых последствий реализации экологических рисков, представляющих основной (но не единственный) интерес в концепции построения «зеленой» экономики, крайне осложнена [3, с. 21], это не снижает ценности страхования как рыночного механизма их нивелирования. Ученые признают его «теоретически хорошо проработанным и экспериментально проверенным» инструментом риск-менеджмента [8, с. 40], а само управление рисками метафорично называют «ключом для ускорения инвестиционных процессов в «зеленую» экономику» [3, с. 21].

В докладе о глобальных рисках Всемирного экономического форума отмечается, что «изменение климата поражает сильнее и быстрее, чем ожидалось», фактически имеет место климатический кризис, приводящий к разрушению экосистем [28]. Как следствие, предусматриваемый колоссальный ущерб, прямой и косвенный, достаточно сложно оцениваемый, но требующий беспрецедентных мер превенции, оптимизации соотношения способов минимизации и поиска источников покрытия. С точки зрения реализации риска прямого материального ущерба и причинения вреда жизни и здоровью населения (вне учета отложенных эффектов) наибольшую обеспокоенность вызывают участвовавшие экстремальные погодные явления, крупные стихийные бедствия (землетрясения, цунами, извержения вулканов и геомагнитные бури), приводящие к человеческим жертвам, утрате (повреждению) имущества, инфраструктуры [28]. Его дополняет риск антропогенного ущерба окружающей среде, в том числе посредством совершения экологических преступлений, таких как разливы нефти и радиоактивные загрязнения [24]. Социальную обеспокоенность вызывает синергия влияния экологических проблем или так называемой экологической деградации на здоровье населения планеты [2]. По мнению исследователей, потенциальные последствия реализации соответствующих рисков могут быть столь колоссальными, что фактически способны привести к разрушению финансовой системы [3, с. 21]. Понимание и принятие этой угрозы актуализирует задачу обеспечения финансовой готовности к чрезвычайным ситуациям, создания страховых фондов, адекватных предварительной оценке потенциального ущерба. «Парижское соглашение» 2015 г., заключенное между 175 странами мира, в число которых входит и Россия, содержит признание важности мер по предупреждению и минимизации соответствующих потерь и ущерба, относя к их числу «страхование рисков, создание пулов климатических рисков и другие решения в области страхования».

Развитие теории «зеленой» экономики предполагает формирование особого понятийного аппарата [14], в том числе уверенно закрепляя термин «зеленое страхование» [15], который в контексте излагаемого материала в соответствии с традициями легкого принятия нововведений было бы весьма кстати употребить (хотя по личному убеждению автора, такое упрощение языка, заведомо приводящее к искажению смыслов, крайне нежелательно). По нашему мнению, даже если это будет неизбежно, введение в оборот данного термина и его использование в научных дискурсах преждевременно:

- мы стоим в истоках осмысления роли страхования в построении «зеленой» экономики, еще не упорядочены, не систематизированы и комплексно не описаны все возможные связи, виды и формы отношений, возникающих на уровне «институт страхования – «зеленая» экономика, «страховые организации – экономические субъекты, формирующие «зеленую» экономику, «институт страхования – инвестиционный рынок «зеленых» проектов и т. п., в связи с чем говорить об определении содержательных границ понятия «зеленое страхование» еще слишком рано (безусловно, это относится к случаям, если предусматривается использование данного понятия в широком значении, выходящем за рамки предоставления соответствующих страховых услуг);
- если сводить понятие «зеленое страхование» исключительно к видам страхования или страховым продуктам, а именно так воспринимает данный оборот большинство исследователей, чей научный интерес связан с формированием «зеленой» экономики (то есть использовать его в узком значении), то нужно отдавать себе отчет в том, что и в этом случае вряд ли ученые в ближайшее время придут к единому мнению относительно

его содержания, тем более на фоне быстрой адаптации ассортимента рынка к потребностям получателей страховых услуг и появлении новых предложений. Подтвердим анализом существующих подходов.

Самым абстрактным представлением «зеленого страхования», из встретившихся в процессе дискурс-анализа, является лаконичное указание на то, что это вид деятельности [10, с. 146]. Такое позиционирование практически бессодержательно, но при этом и безвредно, так как является скорее исключением. Чаще всего «зеленое страхование» у исследователей ассоциируется исключительно с экологическим страхованием: «Зеленое страхование известно как экологическое страхование и служит инструментом управления экологическими рисками в рыночной экономике» [1; 8; 9; 13; 21; 26, с. 10]. Однако, встает вопрос о смысле, вкладываемых в содержание данного направления страховой защиты. Подход, представленный выше, фактически соответствует нормам российского законодательства: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» также связывает экологическое страхование с защитой от экологических рисков (ст. 18), под которыми устанавливает понимать «вероятность наступления события, имеющего неблагоприятные последствия для природной среды и вызванного негативным воздействием хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера» (ст. 1). В связи с этим определение экологического страхования как «института страхования риска аварийного загрязнения окружающей природной среды» [8] или страхования «ответственности за возмещение ущерба, нанесенного третьей стороной в результате аварии, связанной с загрязнением» [23] можно считать несколько сужающими представление о его содержании, поскольку авторами устанавливается ограничение по источнику риска (например, не предусматриваются чрезвычайные ситуации природного характера). Аналогичное заключение можно сделать в отношении оборота «страхование антропогенной нагрузки», используемого в контексте «зеленого страхования» [11].

Вместе с тем существует и иной подход, выводящий экологическое страхование за рамки рисков причинения ущерба природной среде – в этом случае используется более емкое понятие «окружающая среда», расширенное за счет включения в ее состав антропогенных объектов [7; 18, с.157; 22]. В этой связи нельзя не обратить внимание на точку зрения о том, что страхование ответственности за загрязнение окружающей среды это по сути и есть «зеленое страхование» [23].

По мнению Jin Noh Hae, «зеленое страхование» включает в себя два направления страховой защиты, представленное страховыми продуктами:

- предусматривающими дифференциацию страховых взносов в соответствии с экологическими характеристиками объекта страхования;
- специально разработанными для «чистых» технологий и мероприятий по сокращению выбросов (например, страхование «зеленого» жилья, построенного с применением энергоэффективных технологий).

Его дополняет страхование от выбросов углерода, направленное на снижение риска утраты сырья в результате, например, разрыва тела трубы трубопровода или резервуара и разгерметизации трубопровода и т. п. [27, с. 12].

Б. Б. Рубцов, И. А. Гусева и др. расширяют этот перечень страхованием автомобилей и страхованием от «чрезвычайных происшествий», однако ни объекты страхования, ни состав рисков при этом не уточняют [17, с. 15]. Исходя из содержания экологоориентированных продуктов, можно предположить, что это должно быть не классическое каско и экологическое страхование, а принципиально новые направления страховой защиты, расширяющие объем ответственности страховщиков за счет включения в него новых видов рисков.

По нашему мнению, рассматривая возможности страхования в формировании «зеленой» экономики с позиции минимизации неблагоприятных последствий реализации рисков, необходимо исходить из более емкого понимания как субъектного состава носителей риска, так и видового состава потенциальных угроз. Если все сводить к единственной категории получателей страховых услуг – предприятиям, имеющим источники повышенной опасности, и единственному виду страхования – экологическому, то это значит фактически искусственно ограничить потенциальные возможности страховой защиты и не выйти из зоны поверхностного понимания потребностей системы. Каждое промышленное предприятие, внедряющее «зеленые» технологии, включает в себя не только экологическую, но и технологическую и экономическую подсистемы, функционирующие в условиях специфических рисков и неопределенности, а значит может стать объектом страховой защиты [5]. Стоит обратить внимание на инфраструктуру «зеленой» экономики, особенно на те субъекты, чья деятельность связана с разработкой и реализацией решений

в области экологических инноваций, так как по мнению экспертов, риски реализации «зеленых» инфраструктурных проектов заслуживают не меньшего внимания, чем природные риски – они не менее разрушительны и одновременно «отягощены» традиционными рисками хозяйствующих субъектов (рыночными, коммерческими, техническими и т. д.), в большинстве случаев, подлежащих страхованию [3, с. 21; 25, с. 26]. И безусловно, нужно обратить внимание на проблему роста негативного влияния загрязнения окружающей среды на здоровье населения, «значительность социально-экономического вреда от экологической деградации» [2]. По оценкам экспертов, «экономические издержки для здоровья населения России, связанные с загрязнением воздуха и воды, достигают в среднем не менее 4–6 % от ВВП» [2]. Данный факт актуализирует развитие личного рискового страхования, которое при всей сложности выявления причинно-следственных связей между ухудшением здоровья и влиянием экологических факторов, латентности проявления соответствующих последствий, остается одним из наиболее значимых способов нивелировать финансовые последствия риска причинения вреда жизни и здоровью застрахованного лица.

Обобщая видение роли страхования в формировании «зеленой» экономики, можно отметить, что при всей малочисленности работ, в которых исследователи обращают внимание на страхование (чаще в контексте «зеленого» финансирования или природоохранной деятельности), сложилось абсолютно разное, многоаспектное восприятие его функциональности, выражаемое через такие определения, как «механизм», «средство», «метод», «инструмент». В частности, отечественные ученые воспринимают страхование как:

- рыночный механизм управления рисками;
- финансовый инструмент стимулирования «зеленых» производств;
- инструмент «зеленого» финансирования, инструмент финансирования проектов охраны окружающей среды, мера стимулирования инвестирования финансовых средств в проекты защиты окружающей среды;
- инструмент финансового регулирования «зеленой» экономики в сфере природоохранной и экономической деятельности;
- экономико-правовое средство охраны окружающей среды;
- экономический метод регулирования в сфере охраны окружающей среды;
- «экономический механизм реализации политических мер» для целей экологического благополучия [1; 4; 8; 9; 13; 16; 21].

Такое разнообразие подходов является косвенным свидетельством признания значимости страхования, его многофункциональности и многоаспектности.

Выводы

1. Страхование можно рассматривать как самостоятельный инфраструктурный элемент «зеленой» экономики и как составляющую «зеленых» финансов; через механизмы предоставления финансовых услуг, обеспечения заинтересованных лиц специальными страховыми продуктами, участия в проектном финансировании и осуществление соответствующих целям охраны окружающей среды превентивных мероприятий.

2. К настоящему времени сложилось многоаспектное восприятие функциональности страхования, в связи с чем есть основания полагать, что его роль в формировании «зеленой» экономики вышла за пределы обеспечения страховой защитой заинтересованных и связывается теперь главным образом с выполнением стимулирующей и регуляторных функций (в основном в отношении «зеленых» производств и охраны окружающей среды).

3. Понятие «зеленое страхование», укореняющееся в научном и профессиональном сообществе в свете развития концепции «зеленой» экономики, пока не столь однозначно, чтобы его можно было употреблять в качестве научного: установлена узкая трактовка термина и широкая, но ни в том, ни в другом случае нет четкой определенности и общего взгляда на определение его содержательных границ и вряд ли в ближайшее время они будут установлены.

4. Отечественными учеными возможности страхования, как инструмента управления рисками, в рамках реализации стратегии построения «зеленой» экономики связываются в большинстве случаев исключительно с экологическим страхованием, что, по нашему мнению, представляется весьма ограниченным и требует расширения сфер его применения как за счет более полного охвата носителей риска, так и видового состава потенциальных угроз.

Заключение

Переход к экологически ориентированному развитию требует адаптации различных сфер, отраслей и институтов к нуждам «зеленой» экономики [14]. Страхование не составит исключения: потребуется разработка страховых продуктов, адаптированных под специфику запроса получателей услуг; совершенствование методики оценки рисков, критериев определения ущерба и размера причиненного вреда при их реализации; применение положительного международного опыта в области «зеленого страхования» [26, с.10].

В связи с этим актуализируется задача проведения соответствующих изысканий, направленных на решение конкретных практико-ориентированных задач. Требуется развитие и теория «зеленого страхования», исследование особенностей различных вариантов «внедрения» института страхования в парадигму «зеленой» экономики.

Библиографический список

1. Андреева, О. В., Мелехова М. А., Туриченко, Л.П., Чернобай, О. С. Финансовые институты и инструменты «зеленой» экономики // *Фундаментальные исследования*. – 2020. – № 8. – С. 7–11. <https://doi.org/10.17513/fr.42818>
2. Бобылев, С. Н., Ревич, Б. А. Экологизация экономики и здоровье населения // *Экологическое право*. – 2018. – № 5. – С. 46–51.
3. Богачева, О. В., Смородинов, О. В. Проблемы «зеленого» финансирования в странах G20 // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2017. – Т. 61, № 10. – С.16–24.
4. Брославский, Л. И. Утечка нефти и экологическая безопасность: проблемы совершенствования российского законодательства // *Экологическое право*. – 2020. – № 6. – С. 20–25.
5. Епифанцева, Е. И. Эколого-экономические механизмы достижения устойчивого развития промышленного предприятия // *Baikal Research Journal*. – 2015. – Т. 6, № 5. – С. 5.
6. Ермакова, Е. П. Развитие правовых основ «зеленого» финансирования в России, ЕС и Китае: сравнительно-правовой анализ // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. – 2020. – Т.24, №2. – С. 335–352. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-2-335-352>
7. Клоков, К. М. Теоретические аспекты страхования гражданской ответственности предприятий - источников повышенной опасности // *Baikal Research Journal*. – 2013. – № 2. – С. 1–5.
8. Крутова, Л. С. Энергоэффективность и рациональное природопользование как приоритетные направления устойчивого развития экономики России // *Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал)*. – 2016. – № 9. – С. 37–45.
9. Кудрявцева, О. В., Попова, А. А. Снижение экологических ущербов в энергетическом комплексе посредством определения масштабов загрязнения от разливов нефти на нефтепроводах // *Государственное управление. Электронный вестник*. – 2017. – № 64. – С. 45–55.
10. Молчанова, О. А., Ключников, О. И. Влияние пандемии COVID-19 на развитие «зеленых» финансов и «зеленой» экономики // *Ученые записки Международного банковского института*. – 2020. – № 4 (34). – С. 141–160.
11. Мудрецов, А. Ф., Авраменко, А. А., Тулупов, А. С. Эколого-экономическая политика на современном этапе // *Региональные проблемы преобразования экономики*. – 2019. – №12 (110). – С. 281–284. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2019-12-280-284>
12. Никоноров, С. М. К «зеленой» экономике через «зеленые» финансы, биоэкономику и устойчивое развитие // *Русская политология*. – 2017. – № 3 (4). – С. 12–15.
13. Никоноров, С. М., Барабошкина, А. В. Цели устойчивого развития и система зеленых финансов в Китае и в России // *Менеджмент и бизнес-администрирование*. – 2018. – № 2. – С. 136–145.
14. Новикова, Е. В. Концептуальные основы правового регулирования «зеленой» экономики в России // *Экологическое право*. – 2020. – № 5. – С. 3–10.
15. Новикова, Е. В. Эколого-правовое регулирование на этапе развития зеленой экономики в России // *Экологическое право*. – 2020. – № 4. – С. 9–16.
16. Ноздрева, Р. Б. «Зеленые бонды» как современный инструмент экологического финансирования в бизнесе Японии // *Финансовый бизнес*. – 2018. – № 3 (194). – С. 45–49.
17. Рубцов, Б. Б., Гусева, И. А., Ильинский, А. И., Лукашенко, И. В., Панова, С. А., Садретдинова, А. Ф., Алыкова, С. М. «Зеленые финансы» в мире и России: монография; под. ред. Б. Б. Рубцова. – М.: РУСАЙНС, 2016. – 170 с.

18. Русецкая, Г. Д. Ущерб от загрязнения окружающей среды. Здоровье населения, риски и экологическое страхование // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2013. – № 4 (90). – С. 153–158.
19. Седаш, Т. Н. Экономические инструменты стимулирования природоохранной деятельности: анализ зарубежного опыта // Финансы и кредит. – 2015. – № 7. – С. 54–62.
20. Семенова, Н. Н., Еремина, О. И., Скворцова, М. А. «Зеленое» финансирование в России: современное состояние и перспективы развития // Финансы: теория и практика. – 2020. – Т. 24, № 2. – С. 39–49. <https://doi.org/10.26794/2587-56712020-24-2-39-49>.
21. Слепцова, Е. В., Глубокая, Я. Я. Анализ опыта применения финансовых инструментов стимулирования «зелёных» технологий // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – №4-2 (74). – С. 157–161.
22. Харнахоева, Л. А. Сравнительный анализ страхования экологической ответственности на примере страховых продуктов России и США // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2009. – № 2. – С. 20–23.
23. Шишов, В. Д. Развитие зеленого финансирования как современная тенденция мировой экономики (на примере Китая) // Вестник современных исследований. – 2019. – № 3.20 (30). – С. 107–110.
24. Юмажапова, А. И. Проблемные аспекты института юридической ответственности в области охраны окружающей среды и природопользования в Российской Федерации // Global and Regional Research. – 2019. Т. 1, № 2. – С. 334–339.
25. Corfee-Morlot, J. et al. Towards a green investment policy framework: The case of low-carbon, climate-resilient infrastructure // OECD Environment Working Papers. – 2012. – No. 48 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/YPwnc> (дата обращения: 20.07.2021).
26. Establishing China's Green Financial System. Final Report of the Green Finance Task Force. – 2015. – April. – 56 p [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/YPwmF> (дата обращения: 12.07.2021).
27. Noh, H. J. Financial strategy to accelerate green growth // ADBI Working Paper. – 2018. – No. 866 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adb.org/publications/financial-strategy-accelerate-green-growth> (дата обращения: 20.07.2021).
28. The Global Risks Report 2020 // World Economic Forum [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020> (дата обращения: 31.07.2021).

References

1. Andreeva O. V., Melekhova M. A., Turichenko L. P., Chernobay O. S. Financial institutions and instruments of the green economy, *Fundamental Research*, 2020, no. 8, pp. 7–11. (In Russian). <https://doi.org/10.17513/fr.42818>
2. Bobylev S. N., Revich B. A. Environmentalization of economics and public health, *Ekologicheskoe pravo*, 2018, no. 5, pp. 46–51. (In Russian).
3. Bogacheva O. V., Smorodinov O. V. Challenges to green finance in G20 countries, *World Economy and International Relations*, 2017, vol.61, no. 10, pp. 16–24. (In Russian).
4. Broslavskiy L. I. Oil leakage and environmental safety: problems of improving Russian legislation, *Ekologicheskoe pravo*, 2020, no. 6, pp. 20–25. (In Russian).
5. Epifantseva E. I. Ecological economic mechanisms of accomplishing stable development of industrial companies, *Baikal Research Journal*, 2015, vol. 6, no. 5, pp. 5. (In Russian).
6. Ermakova E. P. The development of the legal framework for “green” finance in Russia, the EU and China: a comparative legal analysis, *RUDN Journal of Law*, 2020, vol. 24, no. 2, 2020, pp. 335–352. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-2-335-352>
7. Klovov K. M. Theoretical aspects of public indemnity insurance of hazardous enterprises, *Baikal Research Journal*, 2013, no. 2, pp. 5. (In Russian).
8. Krutova L. S. Energy efficiency and rational use of natural resources as a priority for sustainable economic development of Russia, *Mining Informational and Analytical Bulletin (scientific and technical journal)*, 2016, no. 9, pp. 37–45. (In Russian).
9. Kudryavtseva O. V., Popova A. A. Limiting the environmental damage in the energy industry via calculation of pollution levels from oil spills, *Public Administration. E-Journal*, 2017, no. 64, pp. 45–55. (In Russian).
10. Molchanova O. A., Kliuchnikov O. I. The impact of the COVID-19 pandemic on the development of the “green” finance and the “green” economy, *Proceedings of the International Banking Institute*, 2020, no. 4 (34), pp. 141–160. (In Russian).
11. Mudretsov A. F., Avramenko A. A., Tulupov A. S. Environmental and economic policy at the present stage, *Regional Problems of Transforming the Economy*, 2019, no. 12 (110), pp. 281–284. (In Russian). <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2019-12-280-284>

12. Nikonorov S. M. Towards a “green” economy through “green” finance, bioeconomics and sustainable development, *Russian Political Science*, 2017, no. 3 (4), pp. 12–15. (In Russian).
13. Nikonorov S. M., Baraboshkina A. V. The goals of sustainable development and the system of green finance in China and in Russia, *Menedzhment i biznes administrirovanie*, 2018, no. 2, pp. 136–145. (In Russian).
14. Novikova E. V. Conceptual bases of the legal regulation of green economy in Russia, *Ekologicheskoe pravo*, 2020, no. 5, pp. 3–10. (In Russian).
15. Novikova E. V. The environmental and legal regulation on the green economy development stage in Russia, *Ekologicheskoe pravo*, 2020, no. 4, pp. 9–16. (In Russian).
16. Nozdreva R. B. “Green bonds” as a modern tool of environmental financing in Japan business, *Finansovyi biznes*, 2018, no. 3 (194), pp. 45–49. (In Russian).
17. Rubtsov B. B., Gusev I. A., Il'inskii A. I., Lukashenko I. V., Panov S. A., Sadritdinova A. F., Alykova S. M. “Green finance” in Russia and the world: monograph, edited by B.B. Rubtsov, Moscow, RUSAINS, 2016, 170 p. (In Russian).
18. Rusetskaya G. D. Pollution damage to the environment, human health, risks and ecological insurance, *Izvestia of Irkutsk State Economic Academy (Baikal National University of Economics and Law)*, 2013, no. 4 (90), pp. 153–158. (In Russian).
19. Sedash T. N. Economic tools of creating incentives for environment-related activity: analysis of foreign experience, *Finance and Credit*, 2015, no. 7, pp. 54–62. (In Russian).
20. Semenova N. N., Eremina O. I., Skvortsova M. A. Green financing in Russia: current status and development prospects, *Finance: Theory and Practice*, 2020, vol. 24, no. 2, pp. 39–49. (In Russian).
21. Sleptsova E. V., Glubokaya Ya. Ya. Analysis of experience in application of financial instruments for incentivizing green technologies, *Economy and Business: Theory and Practice*, 2021, no. 4-2 (74), pp. 157–161. (In Russian).
22. Kharnakhoeva L. A. The comparative analysis of ecological liability insurance products by the example of insurance products in Russia and in the USA, *Izvestia of Irkutsk State Economic Academy (Baikal National University of Economics and Law)*, 2009, no. 2, pp. 20–23. (In Russian).
23. Shishov V. D. The development of green finance as a modern trend of the world economy (on the example of China), *Vestnik sovremennykh issledovaniy*, 2019, no. 3.20 (30), pp. 107–110. (In Russian).
24. Yumozhapova A. I. The problematic aspects of the institute of legal responsibility in the field of the environmental protection and the nature management in the Russia, *Global and Regional Research*, 2019, vol. 1, no. 2, pp. 334–339. (In Russian).
25. Corfee-Morlot J., et al. Towards a green investment policy framework: The case of low-carbon, climate-resilient infrastructure, *OECD Environment Working Papers*, 2012, no. 48. Available at: <https://clck.ru/YPwnc> (accessed 20.07.2021).
26. *Establishing China's Green Financial System. Final Report of the Green Finance Task Force*, 2015, April, 56 p. Available at: <https://www.cbd.int/financial/privatesector/china-Green%20Task%20Force%20Report.pdf> (accessed 12.07.2021).
27. Noh H. J. Financial strategy to accelerate green growth, *ADB Working Paper*, 2018, no. 866. Available at: <https://www.adb.org/publications/financial-strategy-accelerate-green-growth> (accessed 20.07.2021).
28. The Global Risks Report 2020, *World Economic Forum*. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020> (accessed 31.07.2021).

Эскиев Муса Абубакарович
ст. преподаватель, ФГБОУ ВО
«Чеченский государственный
университет им. А. А. Кадырова»,
г. Грозный, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7890-8172
e-mail: musa.e.1992@mail.ru

ФИНТЕХ И КРАУДФАНДИНГ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Сельское хозяйство играет важную роль в обеспечении продовольственной безопасности и устойчивости людей в любой стране. Устойчивость сельского хозяйства можно повысить, допустив внедрение инновационных услуг, таких как финансовые технологии (англ. FinTech) и цифровой рынок. Цифровая торговая площадка с поддержкой финансовых технологий может преобразовать бизнес-процессы в сельском хозяйстве в более устойчивые с точки зрения финансирования и распределения. FinTech предлагает фермерам удобные способы получения источников финансирования через краудфандинг и систему цифровых платежей. Цифровая торговая площадка может выступать в качестве платформы для FinTech для интеграции инновационного финансового решения в более широкую экосистему сельского хозяйства. В статье предлагается модель цифрового рынка с использованием FinTech, а также краудфандинговой и платежной системы для поддержки устойчивости сельского хозяйства. Модель цифровой торговой площадки с краудфандингом объединяет всех участников (фермеров, землевладельцев, инвесторов и потребителей) в платформу, которая может способствовать прозрачности, расширению прав и возможностей, находчивости и участию общественности в сельском хозяйстве.

Ключевые слова: финтех, сельское хозяйство, финансирование воспроизводственного процесса, краудфандинг, устойчивость, продовольственная безопасность, сельскохозяйственная деятельность, цифровые платформы

Цитирование: Эскиев М.А. Финтех и краудфандинг как инструменты финансирования воспроизводственного процесса в сельскохозяйственной деятельности // Вестник университета. 2021. № 10. С. 155-160.

Eskiev Musa Abubakarovich
Senior lecturer, Kadyrov Chechen State
University, Grosny, Russia
ORCID: 0000-0001-7890-8172
e-mail: musa.e.1992@mail.ru

FINTECH AND CROWDFUNDING AS TOOLS FOR FINANCING THE REPRODUCTION PROCESS IN AGRICULTURAL ACTIVITIES

Abstract. Agriculture plays an important role in the food security and sustainability of people in any country. The sustainability of agriculture can be improved by allowing the introduction of innovative services, such as financial technology (FinTech) and the digital marketplace. A digital trading platform supported by financial technology can transform business processes in agriculture into more sustainable ones in terms of financing and distribution. FinTech offers farmers easy ways to obtain funding sources through crowdfunding and digital payment systems. A digital trading platform can act as a platform for FinTech to integrate an innovative financial solution into the broader agricultural ecosystem. The article proposes a digital marketplace model using FinTech and a crowdfunding and payment system to support agricultural sustainability. The crowdfunding digital marketplace model brings together all participants (farmers, landowners, investors and consumers) in a platform that can promote transparency, empowerment, resourcefulness and public participation in agriculture.

Keywords: fintech, agriculture, reproductive financing, crowdfunding, sustainability, food security, agriculture, digital platforms

For citation: Eskiev M.A. (2021) Fintech and crowdfunding as tools for financing the reproduction process in agricultural activities. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 155-160. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-155-160

Введение

Появление финансовых технологий (англ. FinTech) и цифрового рынка привлекло широкое внимание научного и бизнес-сообщества, государственных или частных организаций. FinTech – важная концепция, которая активизирует исследования в любых секторах, включая сельское хозяйство и воспроизводственные процессы сельскохозяйственной деятельности. Поскольку цифровой рынок обеспечивает новые формы связи и транзакции между участниками сельскохозяйственной деятельности (потребителями, поставщиками, фермерами, инвесторами, дистрибьюторами и т. д.), следовательно интеллектуальная связь является важной частью устойчивости и производительности всей отрасли сельского хозяйства в любой отдельно взятой национальной экономике. Сельскохозяйственная деятельность тесно связана с агропромышленными секторами экономики и исследованиями в управлении данной областью для изучения развития продовольственной безопасности и устойчивости [7].

В традиционном бизнес-процессе фермеры, особенно в развивающихся странах, страдают от некоторых проблем, связанных с дефицитом финансирования, проблемами с капиталом, ограниченным доступом к финансовым учреждениям и отсутствием доступа к рынку фондирования [2; 5]. В цепочки поставок сельскохозяйственной продукции вовлечены также многие слои, от фермеров до потребителей, что создает дополнительные затраты на конечный продукт. Цифровая торговая площадка изменила многие бизнес-процессы практически в любом секторе.

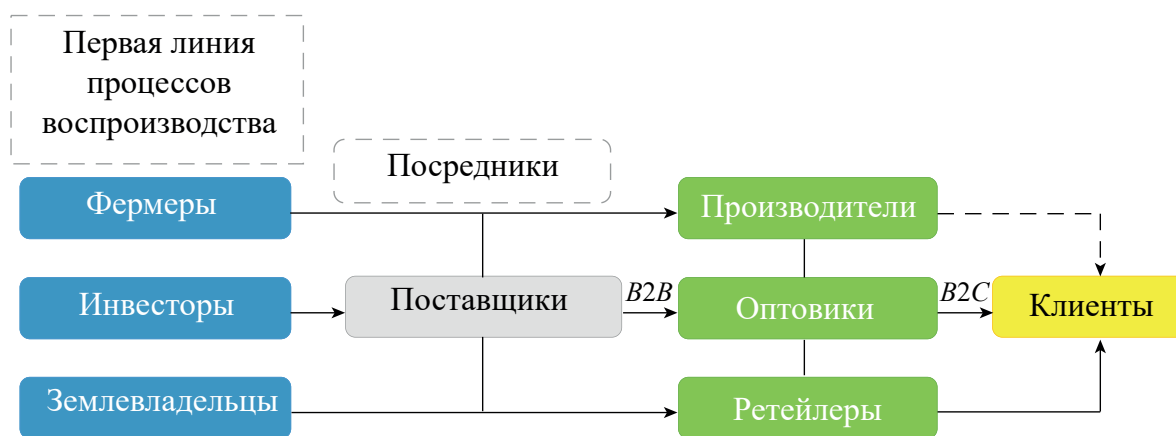
Внедрение цифрового рынка с поддержкой FinTech может способствовать развитию электронного сельского хозяйства, что стало планом действий в декларации Всемирного саммита по информационному обществу (WSIS), на котором Продовольственная и сельскохозяйственная организация (FAO) несет ответственность за внедрение электронного сельского хозяйства [8]. Цифровой рынок позволяет ускорять и увеличивать потребительский спрос на результаты сельскохозяйственного воспроизводства, при этом происходит трансграничное удовлетворение потребностей в тех странах, которые до этого были отрезаны от рынков сельскохозяйственной продукции и сельхозпроизводителей [6]. С другой стороны, FinTech вносит дополнительные возможности использования достижений как традиционных, так и инновационных механизмов дистрибуции финансовых услуг [3].

Таким образом, размещение FinTech на цифровом отечественном агрорынке могло бы решить частые финансовые проблемы, с которыми сталкиваются фермеры, и побудить население инвестировать в сельское хозяйство. Однако, для российского рынка цифровых технологий и системы предоставления финансовых услуг, внедрение достижений цифровых финансовых платформ сопряжено с проблемой в области низкого уровня инвестиционной активности данного сегмента [1].

Цифровые финансовые площадки и традиционная цепочка поставок продукции в сельскохозяйственной деятельности

Цифровая торговая площадка мгновенно расширит возможности благодаря огромному количеству информации, с которой субъекты агрорынка смогут обращаться практически ко всем экономическим агентам через сеть «Интернет» (далее – Интернет) с помощью своего смартфона, в целях поиска информации, которая им нужна, или продвигаясь дальше, совершая онлайн-транзакции в любом месте и в любое время. В исследовании предлагается модель цифрового рынка с поддержкой FinTech в сельском хозяйстве. Цифровая торговая площадка будет действовать как системные посредники, к которым могут получить доступ все вовлеченные участники в зависимости от их соответствующих ролей. Основная роль цифрового рынка состоит в том, чтобы связать производителей и потребителей, чтобы товары или услуги могли поступать от производителей к потребителям напрямую с меньшим количеством посредников. Аналогичным образом, цифровая торговая площадка в сельском хозяйстве включает транзакции электронной торговли, связывающие производителей или фермеров с покупателями и оптовиками. Она может включать в себя управление потоком транзакций и распределение бизнес для бизнеса (B2B), бизнес для потребителей (B2C) и от потребителя к потребителю (C2C). Затем любые финансовые транзакции, происходящие на цифровом рынке, поддерживаются его FinTech.

В сельскохозяйственном воспроизводстве есть несколько участников, которые объединяют производителей первой линии, оптовиков, производителей, розничных торговцев, и, наконец, клиентов. На рисунке 1 показаны наиболее часто встречающиеся участники цепочки поставок агробизнеса.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Товаропроводящие цепочки в сельскохозяйственной деятельности

Под субъектами первой линии воспроизводства понимаются все участники, участвующие в переработке сырой сельскохозяйственной продукции, то есть фермеры, землевладельцы и инвесторы. В случае малых и средних агропредприятий субъекты первой линии воспроизводства продают напрямую покупателям. Однако наиболее распространенным типом цифровой торговой площадки в секторе агропродукции является бизнес для бизнеса (B2B). Иногда фермеры владеют землей и одновременно инвестируют. Однако есть условия, когда у фермеров есть земля, но нет достаточного финансирования. Фермеры получают финансирование от инвесторов или банка для пополнения оборотных средств, например, для использования в целях покупки семян, удобрений и любых вспомогательных инструментов. В других условиях фермеры арендуют землю у землевладельцев и ссужают венчурный капитал у инвесторов. Затем эти участники становятся поставщиками или дистрибьюторами. Поставщики, дистрибьюторы или бизнес-провайдеры выступают в качестве посредников, которые могут доминировать в деятельности цепочки поставок, контролируя поток товаров, а также цены от производителей первой линии к клиентам, оптовикам или розничным торговцам. Существует множество уровней от субъектов первой линии воспроизводства в сельскохозяйственной деятельности до клиентов, каждый из которых требует дополнительных затрат.

Существующая модель товаропроводящей цепочки на рисунке 1 также отражает ограниченные источники финансирования и доступ к рынку для субъектов первой линии воспроизводства в сельскохозяйственной деятельности. В то время как клиенты имеют меньше контроля над выбором продуктов и ценами, дистрибьюторы или поставщики услуг выступают в качестве посредников, которые могут доминировать в деятельности цепочки поставок, контролируя поток товаров, а также цены от производителей первой линии к клиентам, оптовикам или розничным торговцам.

Цифровой маркетплейс

Присутствуют проблемы неинформативного бизнеса в сельском хозяйстве, поэтому зависимость от информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) при ведении деловых операций меньше, чем в сфере услуг. Тем не менее, конкуренция усилилась с появлением зоны свободной торговли, которая позволяет любым товарам, продуктам и услугам свободно перемещаться между странами с меньшими ограничениями, а это означает, что ИКТ в сельском хозяйстве окажут сильное влияние на будущий рост агробизнеса с точки зрения устойчивости, конкурентоспособности и долгосрочного выживания. Кроме того, компании полагаются на передовое управление цепочкой поставок, чтобы помочь клиентам сделать быстрое, эффективное и действенное бронирование. Клиенты ищут лучшие доступные сельскохозяйственные продукты, а также делают заказы через интернет-приложения. Интернет-приложения обеспечивают удобство, легкий доступ, актуальную информацию, сравнение цен и экономию времени. Появление цифрового рынка для сельского хозяйства больше не будет выбором для многих бизнес-организаций, скорее, оно стало конкурентоспособным, необходимым для того, чтобы они оставались на рынке.

Цифровая торговая площадка будет стимулировать инновации, в том числе в агробизнесе, через внедрение платформы в качестве посредников, которая является поставщиком услуг, объединяющим инвесторов, землевладельцев, фермеров и клиентов в единую платформу мобильного рынка. Он предлагает клиентам прямой доступ к процессорам первой линии с помощью своих смартфонов. Это позволит покупателям получить больше возможностей на переговорах, поскольку они смогут сравнивать цены, качество, доставку и услуги от нескольких поставщиков. В то же время социальные сети в рамках платформы являются мощным инструментом для поддержки внутреннего общения и обмена знаниями, а также для быстрого распространения информации.

Финансовые технологии

FinTech – инновационное использование технологий для предоставления финансовых услуг и продуктов, предлагающее удобные способы управления финансами для потребителей в сочетании с традиционными методами. Кроме того, Fintech называют будущим банковского дела и финансов, которые просто предоставляют технологии поставщикам финансовых услуг [4].

Современное развитие сквозных технологий, таких как большие данные, искусственный интеллект, машинное обучение и система распределенного реестра активно применяются в финансовой и торговой индустрии и выступают основой для долгосрочного развития направления FinTech. С другой стороны, в условиях трансграничного движения капитала и формирования новых рынков фондирования, активное распространение получает сфера краудсорсинга, где ключевым сегментом выступает краудфандинг (народное финансирование). Краудфандинговые платформы расширяют границы владельцев свободного финансового капитала в использовании собственных накоплений и сбережений. Банки, которые исторически представляют собой наиболее крупных мобилизаторов денежных средств утрачивают позиции в статусе «поставщиков финансового капитала», поскольку для привлечения дополнительных средств существует возможность фондирования на краудфандинговых площадках. Потенциал FinTech может быть использован в синтезе с направлением краудфандинга, где ключевыми технологиями будут выступать система блокчейна и анализ больших данных. Технология блокчейн позволяет замыкать в единую систему доступа информацию об агрорынках, фермерах, покупателях и инвесторах. С использованием технологий обработки больших данных на цифровой краудплатформе может быть создано пространство, где инвесторы, фермеры и покупатели смогут удовлетворять свои интересы без участия посредников, экономя время, транзакционные издержки и денежные потери.

FinTech и его финансовые услуги могут помочь сельскохозяйственному сектору конкурировать в мировой экономике посредством краудфандинга, мобильных платежей, денежных переводов, займов, сбора средств, управления активами и платежей/выставления счетов. FinTech считается инновационным, потому что с его помощью можно легко объединить всех участников бизнес-направления в единую платформу. Например, краудфандинг в FinTech может соединить субъектов первой линии воспроизводства в сельскохозяйственной деятельности с общественностью в качестве инвесторов и в то же время клиентов продуктов (см. рис. 1). Это позволяет осуществлять одноранговые инвестиции, когда отдельные лица ссужают деньги субъектам первой линии, не используя официальное финансовое учреждение в качестве посредника. Кроме того, оплата FinTech упрощает онлайн-оплату с помощью виртуального платежного счета.

Результаты исследования

Цифровая торговая площадка с поддержкой FinTech обусловлена массовым внедрением смартфонов, поэтому многие бизнес-операции, в том числе в сельском хозяйстве, проводятся через смартфоны, в том числе операции с инвестициями, платежами или покупками в Интернете. Смартфоны стали интерфейсом цифрового рынка, где клиенты, поставщики и инвесторы прямо или косвенно участвуют в бизнес-транзакциях, а также могут использоваться в качестве инструментов для удаленного управления бизнесом. Ранний вид бизнеса в сельском хозяйстве – это бизнес для бизнеса (B2B), потому что рынок фрагментирован, цепочка поставок неэффективна, покупатели регулярно меняют продавцов, а стоимость продукции обычно нестабильна. Поскольку смартфоны используются для многих бизнес-операций, бизнес-организации, включая сельское хозяйство, используют мобильные технологии, разрабатывая платформу для мобильного бизнеса. На рисунке 2 показана модель цифровой торговой площадки с включенным FinTech, а именно краудфандингом.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Модель цифровой торговой площадки с краудфандингом в качестве платформы FinTech

Цифровая торговая площадка как платформа действует как бизнес-посредник, связывающий всех участников. Платформа может быть основана на Интернете или приложениях, которые позволяют осуществлять связь и транзакции между участниками с помощью смартфонов. Направления двойных стрелок указывают на то, что поток данных/информации является обратным для соединяющихся субъектов.

Для сравнения: в традиционных бизнес-посредниках поставщики или владельцы бизнеса контролируют поток товаров и ценообразование на продукты от первого производителя к своим клиентам (см. рис. 1). Однако цифровой рынок как платформа изменяет бизнес-процесс, удаляя слои владельцев бизнеса, так что все участники могут иметь прямой доступ для транзакций и обмена информацией. Например, клиенты могут совершать транзакции напрямую с фермерами, получая данные из своих приложений и платя фермерам через свою учетную запись краудфандинга. При этом фермеры могут покупать удобрения у поставщиков на платформе, а также оплачивать их через цифровую площадку. Сделка *B2B* на цифровом рынке позволит бизнес-клиентам делать заказы непосредственно у фермеров всякий раз, когда им нужно получить товар для сельского хозяйства, только что с фермы. Цифровая торговая площадка изменила роль бизнес-посредников, уменьшив контроль над потоками данных от инвесторов, фермеров и клиентов. В то же время внедрение FinTech через краудфандинг упростит безналичные транзакции для всех участников. Платформа предоставляет услуги всем сторонам, составляющим прямую совокупность бизнес-направлений. Кроме того, ниша платформы – мобильные сервисы, где все стороны могут участвовать в деловой активности в любое время и из любого места.

Заключение

Цифровая торговая площадка с включенной функцией FinTech может быть очень полезной платформой для проведения деловых операций в сельском хозяйстве, поскольку их можно удобно выполнять в любое время из любого места. Ожидается, что платформа привлечет всех участников агробизнеса, прозрачно и удобно проводя бизнес-операции с помощью персонализированных услуг. Цифровые платформы предоставляют инвесторам необходимые функции для эффективного проведения транзакций в любое время и в любом месте. Инвесторы с помощью краудфандинга могут выбирать из широкого спектра сельскохозяйственных продуктов через свои смартфоны для инвестирования. Кроме того, клиенты имеют право напрямую получать доступ к информации о ценах и сравнивать различные предлагаемые сельскохозяйственные продукты, а также платить напрямую, используя цифровые платформы в качестве другой инициативы FinTech. Это вызовет усиление ценовой конкуренции между поставщиками агропродукции и повысит устойчивость сельскохозяйственной деятельности через FinTech.

Библиографический список

1. Киюцевская, А. М. Финтех: современные тенденции и вызовы для денежно-кредитной политики // Вопросы экономики. – 2019. – № 4. – С. 137–151. <https://www.doi.org/10.32609/0042-8736-2019-4-137-151>.

2. Коломасова, Р. А., Базарнова, Е. С. Совершенствование механизма банковского кредитования АПК // Финансы и кредит. – 2020. – Т. 26, № 1 (793). – С. 179–195. <https://www.doi.org/10.24891/fc.26.1.179>
3. Котляров, И. Д. Финтех: сущность и модели реализации // Всероссийский экономический журнал «ЭКО». – 2018. – № 12 (534). – С. 23–39.
4. Туруев, И. Б. Финтех — новое измерение для финансовых институтов: проблемы и их решение // Финансы и кредит. – 2020. – Т. 26, № 9 (801). – С. 2049–2076. <https://www.doi.org/10.24891/fc.26.9.2049>
5. Эскиев, М. А. Инвестиции как источник финансирования воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10, № 8-1. – С. 254–264. <https://www.doi.org/10.34670/AR.2020.34.79.027>
6. Henson, S., Cranfield, J. *Agro-industries for development* // Department of Food, Agricultural and Resource Economics, University of Guelph. – Ontario, Canada, 2009. <https://www.doi.org/10.1079/9781845935764.0223>
7. Nga, D., Sieber, J. W. Toward better defining the field of agribusiness management // *International Food and Agribusiness Management Review*. – 2009. – V. 12, Is. 4. – Pp. 123–142. <https://www.doi.org/10.22004/ag.econ.92566>
8. Sylvester, G. *E-agriculture in action* // The Food and Agriculture Organization of the United Nations and International Telecommunication Union. – Bangkok, 2017. – 118 p.

References

1. Kiyutsevskaya A. M. Fintech: current trends and challenges for monetary policy, *Voprosy Ekonomiki*, 2019, no. 4, pp. 137–151. (In Russian). <https://www.doi.org/10.32609/0042-8736-2019-4-137-151>
2. Kolomasova R. A., Bazarnova E. S. Improving the bank lending mechanism for the agro-industrial complex, *Finance and Credit*, 2020, vol. 26, no. 1 (793), pp. 179–195. (In Russian). <https://www.doi.org/10.24891/fc.26.1.179>
3. Kotlyarov I. D. Fintech: nature and models of implementation, *ECO Journal (Economics and Industrial Engineering)*, 2018, no. 12 (534), pp. 23–39. (In Russian).
4. Turuev I. B. Fintech as a new dimension for financial institutions: problems and solutions, *Finance and Credit*, 2020, vol. 26, no. 9 (801), pp. 2049–2076. (In Russian).
5. Eskiev M. A. Investment as a source of financing for agricultural reproduction, *Economics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2020, vol. 10, no. 8-1, pp. 254–264. (In Russian).
6. Henson S., Cranfield J. *Agro-industries for development*, Department of Food, Agricultural and Resource Economics, University of Guelph, Ontario, Canada, 2009. <https://www.doi.org/10.1079/9781845935764.0223>
7. Nga D., Sieber, J. W. Toward better defining the field of agribusiness management, *International Food and Agribusiness Management Review*, 2009, vol. 12 issue 4, pp. 123–142. <https://www.doi.org/10.22004/ag.econ.92566>
8. Sylvester G. *E-agriculture in action*, The Food and Agriculture Organization of the United Nations and International Telecommunication Union, Bangkok, 2017, 118 p.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.4

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-161-169

Дементьева Ирина Николаевна
научный сотрудник, ФГБУН «Вологод-
ский научный центр Российской
академии наук», г. Вологда,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3072-5614
e-mail: irinika_74@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: МУНИЦИПАЛЬНЫЙ СРЕЗ

Аннотация. В статье проанализирована динамика общественных настроений жителей Вологодской области. Представлена авторская методика индексного анализа общественных настроений региона с использованием результатов социологического мониторинга. При этом основной акцент сделан на оценке особенностей общественных настроений жителей муниципальных образований – городов Вологды и Череповца – в условиях изменяющейся социальной реальности. Результаты проведенного исследования показали, что анализ общественных настроений в мониторинговом режиме дает возможность получить важные сведения о качестве государственного и муниципального управления и определить направления повышения их эффективности, что особенно актуально в условиях социально-экономического и эпидемиологического кризиса.

Ключевые слова: общественные настроения, индекс, эффективность государственного управления, социальное самочувствие, пандемия, материальное положение, муниципальное образование, мониторинг

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ № 20-011-00326 «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе».

Для цитирования: Дементьева И.Н. Общественные настроения населения в условиях новой социальной реальности: муниципальный срез // Вестник университета. 2021. № 10. С. 161–169.

Irina N. Dementieva
Researcher, Vologda Research Center
of the Russian Academy of Sciences,
Vologda, Russia
ORCID: 0000-0002-3072-5614
e-mail: irinika_74@mail.ru

PUBLIC SENTIMENT OF THE POPULATION IN THE NEW SOCIAL REALITY: A MUNICIPAL CROSS- SECTION

Abstract. The article analyses the dynamics of public sentiment of residents of the Vologda Region. The author's methodology for index analysis of public sentiment of the region, using the results of sociological monitoring, has been presented. At the same time, the main emphasis has been made on assessing the peculiarities of public sentiment of residents of municipalities – the cities of Vologda and Cherepovets in the context of changing social reality. The results of the study showed that the analysis of public sentiment in the monitoring regime makes it possible to obtain important information about the quality of state and municipal administration and determine the areas for improving their effectiveness, which is particularly relevant in the context of the socio-economic and epidemiological crisis.

Keywords: public sentiment, index, efficiency of public administration, social well-being, pandemic, financial situation, municipality, monitoring

Acknowledgement. The article was prepared within the framework of the Russian Foundation for Basic Research grant No. 20-011-00326 “Collective Actions and Social Capital in Russian Society”.

For citation: Dementieva I.N. (2021) Public sentiment of the population in the new social reality: a municipal cross-section. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 161–169. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-161-169

© Дементьева И.Н., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Dementieva I.N., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Одним из наиболее актуальных аспектов социологического анализа современных тенденций общественного развития является изучение общественных настроений как обобщенной эмоционально-оценочной реакции населения на социальные изменения и свое положение в трансформирующейся реальности.

По мнению исследователей, общественные настроения являются одним из важнейших побудительных механизмов, определяющих и направляющих деятельность социальных субъектов. Настроения людей выступают показателем восприятия условий жизнедеятельности и влияния на нее целого комплекса социальных, политических и экономических факторов [8].

С помощью этого индикатора можно, с одной стороны, оценивать эффективность деятельности властей, а с другой – определять уровень стабильности общества. Общественные настроения населения показывают уровень социально-политической напряженности и конфликтности, следовательно, становятся средством на пути к ее понижению. Это говорит о возможности практического применения данного индикатора в управлении социальными процессами [12]. Таким образом, измерение социальных настроений населения является актуальным и необходимым направлением социологических исследований, его мониторинг служит решению значимой для общества задачи объяснения и прогнозирования поведения населения [7].

Анализ исследований и публикаций по теме

Проблемам формирования и изменения общественных настроений посвящены многочисленные работы зарубежных и российских авторов, а также исследовательских центров.

В зарубежной социологии проблематика социального настроения рассматривается в трудах Д. Кэмпбелла, Т. Адорно, М. Шерифа, К. Левина, С. Халла, Э. Толмена, В. Хесле, Г. Тэджфела, С. Московичи, Н. Лумана, М. Шелера, изучавших вопросы взаимосвязи социального настроения с идентификацией и ожиданиями населения [2].

Теоретико-методологические основы понимания социальных настроений в своих исследованиях раскрывают отечественные ученые: Н. А. Власова, Д. В. Ольшанский, А. А. Русалинова, Г. Г. Татарова, Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко, С. П. Яковлев, И. Н. Яценко [3; 13; 16; 19; 20; 24; 26]. Изучению общественных настроений отдельных социальных групп, в том числе молодежи, пожилых людей, военнослужащих, наемных работников, свои работы посвятили: О. А. Асланова, Ю. А. Зубок, В. В. Петухов, Ф. Э. Шерега [1; 10; 14; 23]. Описывают многообразие форм социальных настроений, в числе которых патриотические, эмиграционные, ксенофобские, экономические, потребительские, экстремистские, девиантные, протестные и др.: К. А. Гулин, И. Н. Дементьева, М. Д. Красильникова, А. Л. Рокецкий, Т. А. Хагуров [5; 11; 15; 21]. Анализируют результаты трансформаций в российском обществе и их влияние на настроения населения: В. А. Ядов, М. К. Горшков, Т. И. Заславская, О. Н. Яницкий [4; 9; 25].

Эмпирическими измерениями социальных настроений занимаются такие российские социологические службы, как Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и АНО «Левада-Центр», которые рассчитывают специальный индекс, позволяющий отслеживать общественные колебания и фиксировать реакцию на происходящие события [17].

В целом, большинство теоретических и эмпирических исследований по данной проблематике посвящено исследованию общестрановых и региональных тенденций. Отсутствуют работы, направленные на изучение особенностей общественных настроений жителей муниципальных образований. При этом данное направление исследований является актуальным и практически значимым. Мониторинг настроений жителей муниципальных образований позволяет установить эффективную обратную связь между населением и представителями органов власти. Его данные являются своеобразным «барометром» общественных настроений, учет которых может способствовать более точному соответствию управленческих решений реальным потребностям людей, а также более точной оценке эффективности государственного и муниципального управления.

ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (далее – ВолНЦ РАН) на протяжении длительного времени отслеживает основные тенденции общественных настроений жителей региона в рамках мониторинга общественного мнения, проводимого на территории Вологодской области с 1995 г. Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН проводится шесть раз в год в городах Вологде и Череповце

и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3 %. Объем выборочной совокупности – 1 500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Ошибка выборки не превышает 3 %. Мониторинг позволяет оценить общественные настроения регионального социума в целом, а также провести сравнительный анализ их тенденций на уровне муниципальных образований.

В настоящей статье проанализирована динамика общественных настроений жителей Вологодской области, представлена авторская методика индексного анализа общественных настроений региона с использованием результатов социологического мониторинга. При этом основной акцент сделан на оценке особенностей общественных настроений жителей муниципальных образований – городов Вологды и Череповца в условиях изменяющейся социальной реальности.

Методика исследования

Для анализа и обобщения ситуации, складывающейся в региональном и муниципальном социуме, был сконструирован индекс общественных настроений региона, позволяющий изучить данные об отношении жителей региона к работе федеральных и местных органов исполнительной власти, а также об оценке населением своего материального благополучия и социального настроения [6]. Методика расчета интегрального индекса осуществлялась в три этапа. На первом рассчитывались четыре частных индекса, каждому из которых соответствуют по три вопроса анкеты (рис. 1). Величина индекса рассчитывается в пунктах. По каждому вопросу рассчитывается свой индекс: из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой. Каждый из четырех частных индексов рассчитывается как средний из суммы трех индексов по каждому из вопросов.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Структура индекса общественного настроения региона

На втором этапе четыре указанных частных индекса попарно объединялись в два. На третьем этапе обобщения индекс отношения к власти складывался с индексом социального самочувствия. Их среднее значение определяет величину интегрального индекса общественного настроения региона.

Результаты исследования

В настоящее время в области сохраняются два полюса развития: город Вологда – административная и культурная столица области, город Череповец – промышленный центр региона. Обстоятельства их становления и развития, а также современная ситуация, связанная с пандемией COVID-19 и последовавшим за ней социально-экономическим кризисом, оказывают существенное влияние на общественные настроения жителей, которые находят отражение в результатах опросов общественного мнения.

Как показывают результаты проведенного исследования, в 2021 г. на фоне коронакризиса наблюдалось некоторое ухудшение отношения населения региона к деятельности областной власти. В первую очередь это касается жителей Вологды. Так, в областной столице индекс эффективности деятельности региональной власти снизился по сравнению с 2019 г. на 5 п. (с 95 п. до 90 п.). Это произошло как за счет ухудшения оценок социально-экономической (на 6 п.: с 76 п. до 70 п.) и социально-политической (на 6 п.: со 118 п. до 112 п.) ситуации в регионе, так и за счет ухудшения отношения к работе главы области (на 3 п.: с 90 п. до 87 п.). В Череповце, напротив, ситуация стала более благоприятной: в первой половине 2021 г. по сравнению с 2019 г. благодаря росту всех входящих в него частных индексов рассматриваемый сводный индекс увеличился до отметки 101 п., что свидетельствует о примерном паритете позитивных и негативных суждений относительно эффективности деятельности региональной власти. Это может быть связано с размещением на территории города крупных промышленных предприятий, которые не прекращали работу в условиях локдауна, сохранили рабочие места, что не нанесло серьезного ущерба материальному благосостоянию населения.

В 2021 г. в значительной степени ухудшилось отношение населения к деятельности властных структур федерального уровня. Снижение сводного индекса лояльности к политике федеральной власти и составляющих его частных индексов произошло в обоих городах, при этом наиболее заметные негативные изменения наблюдались в Вологде. Так, за рассматриваемый период сводный индекс лояльности к политике федеральной власти снизился в Вологде на 10 п. (со 100 п. до 90 п.), в Череповце – на 6 п. (со 104 п. до 98 п.).

Трансформация образа жизни и поведения на фоне пандемии порождает неуверенность людей в будущем, неопределенность перспектив и отсутствие ощущения стабильности. В результате в 2021 г. ухудшились социально-политические настроения населения региона. Сравнение двух городов Вологодской области показало, что более существенное ухудшение индекса стабильности отмечалось в областной столице – на 10 п. (со 137 п. до 127 п.) против 4 п. (со 146 п. до 142 п.) в Череповце. В обоих городах ухудшение данного индикатора произошло за счет ухудшения социальных настроений: в Вологде – на 20 п. (со 142 п. до 122 п.), в Череповце – на 6 п. (со 147 п. до 141 п.) и запаса социального терпения: в Вологде – на 10 п. (со 156 п. до 146 п.), в Череповце – на 4 п. (со 161 п. до 157 п.).

Несмотря на существенное снижение доходов и потребительских возможностей в условиях карантинных ограничений индекс социально-экономического положения жителей региона за рассматриваемый период снизился незначительно. Это связано с тем, что оценки материального положения и собственного социально-экономического статуса населения и до пандемии находились на низком уровне. В территориальном разрезе неблагоприятная динамика индекса благополучия характерна для Вологды: по сравнению с 2019 г. данный индикатор сократился на 6 п. (с 86 п. до 80 п.). Это произошло за счет ухудшения оценок текущего материального положения семей: соответствующий показатель снизился на 10 п. (с 79 п. до 69 п.). Негативное влияние на индекс благополучия оказало также ухудшение показателей социальной самоидентификации: соответствующий индекс снизился на 6 п. (с 97 п. до 91 п.).

Для удобства значения частных индексов, составляющих индекс общественного настроения региона, представлены в сводной таблице 1.

Согласно представленной выше методике, индекс социального самочувствия включает в себя среднее значение суммы индексов социально-политических настроений населения региона и индекса социально-экономического положения населения региона. В результате данный индекс позволяет судить о личном и семейном благополучии населения, о характере самоидентификации жителей региона относительно своего материального положения и душевного самочувствия. По сути, данный индекс в целом репрезентирует качество жизни населения.

Таблица 1

Динамика частных индексов, входящих в структуру индекса общественного настроения региона

Индекс	Вологда			Череповец			Вологодская область		
	2019 г.	2020 г.	1 пол. 2021 г.	2019 г.	2020 г.	1 пол. 2021 г.	2019 г.	2020 г.	1 пол. 2021 г.
Индекс эффективности (Индекс эффективности региональной власти)	94,6	93,8	89,5	97,5	96,8	100,8	99,6	95,8	97,1
Индекс лояльности (Индекс лояльности к политике федеральной власти)	99,5	91,8	89,5	103,6	95,7	98,2	105,9	99,1	97,2
Индекс стабильности (Индекс социально-политических настроений) *	136,9	130,0	126,5	145,7	136,6	142,3	147,8	139,9	143,4
Индекс благополучия (Индекс социально-экономического положения населения)	85,6	80,7	79,9	82,3	79,1	84,7	81,8	78,4	80,4

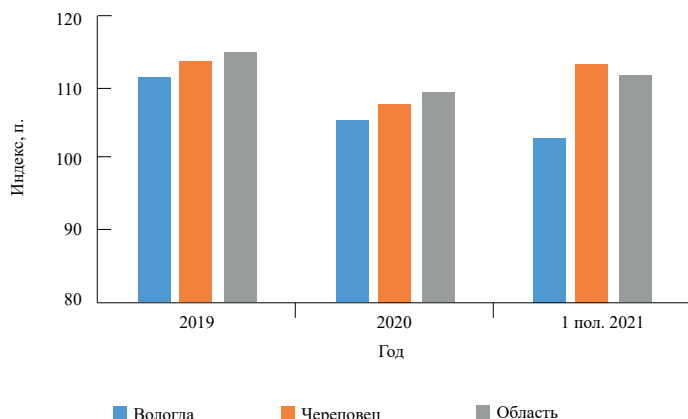
* За позитивные взяты варианты ответа «нет» и «скорее всего нет», за негативные – варианты ответа «да» и «скорее всего да».

Составлено автором по материалам исследования

По результатам расчетов, в городах Вологда и Череповец данный показатель превышает 100 п., что свидетельствует о преобладании положительных оценок социального самочувствия (рис. 2). В первой половине 2021 г. по сравнению с 2019 г. в Вологде наблюдалась негативная динамика данного индекса (на 8 п., со 111 п. до 103 п.). Жители Череповца более благоприятно оценивают собственное социальное самочувствие, причем за рассматриваемый период ситуация существенно не изменилась – индекс сохранился на отметке 114 п.

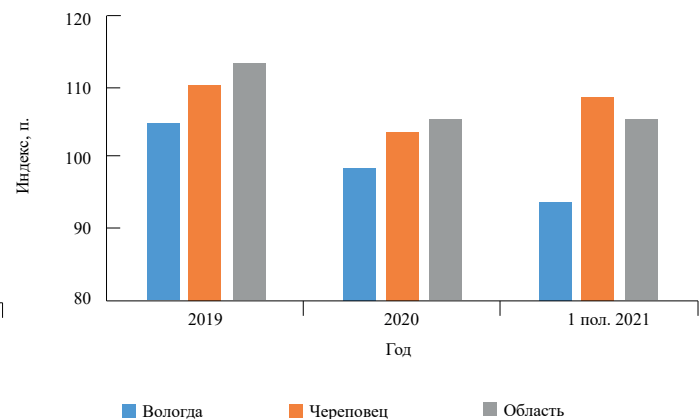
Индекс отношения к властям включает в себя среднее значение суммы индексов оценки эффективности региональной власти и лояльности населения к политике федерального центра. Данный индекс – показатель отношения населения к властям всех уровней, оценка качества работы органов государственной власти.

Наиболее заметная отрицательная динамика и преобладание негативных суждений над позитивными (показатель индекса менее 100 п.) отмечается в Вологде: в первой половине 2021 г. по сравнению с 2019 г. индекс отношения к властям снизился на 7 п. (с 97 п. до 90 п.) (рис. 3). В Череповце оценки деятельности властных структур различных уровней выглядят более благоприятно: соответствующий индекс сохраняется на уровне 100 п., что указывает на равновесие позитивных и негативных отзывов о работе властей.

Составлено автором по материалам исследования

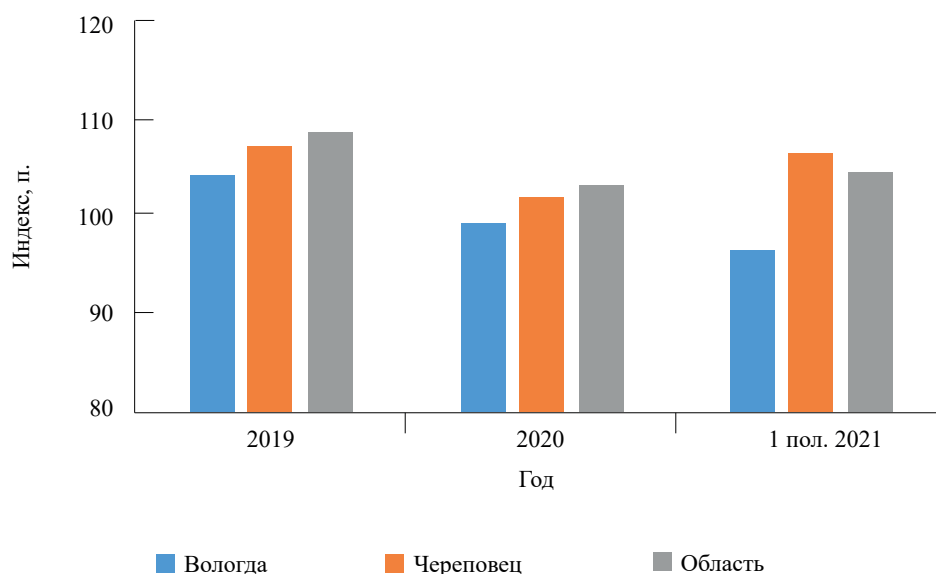
Рис. 2. Индекс социального самочувствия

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Индекс отношения к властям

Интегральный индекс общественного настроения региона в 2019 г. в Вологодской области в среднем, а также в Вологде и Череповце был выше 100 пунктов, то есть в суждениях населения позитивные оценки преобладали над негативными (рис. 4). В 2020 г. в условиях пандемии COVID-19 на всех территориях ситуация ухудшилась, причем в Вологде баланс мнений оказался отрицательным. В первой половине 2021 г. в Вологде продолжилась негативная динамика общественных настроений, в результате по сравнению с допандемийным 2019 г. соответствующий индекс снизился на 8 п. (со 104 п. до 96 п.). В Череповце, напротив, ситуация улучшилась и показатели интегрального индекса общественных настроений вернулись на допандемийный уровень (107 п.).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 4. Индекс общественных настроений региона

Выводы

Общественное настроение является важным феноменом, изучение которого необходимо для понимания процессов, происходящих в социуме. Оно определяется совокупностью факторов, охватывающих политические, экономические, социальные, духовные условия, а также ценности, убеждения и жизненные стратегии индивидов. Общественные настроения способны выступать в качестве ускорителя, катализатора, или в качестве сдерживающего рычага социальной деятельности индивидов и социальных групп [18]. В настоящее время основными факторами формирования и изменения общественных настроений стал масштабный эпидемиологический кризис и связанные с ним ограничения, а также эффективность государственных мер социальной поддержки в условиях новой социальной реальности.

Сравнительный анализ общественных настроений жителей двух городов Вологодской области – Вологды и Череповца – показал, что несмотря на негативные тенденции, в городе металлургов сохраняется более благоприятная ситуация по сравнению с областной столицей. Это связано с тем, что в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры крупные предприятия Череповца, несмотря на кризисные явления, продолжают динамично развиваться, обеспечивая многим череповчанам высокий уровень заработной платы и, как следствие, более высокий уровень жизни, что позитивным образом отражается на оценках деятельности властей, собственного социального самочувствия и материального благополучия. В результате в 2021 г. общественные настроения череповчан вернулись на допандемийный уровень 2019 г., в то время как в Вологде негативный тренд в оценках горожан продолжился.

Предложенная методика расчета индекса общественного настроения региона не только представляет научный интерес, но и имеет практическую значимость для органов управления, поскольку позволяет учесть выявленные нюансы общественного мнения и его территориальные особенности в своей деятельности. Учет результатов

опросов общественного мнения способствует усилению обратной связи между органами власти и жителями муниципального образования. При этом анализ общественных настроений в мониторинговом режиме дает возможность получить важные сведения о качестве государственного управления и определить направления повышения его эффективности, что особенно актуально в условиях меняющейся социально-экономической реальности.

Библиографический список

1. Асланова, О. А. Социальное самочувствие: измерительный инструментарий, показатели и социальные критерии // Теория и практика общественного развития. Социология. Экономика. Право. – 2012. – № 2. – С. 59–63.
2. Власова, Н. А. Институциональные факторы формирования социального настроения жителей современного российского мегаполиса: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. – М., 2014. – 28 с.
3. Власова, Н. А. Институциональные факторы формирования социального настроения жителей современного российского мегаполиса: монография. – М.: ИД ГУУ, 2016. – 107 с.
4. Горшков, М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). – М.: Новый хронограф, 2011. – 672 с.
5. Гулин, К. А., Дементьева, И. Н. Протестные настроения населения региона в условиях кризиса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 3 (15). – С. 53–65.
6. Дементьева, И. Н. Опыт применения индексного метода в социологических исследованиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2014. – № 4 (122). – С. 15–23. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.02>
7. Демкина, Е. П. Применение агрегированных показателей (индексов) при исследовании социальных настроений населения // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – № 9 (26). – С. 155–160.
8. Ермолаева, П. О., Носкова, Е. П. Социальные настроения россиян: методология интегральных оценок и эмпирические исследования // Россия и современный мир. – 2013. – № 3. – С. 58–71.
9. Заславская, Т. И., Ядов, В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 8–22.
10. Зубок, Ю. А. Традиционное и современное в социально-политических идентификациях молодежи // Власть. – 2014. – № 11. – С. 39–43.
11. Красильникова, М. Д. Изучение социальных настроений и потребительского поведения населения России // Проблемы прогнозирования. – 2003. – № 2. – С. 124–133.
12. Мазаев, Ю. Н., Макарова, Л. В. Социальные настроения: методология исследования проблемы // Материалы Афанасьевских чтений. – 2016. – №1 (14). – С. 232–238.
13. Ольшанский, Д. В. Массовые настроения и их функционирование в политических процессах: политико-психологический анализ: автореф. дис. ... д-ра полит.наук: 23.00.02. – М., 1990. – 32 с.
14. Петухов, В. В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. – 2018. – № 11(415). – С. 40–53.
15. Рокецкий, А. Л. Экономические настроения в массовом сознании российского общества // Социология власти. – 2005. – № 2. – С. 73–78.
16. Русалинова, А. А. Социальное самочувствие человека как социально-психологический феномен. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 245 с.
17. Станевич, А. Ю. Социальное настроение: методология и методы социологического исследования // Вестник МГЛУ. – 2015. – № 26 (737). – С. 207–219.
18. Сушко, В. А. Содержание и структурные характеристики социального самочувствия населения в современном российском обществе // Гуманитарные проблемы современности: человек и общество. – Новосибирск: Центр развития науч. сотрудничества, 2014. – 179 с.
19. Татарова, Г. Г., Кученкова, А. В. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. – 2016. – № 10. – С. 21–32.
20. Тощенко, Ж. Т., Харченко, С. В. Социальное настроение. – М.: Academia, 1996. – 195 с.
21. Хагуров, Т. А., Позднякова, М. Е., Ракачев, В. Н., Рыбакова, Л. Н., Чекинева, Т. Н., Резник, А. П., Любин, С. Ю., Войнова, Е. А., Мелешко, Н. В., Хагурова, Н. Е. Девиантное поведение в современной России: алкоголь, наркотики, молодежный экстремизм (концепции и исследования). – М.: Институт социологии РАН, 2014. – 200 с.
22. Шереги, Ф. Э. Российская молодежь: настроение, ожидания, ценностные ориентации // СОТИС – социальные технологии, исследования. – 2013. – № 4 (60). – С. 20–36.

23. Яковлев, С. П. Общественное настроение как объект изучения социологии духовной жизни: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. – Тамбов, 2004. – 25 с.
24. Яницкий, О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 6. – С. 155–164.
25. Яценко, И. Н. Социальное настроение и самочувствие населения малого северного города: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Екатеринбург, 2006. – 23 с.

References

1. Aslanova O. A. Social well-being: measuring tools, indicators and social criteria, *Theory and Practice of Social Development. Sociology. Economics. Law*, 2012, no. 2, pp. 59–63. (In Russian).
2. Vlasova N. A. *Institutional factors for the formation of the social mood of the inhabitants of the modern Russian metropolis*: Abstract of Dissertation of Candidate of Sociological Sciences: 22.00.08, Moscow, 2014, 28 p. (In Russian).
3. Vlasova N. A. *Institutional factors for the formation of the social mood of the inhabitants of the modern Russian metropolis: monograph*, Moscow, GUU Publishing House, 2016, 107 p. (In Russian).
4. Gorshkov M. K. *Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics)*, Moscow, Novyi Khronograph, 2011, 672 p. (In Russian).
5. Gulin K. A., Dementieva I. N. Protest sentiments of the region's population in crisis, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2011, no. 3 (15), pp. 53–65. (In Russian).
6. Dementieva I. N. Experience in applying the index method in sociological research, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2014, no. 4 (122), pp. 15–23. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.02>
7. Demkina E. P. Application of aggregated indicators (indices) in the study of social sentiments of the population, *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*, 2018, no. 9 (26), pp. 155–160. (In Russian).
8. Ermolaeva P. O., Noskova E. P. Social mood in Russia: methodology of integral appraisals and empirical studies, *Russia and the Contemporary World*, 2013, no. 3, pp. 58–71. (In Russian).
9. Zaslavskaya T. I., Yadov V. A. Social transformations in Russia in the era of global changes, *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 2008, no. 4, pp. 8–22. (In Russian).
10. Zubok Yu. A. Traditional and modern elements in the social and political identity of youth, *Vlast*, 2014, no. 11, pp. 39–43. (In Russian).
11. Krasilnikova M. D. Study of social sentiments and consumer behavior of the population of Russia, *Problemy Prognozirovaniya*, 2003, no. 2, pp. 124–133. (In Russian).
12. Mazaev Yu. N., Makarova L. V. Social sentiments: methodology of problem research, *Proceedings of Afanasyev Readings*, 2016, no. 1 (14), pp. 232–238. (In Russian).
13. Olshansky D. V. *Mass sentiments and their functioning in political processes: political and psychological analysis*: Abstract of Dissertation of Doctor of Political Sciences: 23.00.02, Moscow, 1990, 32 p. (In Russian).
14. Petukhov V. V. Dynamics of the social attitudes of the Russia's citizens and making of a public demand for change, *Sociological Studies*, 2018, no. 11 (415), pp. 40–53. (In Russian).
15. Roketsky A. L. Economic sentiments in the mass consciousness of Russian society, *Sociology of Power*, 2005, no. 2, pp. 73–78. (In Russian).
16. Rusalina A. A. *Social well-being of a person as a socio-psychological phenomenon*, St. Petersburg, St. Petersburg University, 2013, 245 p. (In Russian).
17. Stanevich A. Yu. Social mood: methodology and methods of sociological study, *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2015, no. 26 (737), pp. 207–209. (In Russian).
18. Sushko V. A. The content and structural characteristics of the social well-being of the population in modern Russian society, *Humanitarian Problems of Our Time: Man and Society*, Novosibirsk, Center for the Development of Scientific Cooperation, 2014, 179 p. (In Russian).
19. Tatarova G. G., Kuchenkova A. V. Indicators of subjective well-being as characteristics for typology building, *Sociological Studies*, 2016, no. 10, pp. 21–32. (In Russian).
20. Toshchenko J. T., Kharchenko S. V. *Social mood*, Moscow, Academia, 1996, 195 p. (In Russian).
21. Khagurov T. A., Pozdnyakova M. E., Rakachev V. N., Rybakova L. N., Chekineva T. N., Reznik A. P., Lyubin S. Yu., Voinova E. A., Meleshko N. V., Khagurova N. E. *Deviant behavior in modern Russia: alcohol, drugs, youth extremism (concepts and research)*, Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2014, 200 p. (In Russian).

22. Sheregi F. E. Russian youth: mood, expectations, value orientations, *SOTIS – Social Technology, Research*, 2013, no. 4 (60), pp. 20–36. (In Russian).
23. Yakovlev S. P. *Public mood as an object of study of the sociology of spiritual life*: Abstract of Dissertation of Candidate of Sociological Sciences: 22.00.06, Tambov, 2004, 25 p. (In Russian).
24. Janitsky O. N. “Turbulent Times” as a problem of a society of risk, *Social Sciences and Contemporary World*, 2011, no. 6, pp. 155–164. (In Russian).
25. Yatsenko I. N. *Social mood and well-being of the population of a small northern city: sociological analysis*: Dissertation of Candidate of Sociological Sciences: 22.00.04, Yekaterinburg, 2006, 23 p. (In Russian).

УДК 316.014, 314

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-170-177

Юрасов Игорь Алексеевич

д-р социол. наук, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Пензенский филиал г. Пенза, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4884-6422

e-mail: jurassow@yandex.ru

Танина Мария Алексеевна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Пензенский филиал г. Пенза, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7311-6280

e-mail: margo10@inbox.ru

Юдина Вера Александровна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Пензенский филиал г. Пенза, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9835-9430

e-mail: vayudina@fa.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСОВ

Аннотация. В ходе социологического анализа были выявлены языковые модели исторической памяти студентов, события и исторические деятели, представляющие собой, по мнению молодежи, «политическое зло» и «политическое добро» в истории России. В качестве политического зла студенты назвали крепостное право, «сталинские репрессии», голод 20–40-х гг. XX в., войны в Афганистане и Чечне; в качестве политического добра – победы в Отечественной войне 1812 г., в Великой Отечественной войне, полет в Космос, олимпиады 1980 г. и 2014 г. Авторские социологические исследования крупнейших российских мегаполисов выявили сложность, противоречивость исторической памяти студенческой молодежи. В ходе исследования была установлена приверженность студенческой молодежи либеральной идеологии, неглубокая осведомленность о жизни своей семьи, своего рода в более ранние периоды российской истории, начиная с дореволюционного времени, заканчивая жизнью своих родственников в 20–40-е гг. XX в., ассоциация политического добра с достижениями нашей страны и ассоциация политического зла с поражениями и реформами.

Ключевые слова: историческая память, модели, историзация, политическое зло, политическое добро, языковые модели исторической памяти, ассоциации, исторические победы, исторические поражения, триггеры памяти

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31099 опп.

Для цитирования: Юрасов И.А., Танина М.А., Юдина В.А. Особенности исторической памяти студентов российских мегаполисов // Вестник университета. 2021. № 10. С. 170–177.

FEATURES OF THE HISTORICAL MEMORY OF STUDENTS OF RUSSIAN MEGACITIES

Abstract. In the course of sociological analysis, linguistic models of students' historical memory, events and historical figures were identified, that represent, in the opinion of young people, the "political evil" and the "political good" in Russian history. The students identified serfdom, "Stalinist repressions", the famine of the 1920s and 1940s and the wars in Afghanistan and Chechnya as "political evil". The "political good" – the victories in the Patriotic War of 1812, the Great Patriotic War, the flight to space, the 1980 and 2014 Olympics. The author's sociological studies of the largest Russian megalopolises have revealed the complexity and inconsistency of the historical memory of student youth. The study established the adherence of student youth to liberal ideology, a shallow awareness of the life of their family, their kin in earlier periods of Russian history, from pre-revolutionary times to the lives of their relatives in the 20-40s of the XX century, the association of "political good" with the achievements of our country and the association of "political evil" with defeats and reforms.

Keywords: historical memory, models, historicization, political evil, political good, linguistic models of historical memory, associations, historical victories, historical defeats, triggers of memory

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research under research project no. 21-011-31099 opn.

For citation: Yurasov I.A., Tanina M.A., Yudina V.A. (2021) Features of the historical memory of students of Russian megacities. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 170–177. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-170-177

Введение

Рост политической радикализации российской студенческой молодежи, рост контрэлитного популизма, некритичное, эмоциональное восприятие политической повестки дня, которые наряду с объективными социально-политическими и социально-экономическими причинами, имеют социально-психологические,

© Юрасов И.А., Танина М.А., Юдина В.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Yurasov I.A., Tanina M.A., Yudina V.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ментальные, когнитивные и семиотические основания, определяют актуальность настоящего исследования. Для преодоления негативных популистских социально-политических тенденций в необходимо провести сравнительное изучение и анализ социосемиотических структур исторической памяти у студенческой молодежи мегаполисов (Москвы и Санкт-Петербурга) и крупных провинциальных городов, являющихся типичными регионами Российской Федерации, в силу одновременного включения в социальные, политические, экономические практики традиционного, индустриального и информационного обществ.

В данной статье представлен анализ особенностей исторической памяти студенческой молодежи мегаполисов.

Постановка проблемы

Историческая память народов, его отдельных социальных групп является актуальной проблемой государственного, идеологического и ментального строительства как старых, так и новых наций и государств. Феномен и специфика исторической памяти являются весьма сложными, противоречивыми, субъективными образованиями. Воскрешая и анализируя языковые модели исторической памяти, нельзя делать однозначных и объективных выводов об историческом пути наций, социальных групп и государств, но выявляя базовые паттерны исторического мемориального дискурса народа, необходимо корректировать образовательную и воспитательную политику, формировать и разрабатывать историческую политику государства [1].

Историческая память – это способ конструирования социумами своего прошлого, основанного на субъективно интерпретируемых, и ценностно маркируемых рефлексиях ключевых для данного социума событий прошлого [6]. Историческая память – это набор передаваемых из поколения в поколение, исторических нарративов, субъективно переломленных рефлексией о событиях прошлого [7]. Она складывается из отдельных образов индивидуальной памяти, обобщенным образом разделяемых всеми, или большинством членов сообщества. Существуют такие моменты, когда индивидуальная человеческая память может органично вписываться в коллективную историческую память, а может ей противоречить [8]. Примерами этого служат различные семантически виды моделей исторической памяти о 90-х гг. XX в. в истории России, когда один и тот же период трактуется как «лихие 90-е» и «святые, благословенные 90-е».

Историческая коллективная память молодежи представляет собой языковые репрезентации и интерпретации образов прошлого [9]. Коллективная историческая память метафорична. Для формирования и существования моделей исторической памяти каждого конкретного общества важен социальный контекст бытования воспоминаний, коллективно разделяемые языковые репрезентации прошлого [11].

Формой существования коллективной исторической памяти является языковая модель. Она представляет собой языковое образование, состоящее из постоянных семантических элементов, объединенных закономерной связью, которые могут быть выражены символами [10]. Это мысленное устройство, представляющее базовые социальные смыслы в упрощенном виде. Языковое моделирование – это основополагающая когнитивная способность, способ когнитивного взаимодействия человека со средой [12].

В языковую модель входят семантические конструкторы, которые могут в силу своей семантики находиться в ситуации интертекстуальной связи с другими конструкторами. Интертекстуальность формирует сильную и слабую позицию семантических конструкторов, выражающих те или иные социокультурные ценности. Сильная позиция исторического нарратива, его смысла представляет собой разделяемость ее большинством членов социума, представителями одного социального архетипа. Сильная позиция нарратива, выражающего те или иные исторические ценности и смыслы, предполагает нахождение его на базовом глубинном уровне, и является условием и причиной формирования закрытой системы ценностей. Чем больше в историческом нарративе таких ценностей, тем закрытее и неконгруэнтнее является нарратив об исторической памяти, тем труднее он разделяется носителями альтернативных исторических нарративов. Открытая система ценностей состоит из слабых ценностей малого количества. Это является важной предпосылкой успешной ментальной коммуникации и диалога культур, предпосылкой разделяемости исторического нарратива представителями других культур.

Языковая модель исторической памяти – это модель, состоящая из готовых смыслов. Это компонентная модель, модель структуры, модель, построенная с помощью анализа текстов. В лингвистике различают диахронические (исторические) и синхронические модели. В языковых моделях исторической памяти функционируют диахронические модели.

Литературный обзор

Вопросы анализа и управления исторической памятью молодежи становятся важным аспектом государственного строительства, развития в современном мире и важным моментом разработки исторической политики современных государств. С помощью управления исторической памятью молодежи можно менять вектор развития стран, создавая государственно ориентированные или диссидентско-оппозиционные типы личностей в стране.

Впервые феномен исторической памяти стал разрабатывать в своих трудах М. Хальбвакс в 20-е гг. XX в. В русле его идей проходил анализ истории человеческой памяти в работах В. А. Ачкасова, В. Болебера, Х. Вельцера, О. Ю. Малиновой, М. Найдорф и др. [2; 3; 4; 5].

Согласно актуальным социально-философским, социологическим, социально-психологическим, семиотическим, политологическим трактовкам, историческая память представляет собой общепринятые представления о прошлом. Она является основой формирования идентичностей политических сообществ. Историческая память организует современные социальные представления о прошлом, социально разделяемые знания об истории страны, рода, семейного клана. Согласно современным теоретико-методологическим воззрениям на историческую память, прошлое служит строительным материалом для конструирования разных типов социальных, политических идентичностей, однако особое значение оно имеет для воображения наций.

Последние социологические, социокультурные и исторические исследования показывают некоторое различие в восприятии российской истории, в формировании ментальных и языковых структур исторической памяти студенческой молодежи российских мегаполисов и российской провинции. Стало быть, специфика городского пространства, его социокультурное наполнение влияют на менталитет российской студенческой молодежи, на формирование структур исторической памяти.

Теория и методы

В качестве базы данных исследования выступили научные разработки отечественных авторов, учебные издания, данные эмпирических исследований, в том числе размещенных в открытом доступе в сети «Интернет». В качестве методов исследования выступили монографический, логический, сравнительный, системный методы исследования.

Исследование специфики формирования исторической памяти студенческой молодежи в мегаполис Российской Федерации проводилось в июне–сентябре 2021 г. с применением анкетного опроса. Количество респондентов составило: в Москве – 289 чел., в Санкт-Петербурге – 198 чел., в Самаре – 201 чел., в Новосибирске – 189 чел., в Казани – 84 чел. Общее число респондентов составило 961 чел.

Анализ результатов

В ходе социологического анализа были выявлены идеологические предпочтения студентов мегаполисов. Большинство опрошенных никогда не задумывались о собственных идеологических взглядах (51,6 %), что может свидетельствовать об общей аполитичности российской студенческой молодежи. Однако, следует отметить, относительную популярность либеральной идеологии (29,5 %) среди жителей мегаполисов.

Наибольшая доля опрошенных исповедует православную веру (64,3 %). Однако, следует отметить, что в городе Новосибирск среди респондентов наиболее распространен ислам (71 %). Ответ «другое» выбрали сторонники агностицизма. Наибольшее число атеистов среди студенческой молодежи России проживает в Санкт-Петербурге (44,8 %), примерно одинаковое количество атеистов выявлено в Самаре и Новосибирске. Атеистическая идентичность наиболее распространена в российских мегаполисах. По мнению экспертов, атеизм четко коррелирует с протестными настроениями студенческой молодежи, с критическим восприятием окружающей действительности. Атеистическое мировоззрение может стать основой развития популистских, экстремистских и радикальных политических настроений среди столичных мегаполисов.

Революции 1917 г. были охарактеризованы большинством респондентов как закономерное явление (48,9 %). Жители мегаполисов в большинстве своем негативно относятся к этим событиям, считая их хотя и закономерными, но катастрофичными для российской истории (29,8 %).

При ответе респондентов на вопрос «Какие смыслы и значения у Вас ассоциируются с российской историей 1950–1980 гг.?» большинство опрошенных отмечало развитие промышленности и сельского хозяйства, стабильность, дружбу народов. К числу ассоциаций также относятся «лучшее время для моей семьи», «великое, но трудное время», «читающая страна».

Наиболее сложный и болезненный вопрос российской истории – это вопрос оценки репрессий в СССР 1920–1950-х гг. Большинство респондентов связывают репрессии в СССР с периодом правления И. В. Сталина и с концом 1930-х гг. (максимальная величина (51,7 %) – Санкт-Петербург, 34,9 – среднее арифметическое по городам). Ассоциации с репрессиями у опрошенных связаны как с периодом 1920-х гг., так и с периодом 1933–1937-х гг., послевоенным периодом 1945–1953 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос «Репрессии в СССР» ассоциируются у вас...»

Наименование города	С периодом 1920-х гг., %	С 1933 – 1937 гг., %	С послевоенным периодом 1945–1953 гг., %	С периодом после 1952 гг., %	Затрудняюсь ответить, %	Другое, %
Москва	12,9	38,7	16,1	-	32,3	-
Санкт-Петербург	20,7	51,7	3,4	10,3	13,8	-
Самара	8,3	33,3	16,7	16,7	25,0	-
Уфа	1,2	15,9	22,0	7,3	40,2	1,2
Казань	-	-	-	-	100,0	-

Составлено авторами по материалам исследования

При ответе на вопрос о важных исторических событиях, вызывающих гордость, и которые авторы настоящего исследования характеризуют как однозначное «политическое добро», респонденты отмечали победы в Отечественной войне 1812 г. (17,12 %) и Великой Отечественной войне (21,5 %), первый полет в космос (18,4 %), олимпиады 1980 г. и 2014 г. (12,6 %). Подробнее выбор ответов респондентами представлен в таблице 2.

Таблица 2

Выбор респондентами самых важных событий российской истории, вызывающих гордость

Событие	Москва	Санкт-Петербург	Самара	Уфа	Казань
Успехи России в начале XXI в., %	-	-	-	-	-
Победа революции 1917 г., %	3,6	1,3	5,3	6,8	-
Коллективизация, индустриализация, %	-	1,3	2,6	5,3	50,0
Победа большевиков в Гражданской войне 1918–1922 гг., %	1,2	2,5	5,3	4,2	-
Победа в отечественной войне 1812 г., %	6,0	5,0	13,2	11,4	50,0
НЭП, %	4,8	5,0	2,6	5,3	-
Опричнина, %	-	-	-	-	-
Репрессии Ленина, Троцкого, %	-	-	-	-	-
Репрессии Сталина, %	1,2	-	-	0,8	-
Хрущевская оттепель, %	2,4	3,8	2,6	1,5	-
Победа в Великой Отечественной войне, %	29,8	28,7	26,3	23,1	-
Первый полет в космос, %	26,2	28,7	18,4	17,4	-
Создание социалистического блока, %	2,4	1,3	2,6	2,7	-

Окончание табл. 2

Событие	Москва	Санкт-Петербург	Самара	Уфа	Казань
Олимпиады 1980 г. и 2014 г., %	16,7	18,8	15,8	11,7	-
Перестройка 1980-х гг. (1985–1991 гг.), %	3,6	1,3	-	4,2	-
Рыночные реформы 1990-х гг., %	2,4	1,3	5,3	2,7	-
Борьба с религией и церковью в 1920–1950-е гг., %	-	-	-	1,9	-
Война в Афганистане, %	-	-	-	0,8	-
Война в Чечне, %	-	1,3	-	0,4	-

Составлено авторами по материалам исследования

Студенты мегаполисов считают «политическим злом» крепостное право (10,2 %), «сталинские репрессии» (9,5 %), довоенный и послевоенный голод (13,6 %), холокост (10,8 %), чеченскую и афганскую военные кампании (10,4 %). Подробнее выбор ответов респондентами представлен в таблице 3.

Таблица 3

Выбор респондентами самых важных событий и социально-исторические процессов российской истории, вызывающих сожаление, стыд

Событие	Москва	Санкт-Петербург	Самара	Уфа	Казань
Победа революции 1917 г., %	2,0	1,4	-	1,4	-
Коллективизация, индустриализация, %	-	2,1	-	-	-
Крепостное право, %	14,1	11,4	11,6	14,2	-
Опричнина, %	4,0	7,1	2,3	8,0	-
Победа большевиков в Гражданской войне 1918–1922 гг., %	2,0	0,7	2,3	0,7	-
Победа в Отечественной войне 1812 г., %	2,0	0,7	-	1,0	-
НЭП, %	-	0,7	2,3	0,7	25,0
Репрессии Ленина, Троцкого, %	5,1	5,0	2,3	5,2	-
Репрессии Сталина, %	11,1	11,4	7,0	8,7	-
Хрущевская оттепель, %	-	-	2,3	2,1	-
Холокост, %	10,1	11,4	11,6	10,4	-
Голод 1921–1922 гг., 1929–1934 гг., 1946–1948 гг., %	12,1	10,7	18,6	13,2	-
Первый полет в космос, %	2,0	-	2,3	1,0	25,0
Создание социалистического блока, %	-	0,7	-	0,3	-
Олимпиады 1980 г. и 2014 г., %	1,0	-	-	0,3	-
Перестройка 1985–1991 гг., %	4,0	2,9	4,7	2,4	-
Рыночные реформы 1990-х гг., %	4,0	2,9	2,3	3,1	50,0
Борьба с религией и церковью в 1920–1950-е гг., %	5,1	7,9	7,0	7,3	-
Война в Афганистане, %	10,1	10,0	11,6	10,1	-
Война в Чечне, %	11,1	12,9	11,6	9,7	-

Составлено авторами по материалам исследования

Анализируя данные опросов, представленные в таблицах 2 и 3, можно сделать вывод о том, что политическое добро для студенческой молодежи связано с победами и достижениями российского народа, а политическое зло – с поражениями, потерями, реформами.

Ассоциации большинства опрошенных со временем СССР 1950–1960-х гг. связаны со стабильностью (56,7 %), дефицитом (43,2 %), качественными продуктами питания (41,2 %) и образованием (39,7 %), пионерией и комсомолом (35,8 %), полетом в космос (32,6 %) и мультфильмами (29,7%).

При ответе респондентов на вопрос «С чем у Вас ассоциируется время Перестройки (80-е гг. XX в.) и рыночных реформ 90-х гг. XX в.?», ассоциации большинства опрошенных связаны с переменами, криминалом, безработицей, невыплатами заработных плат, тревогой (67,9 %). В этом отношении авторы исследования видят противоречия в образах исторической памяти, когда респонденты характеризовали период 1990-х гг. как благоприятный, и очевидно, «необходимый», с их точки зрения, но большинство ассоциаций студентов российских мегаполисов негативные: бедность, снижение уровня жизни, криминал, безработица (табл. 4).

Таблица 4

Ответ респондентов на вопрос «С чем у Вас ассоциируется время Перестройки (80-е гг. XX в.) и рыночных реформ 90-х гг. XX в.?»

Ассоциации	Москва	Санкт-Петербург	Самара	Уфа	Казань
Перемены, %	13,7	10,5	14,6	11,5	25,0
Дефицит, %	9,4	7,6	9,8	8,6	25,0
Демократия, свобода, %	6,5	4,7	9,8	3,2	-
Новые возможности, %	5,0	7,6	9,8	5,5	-
Рэкет, криминал, %	10,8	10,5	7,3	8,1	25,0
Безработица, %	12,2	11,0	12,2	9,5	-
Безнадега, %	3,6	2,9	4,9	5,2	-
Бездомные, %	2,9	4,1	-	6,3	-
Невыплаты пособий и заработных плат, %	8,6	8,7	7,3	6,9	-
Наркомания, алкоголизм, %	2,9	4,1	2,4	5,5	-
Криминал, коррупция, %	8,6	9,9	9,8	9,5	25,0
Счастье, покой, радость, %	-	-	-	-	-
Тревога, %	7,9	7,6	4,9	7,5	-
Ельцин, %	5,0	9,3	7,3	8,4	-
Позор, %	2,9	1,7	-	4,3	-

Составлено авторами по материалам исследования

Среди ответов респондентов на вопрос об исторических деятелях, деятельность которых вызывает гордость, и чью личность можно отнести к «политическому добру», первое место заняла личность Петра I (28,3 %), далее идут деятели советской эпохи – Жуков (26,8 %), Сталин (22,6 %), Брежнев (19,7 %). Две исторические личности связаны с периодами развития и модернизации (Петр I, Сталин), что однозначно говорит о запросах о развитии и модернизации у российской студенческой молодежи крупных городов.

При ответе респондентов на вопрос об исторических деятелях, деятельность которых вызывает стыд, и которые можно отнести к «политическому злу» распространенными ответами респондентов являются: народовольцы, Сталин (41,8 %), Ельцин (39,7 %), Путин (27,6 %). Следует отметить, что фигура Сталина является довольно противоречивой, поэтому отношение к данному политическому деятелю в равной степени как положительное, так и отрицательное. В образах истории у российских студентов складывается очевидное противоречие: при всем запросе на развитие и модернизацию, «политическим злом» оказываются агенты развития и модернизации – Сталин, Ельцин, Путин.

При оценке места России в мире и мировой истории большинство респондентов относят нашу страну к ведущим мировым державам, другие отмечают, что она утратила статус мировой державы, но может его обрести вновь. Третьим по популярности у жителей мегаполиса является мнение о том, что Россия уже не сможет вернуть статус мировой державы.

По мнению опрошенных, наибольшее влияние на развитие мировой цивилизации Россия оказала в области культуры и науки. Область защиты прав человека была выбрана респондентами как наименее приоритетная.

На вопрос «Хотели бы Вы уехать из России в другую страну?» большая часть опрошенных ответила, что предпочитает жить в России при любом из вариантов развития событий (32,3 %), другая – рассматривает возможность иммиграции. Определенная часть жителей мегаполисов активно рассматривает варианты с временным переездом или иммиграцией.

Выводы

Авторские социологические исследования исторической памяти студенческой молодежи крупных российских мегаполисов позволяют сделать следующие выводы. Большинство столичных студентов являются поклонниками либеральной идеологии, социально мобильными, активными людьми. Хотя большинство их готово трудиться в России, на втором месте по популярности стоят респонденты, готовые уехать из страны. Социосемиотические структуры исторической памяти российских студентов неглубокие. Студенты мегаполисов знают историю своей семьи до третьего поколения, информации о жизни более ранних поколений нет у молодежи ввиду отсутствия информации от ближайших родственников, незнания общей исторической канвы развития нашего государства, а также отсутствия интереса к истории своего рода. Историческая память столичных студентов сложна и противоречива. Победа в Великой Отечественной войне однозначно воспринимается студентами как величайшее «политическое добро», но основные ассоциации с этим периодом – голод, горе, жертвы и потери. Большинство респондентов негативно оценивают время либеральных реформ 1990-х гг., базовые ассоциации с этим периодом – криминал, бедность, безработица. Политическое добро для столичных студентов – победы в Отечественной войне 1812 г. и Великой Отечественной войне, полет в космос, олимпиады 1980 г. и 2014 г. Политическое добро среди исторических деятелей – Петра I, Жукова, Сталина.

Политическое зло в российской истории для респондентов – это крепостное право, «сталинские репрессии», голод при СССР, войны в Афганистане, Чечне. Считая «сталинские репрессии» политическим злом, респонденты тем не менее записывают самого Сталина в агенты модернизации. Следует отметить довольно большую долю опрошенных, у которой возникли трудности с ответами на вопросы о жизни собственной семьи, рода в период СССР. Наименее информированы респонденты о жизни семьи в период с 1917 г. по 1950-е гг.

Триггерами негативной политической мобилизации являются «сталинские репрессии», голод, неудачные войны.

Библиографический список

1. Ачкасов, В. А. «Политика памяти» как инструмент конструирования постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Т. 16, № 4. – С. 106–123.
2. Болебер, В. Воспоминание и историзация: трансформация индивидуальной и коллективной травмы и ее межпоколенческая передача // Журнал Практической Психологии и Психоанализа. – 2010. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psyjournal.ru/articles/vospominanie-i-istorizaciya-transformaciya-individualnoy-i-kollektivnoy-travmy-i-ee> (дата обращения: 18.07.2021).
3. Вельцер, Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (дата обращения: 18.07.2021).
4. Доронина, С. Г. Социальная структура прошлого: индивидуальная и коллективная память // *Terps et Memoria*. – 2020. – Т. 1, № 1-2. – С. 36–43.
5. Капитонова Т. А., Белокрылова В. А., Никитина Ю. Ф. Исследования исторической памяти: динамика индивидуально- и коллективного начал // Материалы Международной научной конференции и X научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Минск, 17–18 мая 2016 г.: в 2 ч. Ч. 2 / науч. ред. А. В. Данильченко и др. – Минск: БГУ, 2016. – С. 591–594.
6. Малинова, О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // *Полития*. – 2017. – № 4 (87). – С. 6–22.

7. Найдорф, М. И. Историзация, или производство прошлого (к культурологии времени) // Вопросы культурологии. – 2012. – № 3. – С. 11–15.
8. Романовская, Е. В. Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия, психология и педагогика. – 2010. – Т. 10, № 3. – С. 39–44.
9. Сафронова, Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт Петербурге, 2019. – 220 с.
10. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3 (40–41). – С. 8–27.
11. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
12. Эткинд, А. Кривое горе: Память о непогребенных. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 331 с.

References

1. Achkasov V. A. “Politics of memory” as a tool for post-socialist “nation-building”, *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2013, vol. 16, no. 4, pp. 106–123. (In Russian).
2. Boleber V. Memory and historysize: transformation of individual and collective trauma and its intergenerational transmission of, *Zhurnal Prakticheskoi Psikhologii I Psikhoanaliza*, 2010, no. 4. Available at: <https://psyjournal.ru/articles/vospominanie-i-istorizaciya-transformaciya-individualnoy-i-kollektivnoy-travmy-i-ee> (accessed 18.07.2021). (In Russian).
3. Welzer H. History, memory and modernity of the past. Memory as an arena of political struggle, *Neprikosnovenniy zapas*, 2005, no. 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (accessed 18.07.2021). (In Russian).
4. Doronina S. G. Social structure of the past: individual and collective memory, *Tepus et Memoria*, 2020, vol. 1, no. 1-2, pp. 36–43. (In Russian).
5. Kapitonova T. A., Belokrylova V. A., Nikitina Yu. F. Research of historical memory: dynamics of individual and collective beginnings, *Proceedings of the International Scientific Conference and the 10th Scientific-Theoretical Seminar “Innovative Strategies in Contemporary Social Philosophy”*, Minsk, May 17–18, 2016: in 2 parts, part 2, scientific editor: A. V. Danilchenko et al., Minsk, Belarusian State University, 2016, pp. 591–594. (In Russian).
6. Malinova O. Yu. Commemoration of historical events as an instrument of symbolic politics: possibilities of comparative analysis, *Politeia*, 2017, no. 4(87), pp. 6–22. (In Russian).
7. Najdorf M. I. To the historicism, or past manufacture (to time cultural science), *Issues of Cultural Studies*, 2012, no. 3, pp. 11–15. (In Russian).
8. Romanovskaya E. V. Maurice Halbwaks: cultural contexts of memory, *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2010, vol. 10, no. 3, pp. 39–44. (In Russian).
9. Safronova Yu. A. *Historical memory: introduction: tutorial*, St. Petersburg, European University in St. Petersburg Publishing House, 2019, 220 p. (In Russian).
10. Halbwachs M. Collective and historical memory, *Neprikosnovenniy zapas*, 2005, no 2-3 (40-41), pp. 8–27. (In Russian).
11. Halbwachs M. *The social framework of memory*, Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2007, 348 p. (In Russian).
12. Etkind A. *Warped mourning: The Memory of unburied*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 331 p. (In Russian).

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

УДК 316.6

DOI 10.26425/1816-4277-2021-10-178-186

Курачинская Владислава Павловна
студент, ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-6294-7393

e-mail: krisskostovax@mail.ru

Куликова Ольга Андреевна
канд. психол. наук, ФГБОУ ВО «Госу-
дарственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-3204-2494

e-mail: kilka2002@yandex.ru

ВИКТИМБЛЕЙМИНГ СРЕДИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье представлена основная информация о проблеме виктимблейминга, описана история возникновения данного понятия. Выявлены основные факторы формирования виктимблейминга, такие как патриархальные устои, феномен справедливого мира, семья и воспитание, устоявшиеся социальные клише и модели взаимоотношений, средства массовой информации. Представлены результаты исследования, из которых обозначился уровень осведомленности молодежи о проблеме виктимблейминга, их мнение в контексте данной проблемы. Рассмотрена роль близкого окружения по отношению к жертве ситуации, а также обозначено влияние средств массовой информации на формирование виктимблейминга у студенческой молодежи. Обозначенная проблема отражает влияние виктимблейминга на молодых людей и дальнейшие последствия данного негативного опыта.

Ключевые слова: виктимблейминг, обвинение жертвы, СМИ, жертва, перенос ответственности, молодежь, общественное мнение, общество

Для цитирования: Курачинская В.П., Куликова О.А. Виктимблейминг среди студенческой молодежи // Вестник университета. 2021. № 10. С. 178–186.

Vladislava P. Kurachinskaya

Student, State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-6294-7393

e-mail: krisskostovax@mail.ru

Olga A. Kulikova

Cand. Sci. (Psy.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3204-2494

e-mail: kilka2002@yandex.ru

VICTIM BLAMING AMONG YOUNG STUDENTS

Abstract. The article presents basic information on the problem of victim blaming, describes the history of the appearance of this concept. Major factors in the formation of victim blaming such as patriarchal attitudes, the phenomenon of a just world, family and upbringing, established social cliches and patterns of relationships and the media have been identified. The results of the study have been presented, from which the level of awareness of young people about the problem of victim blaming and their views in the context of the problem have been outlined. The role of the immediate environment in relation to the victim of the situation has been considered, and the influence of the media on the formation of victim blaming among students has been outlined. The problem outlined reflects the impact of victim blaming on young people and the further consequences of this negative experience.

Keywords: victim blaming, victim's accusation media, victim, shift the responsibility, youth, public opinion, society

For citation: Kurachinskaya V.P., Kulikova O.A. (2021) Victim blaming among young students. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 178–186. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-178-186

Введение

В настоящее время такое явление, как виктимблейминг набирает популярность, так как общественность активно придает огласке такие социально-психологические проблемы, как насилие, харасмент, булинг и т. п. Виктимблейминг можно заметить не только по отношению к жертвам физического и сексуального насилия, но и в обыденной жизни, как, например, негативная оценка действий человека с последующей осуждающей позицией со стороны.

© Курачинская В.П., Куликова О.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Kurachinskaya V.P., Kulikova O.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

В свое время Платон подчеркивал важность общественного мнения как единственного общественно-го регулятора морального поведения человека, а в качестве критерия указывал стыд всеобщего порицания за аморальный поступок, тем самым с помощью ответной реакции предоставлял обществу осознание верных и неверных поступков. Данный исторический факт является зачатком в появлении процесса виктимблейминг. С одной стороны, стоят люди, которые имеют понимание и должны знания о структуре проблемы, с другой – люди, имеющие стереотипные, искаженные и приобретенные модели восприятия поведения других [2].

Данный феномен является продуктом социального взаимодействия и мышления, который негативно влияет на формирование жизненных установок, построение взаимоотношений, а также искажает здоровую ответственность и повышает болезненное чувство вины.

Одной из основных проблем является то, что несмотря на время информационной доступности, молодые люди не осведомлены и не имеют должного понимания проблемы виктимблейминга, тем самым продвигая в массы травмирующие личность человека формы поведения, что приводит к проявлению разных форм девиации среди молодежи.

В статье проанализированы результаты проведенного онлайн опроса. Основная задача исследования была выяснить знакома ли молодежь с таким понятием, как «виктимблейминг», а также об имеющимся опыте виктимблейминга в их жизни.

Виктимблейминг и факторы его формирования

Обвинение жертвы, или виктимблейминг (от англ. victim blaming), происходит, когда на жертву преступления, нарушения или несчастья возлагается полная или частичная ответственность. Если рассматривать данное понятие с точки зрения юриспруденции, то виктимблейминг – это перенос ответственности с лица, которое совершило правонарушение, на лицо, пострадавшее от этого правонарушения, то есть перенесение ответственности на жертву [10].

В 1970-х гг. психолог Уильям Райан впервые начал использовать термин «виктимблейминг». В своей работе психолог писал о преступлениях, совершенных на почве расизма. Он изучал феномен обвинения жертвы в контексте оправдания неравноценности рас в отношении чернокожего населения США [12].

Причин для существования виктимблейминга в современном мире большое количество. Данный феномен формируется комплексно и влияет на разные сферы общественной жизни. Стоит выделить наиболее распространенные факторы, благодаря которым, происходит формирование виктимблейминга и его популяризация в нашей жизни.

1. Патриархальные устои. На протяжении всей истории человечества взаимоотношения между людьми терпели различные изменения. Особенно ярко можно выделить переход из традиционного уклада семьи в демократический. Поэтому сохранение патриархальных устоев и последующих форм поведения «нормализуют» обвинение жертвы, доказывая, что вина частично или полностью возлагается на ней. Ярким примером являются трагедии и катастрофы, описанные в Ветхом Завете, оправданные предшествующим поведением и грехами народа. Таким образом, данный пример можно также рассмотреть с точки зрения феномена о справедливом мире [3; 6].

2. В 1966 г. ученые предположили, что общество обвиняет жертв преступления из-за стремления к справедливости, так появился феномен справедливого мира, сформулированный Мелвином Лернером. Данный социально-психологический феномен отражает справедливое устройство мира, в котором люди получают по заслугам, то есть в соответствии со своими личными характеристиками, поступками и мировоззрением. Изучая феномен справедливого мира, Лернер совместно с Кэролайн Симмонз выдвинули гипотезу, что основным механизмом обвинения жертвы в произошедшей с ней ситуации является стремление общества к справедливости. Они также предположили, что люди нуждаются верить в справедливый мир, что каждая жертва, на которой лежит вина за содеянное по отношению к ней, получает по заслугам. В своей исследовательской работе ученые выявили, что окружающему обществу свойственно наделять успешных людей высокими характеристиками, а противоположных людей, которые испытывают трудности, наделять негативными чертами. Тем самым, общество пытается гармонизировать черты и характер человека с его судьбой [4; 5].

3. Важную роль в формировании виктимблейминга играет семья и воспитание. Многие специалисты, изучая внутрисемейные конфликты, обозначают, что в основе системы виктимблейминга лежат устоявшиеся фрагменты из воспитания. Начиная с раннего детства в подрастающем поколении развивают болезненное

чувство вины. Данный процесс происходит, когда родители винят своих детей в ситуациях, которые произошли по вине обстоятельств и случая. Затем во взрослом возрасте из-за подобных обвинений человек верит, что причины исключительно в самом себе. Такая форма причинно-следственной связи закрепляется глубоко в сознании человека, что в дальнейшем проявляется в более взрослой жизни. Таким образом, стираются грани рационального чувства вины, уступая болезненным ощущениям, нездоровой ответственности [1].

4. Устоявшиеся социальные клише и модели взаимоотношений. В качестве примера можно привести популярное высказывание о том, как должна выглядеть и вести себя девушка/мужчина. Сюда же можно отнести стереотипы о поведении жертв физического, психологического или сексуального насилия: она должна физически сопротивляться, кричать, отвечать агрессией и т. д. Процесс обвинения жертвы также связывают с термином «культура насилия». Согласно данной концепции культура насилия проявляется в объективации, отрицании невиновности жертвы и последующее ее обвинение. В такой ситуации жертва оценивается как объект, принадлежащий своему родителю или мужу. Джон Бергер в своей концепции «власти взгляда» утверждает, что репрезентацию образов мужчины и женщины как в искусстве, так и в СМИ можно охарактеризовать как «мужчина действует, а женщина является», то есть женщина позиционируется как пассивный объект. Поэтому искажается восприятие гендерных ролей в массовой культуре, оправдывается деструктивное поведение и возникает обостренное чувство вины. Таким образом, в массы закладывается образ «идеальной жертвы», который обеспечивает поддержку и защиту со стороны других людей [9; 11].

5. В дополнении к устоявшимся социальным клише и моделям взаимоотношений, необходимо выделить отдельную причину для формирования виктимблейминга – СМИ. Общественное мнение в том или ином ключе формируется благодаря СМИ. На данный период времени характерен высокий подъем обсуждения резонансных ситуаций, которые затрагивают актуальные проблемы общества, такие как насилие, шейминг, буллинг и так далее. Телевизионные ток-шоу и программы, которые направлены на помощь жертвам различных ситуаций, довольно часто носят характер перекладывания ответственности с нарушителя на жертву. В процессе разбора семейных конфликтов и других различных проблем, участники подвергаются критике и обсуждению со стороны общественных деятелей, специалистов из различных областей и других медийных личностей. Таким образом, те кто сидят за экранами и наблюдают за разбором событий, выслушивают различные стороны мнений, которые после проецируются на собственное поведение и восприятие. Публичные высказывания, исходящие из уст специалистов и людей, которые так или иначе являются значимыми для народа, систематически носят характер перекладывания ответственности за преступление на потерпевшую сторону. Поэтому снижается степень вины преступника в глазах общества, что в процессе принятия нормализует отрицательное поведение. СМИ и новыми медиа была выработана новая модель поведения, провозглашающая презумпцию виновности жертвы насилия или других правонарушений, обвиняя ее в провокации, возлагая на нее частичную или полную вину за совершенное правонарушение. К примеру, можно увидеть обвинение жертв в их неподобающем виде, в несоответствии с идеальной фигурой жертвы. Такие заявления откладываются в общественном сознании [7; 8].

Виктимблейминг можно классифицировать на виды. Если рассмотреть историю возникновения данного термина, то мы видим, что изначально объектами виктимблейминга были ущемленные расы, чуть позже, в процессе изучения общественных проблем, объектами становились девушки-жертвы физического и сексуального насилия. Поэтому обвинение жертвы наиболее распространено в сфере правонарушений, которые касаются девушек. В процессе становления и изучения, феномен стал распространяться и выявляться в других жизненных сферах общества. Виктимблейминг – такое явление, которое можно встретить в бытовой, семейной, профессиональной и многих других жизненных сферах общества [1].

Можно выделить общераспространенные типы обвинения жертвы.

1. Наиболее распространенный тип обвинения заключается в том, что возлагается ответственность на жертву по причине того, что она не сразу распознала, не увидела тиранистический тип партнера. Как правило, данное обвинение относится к семейной сфере жизни, когда один из партнеров имеет насильственные наклонности. Близкое окружение жертвы пытается доказать, что она имеет неправильное социальное восприятие. Помимо обвинения в виновности внутри близкой социальной группы, такое ложное обвинение можно встретить и в психотерапевтической деятельности.

2. Общественность аргументирует обвинение жертвы тем, что она имеет определенную модель поведения, которая притягивает и настраивает партнера на определенный тип травмирующих взаимоотношений.

Тем самым, данное заявление определяет жертву виновной, указывая на неправильность в ее поведении, общении и характере. Как правило, такие жертвы достаточно открыты, эмпатичны, доброжелательны и наивны, в некоторых случаях у них подсознательно сформирована программа жертвы. Такая сформированная программа бывает в тех случаях, когда в детстве человек пережил насилие со стороны родителей. После общественных обвинений жертва внутренне переживает и перестраивает свои убеждения, считая, что вина полностью на ней.

3. Открытое осуждение жертвы в том, что она не смогла приспособиться к отрицательному поведению другого человека. Такая модель восприятия и порицания популярна не только в семейно-бытовой сфере между партнерами или родственниками, но и в профессиональной сфере, при построении карьеры.

4. Критическое отношение к тому, что жертва не может защититься, обозначить свои границы и дать отпор. Обвинения, которые получают люди от негативного партнера, накладываются на общественные обвинения. Данный факт еще больше усугубляет психологическое состояние жертвы, вводя в депрессию и тревоги. По статистике каждый пятый офисный сотрудник возлагает на себя ответственность за отрицательное и неподобающее поведение своего начальника или вышестоящего руководителя по отношению к нему.

5. Обвинение общества в том, что жертва не может уйти от нездоровых взаимоотношений. Такие высказывания приводят к «парализации» жертвенной личности, так как она не имеет достаточно внутренних ресурсов, стабильную самооценку и благоприятных социальных отношений, которые могут помочь увидеть выход из тяжелого эмоционального состояния.

Перечисленные типы виктимблейминга встречаются не только в семейно-бытовых взаимоотношениях с партнером, но также в профессиональной сфере, в дружеских отношениях, в детско-родительских отношениях и т. п. Общество возлагает ответственность на жертву, подавляя ее. Данное поведение популяризирует газлайтинг, абьюзивные, токсичные и созависимые отношения между людьми, что приводит к травмам и деструктивному поведению.

Виктимблейминг – процесс, который затрагивает различные возрастные группы. Отдельное внимание стоит уделить молодежи и тому, какое влияние оказывает виктимблейминг на них. Социальные рычаги воздействия СМИ на неокрепшее сознание молодых людей оказывают негативное влияние на общественные проблемы обвинения жертв. Проходя процесс усвоения норм, жизненных ценностей и правил, человек в качестве примера придает большое внимание окружающей атмосфере и социальным проблемам в обществе. В условиях развития СМИ, сети «Интернет» (далее – Интернет) и других информационных ресурсов достаточно важно осознавать предлагаемую позицию восприятия проблем. Так как молодое поколение является нестабильным, находится в процессе становления, то детализация предлагаемой позиции должна носить здоровую, не разрушающую форму. Информационные ресурсы должны с аккуратностью и точностью выставлять на всеобщее обозрение комментарии и разборы проблемных ситуаций, так как это влияет на восприятие и дальнейшее поведение подростков. Социальные сети – открытое пространство, в котором можно проследить процесс перекладывания частичной или полной ответственности на жертву правонарушения.

Осведомленность студенческой молодежи о виктимблейминге

Диагностика осведомленности молодежи о виктимблейминге была проведена с помощью онлайн-опроса. Такая методика была выбрана в связи с тем, что молодежь является активным пользователем Интернета. Объем выборочной совокупности составляет 180 человек – студентов московских вузов. Возраст респондентов варьируется от 18 до 25 лет. 75 % – представители женского пола, 25 % – мужского.

По результатам опроса видно, что с разницей в 10 %, подавляющее число респондентов знакомо с термином «виктимблейминг». Далее необходимо отметить, что 15 % молодых людей не считают виктимблейминг общественной проблемой, в то время как 85 % напротив, отмечают данное явление, как проблему для общества (см. табл. 1).

Таблица 1

Результаты диагностики осведомленности молодежи о виктимблейминге

Вопрос	Да, %	Нет, %
Знаете ли Вы, что такое «виктимблейминг»?	57	43
Считаете ли Вы данный феномен проблемой для общества?	85	15

Составлено авторами по материалам исследования

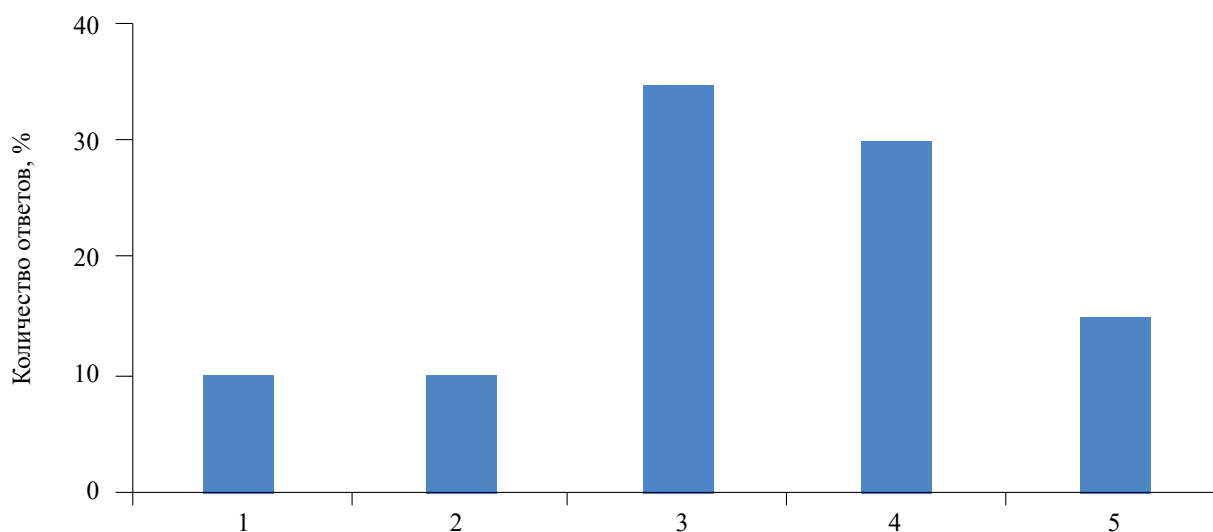
Респонденты выделяют следующие факторы влияния на приобретение данной модели поведения (обвинение жертвы) среди молодежи. Наиболее популярный ответ – устоявшиеся социальные клише и модели поведения, который отметили 70 % респондентов. Второе по популярности место занимают два варианта: семья и воспитание, а также СМИ (40 % ответивших выбрали представленные факторы). Стоит отметить, что 70 % респондентов, выбравшие вариант об устоявшихся социальных клише, вместе с этим выбрали вариант о СМИ (в 50 % из 70 % ответов выбрали совокупность данных ответов). 25 % респондентов выбрали ответ, который указывает на патриархальные устои (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Факторы влияния на приобретение виктимблейминга

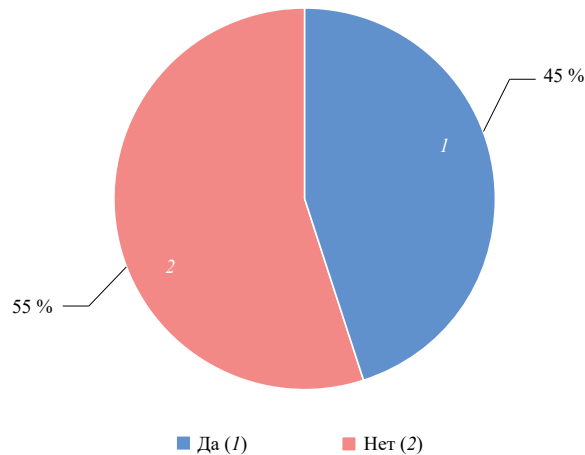
Необходимо отметить, что молодые респонденты полагают, что близкое окружение/общество в большей степени занимает нейтральную позицию, то есть не поддерживает и не предоставляет помощь жертвам. 35 % респондентов на шкале отмечали показатель «3», который говорит о том, что общество занимает нейтральную позицию, не защищая и не обвиняя жертву/виновника происшествия. 30 % молодых людей выбрали позицию «4», показывая общественную поддержку и предоставление необходимой помощи потерпевшему. 20 % выбрали позицию «1» и «2», отмечая общественную поддержку на стороне обвиняемого. Также молодые люди отмечали большое влияние общества на проблемные ситуации и перенос ответственности с нарушителя на жертву (рис. 2).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Роль близкого окружения в приобретении виктимблейминга

Говоря о жизненном опыте, 45 % респондентов отметили, что им приходилось сталкиваться с виктимблеймингом, 55 % ответили, что им не приходилось сталкиваться с данным феноменом (рис. 3).

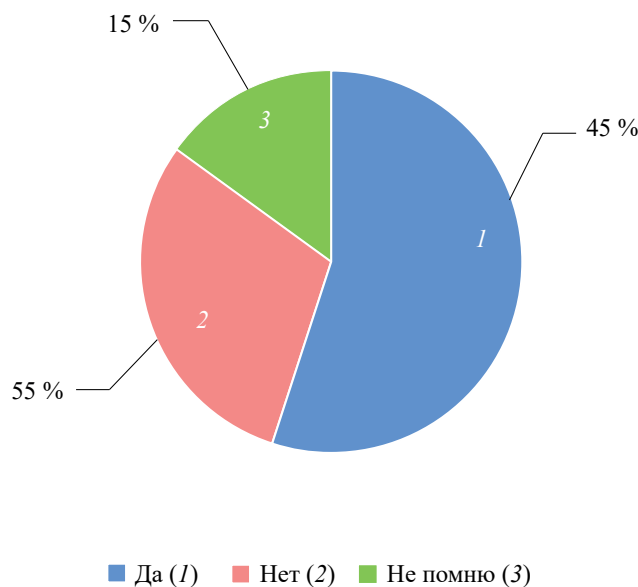

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Виктимблейминг в жизни респондентов

Респонденты женского пола, в ходе ответа на открытые вопросы, описывали ситуации, когда их осуждали за внешний вид («осуждение за мою мини юбку или необычный макияж», «слишком откровенно себя вела и одевалась»). Мужчины затрагивали темы виктимблейминга на работе, довольно часто встречался ответ, содержание которого описывало негативное отношение руководства к респондентам, в то время как близкое окружение не поддерживало, а наоборот, пыталось осудить и встать на противоположную сторону («не справлялся с психологическими нападками со стороны вышестоящих людей, близкие люди обвиняли в этом и советовали перетерпеть...», «в рабочем коллективе замечала негативное отношение со стороны руководства, семья защищала начальника и советовала сгладить обстановку»). Другая часть девушек делилась проблемами насилия в семье, описывая негативный опыт и осуждение со стороны родных («родственники говорили, что я усугубляю обстановку, раздражаю партнера, поэтому заслужила такое отношение»).

Большая часть респондентов (55 %) отметили, что не обвиняли потерпевших (не перекладывали полностью или частично ответственность), в то время как 30 % ответили, что им приходилось перекладывать ответственность на жертву (рис. 4).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Обвинение жертвы в жизни респондентов

Респондентам давалась возможность описать ситуации, в которых они полностью или частично перекладывали ответственность. Необходимо выделить наиболее популярные, часто встречающиеся варианты: почти каждый ответ содержит обвинение в не подобающем внешнем виде («вели себя развязно, не контролировали степень опьянения»); следующим по популярности ответом являются проблемы домашнего насилия и абьюзивных отношений («женщины продолжают отношения с тиранами, ведь можно выйти из них», «если не уходит от токсичного партнера, значит все устраивает»); респонденты также описывали ситуации, когда читали новости, форумы, обсуждения или смотрели ТВ-шоу, сериалы, в которых затрагивалась тема насилия («...осуждала жертву в ТВ-шоу, так как она выглядела вульгарно, внешне не сожалела о случившемся»). Со всей определенностью можно выделить, что ответы респондентов содержат в себе наиболее распространенные виды виктимблейминга, которые затрагивались еще в первой главе.

Респонденты высказали свое мнение о том, что необходимо ввести и изменить для решения проблемы виктимблейминга. Наиболее популярное мнение о том, что проблему виктимблейминга необходимо продвигать в массы, с помощью СМИ. По словам респондентов, «большое количество людей не знают данного понятия, не нужно поощрять виктимблейминг на просторах Интернета». Вторым не менее популярным ответом по решению проблемы виктимблейминга является привлечение государства в данную социальную проблему («на государственном уровне давать бесплатную помощь жертвам», «социальная помощь, предоставление тренингов для пострадавших, привлечение юристов и других специалистов»). Часть ответов содержит такие суждения, как «необходимо с детства прививать понятия о жертве и помощи ей», «воспитывать в подрастающем поколении понимание о недопустимости данной модели поведения». Такие ответы говорят о том, что молодые люди не имеют достаточно информации и осведомленности в данной проблеме. Почти в каждом втором ответе респонденты уделяют внимание СМИ, в следствии чего необходимо выделить, что молодые люди остро нуждаются и видят проблемы в освещении на широкие массы общественных проблем.

Выводы

Необходимо выделить значимость того, что виктимблейминг является актуальной проблемой нашего общества. В современном мире коммуникация индивида с обществом происходит на высоком уровне, люди без особого труда взаимодействуют друг с другом. Новейшие технологии открывают новые возможности для людей, но вместе с этим социальные проблемы проявляются в новых формах. Наиболее яркий фактор формирования виктимблейминга – СМИ. Таким образом, с помощью различных средств коммуникаций общество транслирует социально значимые проблемы, где открыто высказывают собственные позиции. Проблема обвинения жертвы хорошо заметна в информационном мире, где пользователи Интернета, социальных сетей, а также те, кто просматривают телевизионные передачи, так или иначе сталкиваются с виктимблеймингом. Человек поглощает различные мнения, убеждения, благодаря которым формирует собственное. Типы обвинения жертвы укоренились в нашем сознании до такой степени, что восприятие обвинительного поведения является нормой и обыденностью. В обществе, где доминирует позиция осуждения и порицания жертв преступлений, где наделяют их ответственностью за содеянное, а также расценивают наравне с преступниками, создается недоверие к миру и отказ от помощи.

В ходе онлайн-опроса было выяснено, что почти половина респондентов не знают понятие «виктимблейминг». Молодые люди считают, что наиболее сильно влияет на формирование виктимблейминга устоявшиеся социальные клише, которые передаются из поколения в поколение, а также СМИ, которые обсуждают и разбирают яркие события, транслируя это обсуждение среди большой аудитории зрителей. Также респонденты считают, что близкое окружение/общество в большей степени занимает нейтральную позицию, то есть не поддерживает и не предоставляет помощь жертвам. Делясь своим опытом в контексте виктимблейминга, многие люди указывали на обвинение со стороны близких о внешнем виде, полагая, что определенный внешний вид усугубляет обстановку и подталкивает других людей на негативные действия. Меньше половины респондентов указали на то, что перекладывали ответственность на жертв преступления, основываясь на невербальном поведении жертв, внешнем виде, а также обсуждении резонансных ситуаций с комментариями от значимых, популярных людей, которые читали в Интернете или смотрели по телевидению.

Если рассматривать молодежь, как жертв виктимблейминга, то стоит отметить, что такое явление действует разрушающе на развивающуюся личность. Таким образом, данная группа людей чувствует негатив,

одинокость, непонимание и предательство со стороны близкого окружения, которое пытается полностью или частично возлагать ответственность на пострадавших. Данная атмосфера отрицательно влияет на личность, формируя травмы и отклонения в ее развитии и становлении. Молодежь, которая выступает в роли пострадавших, наиболее остро нуждается в поддержке от окружения, чтобы справиться с негативным опытом и перейти к стабильному состоянию. Путем обвинения жертв, в обществе укореняется и выступает как норма деструктивное поведение. Прослеживается агрессия, враждебность и отсутствие эмпатии со стороны обвинителей жертвы. Данная возрастная группа (молодежь от 18 до 25 лет) подвержена сильному влиянию со стороны социального окружения и СМИ, которые закладывают основу для разграничения нормы от девиации, в силу того, что молодые люди для своего возраста имеют недостаточную осведомленность, психологическую и образовательную базу. Молодые личности, которые только вступают в полноценную взаимосвязь с обществом, проецируют деструктивную модель поведения на себя, считая ее нормальной и дозволенной. Стоит отметить важный момент, когда взрослое поколение демонстрирует в своих суждениях виктимблейминг, при этом происходит неосознанное продвижение такого типа поведения в массы, что в последствии откладывается у молодого поколения. Таким образом, регрессирует уровень культуры насилия, вводя в норму перекладывание ответственности на жертву правонарушения.

Библиографический список

1. Атагимова, Э. И. Роль института семьи при формировании нравственности и правосознания личности в условиях современного информационного пространства России // Правовая информатика. – 2017. – № 2. – С. 18–27 с.
2. Бурдые, П. Социология политики / пер. с фр. Г. А. Чередниченко. – М.: Socio–Logos, 2013. – 389 с.
3. Ворошилова, С. В., Музыканкина, Ю. А. Декриминализация побоев: старые традиции и современные реалии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 4 (129). – С. 15–22.
4. Гулевич, О. А. Психология межгрупповых отношений: учебник бакалавриата и специалитета. – М., 2017. – 98 с.
5. Ершова, Е. Н., Айвазова, С. Г. Домашнее насилие: социально-правовой аспект: учебно- методическое пособие. – 3-е изд. – М., 2013. – 194 с.
6. Лофиченко, О. П., Колесник, И. И. Виктимблейминг как социокультурное явление в современной России // Материалы научной конференции с международным участием «Неделя науки СПбПУ». Гуманитарный институт. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого, 2018. – С. 253–255.
7. Майдикова, А. И. О проблеме виктимблейминга в отношении жертв преступлений // Виктимология. – 2019. – № 4 (22). – С. 94–99.
8. Христенко, В. Е. Психология поведения жертвы. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 411 с.
9. Дашевский, В. «Справедливый» мир: почему мы осуждаем жертв насилия? // Psychologies [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.psychologies.ru/standpoint/spravedlivyy-mir-pochemu-myi-osujdaem-jertv-nasiliya/> (дата обращения: 15.07.2021).
10. Никонова, Т. «Сама виновата»: В чем принято обвинять жертв насилия // Wonderzine – сайт для девушек о стиле, красоте и развлечениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/219519-victim-blaming> (дата обращения: 15.07.2021).
11. Сандо, В. Виктимблейминг: почему мы виним жертву? // Виртуальный журнал Психология эффективной жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psy.systems/post/viktimblejming-pochemu-my-vinim-zhertvu> (дата обращения: 15.07.2021).
12. Ryan, W. Blaming the victim. – NY: Pantheon Books, 1971. – 29 p.

References

1. Atagimova E. I. The role of the institution of family in the formation of morality and legal consciousness of the person under the conditions of Russia's information space of today, *Pravovaya informatika*, 2017, no. 2, pp. 18–27. (In Russian).
2. Bourdieu P. *Sociology of politics*, translated from French by G. A. Cherednichenko, Moscow, Socio – Logos, 2013, 389 p. (In Russian).
3. Voroshilova S. V., Muzykankina Yu. A. Decriminalization of beatings: old traditions and modern realities, *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, 2019, no. 4 (129), pp. 15–22. (In Russian).
4. Gulevich O. A. *Psychology of intergroup relations: textbook for undergraduate and specialty studies*, Moscow, 2017, 98 p.
5. Ershova E. N., Aivazova S. G. *Domestic violence: social and legal aspect: educational and methodical manual*, 3rd ed., Moscow, 2013, 194 p. (In Russian).

6. Lofichenko O. P., Kolesnik I. I. Victimblaming as a sociocultural phenomenon in modern Russia, *Proceedings of the Scientific Conference with International Participation "Science week of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University". Humanitarian Institute*, St. Petersburg, Publishing House of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2018, pp. 253–255. (In Russian).
7. Maydikova A. I. The problem of victimization of victims of crime, *Victimology*, 2019, no. 4 (22), pp. 94–99. (In Russian).
8. Khristenko V. E. *Psychology of the victim's behavior*, Rostov on Don, Feniks, 2004, 411 p. (In Russian).
9. Dashevskiy V. "Fair" world: why do we condemn the victims of violence?, *Psychologies*. Available at: <https://www.psychologies.ru/standpoint/spravedlivyy-mir-pochemu-myi-osujdaem-jertv-nasiliya/> (accessed 15.07.2021). (In Russian).
10. Nikonova T. "It is her own fault": What is customary to blame the victims of violence, *Wonderzine – the Website for Young Girls about Fashion Style, Beauty and Entertainment*. Available at: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/219519-victim-blaming> (accessed 15.07.2021). (In Russian).
11. Sando W. Victimblaming: Why do we blame the victim?, *Virtual Journal Psychology of Effective Life*. Available at: <https://psy.systems/post/viktimblejming-pochemu-my-vinim-zhertvu> (accessed 15.04.2021). (In Russian).
12. Ryan W. *Blaming the victim*, NY, Pantheon Books, 1971, 29 p. (In Russian).

Шутова Екатерина Павловна
аспирант, ФГАОУ ВО «Белгород-
ский государственный национальный
исследовательский университет»,
г. Белгород, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-3081-5019
e-mail: chutovakatya@yandex.ru

**Великанова (Герасимова)
Александра Сергеевна**
доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»,
г. Белгород, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1983-2053
e-mail: agerasimova@bsu.edu.ru

ТЕОРИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАСНИКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. В статье проанализирована психологическая литература по проблеме профессионального самоопределения старшеклассников. Выработана авторская теоретико-методологическая позиция и представлены результаты ее апробации. Показано, что имеющиеся подходы можно разделить на две основные группы. Одни исследователи делают акцент на цели и конечном результате профессионального самоопределения, другие стремятся раскрыть алгоритм самого процесса и/или его этапы. Ученые единодушны во мнении, что выбор профессии старшеклассниками является первым и самым ответственным этапом профессионального самоопределения личности в целом. В то же время в отечественной психологии практически не представлены концепции профессионального самоопределения старшеклассников, которые отражали бы единство теоретических положений и методов его изучения. Для преодоления существующих ограничений в статье предложено рассматривать профессиональное самоопределение старшеклассников с позиции деятельностного подхода как особый вид деятельности, имеющий свою структуру. В качестве мотивационного компонента выступают мотивы выбора профессии, а операциональным компонентом является статус профессиональной идентичности старшеклассников. На основе деятельностной методологии обсуждаются результаты эмпирического исследования уровня сформированности профессионального самоопределения старшеклассников.

Ключевые слова: старшеклассник, профессиональное самоопределение, выбор профессии, деятельностный подход, структура профессионального самоопределения, смыслы профессиональной деятельности, мотивы выбора профессии, мотивационная направленность личности, статус профессиональной идентичности, уровень профессионального самоопределения

Для цитирования: Шутова Е.П., Великанова А.С. Теория профессионального самоопределения старшеклассников в отечественной психологии // Вестник университета. 2021. № 10. С. 187–194.

PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION THEORY OF SENIOR PUPILS IN RUSSIAN PSYCHOLOGY

Abstract. The article analyses the psychological literature on the problem of senior pupils' professional self-determination. The author's theoretical and methodological position is elaborated and the results of its approbation are presented. It is shown that the available approaches can be divided into two main groups. Some researchers focus on the goal and end result of vocational self-determination, while others seek to reveal the algorithm of the process itself and/or its stages. Researchers are unanimous in their opinion that the choice of an occupation by senior pupils is the first and most responsible stage of professional self-determination for the individual as a whole. At the same time, the senior pupils' professional self-determination concepts, which would reflect the unity of theoretical positions and methods of its study, are practically not presented in national psychology. To overcome the existing limitations, the article proposes to consider the senior pupils' professional self-determination from the position of the activity approach as a special kind of activity with its own structure. The motivational component is the motives for choosing a career, while the operational component is the senior pupils' professional identity status. The empirical study results of the of formation level of senior pupils' professional self-determination are discussed on the basis of the activity methodology.

Keywords: senior pupil, professional self-determination, career choice, activity methodology, professional self-determination structure, meanings of professional activity, motives for choosing a profession, personality motivational orientation, professional identity status, professional self-determination level

For citation: Shutova K.P., Velikanova A.S. (2021) Professional self-determination theory of senior pupils in Russian psychology. *Vestnik universiteta*, no. 10, pp. 187–194. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-10-187-194

Ekaterina P. Shutova
Postgraduate student, Belgorod
National Research University,
Belgorod, Russia
ORCID: 0000-0003-3081-5019
e-mail: chutovakatya@yandex.ru

**Alexandra S. Velikanova
(Gerasimova)**
Associate Professor, Belgorod National
Research University, Belgorod, Russia
ORCID: 0000-0003-1983-2053
e-mail: agerasimova@bsu.edu.ru

Введение

В современных условиях актуальность проблемы профессионального самоопределения старшеклассников неизмеримо возрастает. Цифровизация всех сфер жизнедеятельности привела к появлению новых и исчезновению старых профессий. В связи с этим неизбежно возросла конкуренция на рынке труда, повысились квалификационные требования к специалистам и необходимость постоянного повышения профессионального уровня [3; 4; 9].

Постановка проблемы

Современным старшеклассникам становится все труднее сделать осознанный и ответственный выбор своего профессионального пути. Они предпочитают перекладывать ответственность на значимых взрослых или руководствоваться общественным мнением о престижности тех или иных профессий. Такой подход к выбору профессии является малоэффективным и способен привести к грубым, а порой и трудно поправимым ошибкам [4; 11]. Кроме того, на сегодняшний день выбор профессии старшеклассниками не является сугубо личной, а считается общегосударственной проблемой, поскольку тратятся колоссальные ресурсы на образование студентов, которые в дальнейшем не всегда работают по специальности [13].

Литературный обзор

Проблема профессионального самоопределения личности всегда находилась в центре внимания следующих отечественных и зарубежных психологов: Л. И. Божович, В. Ф. Сафин, С. Л. Рубинштейн, Д. А. Леонтьев, А. А. Абульханова-Славская, Д. А. Головаха, Г. Олпорт, Э. Фромм, Дж. Холонд, М. Р. Гинзбург, Н. С. Пряжников, А. К. Маркова, О. К. Тихомиров, Т. В. Корнилова и др. Первоначально рассмотрим, как в психолого-педагогической литературе определяется содержание термина «профессиональное самоопределение» личности вообще, безотносительно к конкретному субъекту. Оказалось, что имеющиеся исследования (определения) можно разделить на два основных направления по степени детализации процесса. Представители первого направления делают акцент и изучают по большей части цель и конечный результат профессионального самоопределения. Н. С. Пряжников считает, что «сущностью профессионального самоопределения является самостоятельное и осознанное нахождение смыслов выполняемой работы и всей жизнедеятельности в конкретной социально-культурной ситуации» [12, с. 21]. Профессиональное самоопределение, с позиции К. А. Абульхановой-Славской, есть «осознание личностью своей позиции, которая формируется внутри координат системы отношений» [14, с. 152]. При этом автор, как и многие другие исследователи, акцентирует внимание на таком аспекте самоопределения, как самодетерминация, собственная активность субъекта [5]. В то же время представители другого направления стремятся раскрыть (более или менее подробно) алгоритм самого процесса и/или его этапы. По мнению М. В. Фирсовой, профессиональное самоопределение связано с «нахождением своей ниши в профессиональной деятельности через самопознание, осознание своих потребностей, определение целей, жизненных смыслов, обретение профессионально-социального статуса, выработку мировоззренческой позиции и жизненной стратегии» [7, с. 37]. Развернутое и операциональное определение дает А. М. Газиева: «профессиональное самоопределение – это самостоятельное, осознанное и добровольное построение, корректировка и реализация профессиональных перспектив, предполагающие выбор профессии на основе анализа своего потенциала и соотнесение его с требованиями профессии, получение профессионального образования и совершенствование себя в данной профессиональной деятельности» [14, с. 47]. Таким образом, профессиональное самоопределение личности рассматривается отечественными учеными как непрерывный процесс построения, реализации и корректировки «дорожной карты» своего профессионального развития с учетом внутренних и внешних условий. Стоит также отметить, что рассмотренные определения не дают полного представления об операциональном составе процесса, что затрудняет его изучение.

Обратимся теперь к имеющимся подходам к решению проблемы профессионального самоопределения старшеклассников. В исследованиях, проведенных школой Л. И. Божович, проблема профессионального самоопределения старшеклассников рассматривается комплексно, во взаимосвязи с личностным самоопределением и как центральное возрастное новообразование. Ведущей в юношеском возрасте является

учебно-профессиональная деятельность. Именно эта деятельность составляет основу для осознанного и обоснованного выбора будущей профессии. Л. И. Божович отмечает, что «выбор профессии встает перед старшими школьниками как задача первостепенной жизненной важности, и то, что они благодаря достигнутому к этому времени уровню психического развития решают ее как задачу выбора своего дальнейшего жизненного пути» [2]. Важность профессионального самоопределения старшеклассников подчеркивает И. С. Кон. Он рассматривает профессиональное самоопределение с нескольких позиций. С одной стороны, как обязательное общественное требование, которое старшеклассники должны выполнить в течение определенного периода. С другой, как процесс принятия индивидом решения, основанного на анализе собственных внутренних ресурсов и соотнесении своих способностей, знаний и склонностей с особенностями профессиональной деятельности [8].

Мы видим, что отечественные психологи единодушны во мнении об особой значимости личностного и профессионального самоопределения как первостепенной задачи и новообразования старшего школьного возраста, которое неразрывно связано с выбором профессии. При этом многие ученые подчеркивают, что этот процесс не ограничивается рамками юношеского возраста, но этот возраст является первым и наиболее ответственным этапом профессионального самоопределения личности в целом. Говорить о подлинном самоопределении старшеклассников мы пока не можем, так как в этом возрасте мы наблюдаем «намерения, желания и планы на будущее, не реализованные в действительности, в самостоятельной взрослой жизни» [3, с. 32]. По этой причине И. В. Дубровина указывает на то, что новообразованием ранней юности является не само профессиональное самоопределение, а психологическая готовность к нему. По ее мнению, «психологическая готовность к самоопределению означает формирование у юношей и девушек таких психологических качеств, которые могли бы обеспечить им в дальнейшем сознательную, активную и творческую жизнь» [1, с. 10].

В западной психологии при рассмотрении процесса профессионального самоопределения личности используется термин «эго-идентичность», введенный Э. Эриксоном. Психолог раскрывает его как результат переживания и осознания человеком своей принадлежности к определенной социальной группе, в том числе к определенному профессиональному сообществу [10]. Концепция профессиональной идентичности предложена Л. Б. Шнейдер. Автор раскрывает эту психологическую категорию как осознание своей принадлежности к определенной профессии и профессиональному сообществу. Стержневым компонентом профессиональной идентичности выступает самосознание, а исполнительным механизмом – профессиональная идентификация. В свою очередь, профессиональная идентификация заключается в установлении объективной и субъективной тождественности с профессиональной деятельностью и группой, которая обуславливает принятие личностью определенных профессиональных характеристик (ценностей, норм поведения и т. п.) [15].

Разногласия в понимании содержания профессионального самоопределения, отсутствие единой структуры этого процесса, различия в описании структурных компонентов приводят к использованию разнообразных методов изучения процесса профессионального самоопределения. В научной литературе практически не представлены концепции профессионального самоопределения старшеклассников, которые отражали бы единство теоретических положений и методов изучения этого процесса. На сегодняшний день в научной литературе нам удалось найти две наиболее полные концепции профессионального самоопределения личности. Е. А. Климов понимает профессиональное самоопределение как процесс осознания себя частью какого-либо профессионального сообщества. Автор концепции говорит о том, что человек на протяжении всей жизни формирует свое отношение к профессиональному труду, к особенностям различных профессий, к своим интересам и возможностям. Результатом таких процессов является выбор профессии, основанный на анализе и соотношении накопленной информации о себе и рынке труда. С целью выявления результатов профессионального самоопределения Е. А. Климов разработал «Дифференциально-диагностический опросник» (ДДО). С помощью опросника можно определить предрасположенность человека к какому – либо типу профессий. Впоследствии ученым была разработана не менее популярная методика, изучающая профессиональные интересы и предпочтения людей до 35 лет – «Карта интересов» Е. А. Климова [6]. Стоит отметить, что разработанные Е. А. Климовым методики потеряли на сегодняшний момент свою актуальность, поскольку появилось большое количество новых профессий, а многие области труда, представленные в методиках, исчезли в связи с заменой ручного труда на автоматический.

Остановимся еще на одной концепции профессионального самоопределения старшеклассников, изложенной в работах Э. Ф. Зеера. Профессиональное самоопределение рассматривается им как самостоятельное и осознанное согласование профессионально-психологических возможностей человека с содержанием и требованиями профессионального труда, а также нахождение смысла выполняемой деятельности в конкретной социально-экономической ситуации [3]. По мнению автора, компонентами профессионального самоопределения являются: ценностные ориентации, установки, интересы, мотивы и отношения, уровень развития профессионально важных качеств личности, ее самосознание. Исследователем проделана большая теоретическая и эмпирическая работа, в результате которой были отобраны диагностические методики, позволяющие выявить особенности отдельных составляющих профессионального самоопределения. Не уменьшая значимости представленных концепций, отметим их ограничения. Во-первых, остается открытым вопрос об определении итогового уровня профессионального самоопределения старшеклассников. Во-вторых, использование комплекса диагностических методик ставит новую и достаточно сложную задачу о соотношении полученных с их помощью результатов.

Теория и методы

Приведенные выше ограничения при решении проблемы профессионального самоопределения старшеклассников возможно преодолеть в контексте деятельностного подхода. С указанных выше позиций профессиональное самоопределение понимается нами как особый вид деятельности, состоящий из двух взаимосвязанных компонентов – мотивационного и операционального. Под мотивационным компонентом мы понимаем доминирующие мотивы старшеклассников при выборе профессии, а под операциональным – статус профессиональной идентичности или осознание старшеклассниками себя в качестве члена определенной профессиональной группы, принятие правил, норм и ценностей данной группы [9]. Такой подход к структуре профессионального самоопределения старшеклассников позволяет рассматривать этот процесс как целостный и анализировать соотношение между намерениями старшеклассников при выборе профессии и их реальными действиями, направленными на воплощение имеющихся намерений.

Используя такой подход, в период с 1 сентября 2020 г. по 20 декабря 2020 г. мы провели эмпирическое исследование на базе школ Шебекинского городского округа Белгородской области. В исследовании приняли участие обучающиеся 10–11 классов в возрасте от 15 до 18 лет. Общее количество респондентов составило 110 человек, из них 61 мальчик и 49 девочек.

Основные результаты

Для изучения мотивационного компонента мы использовали методику «Мотивы выбора профессии» Р. В. Овчаровой. С ее помощью возможно выявить представления самих старшеклассников об иерархии или степени значимости мотивов выбора профессии.

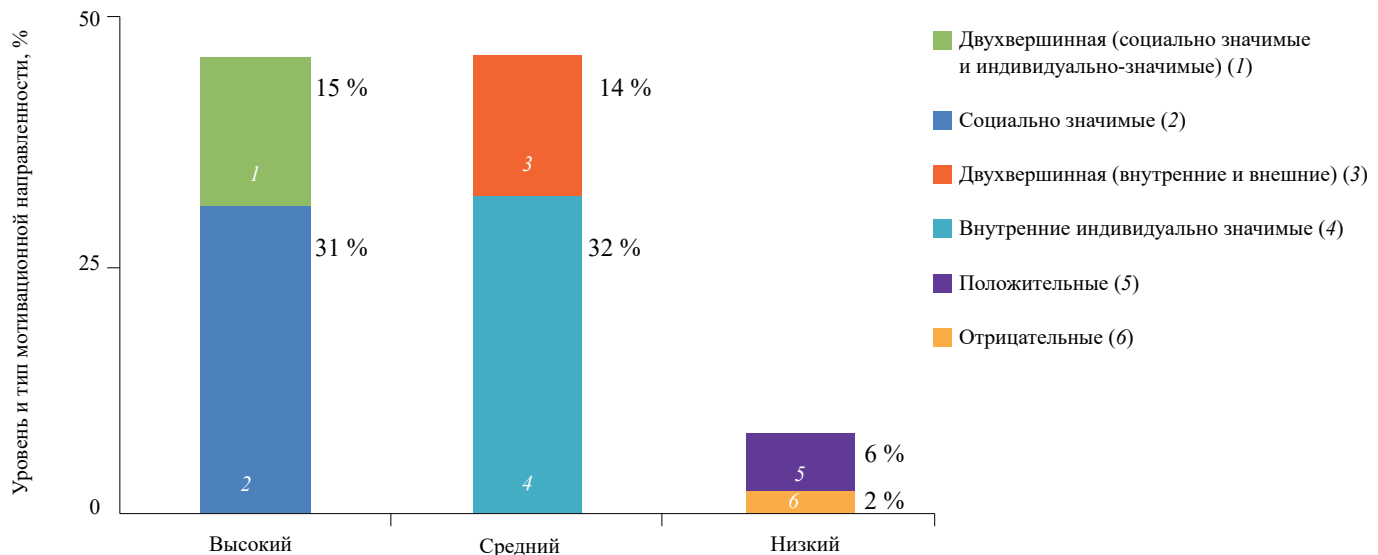
По результатам диагностики мы относили каждого старшеклассника к одной из 3-х групп с определенным уровнем мотивационной направленности личности при выборе профессии. О высоком уровне мы говорим, когда старшеклассники имеют одновершинную направленность с преобладанием внутренних социально значимых мотивов или двухвершинную направленность, при которой доминируют сразу две группы мотивов – внутренние социально значимые и индивидуально значимые мотивы. При такой мотивации профессионального выбора старшеклассники руководствуются не только личными интересами, но и общественной значимостью профессии, обращают внимание на возможность в рамках профессии быть полезными окружающим, внести свой вклад в общественное развитие и благополучие. Кроме того, внутренние социально значимые мотивы способствуют профессиональному и личностному росту.

В группу со средним уровнем мотивационной направленности мы относили старшеклассников, у которых доминируют внутренние индивидуально значимые мотивы и обучающихся с двухвершинной направленностью на индивидуально значимые и внешние положительные мотивы выбора профессии.

К низкому уровню отнесены старшеклассники с преобладающей внешней мотивационной направленностью (положительной или отрицательной). Такие старшеклассники при выборе профессии ориентируются, в первую очередь, на материальные и социальные блага. Кроме того, немалую роль у таких обучающихся играют мнение родителей, стремление избежать с их стороны наказания, осуждения, систематической

критики. Таким образом, обучающиеся при выборе профессии руководствуются внешними стимулами, ради которых они готовы прилагать усилия.

На рисунке 1 представлены результаты распределения старшеклассников в зависимости от типа и уровня мотивационной направленности личности.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Распределение старшеклассников по типу и уровню мотивационной направленности личности при выборе профессии, %

Из рисунка 1 следует, что старшеклассники считают, что в процессе выбора профессии ими движут по большей части внутренние мотивы (78 %), которые принято относить к наиболее эффективной мотивации. В таком случае, выбранная профессия будет служить не только источником вдохновения и реализации потенциала личности, но и способствовать общественному развитию и благополучию. Тем не менее, 22 % старшеклассников не побоялись признать, что при выборе профессии у них доминируют мотивы личной выгоды и избегания негативной оценки окружающих.

Для выявления операционального компонента профессионального самоопределения мы использовали методику изучения профессиональной идентичности Л. Б. Шнейдер.

При рассмотрении профессиональной идентичности старшеклассников мы разделили статусы профессиональной идентичности на две основные группы: социально желательные и социально нежелательные. Критериями для отнесения того или иного статуса к группе социально желательных или социально нежелательных статусов профессиональной идентичности явились степень осознанности своего профессионального выбора и мера ответственности за него. К социально желательным статусам профессиональной идентичности можно отнести следующие: статус «достигнутой позитивной идентичности» и «мораторий». При «достигнутой позитивной идентичности» старшеклассники осуществляют выбор будущей профессии на основе адекватной самооценки и своих представлений о будущей профессии, то есть выбор профессии является осознанным и самостоятельным. Статус «мораторий» – это активный поиск собственной идентичности или выбор профессии из нескольких вариантов. Кроме того, он характеризуется активной позицией старшеклассников при выборе профессии, погруженностью в этот процесс, готовностью нести ответственность за сделанный выбор. Социально желательные статусы профессиональной идентичности мы относили к высокому уровню профессиональной идентичности старшеклассников.

По тем же критериям «псевдоидентичность» и «преждевременная профессиональная идентичность» относятся к социально нежелательным статусам и низкому уровню профессиональной идентичности. В этих случаях выбор будущей профессии либо навязан старшекласснику в силу его несамостоятельности и зависимости

от мнения значимых других, либо осуществляется на основе низкой рефлексии, неадекватной самооценки индивидуальных особенностей, без учета их соответствия выбранной профессии, что не позволяет идентифицировать себя с определенной профессиональной группой и деятельностью.

Статус «диффузная идентичность» мы отнесли к среднему уровню профессиональной идентичности старшеклассников. При «диффузной идентичности», старшеклассники не имеют определенных и устойчивых целей, убеждений, не пытаются их сформировать, отказываются делать какой-либо профессиональный выбор. При благоприятных условиях старшеклассники могут перейти на стадию «моратория». При отсутствии таковых они либо остаются на среднем уровне профессиональной идентичности, либо «опускаются» на низкий уровень, отказавшись от активного выбора и самоопределения.

Рассмотрим распределение старшеклассников в зависимости от статуса и уровня профессиональной идентичности личности (табл. 1).

Таблица 1

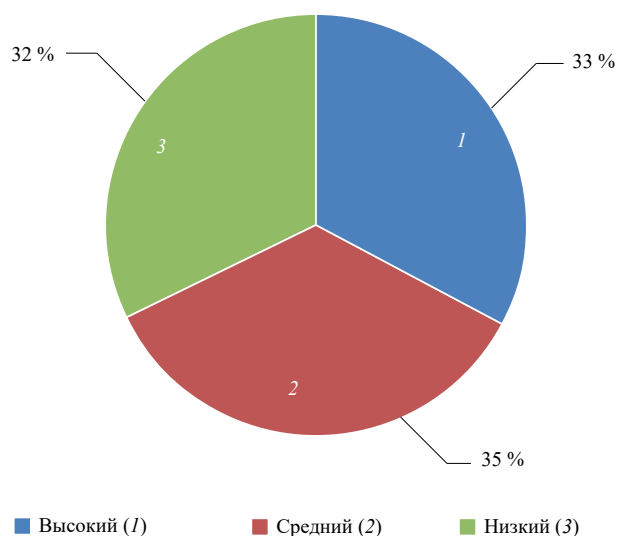
**Распределение старшеклассников в зависимости от статуса
и уровня профессиональной идентичности**

Показатель идентичности	Совокупность 110 человек, %				
	18	21	6	7	48
Статус	Мораторий	Достигнутая позитивная идентичность	Диффузная идентичность	Преждевременная идентичность	Псевдоидентичность
Уровень	Высокий	Высокий	Средний	Низкий	Низкий

Составлено автором по материалам исследования

Анализ данных таблицы 1 показал, что большая часть опрошенных старшеклассников демонстрирует низкий уровень профессиональной идентичности (55 %). Социально желательный статус или высокий уровень профессиональной идентичности имеют чуть больше трети старшеклассников (39 %).

Итоговый уровень профессионального самоопределения мы выводили через соотнесение уровней профессиональной идентичности и мотивационной направленности при выборе профессии. О высоком уровне профессионального самоопределения можно говорить в тех случаях, когда профессиональная идентичность сформирована на высоком уровне, а мотивационная направленность находится на высоком и среднем уровне сформированности. Низкий уровень профессионального самоопределения у старшеклассников определяется, если профессиональная идентичность на низком уровне, а мотивационная направленность на низком или среднем уровне.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Распределение старшеклассников по уровню профессионального самоопределения

В случае незначительного расхождения или несоответствия уровней мотивационного и операционального компонентов предпочтение отдавалось уровню профессиональной идентичности, то есть операциональному компоненту. В ситуации резкого несоответствия – высокий уровень профессиональной идентичности и низкая мотивационная направленность или низкий уровень профессиональной идентичности и высокий уровень мотивационной направленности – относим к среднему уровню, поскольку один из компонентов сформирован на высоком уровне. Результаты такого сопоставления представлены на рисунке 2.

Из рисунка видно, что высокий уровень профессионального самоопределения как единство социально желательной профессиональной идентичности и мотивационной направленности личности при выборе профессии продемонстрировали только одна треть или 33 % старшеклассников.

Выводы

Полученные в ходе эмпирического исследования результаты свидетельствуют о возможности и целесообразности использовать деятельностный подход при изучении профессионального самоопределения старшеклассников. Профессиональное самоопределение личности можно рассматривать как особый вид деятельности, состоящий из двух взаимосвязанных структурных компонентов – мотивационного и операционального. Под мотивационным компонентом понимается мотивационная направленность старшеклассников при выборе профессии, а под операциональным – статус их профессиональной идентичности. На основе соотнесения данных об уровне мотивационной направленности и уровне профессиональной идентичности удастся выявить уровень сформированности профессионального самоопределения старшеклассников.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что для большей части респондентов (67 %) вопрос о выборе будущей профессии остается актуальным и до конца нерешенным. При этом социально желательный высокий уровень мотивационного компонента демонстрирует почти половина из всей совокупности старшеклассников (46 %). Они осознают необходимость самореализации и развития своих способностей в рамках выбранной профессии. Напротив, достигнутая позитивная идентичность характерна лишь для 21 % обучающихся, что позволяет уже на этом этапе наметить цели психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения школьников как формирование его структурных компонентов.

Библиографический список:

1. Дубровина, И. В. Психологические проблемы профессионального самоопределения школьников // Гуманизация образования. – 2010. – № 8. С. 8–14 р.
2. Ермолаева, М. В., Лубовский, Д. В., Силаева, Л. В. Проблема личностного самоопределения в трудах Л. И. Божович и ее развитие с позиции субъектного подхода // Психолого-педагогические исследования. – 2018. – Т. 10, № 3. – С. 148–159. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2018100313>
3. Зеер, Э. Ф., Рудей, О. А. Психология профессионального самоопределения в ранней юности: учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. – 256 с.
4. Ильина, О. Б. Профессиональное самоопределение современных подростков: проблемы и пути их решения // Электронный журнал «Психологическая наука и образование psyedu.ru». – 2014. – Т. 6, № 3. – С. 255–263. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2014060324>
5. Исакова, Т. А. Профессиональное самоопределение в контексте формирования жизненных и профессиональных планов учащихся и молодежи // Психологическое сопровождение образовательного процесса. – 2012. – Т. 1, № 2-1. – С. 139–144.
6. Иванова, Е. М. Субъектно-деятельностная концепция профессионального труда Е. А. Климова и ее научно-практическая ценность // Вестник Московского университета. – 2010. – № 2. – С. 15–22.
7. Князев, В. Н., Любимова, Е. А. К определению понятия «профессиональное самоопределение» // Вестник НОУ «ОНУТЦ ОАО «Газпром». – 2012. – № 1. – С. 37–40.
8. Комарова, Д. Т. Проблема идентичности в психологии // Психологическое сопровождение образования: теория и практика. – 2017. – № 1. – С. 205–209.
9. Кормакова, В. Н., Мусаелян, Е. Н., Рузиева Д. И. Педагогическое сопровождение профессионального самоопределения старшеклассников // Образование и наука. – Т. 19, № 4. – С. 130–145. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-4-130-145>
10. Левицкая, И. А. Профессиональное самоопределение как социокультурный процесс // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – Т. 2, № 2. – С. 136–140.
11. Пряжников, Н. С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. – М.: «Академия», 2007. – 501 с.
12. Чистякова, С. Н. Актуальность проблемы профессионального самоопределения обучающихся в современных условиях // Профессиональное образование и рынок труда. – 2018. – № 1. – С. 54–60.
13. Чурекова, Т. М. Самоопределение и профессиональная ориентация учащихся: учебное пособие. – Кемерово, 2014. – 162 с.
14. Шаповалова, В. С. Профессиональное самоопределение школьников: теория, история, практика. – М.: Директ-Медиа, 2018. – 393 с.
15. Шнейдер, Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. – 128 с.

References

1. Dubrovina I. V. Psychological problems of vocational self-determination of schoolchildren, *Gumanizatsiya obrazovaniya*, 2010, no. 8, pp. 8–14. (In Russian).
2. Ermolaeva M. V., Lubovsky D. V., Silaeva L. V. The Problem of personal self-determination in L. I. Bozhovich's works and its development from the viewpoint of the subject-centered approach, *Psychological-educational studies*, 2018, vol. 10, no. 3, pp. 148–159. (In Russian). <https://doi.org/10.17759/psyedu.2018100313>
3. Zeer E. F., Rudei O. A. *The psychology of professional self-determination in early adolescence: a textbook*, Moscow, Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, 2008, 256 p. (In Russian).
4. Ilyina O. B. Professional self-determination of modern teenagers: problems and solutions, *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]*, 2014, vol. 6, no. 3, pp. 255–263. (In Russian).
5. Isakova T. A. Vocational self-determination in the context of shaping the life and vocational plans of students and young people, *Psikhologicheskoe soprovozhdenie obrazovatel'nogo protsessa*, 2012, vol. 1, no. 2-1, pp. 139–144. (In Russian).
6. Ivanova E. M. E. A. Klimov's subject-activity concept of professional work and its scientific and practical value, *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 2010, no. 2, pp. 15–22. (In Russian).
7. Knyazev V. N., Lyubimova E. A. Towards a definition of professional self-determination, *Vestnik NOU "ONUTTs OAO "Gazprom"*, 2012, no. 1, pp. 37–40. (In Russian).
8. Komarova D. T. The problem of identity in psychology, *Psikhologicheskoe soprovozhdenie obrazovaniya: teoriya i praktika*, 2017, no. 1, pp. 205–209. (In Russian).
9. Kormakova V. N., Musaelian E. N., Ruziyeva D. I. Pedagogical assistance in high school students' professional self-determination, *The Education and Science Journal*, vol. 19, no. 4, pp. 130–145. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-4-130-145>
10. Levitskaya I. A. Professional self-determination as a socio-cultural process, *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, vol. 2, no. 2, pp. 136–140. (In Russian)
11. Pryazhnikov N. S. *Professional self-determination: theory and practice*, Moscow, Akademiya, 2007, 501 p. (In Russian).
12. Chistyakova S. N. The relevance of the problem of students' professional self-determination in the current context, *Professional'noe obrazovanie i rynek truda*, 2014, no. 1, pp. 54–60. (In Russian).
13. Churekova T. M. *Self-determination and vocational guidance for students: training manual*, Kemerovo, 2014, 162 p. (In Russian).
14. Shapovalova V. S. *Professional self-determination of schoolchildren: theory, history, practice*, Moscow, Direkt-Media, 2018, 393 p. (In Russian).
15. Shneider L. B. *Personal, gender and professional identity: theory and methods of diagnosis*, Moscow, Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, 2007, 128 p. (In Russian).